АРТЕМ ДРАБКИН

ФРОНТОВЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

«Я ХОДИЛ ЗА ЛИНИЮ ФРОНТА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Я пошел бы с ним в разведку» — говорят о человеке, на которого можно положиться. Вот только за время, прошедшее с войны, исходный смысл этой фразы стерся и обесценился. Что такое настоящая войсковая разведка, чего стоил каждый поиск за линию фронта, какой кровью платили за «языков» и ценные разведсведения — могут рассказать лишь сами полковые и дивизионные разведчики. И каждое такое свидетельство — на вес золота. Потому что их осталось мало, совсем мало. Потому что шансов уцелеть у них было на порядок меньше, чем у других фронтовиков. Потому что, как признался в своем интервью Ш. Скопас: «Любой фильм ужасов покажется вам лирической комедией после честного рассказа войскового разведчика о том, что ему пришлось увидеть и испытать. Нам ведь очень и очень часто приходилось немцев не из автомата убивать, а резать ножами и душить руками. Сами вдумайтесь, что стоит за фразой „я снял часового“ или „мы бесшумно обезвредили охрану“. Спросите разведчиков, какие кошмары им снятся до сих пор по ночам…» И прежде чем сказать о ком-то, что пошли бы с ним в разведку, спросите себя самого: а сами-то вы готовы пойти?

- Артем Драбкин
  - Иванов Мстислав Борисович
    -
    - Действия разведки
    - Орден Славы 3-й степени
    - Орден Славы 2-й степени
  - Кобец Иван Лукич
  - Скопас Шалом Лейбович
  - Хваткин Николай Григорьевич
  - Бухенко Владимир Федорович
  - Александрова (Савельева) Зоя Никифоровна
  - Адильбеков Зекен Уалханович
  - Чернов Николай Андреевич
  - Яганов Николай Максимович
  - Кац Генрих Зиновьевич
  - Войцехович Владимир Викторович
  - Соловьев Александр Иванович
  - Чепик Василий Прокофьевич
  - Гершман Матвей Львович
  - Андриевский Сигизмунд Болеславович
  - Байтман Михаил Ильич, дивизионный разведчик,

старший сержант
- Примеры действий разведчиков
- Сурин С. И. Войсковая разведка в немецкой армии. Воениздат, 1944
- Примеры действий немецких разведывательных групп

Артем Драбкин
ФРОНТОВЫЕ РАЗВЕДЧИКИ
«Я ходил за линию фронта»

Иванов Мстислав Борисович

Я родился в 1924 году в городе Костроме. В семье я был единственным ребенком. Мой отец, бывший подпоручик царской армии, преподавал физику в школе ФЗО. В 1930 году отцу дали пять лет. Три с половиной года просидел — отпустили. В лагере он был заместителем начальника электростанции Кузнецкого бассейна. Как он потом говорил: «Мне там доверяли так, как на гражданке уже не доверят». В Кострому он уже не вернулся — мы переехали в Ката-курган. Оттуда мы с ним ушли на войну. Он погиб под Полтавой при штурме села Жоржевка. По официальным данным, пропал без вести. Но комсомольцы, когда хоронили убитых, нашли у него письмо и переслали матери.

Война началась, когда я окончил 9 классов. Все рванулись в военкоматы, лишь бы взяли, ну, я тоже. День рождения у меня 3 января — я почти 1923 года. Но меня все равно не взяли. Только по окончании школы, 20 сентября 1942 года, меня мобилизовали.

Отправили в Ташкентское пулеметно-минометное училище. Там за три месяца из нас должны были сделать лейтенантов. В училище мне присвоили звание сержанта, и я стал командиром отделения. Мы уже сдавали экзамены, когда наш курс бросили под Сталинград. Причем отделение отправили, а меня как отличника оставили, чтобы я доедал экзамены. Но я рвался ехать со всеми — оставляли не только отличников, но и блатных, и мне не хотелось, чтобы обо мне думали как о дезертире. Я больше десяти раз ходил к начальнику училища, просил, чтобы меня отправили с ребятами. Он меня выгонял, говорил, что я больше принесу пользы на фронте, будучи лейтенантом. В какой-то момент он не выдержал, выругался и занес меня в список отбывающих на фронт.

Когда мы прибыли под Сталинград, потребность в таком количестве квалифицированных пулеметчиков и минометчиков отпала. Нас и еще эшелон узбеков просто влили в 252-ю стрелковую дивизию, потрепанную в боях. Разбросали курсантов кого куда. Я пошел в полковую разведку — там больше сам думаешь, чем кто-то за тебя. Со мной пошли и все ребята моего отделения.

— Чему учили в Ташкентском пехотном училище?

— Начальником училища был полковник Мешечкин, пришедший с фронта после ранения в живот. Занятия по 12 часов… Все на воздухе, невзирая на погоду! В Ташкенте тоже зима не сахар: и слякоть, и дождь, и снег. Топографию надо бы в классе преподавать, а мы — на улице. Преподаватель стоит, дрожит, мы все дрожим, а он нам рассказывает всякие координаты. Я учился на командира взвода пулеметов «максим». У пулемета 22 типа задержек. Самое трудное — снаряжать матерчатую ленту. Никаких машинок не было. Ограничителей нет — все на глазок. Чуть перекосил — его заело. Да еще он тяжеленный, гад. Марш-броски… Я физически был крепкий. У нас от роты надо было отправить взвод на соревнования — с полной выкладкой бежать 20 километров. Мы заняли первое место! Нас потом хорошо покормили. Хлеб был, что-то мясное было, но все равно не хватало — такая страшная физическая нагрузка. Когда назначали отделение дежурным по кухне, я съедал котелок супа и котелок каши за раз. Как-то раз нас послали разгружать эшелон со свиными тушами. У каждого был нож, и каждый что-то отрезал от свиньи. Один раз послали в погреб, разгружать бочки с топленым салом. Мы голодные. В подвале была капуста и эти бочки. Расковыряли одну. Много ли сожрешь его без хлеба?! Давай с капустой его жрать! Все попали в госпиталь, кроме меня,

желудок оказался крепче всех. Но сливочное масло до сих пор не могу есть. Настроение в училище было нормальное — быстрее на фронт!

Попали мы на Курскую дугу. В самую мешанину. За три дня боев в ротах из 100–120 человек осталось по 5–10 человек. В этой катавасии мое отделение получило первое задание — по возможности связаться с соседями и взять «языка». Надо сказать, что в отделении, кроме курсантов, был здоровый парень Федя, который недавно освободился после вооруженного ограбления ювелирного магазина. И один казак после госпиталя. Мы пришли в окопы. Пехота обрадовалась: «О! Пополнение! Восемь человек!» — «Нет, ребята, мы на задание. Надо взять „языка“». — «Не возьмете: растянули колючую проволоку, оставили только коридоры, чтобы им можно было ходить в атаки. Подходы заминированы. Против каждого коридора по два пулеметчика. Кроме того, перед пулеметами в боевом охранении автоматчики. В общем, не пройдете».

Я подумал: «Всем идти — погибнем, а ничего не сделаем». Говорю: «Кто пойдет со мной?» Все подняли руки, даже кто и не хотел. «Федя, полезли с тобой. Пойдем прямо на пулеметчиков. С двумя справимся».

Август. Трава сухая. Немцы ракету пустят и стреляют. Ракета потухнет — затишье, и мы ползем. Автоматчиков в охранении мы проползли. До окопа оставалось метров двадцать. Только потухла ракета, я приподнялся на локтях — посмотреть, увидел, что за пулеметом действительно два человека. Еще подумал: как-нибудь с ними справимся. Может быть, трава хрустнула или автоматчик наобум очередь дал. Только одна пуля попала в меня, вошла в правую лопатку, из левой вышла, зацепив левое легкое. И так стало обидно: на первом задании, ни разу не выстрелил по врагу, а уже готов! Кровь хлынула изо рта, и я потерял сознание. А потом чувствую, что сознание проясняется, но говорить не могу, изо рта кровь идет, руки не работают — прострелены лопатки. Я сам «язык» — приполз прямо к немцам, бери — не хочу. У меня и гранаты, и пистолет, а застрелиться не могу. Потом чувствую, меня кто-то сзади за ноги берет и тащит. Федя! Сам отползет, меня подтянет, отползет, подтянет. Так в какую-то воронку он меня спустил. Я хриплю. Говорит: «Славка, что с тобой?» Разорвал гимнастерку — там дырки и кровь. «У тебя пуля насквозь, ты умрешь». Я замотал головой: нет, не умру. Он меня перевязал. Говорит: «Поползу за ребятами, а то один я не вытащу тебя». Приползли ребята, положили меня на плащ-палатку. И побежали, потому что ползти — это длинная история, а ночь на исходе. Как только ракета потухнет, они встают во весь рост и бегом. Ракета

щелк, они меня бросают… Я помню только первый бросок, после него я в сознание пришел уже в наших окопах. В общем, вытащили меня. Принесли, положили с тяжелоранеными. На задание шли без документов, без знаков отличия… Ребята обещали отправить документы в санроту, а сами ушли докладывать, что не смогли выполнить задание, что я ранен. Тут прибегает какой-то лейтенант: «Срочно вывозите тяжелораненых, нас окружают немцы! Осталась одна дорога и та простреливается!» Положили меня и еще двух человек на двуколку без рессор с большими колесами. Ездовой старичок по этой простреливаемой дороге галопом как дал! Помню только первую кочку… Очухался уже в санроте. В санроту пришли ребята, принесли документы. Из сан-роты меня в госпиталь, в Борисоглебск. Там пролежал недолго, и меня перевели в команду выздоравливающих на станции Хреновая. У меня одышка, а меня уже выписали! Говорю: «Я еще и дышать толком не могу. Куда вы меня выписываете?!» — «Ничего, если второй раз ранят — придешь, долечишься. А если убьют — чего лечить?» Юморной врач попался.

Набрался нас таких выздоравливающих целый взвод, и привезли нас в запасной полк. Не полк, а лагерь какой-то. Территория огорожена колючей проволокой. Длинные столы под открытым небом для питания. Мисок нет, ложек нет. Приносят бачок первого на 20 человек и два бачка второго — каши. Должны съесть за определенное время. Потом команда: «Выходи строиться!» Приходят следующие. На помойке все собирают консервные банки, делают из них котелки. Кто прямо в пилотку наливает — жрать охота. Я познакомился с разведчиком Яшей, тоже после ранения. Мы решили, что это не по нам. Сделали подкоп под проволокой и пошли по огородам. Где картошки накопаем, где свеклы. Варили в котелках, сделанных из больших консервных банок. Приезжают покупатели: «Летчики! Танкисты! Артиллеристы!» Все шаг вперед, лишь бы вырваться оттуда, потом разберемся, что к чему. Нас с Яшей отобрали в пехоту и — на форсирование Днепра… Меня, как обстрелянного, назначили помкомвзвода. Командир взвода, лейтенант, говорит: «Я тебя в рожу запомню, а ты запомни рожи всех командиров отделений, а они пускай своих тоже запомнят, иначе мы друг друга не найдем». Раздали винтовки, автомат у меня и у командира взвода. Все оружие заржавевшее. Его собрали с поля боя и нам дали. Мой автомат стрелял одиночными. У лейтенанта — короткими очередями. Один из старичков говорит: «Подойди, не знаю, как из винтовки стрелять». — «Вот ты дожил до таких лет и не знаешь». Беру винтовку, дергаю затвор раз, раз — не

открывается! Я попытался ногой — не получается… Вот с таким оружием мы форсировали Днепр.

Подошли к реке ночью. Тьма кромешная. Только ракеты немцы вешают. При их свете погрузились на понтон. Саперы ногами его оттолкнули: «Вперед, пехота, — на том берегу немцы». С юмором ребята.

Самолеты летают, ракеты вешают и бомбят Днепр. С берега обстреливают. Перед посадкой договорились с лейтенантом, чтобы ни одного выстрела с нашего понтона не было. Гребем тихо, пусть думают, что на понтоне все убиты или он просто плывет без людей. По другим понтонам открывают огонь, а по нам никто не стреляет. Переправились без потерь. Высадились на песчаном берегу. Берег обрывистый. Наверху — немцы. Мы у них под ногами, можно бросать в нас камни, из рогатки стрелять. Начали окапываться, а там песок — лопату выбросишь, две насыпалось. Мы, как курицы, разгребли его чуть-чуть и зарылись. Нам сказали, что мы должны пойти в наступление и взять село, которое примерно в полукилометре. Говорим: «Давайте атаковать ночью. Если рассветет, они же нас расстреляют!» Приказ на наступление пришел, когда рассвело… Командир взвода на одной стороне цепи, я — на другой: «Справа, слева по одному короткими перебежками…» Все лежат — никто не хочет умирать. Мы с командиром бегаем с одного фланга на другой. Пока одного поднимешь, он побежит, к другому бежишь — поднимешь. Немцы заметили, что кто-то бегает, и, когда я залег, открыли по мне огонь из малокалиберного миномета. Яшка лежал рядом со мной на правом фланге. Мина взорвалась за мной — мне в задницу попал осколок. Я говорю: «Яшка, я поймал осколок в задницу. Пока терпимо». Потом разорвалась вторая мина — и под коленку второй осколок попал. Я кричу: «Лейтенант, меня ранило не тяжело, осколки в ногах сидят!» — «Сам выползешь?» — «Выползу». Сам думаю: «Опять меня первым ранило!» Пополз назад. Нашлась какая-то медсестра. Перевязала меня. Смотрю, идет Яшка, рука болтается. Ему осколком перебило нерв, кисть не работала. Говорит: «Ты только отполз, третья мина прямо на твое место угодила. Осколками ее меня и ранило». Подошли с ним к Днепру. Уже светло. Раненых сажают на лодки и отправляют на восточный берег. Немцы лупят по этим лодкам почем зря. Мы посмотрели на это дело и поняли, что надо что-то придумать. Тут какой-то старичок с маленькой хреновенькой лодочкой. Мы говорим: «Дед, перевези нас на тот берег». Мы легли на дно лодки, и он нас благополучно перевез. Нас положили в санбат. Далеко не эвакуировали — легкие ранения. Подлечились. Направили по разным дивизиям. Я попал уже в 303-ю

Краснознаменную Верхнеднепровскую дивизию. В штабе я сказал, что разведчик: «Потом разберемся, сейчас надо форсировать Днепр». Провоевал немного в пехоте, и меня взяли в дивизионную разведку. Во взводе пешей разведки этой 303-й дивизии я провоевал до окончания войны. Командовал дивизией генерал-майор Федоровский Константин Степанович. Очень храбрый человек. Всегда ходил в бурке и папахе. Ему говорили: «Разве можно так ходить, наденьте полевую форму». — «Меня солдаты только так знают!»

Погиб он 28 декабря 1944 года. Мы попали в окружение из-за румынских соседей. Он пошел поднимать пехоту. Его, конечно, приметили и открыли огонь из миномета. Осколок попал в живот. Мы, разведчики, вытащили его сквозь кольцо окружения. Оставили в госпитале, но во время операции он умер. После него дивизию принял Панов Иван Дмитриевич.

Сначала я был командиром отделения, потом помкомвзвода, командиром взвода, помощником командира разведроты. Одно время даже был командиром роты, когда того ранило. В подчинении у меня были старшие лейтенанты, капитаны. В разведке вообще чины не почитались — только опыт и знания. Бывало, пришлют со школы молодого лейтенанта. Он теоретически все знает, а практически ничего не умеет. Вот такого назначают начальником поиска. Выползаем на нейтральную полосу, один из наших к нему подползет и говорит: «Знаешь что, лейтенант, сегодня на задании командовать будет вон тот сержант. Ты ползи где хочешь. Вернешься — доложишь командирам о выполнении задания, а мы умирать просто так не хотим». Тот, кто понимал, — свой парень. А тех, кто начинал ерепениться, приносили мертвыми. Законы были суровые.

По штату в дивизионной разведке положено иметь 120 человек пеших разведчиков и 40 человек в разведэскадроне. Но нас всегда не хватало. Пешие и конные смешались. Все пользовались ворованными конями. И мне выдали коня — сперли у казаков маленькую черную монгольскую лошадь. Они были выносливые, хорошо бегали. Я его звал Воронком. Он перепрыгивал через любое препятствие. Я его никогда не забуду. Он, смертельно раненный, вытащил меня из-под обстрела.

Обстреляли нас на открытой местности — не спрятаться. Пулеметная очередь попала ему в бок. Он сам развернулся, забежал за стог сена и упал. Умер на моих глазах. Таких коней у меня больше не было…

Действия разведки

В разведку брали только добровольно откуда угодно. Перед концом войны никто не шел в разведку. Катастрофически не хватало кадров. Брали из штрафных рот и батальонов. Штраф снимался, если идешь в разведку. И то шли только оторвы… Воевала в разведке молодежь. Мужики постарше или конюх, или ездовой, но тоже считался разведчик! У них желание выжить было больше…

Разведчики 303-й стрелковой дивизии

Основное задание у пеших разведчиков — это достать «языка» любой ценой, разведать оборону противника, его ближние тылы. Если связь прервана с соседями, значит, наладить связь с соседями. Очень часто нас использовали вместо пехоты.

В тыл ходили в пределах двадцати километров. В зависимости от обстановки, задачи можно было задержаться за линией фронта на несколько дней. Глубже ходили фронтовые разведчики в немецкой форме, в совершенстве знающие немецкий язык. Мы их только провожали через линию фронта, они шли дальше, а мы возвращались.

— Как часто ходили в поиски?

— Положено после задания давать отдых. Но бывало и так, что нужен «язык», хоть убейся. Тогда ходили из ночи в ночь.

— Как вы подбирали группу, которая пойдет на задание?

— Прежде всего брал только добровольцев. Если задание ответственное, то чаще всего его давал командир дивизии, если не очень важное — то его заместители. Мне все рассказывали. Приходишь и объясняешь всем разведчикам, что от нас требуется. Решаешь сам, сколько нужно человек. Спрашиваешь, кто согласен идти на это задание. Потому что даже у храбрых, нормальных парней бывают моменты, когда появляется страх. У меня тоже были такие моменты: вот боюсь идти на это задание, и все! Оно не особенно ответственное, но какой-то внутренний голос, какое-то чувство… говорит: «Нельзя!» Нельзя брать на задание такого человека, потому что у него могут нервы не выдержать. Поэтому спрашиваешь: «Ребята, кто пойдет?» Если он руку не поднял, то, значит, сегодня не уверен в себе, его лучше не брать. Отбираешь, сколько тебе нужно, из тех, конечно, на кого больше надеешься. Я всегда так подбирал. Конечно, получалась группа, которая постоянно ходила на задание, и были те, кто сидел в тылу. Это естественно — чаще берешь тех, на кого надеешься. Но молодых, неопытных, тоже с собой брали в группу обеспечения. Им говорили: «Наблюдай, учись».

— Сколько таких, как вы, кто подбирал себе группы, было в роте?

— Были ребята. Сколько — сказать не могу, не считал.

— Разделения на взводы не было? Была просто рота разведки?

— Было формальное деление на взводы, на отделения, но в поиск набирались группа захвата и группа обеспечения. Если задание сложное, то могло быть две группы обеспечения. В группу захвата входило максимум пять человек, обычно три, иногда два, а то и один. Хотя это было строго запрещено. Задача у группы захвата — захватить пленного. При захвате, если подкрался сзади, обычно начинаешь душить на сгибе руки. Второй скручивает руки. Задача группы обеспечения — дать выйти группе захвата с пленным. Они вызывают огонь на себя, отвлекают внимание. Я обычно был в группе захвата.

— Как группа захвата отходила с пленным?

— По обстановке, иногда ползком, иногда бегом.

— Бывало, что немца тыкали ножом, чтобы шустрее полз?

— Никогда такой метод не применяли. По-хорошему. Просто на пальцах объясняли, что если сейчас с нами не пойдет, то будет застрелен, а в плену будет жить. После такого объяснения они

чаще всего сами ползли. Даже рот им не затыкали. Если начинал сопротивляться, орать, то затыкали рот. Иногда приходилось морду набить, чтобы он очухался.

Как-то мы сделали засаду в немецком ближнем тылу на тропинке, по которой ходили сменяться пулеметчики. Прихватили одного — трое не могли с ним справиться. Мы уже и ноги ему прострелили, и руки — ничего не можем сделать, такой здоровый, гад. Кричит, чтобы по нему огонь открыли. Так его и не взяли — пристрелили и сами еле ноги унесли. А другой — руки поднял, и все.

— Рукопашному бою учили?

— Друг у друга учились. Специальных учителей не было. Я говорил, что нам из разведшкол присылали молодых командиров. Вот у них учились различным приемам. Они их хорошо знали, а в поиске пусть командует тот, кто знает все ходы и выходы. Тут вся надежда на опыт.

— Один разведчик мне говорил, что даже летом носили ватники, потому что он может задержать мелкие осколки.

— У нас такого не было. Попробуй летом поползать, да еще в ватнике?! Ты должен быть очень подвижен. Единственная тяжесть, которую можешь себе позволить, — это патроны. Их берешь с собой побольше в карманы. Никакого вещмешка, пайка и прочего. Одежда обычная, без погон, без наград и знаков отличия. Под конец войны переоделись во все немецкое — сапоги, маскхалаты… Только пилотка своя. Но как в тыл идем, надевали немецкую. К себе идем — надеваем свою.

У меня даже не было планшетки. Как-то вызывает командир дивизии:

— А где у тебя планшетка? Ты же разведчик!

— Она же мешает, зачем она мне?

— Где карты?

— За голенищем.

Карта всегда была с собой. Причем абсолютно чистая! На ней не было никаких отметок! Ни своих позиций, ни немецких. Если тебя возьмут в плен, немец не сможет понять, где наши позиции и что ты успел разведать.

— Чем были вооружены?

— Поначалу ППШ. Они очень неудобные. Это дурацкий диск… Когда рожки пошли, мы уже пользовались немецким автоматом. Патронов больше? Патроны можно в карманы натолкать. Гранаты брали свои — они лучше. Немецкую, с длинной ручкой, кидать хорошо, но они долго не взрываются. Их можно ловить и кидать обратно. А нашу уже не поймаешь, особенно противотанковую ударного действия. Тяжелая… В

блиндаж кинешь — он наверх поднимается.

К тому же ППШ отказывал. Мы брали высотку под Кировоградом. Встретился с немцем — щелк, а затвор заело. Хорошо, сосед его пристрелил. Второй раз в тылу немецкий обоз захватили. Я — на коне, а немец в меня с винтовки целился. Я в него из автомата стреляю — щелк тоже, и нет ничего… Но у него нервы не выдержали, он бросил винтовку и поднял руки. Если бы чуть-чуть замешкался, он бы меня пристрелил. А я автомат бросил и скорей за его винтовку схватился. Последнее время только немецкие автоматы были.

Стоят слева направо: Петр Кузнецов, Василий Сгурин, Николай Беляев. Сидят: командир взвода, Мстислав Иванов

Кроме того, я очень любил брать с собой немецкую винтовку, она очень точная, отличная. Автомат чего?!. На 50 метров немец убежал от тебя, ты в него уже не попадешь, а с винтовки — и на 500 метров не уйдет от меня. Встретились как-то в немецком тылу… А немец побежал, из автоматов стреляли, стреляли по нему — никто не может попасть, а я из винтовочки прицелился — раз и готово. А потом это трофейное оружие заткнул за седло, взял его на задание, не нужно — выбросил.

Пистолеты были у всех. Я всегда пользовался «вальтером» — он хорошо лежит в ладошке. «Парабеллум» не любил. С фронта привез семизарядный «вальтер». У него однорядный магазин, рукоятка тоньше, и он очень хорошо лежит в руке.

Ножи у нас тоже были немецкие.

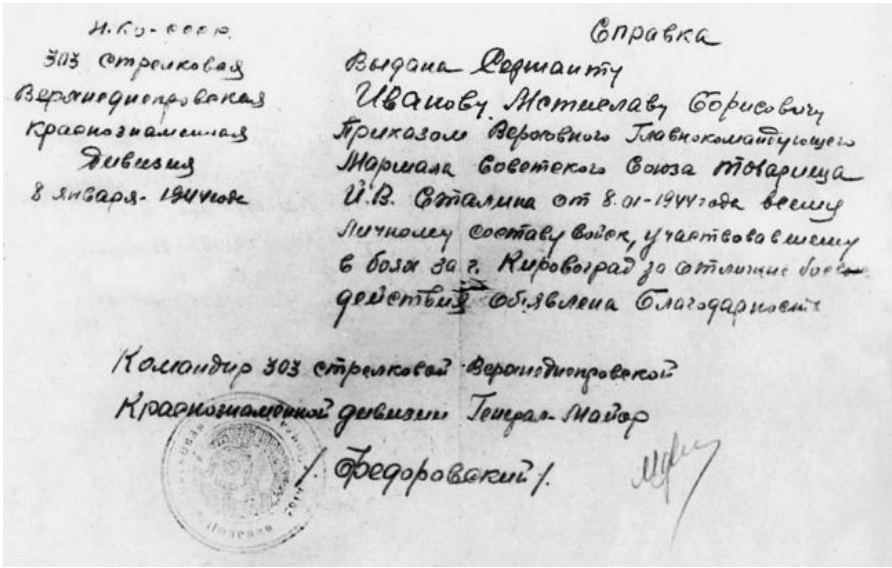
Орден Славы 3-й степени

Орден Славы 3-й степени я получил как раз за высотку под Кировоградом. Она раз двадцать переходила из рук в руки. Два раза за одну ночь мы ее взяли и два раза сдали. Вот там единственный раз за всю войну я увидел медсестру, которая была непосредственно на передовой. В основном они блядовали с офицерами. Или находились в тылу, оказывая помощь, когда уже сам выползешь. А пишут: «Вынесла столько-то раненых». Как ты их вынесешь? Был у меня названый брат, разведчик, его тяжело ранило. Это было на западном берегу Буга. Получилось так, что вдалеке наступала цепь. Командование послало нас на конях выяснить, может, это наши наступают. Шел крупный снежок, за которым ничего не было видно. И мы с ним поскакали. У меня еще был трофейный красивый конь. Но такой… когда нужно быстро, он шагом идет. Когда нужно шагом, он быстро идет… Это были немцы. Они не стреляли — чего им стрелять, если мы к ним сами скачем?! Так, живьем можно взять. Когда мы поняли, что это немцы, развернулись и назад. Он-то хоть и опытный, а напрямую поскакал, а я нет, я по косой, чтобы было угловое смещение и труднее было попасть. Ему пуля вошла в зад и не вышла, застряла где-то внутри. И он рухнул с коня. Я к нему подскакал. Брат говорит: «Славка, не бросай меня» — и потерял сознание. Я его попытался тащить, но из сил выбился — тело без сознания тяжелое. Подняться в полный рост, на себя взвалить нельзя — сразу пристрелят. Я уже был готов его застрелить и себя застрелить. Хорошо, что три разведчика соседней дивизии отступали и заметили, что я с ним барахтаюсь. Они пришли, помогли мне. А немцы наступали прямо шеренгой в открытую, не стреляли, знали, что нас возьмут в плен. Куда же мы денемся?! А снарядов на плацдарме не было — разбомбили переправу. На ствол по два-три снаряда или мины оставалось. Тем не менее наши открыли огонь по немцам, дали нам выйти и вытащить раненого. Я к чему это говорю — хрен там вытащишь!

Когда мы заскочили на высотку, один немец бросил гранату через меня, она сзади взорвалась, и мне попал осколок в левую лопатку. Вот эта медсестра меня перевязывала. Положено — раз раненый, иди в госпиталь, но я не пошел, потому что мы эту высотку не до конца взяли. А кровь-то играет — столько сил потрачено, и не взяли. И я остался в строю. Высотку взяли. Я ушел в госпиталь. А потом сдали, и эта девушка осталась с ранеными и попала в плен. Судьбу ее я не знаю. За этот бой мне дали Славу 3-й степени.

— У немцев какие-то сильные или слабые стороны были, которыми вы пользовались?

— Пунктуальность и четкость — это их характер. Иногда мы на это рассчитывали. Учитывали, что при определенных ситуациях они поступят именно так. Была у них некоторая шаблонность в действиях. Если завалявшийся ефрейтор остался живым, то подразделение боеспособно. Его убили — это толпа, уже не вояки. А у нас убей всех командиров, обязательно кто-то берет ответственность на себя: «Слушай мою команду!» И все — командование уже есть.



Справка

Выдана Федчанту Иванову Мстиславу Борисовичу приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища И.В. Сталина от 8.01-1944 года всему личному составу войск, участвовавшему в бою за г. Кировоград за отличные боевые действия объявлена благодарность

Командир 303 стрелковой Верхнеднепровской Краснознаменной дивизии Генерал-Майор

/ Федоровский /

— Первый немец, которого вы увидели, запомнился? Какие чувства испытали?

— Вживую увидел противника на первом задании, когда меня ранило. Враг, которого нужно взять в плен…

— Что такое «хороший разведчик», «посредственный разведчик»?

— Хороший разведчик должен прежде всего обладать психологической устойчивостью. Главное, чтобы в очень сложные и ответственные моменты не бросился в панику. У меня такой ненормальный склад ума — чем опаснее, тем я спокойнее, тем лучше работают мозги. Чаще убивают неопытных, потому что они раньше бросаются в панику, их первыми замечают и убивают. И потом нужно привыкнуть к мысли, что в любой момент тебя могут убить. Свыкнуться с ней. Если ты думаешь, как бы выжить, ты уже ненадежен. Вот это и будет «посредственный разведчик».

Он не трус, но на ответственное его не возьмешь.

— Какие были суеверия у разведчиков?

— У каждого свои.

— Какое расположение у дивизионной разведки?

— Самое разное. Иногда почти на передовой. Если в обороне, то подальше, где поспокойнее. Свой окоп, своя кухня. Мы были независимые от других и сами знали, где располагаться.

— Трофеи брали?

— Целые обозы захватывали в наступлении с продуктами, оружием. А в поиске не до этого было, лишь бы взять «языка». Тут не до трофеев.

— Против вас были немцы, румыны и венгры. Как они вам как противник?

— Венгры и немцы — настоящие вояки, с ними было трудно. Арумыны… Против них проще было работать. Вот кого хорошо иметь врагами! Когда они враги, с ними можно сотрудничать. Стали вместе воевать. Если румынская дивизия соседняя — жди окружения. Как немец на них надавит, они драпают. Зимой 1944-го мы попали в окружение и потеряли комдива из-за них… Обувь у них кожаная, на завязках, бегать хорошо. Винтовки такие длинные, еще Петровских времен.

В Ясско-Кишиневской вырвались вперед я, командир взвода лейтенант Легидов, кабардин, и еще три разведчика. Румыны сдавались с оружием без боя. Что с ними делать? На 50 человек посылали сопровождающим одного разведчика, чтобы их не перестреляли по дороге. Двоих послал. Нас трое осталось. А тут еще до хрена взяли в плен. Впереди деревня, в которой засели немцы. Тогда командир взвода говорит, вернее, показывает им на пальцах: «Если возьмете деревню, то вас в плен не берем, а отпускаем домой». Выстроили их в цепь, сами сзади, как заградотряд. Взяли эту деревню втроем, с помощью румын. Написали петицию и послали их без сопровождения.

Разжились трофеями — консервы, вино. Расположились на бруствере кюветика или окопа. Консервы жуем, вином запиваем. И наши «илы» летят. Вот, думаем, они сейчас им дадут! Они нас пролетели, потом развернулись — и как начали по нам… Мы только успели залезть в эту яму… Сплошное покрытие! Хорошо работали. Ну ничего, никого не ранило. Потом идем дальше — кто-то бегает впереди. Вроде на немцев не похоже, не по-немецки бегают. Подходим ближе. Их там стало уже человек пятнадцать. Ближе, ближе — не похоже на немцев, не то поведение. Потом как начали материться — свои! Самый простой пароль русских — матешки. Спрашиваем: «Вы откуда? Там же немец должен быть!» В общем, кое-как сообразили, что это разведчики дивизии другого

фронта. Мы первые замкнули кольцо! Мы пошли своим докладывать, они — своим. Вечером эти разведчики, с которыми мы встретились, разыскали нас троих. Повезли нас к себе в гости на бронетранспортере. Как назад привезли, уже не помню…

— Какая была рота по национальному составу?

— В основном русские. Один казах, кабардин, отличный мужик… один цыган, посредственный разведчик, но играл на любых музыкальных инструментах.

— Чем занимались в свободное время?

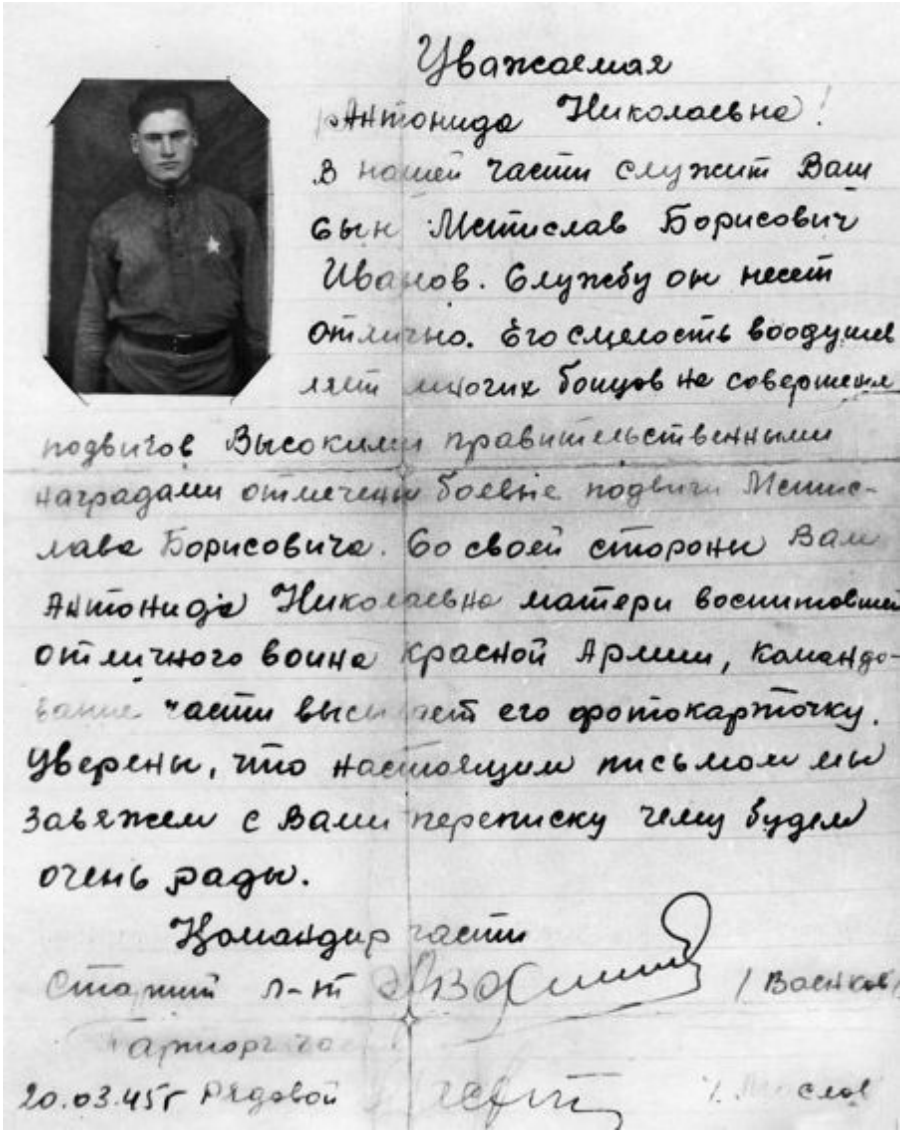
— Его не так много было. Днем в основном спали, а ночью работали. Я на пузе больше прополз километров, чем ногами прошел. Песни не пели… анекдоты травили… про жизнь перед войной немножко рассказывали. Жили сегодняшним днем, планы на будущее я не строил. Потому что был уверен, что рано или поздно меня убьют.

Домой я старался не писать, потому что были случаи, когда разведчик напишет письмо, а тут задание. Его убьют, и не знаешь, посылать ли письмо родителям или нет. Пока оно дойдет, а его уже нет в живых… Поэтому я матери и не писал. Пусть привыкнет, что меня уже нет, лучше будет, когда я потом появлюсь. Хуже будет, если она будет думать, что я живой, а я уже мертвый. Она написала на имя командира роты Военкова письмо — что с моим сыном? Он не пишет, живой или нет. Она обмолвилась: «Трудно потерять мужа, да еще и сына…» Тогда я понял, что отец убит. Военков ей ответил и заставил меня написать письмо.

— Приходилось сталкиваться с немецкой разведкой?

— Вначале мы немецкую разведку очень боялись. Они работали лучше. У них было больше опыта, обстрелянные. А под конец мы даже хотели с ними встретиться на нейтральной, потому что мы опытнее стали. И потом, когда две разведки воюют на нейтральной, никто по тебе не стреляет. Кто выходил из схваток победителем? Ну если я остался живой, значит, мы! Тут, конечно, уже не до захвата, тут уже кто кого уничтожит. Если была возможность, иногда приволакивали немецких раненых.

Это было ранней весной, в Венгрии. Еще были снежные куски, а так в основном все уже протаяло. С того задания мы пришли и долго не могли понять, как вернулись живые. Меня во главе группы из пяти человек послали в деревню разведать, есть ли там немцы или нет. Точно такое же задание получила эсэсовская разведка.

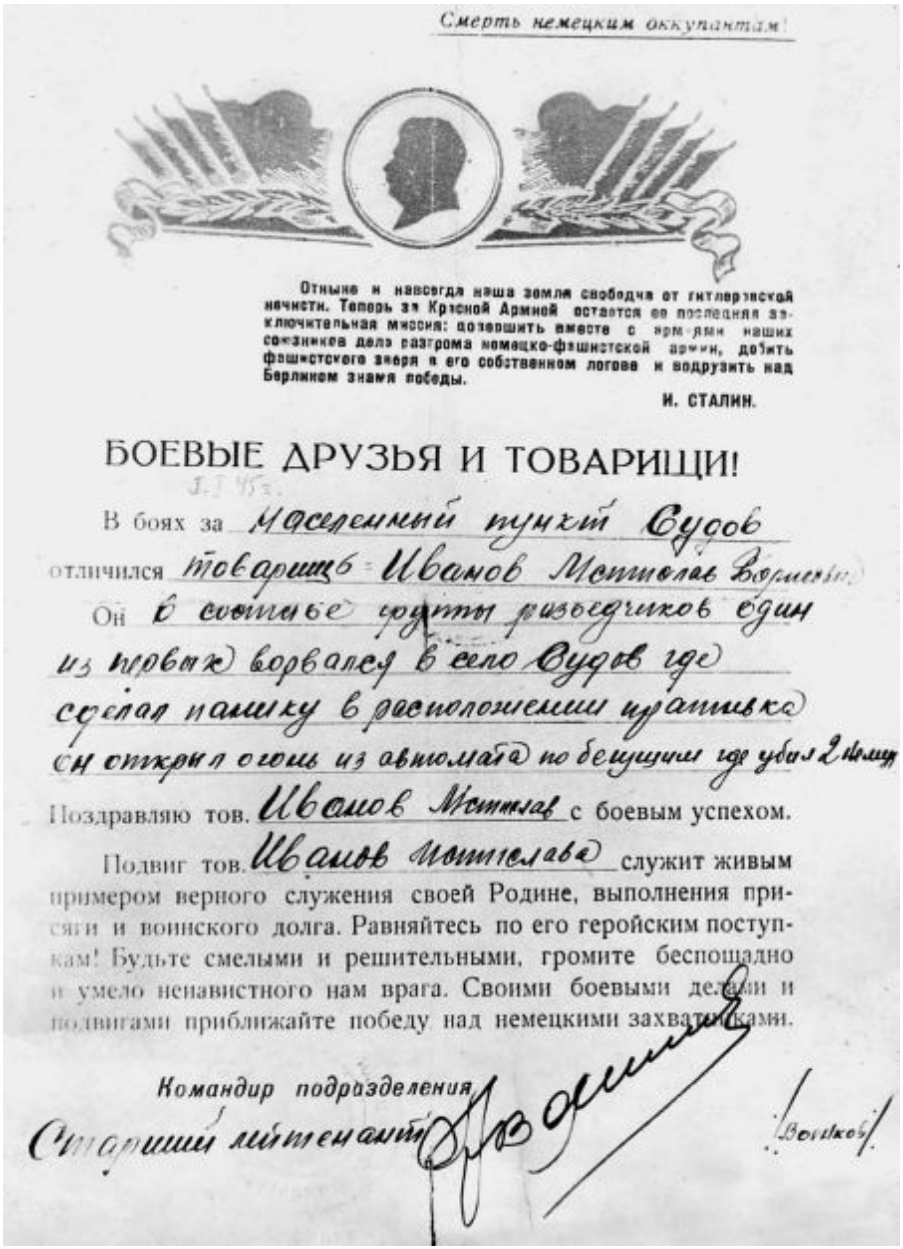

Уважаемая
Антонида Николаевна!
В нашей части служит Ваш
сын Мстислав Борисович
Иванов. Службу он несет
отлично. Его смелость воодушев-
ляет многих бойцов на совершение
подвигов. Высокими правительственными
наградами отмечены боевые подвиги Мстис-
лава Борисовича. Со своей стороны Вам
Антонида Николаевна матери воспитавшей
отличного воина Красной Армии, Командо-
вание части высылает его фотокарточку.
Уверены, что настоящим письмом мы
завяжем с Вами переписку чему будем
очень рады.
Командир части
Старший л-нт
20.03.45г Рядовой

Их было две группы по шесть человек. Они шли, страхуя друг друга с другого конца деревни. Работали точно, по-немецки. А мы наобум. Естественно, мы об этом не знали. Подъехали к деревне, в домах начали опрашивать — есть немцы или нет. Нам говорят, что немцев нет. Мы пошли по улице на противоположную окраину. Слева деревня поднималась на холм, за ним был овраг, а в нем кустарник. Смотрим, в нашу сторону по гребню холма идет группа. Сначала один шел. Потом два. Потом еще два. Мы вышли на противоположную окраину. Осмотрелись. Дорога уходила дальше по лощине, между двух холмов на одном стояла эта деревня, а на другом рос виноградник. Там прямо в

виноградниках были винные погребки. Возле такого погреба ходит человек в белом маскхалате с автоматом. Ясно — немец. Что делать? Решили пройти за теми, кто шел по гребню холма, посмотреть, кто это. Обогнули деревню. Оставили одного наблюдать за этим маячившим немцем, а сами вышли на тропинку и пошли в сторону, с которой приехали. На тропинке следы немецких сапог. Ну это ничего не значит — в них и наши, и венгры, и гражданские ходят. Через несколько шагов смотрю — отпечаток немецкого автомата на снегу. Немцы! Рассредоточились, пошли осторожно. Кто был впереди, я уже не помню… Он вдруг резко нагнулся, развернулся: «Прячьтесь! Немцы! Идут сюда, к нам. Впереди какой-то цивильный». Мы скатились в овраг, а там кустарник. Как только они поравнялись с нами, открыли по ним огонь. В общем, троих убили, а троих взяли живьем в плен. Этот парень, которого мы оставили, к нам прибежал. Начали подниматься на тропинку. Вдруг с дальнего расстояния по нам открыли огонь. Оказывается, страхующая группа оставила для блезира одного разведчика у погреба, а пять человек пошли за нами вслед, но не успели подойти достаточно близко, когда мы напали на первую группу. Повезло! Поступи чуть-чуть по-другому, не сработала бы интуиция или сработала не так. И все… Они бы нас зажали. Причем мы от пленных, двое из которых хорошо говорили по-русски, узнали, что они нас первыми заметили и устроили нам засаду. Такие опытные разведчики, и так вот… Все складывалось так, что мы должны были в плену оказаться. С этого задания вернулись обалдевшие, как так?! Бог помог.

Орден Славы 2-й степени

Дело было в Словакии, на реке Грон. Зимой мы там стояли в обороне. Река не широкая, но с очень быстрым течением, поскольку стекает с гор. Мы ее Гроб прозвали — уж больно много разведчиков погибло. Незадолго до того у нас сменился командир роты. Дело было так. Разведчик, хороший парень, вернулся с задания. Выполнить его не получилось — это же не свинью украсть, а человека, который ждет, что его украдут, да еще и вооружен до зубов. Командир на него: «Знаешь, что невыполнение задания карается смертью?!» Вытащил пистолет и шлепнул его. А потом исчез, и присылают нам другого командира роты, Военкова. Мы не можем понять, куда тот-то девался. Вскоре всех офицеров дивизии и разведроту вызвали в одно место. Мы на коней и туда. Выстроились полукругом. Смотрим, ведут нашего командира. Приговор… «По изменнику Родины — огонь!» Почему он этого парня застрелил? Может, тот что-то знал про него… Но это уже догадки. Так вот, оборона проходила по реке. Она замерзла с берегов, а посередине, где стремнина, она не замерзала. Чтобы переправляться на тот берег, делали так. В первую ночь переправлялись с бечевкой, потом подтаскивали стальной трос и закрепляли его, но не натягивали. На следующую ночь на лодке по тросу перебирались на ту сторону. В середине декабря выпало мне плыть с бечевкой. В этом месте уже было несколько неудачных попыток переправить трос. Я начальнику разведки говорю: «Невозможно в этом месте трос переправить — сильное течение». — «Вы врете! Вы специально не переправляете трос, чтобы не идти на ту сторону!» Я пошел. Мне дали сапера.



Смерть немецким оккупантам!

Отныне и навсегда наша земля свободна от гитлеровской нечисти. Теперь за Красной Армией остается ее последняя заключительная миссия: довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы.

И. СТАЛИН.

БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ И ТОВАРИЩИ!

В боях за населенный пункт Судов
отличился товарищ Иванов Мстислав Ефимович.
Он в составе группы разведчиков один
из первых ворвался в село Судов где
сорвал нашку в расположении противника
он открыл огонь из автомата по бегущим где убил 2 немцев

Поздравляю тов. Иванов Мстислав с боевым успехом.

Подвиг тов. Иванов Мстислава служит живым примером верного служения своей Родине, выполнения присяги и воинского долга. Равняйтесь по его геройским поступкам! Будьте смелыми и решительными, громите беспощадно и умело ненавистного нам врага. Своими боевыми делами и подвигами приближайте победу над немецкими захватчиками.

Командир подразделения
Старший лейтенант Волков

Разделся до гимнастерки. Сапоги, галифе, граната, нож и пистолет за пазухой. Обвязали веревкой — и я пополз по наледи. Около воды она провалилась, и я поплыл на ту сторону. Подплыл, а выбраться не могу — лед ломается, меня потащило. Меня тащило вдоль кромки льда, пока веревка не кончилась и не натянулась. Потянуло меня к нашему берегу и под лед… Хорошо, что сапер подбежал, пробил ногами лед, и я вынырнул. Кое-как вылез, мокрый, замерзший. Пришел в штаб. Начальник разведки:

«Ты, твою мать, специально! Не выполнил задание!» Я начал возражать. Он — за пистолет. Думаю: «Сдуру шлепнет меня, как того парня». У меня пистолет за пазухой. Я его опередил и ухлопал. Пошел в деревню, где мы стояли. До нее километра три. Мне говорят: «Бери телогрейку. Тебе бежать надо». Я отмахнулся: «Не надо». Думаю, все равно мне кранты. Пришел в деревню весь обледеневший. Забрался на печку и уснул. Утром просыпаюсь, смотрю — в избе два автоматчика. Не будят меня. «Чего вы?» — «Командир дивизии Федоровский вызывает». Ну, понятно чего… Пришел. Командир на меня: «Ты чего же, твою мать, натворил?» — «А чего?! Вы тот случай помните? Он за пистолет схватился, и чего я буду ждать?» Он промолчал. «Иди. Скоро приедет военный трибунал, будет тебя судить». Ну а чего там судить — расстреляют, и все. В штрафную из разведки не посылали — мы сами со штрафных набирали. Сняли с меня ремень, посадили. Сижу. Жду. А тут «языка» вот так нужно, а взять не могут. Комдив вызывает: «Слушай, давай ты мне „языка“, а я тебе — жизнь. Я тебя из-под стражи освобождаю, бери кого хочешь, сколько хочешь, наблюдай сколько надо, но „языка“ возьми. Соседи взять не могут, мы не можем. Выручай». Я пришел к своим. Ребята: «Ты чего?» — «Так и так. Кто со мной?» Многие, конечно, захотели, но я отобрал двух самых надежных. Один пойдет со мной на захват, а один останется на лодке. У немцев оборона была построена так: там, где трос можно переправить, там оборона такая, что не пролезешь, а там, где пролезть можно, — там стремнина. Я решил переправиться там, где это возможно, потом по наледи под берегом проползти в то место, где оборона слабее, и проникнуть в тыл. Так же накануне трос переправили, а на вторую ночь пошли. Переправились, проползли по наледи, пробрались между ними и зашли в деревню. Пронаблюдали, где у них штаб, и решили ждать. Выходит офицер с портфелем и два автоматчика. Значит, важная персона. Тихо не возьмешь — автоматчиков два и нас двое. Мы открыли огонь. Автоматчиков прикончили и впопыхах ранили офицера в ногу. Офицер хороший попался. Мы ему пистолет под нос: «Будешь молчать — будешь жить, а не будешь — мы тебя пристрелим, портфель заберем и уйдем». — «Гут, гут, гут». Ну, с этим сговоримся — молчать будет! Мы забежали во двор и спрятались в стог сена. Тут кипиш! Крики! Стрельба! Минометный огонь по нейтральной полосе, потом огонь переносят к нашей обороне и следом посылают свою разведку, чтобы нас подобрать тепленькими. Мы переждали. А потом, когда кипиш прошел, я его на плечи и пополз… Три километра! Кое-как подобрались к речке. На лодку положили, переправились. Сил уже никаких не было. Еле-еле добрались. Доложил Федоровскому:

— Задание выполнено.

— Ты убит на этом задании.

— Как убит?! Я же живой?!

— Доложу, что тебя убило. Отбрешусь, что заставил тебя срочно взять «языка», а ты иди в свою роту, отдыхай.

Ивановых много на белом свете. Он меня вычеркнул из списка. И тут же, как вновь прибывшего, зачислил. Орден Славы 3-й степени он мне сумел восстановить, а Красную Звезду — нет. Вот за этого офицера меня наградили орденом Славы 2-й степени.

— ***Немецкая разведка наших таскала?***

— А как же! Был случай на реке Трон. В немецкой разведке были и русские, и немцы, которые в совершенстве говорили по-русски, также матерились. У русских самый лучший пароль — это мат. Тебе дают пароль, когда идешь на задание, а если задержался, пароль поменяли. Ты возвращаешься, и начинают свои обстреливать. Единственное, что помогало, — это мат. Как начнешь его крыть, так сразу огонь прекращается.

Только в одном месте река полностью была замерзшая. В других местах были стремнинки, которые не давали льду встать. Наши и немцы хорошо охраняли этот участок. Там не проберешься. Так вот, однажды ночью с той стороны прибегают к пулеметчикам трое в белых халатах и на чистом русском языке говорят: «Наша разведка работает, и их сейчас отрезают. Срочно нужен пулемет на той стороне, чтобы обстрелять немцев и дать нашим выйти». Ну, ребята… господи… конечно, пулемет на себя — и туда. И все. Сами «языки» пришли…

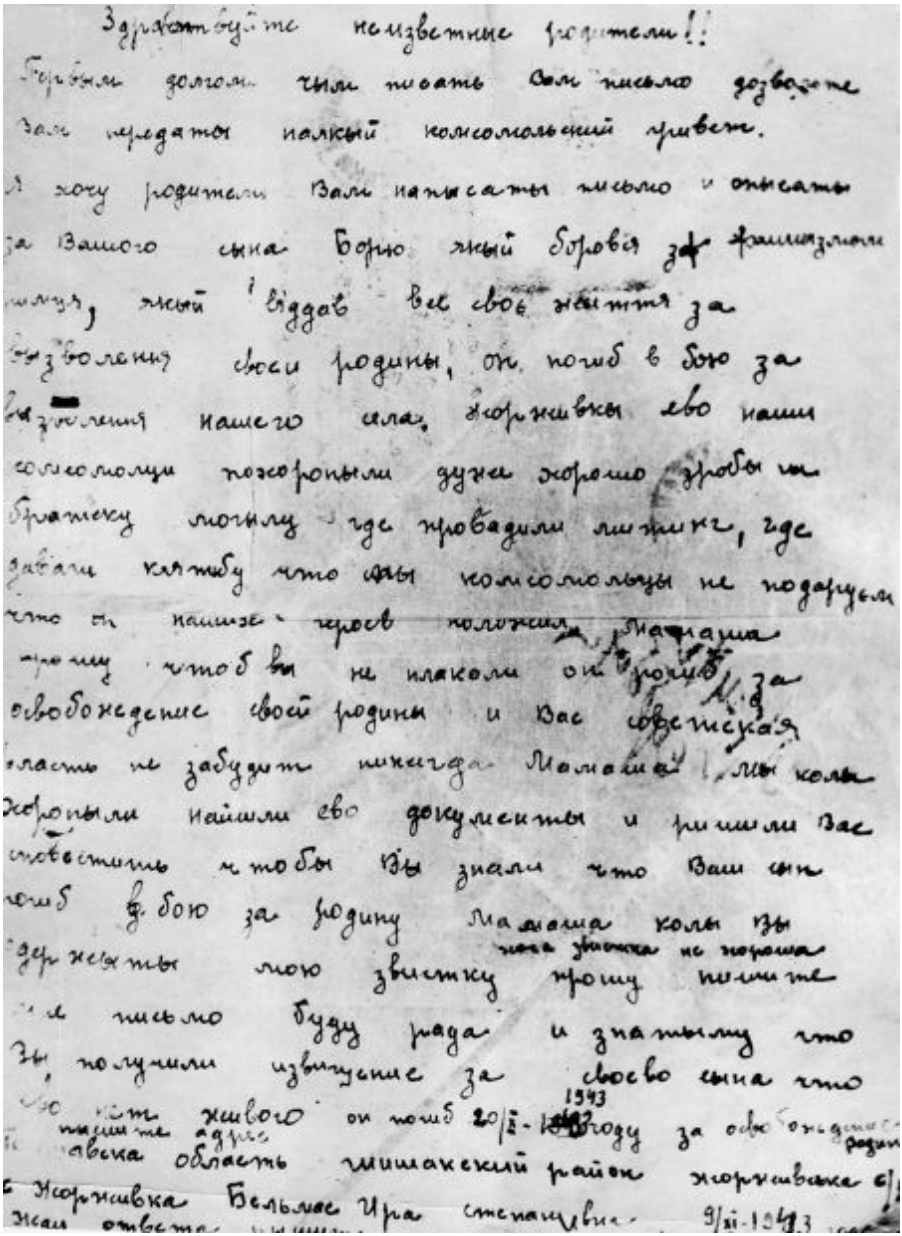
— ***Что немцы чаще применят: разведку боем или поиски?***

— Разведка боем — это не разведка. Это просто задание вызвать огонь на себя. В такой разведке чаще использовали штрафников вместе с разведчиками. Мы очень часто с ними работали, прокладывали им путь. Помню, в ночь под новый, 1945 год мы обеспечивали им переправу через Грон. Там на соседей сильно давили танковые соединения, они могли не выдержать. Поступил приказ: сделать имитацию наступления, чтобы оттянуть танковые соединения. Нужно было ворваться в село, в котором мы тогда «языка» брали. Нам приказали обеспечить штрафной роте проход, уничтожить пулеметные гнезда, а когда они возьмут деревню, отойти. Мы пролезли. Уничтожили пулеметчиков. Подошли тихо. Зашли в деревню. Там идет стрельба трассирующими — празднуют. Вот тут хорошо помогли противотанковые гранаты. Открываешь дверь, они там празднуют. Бросаешь противотанковую гранату, а сам падаешь, и там уже никого нет. В нашей группе не было ни одного раненого! Штрафники немцев из деревни выбили. Рация с нами была. Ждем.

Приказа на отход нет. Командир нашей роты Военков затянул с отдачей — хотел меня на этом задании уничтожить. Приказ передали, когда рассвело и мы уже были на виду. При отходе у нас был один убитый и трое раненых. Из-за дурости начальства потеряли людей. Но так редко бывало. Потому я и полюбил разведку, что там сам думаешь, а не пьяный дядя за тебя.

— Почему командир роты решил вас уничтожить?

— Военкову было 35–40 лет. У него был свой портной, парикмахер, фаэтон, ездовой. Как барин жил. Начальство у него было куплено дорогими трофеями. На задания он не ходил. Как-то раз на этом Броне раздухарился и решил пойти в поиск. Я с ребятами договорился: «Плывем на лодке. Я на середине лодку переворачиваю. Вы выплываете, а его топлю». Он уже в лодку вступил, а потом передумал и на берег…



Письмо жителей с. Жоржовка матери Иванова М. Б.

А схлестнулись мы с ним из-за медсестры Нины. Я однажды полез к ней. Она говорит: «Я еще девушка». Я знал, что меня все равно убьют, и связывать свою судьбу с ней не собирался, но решил ее сохранить. Она приходила ко мне, мы спали вместе. Никто к ней не лез — с разведкой никто связываться не хотел. А командир роты положил на нее глаз. Вот он к ней все пытался пристроиться. Как я на задание, так он к ней, а она мне потом все рассказывает. Говорил, что все равно меня уничтожит.

И, несмотря на такое его отношение, однажды я его здорово выручил. Ему дали ответственное задание и приказали лично возглавить поиск. Он так и не пошел. Вместо него я пошел, а он сам доложил о выполнении. С тех пор начал звать меня «мой сынок».

— Большие были потери в разведроте?

— На этом Троне разведчиков потеряли много — тонули. Нам один раз дали задание переправить группу человек шесть фронтовых разведчиков на ту сторону. Пронаблюдали. Участок, на котором можно переправиться, ограниченный. Подготовили большую лодку, закрепили за корму трос, чтобы было ограничение. Четыре дивизионных разведчика, в том числе и я, сели на весла. Была ранняя весна. Шли куски льда со снегом. Нас начало сносить. Трос натянулся, лодка затормозила, и волна перехлестнула через борт. Мы четверо выплыли. Мой друг, Лешка Голощихин, хороший разведчик, но плавать не умел. Ему здорово помогло, что дерево подмыло и оно упало в речку, он и уцепился за ветки. Я его потом вытащил из этих веток и помог выбраться на берег. А у фронтовых разведчиков утонуло трое. А за каждого погибшего разведчика отчитывались перед штабом армии…

У нас хороший парень был, татарин. Переправлялись в лодке по тросу. Она перевернулась. Он выбрался на немецкий берег, а мы выплыли на наш. Он решил перебраться обратно, пристегнувшись ремнем к тросу. Его течением завертело. То голова появится, то ноги. Он кричал: «Пристрелите меня!» На следующую ночь, когда поплыли на тот берег, его тело не могли от троса отстегнуть, так его закрутило. Пришлось ремень отрезать…

Стоят справа налево: татарин, утонувший на реке Грон, Петр Кузнецов, Мстислав Иванов, 1-й неизвестный, 2-й неизвестный, Василий Сгурин.

Сидят: командир взвода, командир взвода Кузнецов Иван Иванович, командир роты Военков

— Как относились к своим потерям?

— Как можно относиться?! Тем более если ты с ним много провоевал, то это уже твой кровный друг, а его убивают на твоих глазах… Каждый раз это тяжело переживалось, и с каждым разом становишься злее…

Был закон: своих, даже мертвых, вытаскивать. Конечно, по возможности. Бывало так, что не могли этого сделать. На самом деле нет гарантии, что разведчик не убит, а тяжело ранен и просто без сознания. Попадет такой раненый к немцам, его выходят, и это «язык». А разведчик знает очень много. Он знает и правого, и левого соседа, знает всю обстановку, какое вооружение в дивизии, — как все равно штабной офицер. Самые ценные «языки» — это штабные офицеры и разведчики.

— Были заведомо невыполнимые задания?

— Были, конечно. Очень часто возвращались ни с чем… Даже своих потерял, а ничего не сделал толком. Были такие задания, которые в сложившейся обстановке невозможно выполнить, но все равно заставляли идти, мы теряли людей.

— Специально не пользовали три О: обнаружили, обстреляли, отошли?

— Не знаю… Был у нас в роте замполит. Конечно, на задания не ходил — занимался политическим воспитанием. Мы не можем

взять «языка», и все! Он говорит: «Вы вылезаете на нейтральную и там спите, потом возвращаетесь и говорите, что нельзя взять». А все потому, что у меня были очень маленькие потери. Поэтому со мной ребята любили ходить на задания. Ведь прежде всего надо думать и не кидаться в панику. Я выработал такую методику. Если нас обнаружили на нейтральной, то немцы начинают нас огнем отсекать от своих позиций, а потом переносят огонь ближе к нашим траншеям. Посылают свою разведку, чтобы подбирать выживших. Когда нас обнаруживают, я ползу не к своим, а к немецким окопам. Потом они огонь переносят, и мы вместе с этим огнем отходим назад. Они посылают разведку, а мы уже ушли и все целы и невредимы. И вот с нами направили этого замполита, чтобы он проверил, как мы работаем. Он полз сзади. Я сказал ребятам: «Специально обнаружьте себя, и применим нашу методику». Когда открыли огонь по нейтральной полосе, мы-то уползли к их окопам, а он пополз к нашим. Как он оттуда выполз живой и не раненый, не знаю, повезло ему. Пришел в штаб и рассказал, что был последний, кое-как выполз, а разведчики все там остались, всех там перебило, ни один не вышел. Потом мы приходим — все целы!

— Сколько у вас «языков»?

— Не считал.

— Офицеров часто захватывали?

— Не часто, но приходилось.

— Как складывались отношения с полковой разведкой?

— Мы общались не часто. Разные были задания: у них передовая, а у нас — передовая и ближние тылы.

— Как вы получили орден Славы 1-й степени?

— Весной разведроте пришлось брать высоту где-то в Венгрии. Немец очень здорово ее держал. Гребень высоты шел по опушке леса, склон был покрыт прошлогодней травой. Три полка дивизии не могли взять эту высоту. Потери были большие. Новый командир дивизии полковник Панов, видно, разведку не любил. Приказал разведроте брать высоту. Нас к тому времени оставалось человек сорок действующих разведчиков, ну и немного прихлебателей — повара, ездовые, ППЖ. Мы говорим: «Давайте ночью». — «Нет, днем! Я хочу видеть, как работает разведка, а то вы спите на нейтральной и ни хрена не делаете». Приказ есть приказ. Идиот, что же с ним делать. Думаем, что же делать. Трава была высокая. Я предложил рассыпаться в цепь на расстоянии метров десять друг от друга и ползти со всеми предосторожностями, чтобы нас не заметили. Как только нас заметят и откроют огонь, мгновенно все встаем, сплошной автоматный огонь — и броском в траншею. Может, кто-то

прорвется. Иначе как возьмешь?!

Смерть немецким оккупантам!

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ Иванов Мстиславской Вор.

В боях с врагами Родины Вы показали образец отваги и геройства 16-го декабря 1944 года Вы вместе с группой проникли в тыл противника разведали силы пр-ка и пути отхода противника, на обратном пути Вы уничтожили 3-х немецких солдат и взяли пулемет.

Подвиг Ваш будет примером для всех наших воинов.

Желаю Вам новых успехов в боях за честь, свободу и независимость нашей Родины,

Командир подразделения
Старший лейтенант /Воскобо/

Я уже говорил, что под конец войны в разведку из пехоты никто не шел. В пехоте ранят, а у нас все равно убьют. Набирали добровольно со штрафных рот. Молодежь шла: и летчики, и танкисты. Один парень-летчик из-за чего попал в штрафную? Возвращался на истребителе с задания. Чкалов под мостом пролетел? А он решил пролететь между столбами под проводами. Не рассчитал и одной плоскостью зацепился за столб, разбил самолет. Его в штрафную. Моряк был… Кого только не было.

Один был уже три раза в штрафной. Мы с ним сдружились. Дал он мне листочек, на котором была написана молитва. Говорит: «На, перепиши и носи с собой, я три раза был в штрафной и остался живым». Я не успел ее переписать, мы пошли. Он был рядом со мной, когда мы поднялись. Ему — первая пуля в лоб. Я этот листочек сохранил и остался жив. Может, это совпадение, не знаю. Но вдруг это помогло… Так его и носил до конца… В общем, мы поднялись. Автоматный огонь, заскочили в траншею, заняли небольшой кусочек и все-таки выбили немцев. Зам командира роты старший лейтенант выглядывал из-за кустика. Я говорю: «Тут снайпера, не выглядывай». Он только выглянул. Ему шлеп пуля в лоб, и готов. Я принял команду на себя. Связисты протянули к нам связь. Доложил обстановку. Потеряли мы четыре человека убитыми и шесть ранеными. Нам сказали держаться до ночи. Ночью подойдет пехота. Только, говорят, уходите по одному. А то они за вами тоже убегут. Продержались, только я потерял пилотку, пока бегал. Мы ушли по одному. Нам приказ — идите, отдыхайте. Притащили бочку вина, расслабляемся. Довольные, что все-таки разведка взяла высоту. На следующее утро меня чуть свет будят: «Срочно к командиру дивизии!» Он матерится на чем свет стоит: «Пехота опять сдала высотку. Собирай разведчиков!» Набрали двадцать действующих разведчиков. «Надо брать опять высоту». — «Ночью?» — «Нет, днем! Можете задействовать любое усиление. Думайте сами, но высоту должны взять!» Раз их обманули, второй раз этот вариант не пройдет. Я решил сделать двухчасовую артподготовку с РСами по опушке леса. Чтобы дезориентировать пунктуальных немцев, начали артподготовку в 14.00, а закончили точно в 15.53. Немцы же привыкли, что подготовка длится ровное количество минут: 30, 40, час, а тут мы отступили от шаблона. Артподготовка очень действует на психику. Когда она прекращается, нужно еще время, чтобы прийти в себя, очухаться. Мы хотели это время использовать. Я сказал: «Рассредоточимся, будем ползти, пока наши осколки не будут долетать до нас, и замрем. Как только артподготовка прекратится, мгновенно все встаем и бежим без единого выстрела». У всех часы. Сверились. Когда мы подбежали к немецким окопам, они еще лежали на дне. Мы их просто расстреливали. У нас не было ни одного раненого! Правда, один из наших кинул гранату, она ударилась о дерево, отскочила, и осколки своей же гранаты его зацепили… Немцы озверели. Мы выдержали больше 20 атак! Патроны давно закончились. Собирали оружие и патроны у немцев и ими отбивались. Морячок и летчик — с винтовками, автоматов нет, патронов нет. Один

заряжает, а другой стреляет. Говорят: «Мы как при Петре Первом при Полтавской битве». Связь протянули. Приказ: «После того как ночью придет пехота, проникнуть в немецкий тыл и наделать шуму». Там недалеко было село. Мы в него вошли, рассредоточились и открыли стрельбу. Гранаты кидали. Навели им панику, и они оттуда сорвались. За этот бой меня представили к ордену Славы 1-й степени. Комдив хотел мне дать Героя, но ему сказали, что у меня уже две Славы есть.

Прошли Молдавию, Румынию, Венгрию, Австрию чуть-чуть зацепили, а закончили войну в Чехословакии. Война окончилась 9 мая, all мая подо мной убило коня.

После 9-го двигались колонной. Меня и Ваську Сгурина на конях на всякий случай послали вперед. Там была засада. То ли власовцев, то ли эсэсовцев. Дураки, нервы не выдержали. Подпустили бы нас поближе и расстреляли бы в упор, а они с дальнего расстояния открыли по нам огонь. Моего коня наповал. Он упал и мне сломал ступню. Я сумел отбежать с дороги в кювет. Залегли. Видим, к нам по этой канаве ползут два цивильных парня. Мы стрелять не стали. Понятно, что это мирные жители. Я им показал, что у меня лапа сломана, кость за кость заскочила. Они побежали, приволокли носилки и вытащили меня. В полуподвальном помещении работает пожилой военврач в военной словацкой форме. Вокруг бегают медсестры. Наши-то ходили в рейтузах, а эти в таких плавочках. Лежу на носилках — мне все видно, так приятно стало. Ваську поставил на выход. С меня пот градом. Он берет пальцы и ставит их на место. Я молчу, хотя боль страшная. Говорит медсестре: «Бинтуй! Потом гипс». — «Нет, гипс не надо». Чувствую, он их не вытянул. Кричу: «Васька, иди сюда! Разматывай бинт». Сел на носилки, ногу вытянул, каждую косточку прощупал, поставил на место: «Теперь бинтуй туго. А теперь можно гипс». Врач только головой помотал. Через год уже сальто прыгал…

— Тогда слышали про ленд-лиз? Чем пользовались?

— Как же! Американская тушенка — такой продукт! Запомнился еще немецкий хлеб в упаковке… Ну, конечно, «Студебеккеры» и «Виллисы». Наша автотехника была хреновой… Правда, под Уманью весной 1944 года вся техника застряла — и наша, и американская. Там вообще не было дорог. Обмундирование у пехоты еще зимнее, валенки, а жидкой грязи по пояс… Вся дорога была в немецкой технике. Артиллерию перевели на цоб-цобе — упряжки из быков. Вот эти пройдут по любой грязи!

— Какое отношение было к женщинам на фронте?

— В основном это ППЖ. У них очень много было медалей «За боевые заслуги». Мы их называли «За половые потуги». К нам в разведку тоже присылали медсестер, чтобы они с нами ходили. Что, мы их возьмем?! Это же обуза! Их никто никогда не брал. Чаще всего становились ППЖ командира роты.

— Самострелы были?

— Были. Не в разведке, конечно. Вот на Курской дуге, когда эшелон с узбеками пришел… Рассвело, один ногу поднимает, чтобы его ранило. А лейтенант, командир взвода, сзади лежал. Взял палку и по ноге его палкой — раз! Он: «Вай, вай, командир, ранило!» Тут многие даже расхохотались. Лейтенант достал пистолет и шлепнул его. Много было и показательных расстрелов перед строем.

— Как мылись, стирались на фронте?

— Как придется. В наступлении почти месяцами не снимали сапоги, даже ноги начинали гнить. Вши вообще заедали. Особенно когда еще по своей территории шли. Воротники невозможно было застегнуть — такое раздражение. Когда поспокойнее, в тылы отводили, там устраивали палаточные бани. В бочках прожаривали белье. Когда перешли границу, изобрели метод избавления от вшей. Заходишь в дом. Берешь свежее белье: простыни, наволочки — любое, заталкиваешь за пазуху. Все вши почему-то сразу лезут на свежее белье. До следующего пункта дошел, белье выбросил, следующее напихал за пазуху. Санбат был весь завшивлен. Там доктор, майор, еврей, говорит: «Напишу научный труд о всех разновидностях вшей: какие больше кусают, какие меньше кусают».

— Как было с питанием?

— Мы в основном на самообеспечении. То свинью где-нибудь сопрем, то еще что-нибудь. У нас в разведке был свой повар, своя кухня была. Так что мы в отношении питания — ничего, жили за счет трофеев. Водку давали. Перед заданием давали с собой спирт — мало ли, что там случится. Я никогда не брал — лишний груз, лучше взять патронов. Перед заданием никто не пил. Я почти не курил, но курить мог. Человек некурящий — это особая примета; если ты не курящий, то должен уметь курить на всякий случай. Даже на спор выкуривал трофейную сигару, не кашляя.

— Какое отношение к немцам?

— Нормальные ребята. А вот эсэсовцы — настоящие фашисты, страшные. А так возьмешь в плен, он работяга был, его мобилизовали, а так нормальный человек. А если «язык» раненый и свои тоже есть раненые, то его прямо оберегаешь, как красну девицу, лишь бы его живым приволочь. Свой-то ладно, сам доползет.

Но на зло всегда отвечаешь злом. В Корсунь-Шевченковской операции заняли село. Бабы плачут. В чем дело? У всех грудных детей отобрали и побросали в колодец. Я сам вытаскивал трупики. Лошадей всех постреляли. Технику всю вывели из строя. Чуть позже мы корректировали огонь РСов. С дороги-то не разбежишься — снег. Много там их положили, с удовольствием уничтожали. Когда я получил письмо от матери, что убили отца, то тоже страшная злость назрела. Стал зверем. Хотя человеческие поступки со звериными нельзя сравнивать, потому что они значительно хуже. Те убивают ради пищи, а тут — убийство ради убийства.

— Как относились к тыловой братии?

— Конечно, с пренебрежением. Мы со штабистами, которым сдавали «языков», в основном это младший офицерский состав, были в дружеских отношениях. Но был такой случай. Обычно «языка» в штаб дивизии сопровождают два разведчика. Они потом уже рассказывали: «Приводим в штаб немца. Какой-то молокосос выскакивает и начинает выкобениваться перед этим немцем. По щекам его лупит, проявляет свое „геройство“. Мы посмотрели, посмотрели и отметелили его на глазах всего штаба. Он остался лежать, а немца другому сдали». Такой разговор со штабными мне пересказывали: «Видите, сколько у нас у всех орденов, а немцев мы видели только пленных, с живыми не встречались». Ребята спрашивают: «Как вам это удалось?» — «Очень просто. Ваши подвиги — наши фамилии».

— Приходилось сталкиваться с особистами?

— Знали, что тихушников полно… Сидим как-то в своем ближнем тылу. Только вернулись с задания. Ночь. Развели костерик, болтаем, греемся. Смотрим, один солдат ходит чего-то вокруг. Но мы-то уже знали их повадки. И вот давай травить: «Надоела эта разведка! Завтра уйдем на задание и перейдем к немцам, там и кормят лучше, и жить дольше будем». Видим, он смотался — сейчас приведет офицера. Точно! Офицер пришел, посмотрел: «Ну вот еще одного дурака обманули!»

Был у нас случай, который разбирали особисты. Командиром взвода у нас был Кузнецов Иван Иванович — отличный мужик. Стояли мы недалеко от передовой. Из соседней дивизии приехал к нему командир взвода разведки с двумя разведчиками. Он пошел в хату с Иваном Ивановичем, беседовали вдвоем. Разведчики остались снаружи. Вдруг из хаты этот командир взвода выскакивает, в руке автомат. Бежит. Мы смотрим — чего он бежит?! За ним с пистолетом выскакивает Иван Иванович: «Ах ты предатель! Подлюка!» Тот оборачивается — и автоматную очередь ему под ноги. Пуля рикошетом попадает Ивану

Ивановичу в голову. Я этого взводного догнал… Сначала бил прикладом немецкого автомата так, что он согнулся, потом дострелил его. А это почти на передовой, немцы нас видят, но не стреляют. Видать, им интересно: как мы друг друга перестреляем. Два разведчика, что с ним были, забежали в огромную лужу и стоят. Мы им говорим: «Идите сюда. Мы вас не тронем». Они отказываются. Потом и их из автоматов постреляли… Уже были все обозленные: как же так, такого парня… настоящего разведчика убили… Эти двое ни за что погибли… Потом командование выясняло, в чем дело. Я все рассказал. И из их дивизии приезжали, сказали: «Правильно сделали»… И все. Ивана Ивановича довезли до госпиталя, во время операции он умер.

— С власовцами приходилось сталкиваться?

— Да. В Моравии… Кричали нам: «Русские, сдавайтесь!» Когда захватывали таких в плен, мы их не доводили — всех расстреливали. Потому что если он раз предал, то предаст и второй раз.

— Когда был последний поиск?

— Не припомню.

— Как складывались отношения с местным населением?

— Начнем с Молдавии. Там очень хорошо принимали. У девок плетеная бутыль под мышкой и кружка. Выходит и всех угощает. Румыны тоже хорошо встречали. Бросались в глаза роскошь и нищета. С одной стороны, прямо-таки царские виллы. И тут же нищий железнодорожник на государственной службе, оборванный, в лаптях, одна форменная фуражка на голове. Венгры хорошо жили. К нам относились настороженно, но без агрессии. В Словакии нас встречали, как родных. Там же мы работали с партизанами — ребята были отличные, надежные.

— Случаи изнасилования были?

— Были, но не у нас. Я строго-настрого запретил. Если кто-то договорится — пожалуйста, но без насилия.

— Для вас война — это самый значимый эпизод?

— Самый значимый, конечно. Такого морального удовлетворения от выполнения задания и возвращения живым на гражданке я не испытывал.

— Связанные с этим убийства воспринимались как часть работы?

— Да. Уже привык к этому.

— Первого убитого немца помните?

— Нет. В бою убиваешь, черт его знает какой первый…

— Некоторые люди не смогли закрепиться в разведке, потому что не могли работать ножом.

— Нет, у меня с этим проблем не было. Я знал: если не ты, то

тебя. Это момент работы.

— Есть такая поговорка: на фронте безбожников нет. Верили в Бога?

— Суеверие или вера… молящихся не видел. Верил в сверхъестественное, не понятное человечеству, но не в таком виде, как преподносит религия.

— В какое время года труднее всего воевать?

— В любое время года плохо. Очень плохо, когда луна. Мы эту предательницу луну ненавидели. Особенно зимой на снегу видны тени. Никакой маскхалат тебя не скроет — ползешь, и видно, как твоя тень ползет. Летом — то еще ничего… Зимой страшно ползти, наст хрустит, и тихо не помогает ползти, и еще луна светит.

— Какой для вас самый страшный эпизод?

— Все они… Конечно, была большая неуверенность в победе, когда брали днем высоту. Можно было рассчитывать только на хитрость. Атак — верная смерть. Вот пехота отступает. Отправляют разведчиков остановить. Я обычно ложился за станковый пулемет. Я не представляю, как можно убежать, когда у тебя в руках такое оружие?! А вот психологически люди не выдерживают — убегают…

— Посылки посылали?

— Ка-ки-е посылки?! У нас ничего и не было. Даже мысли не было, чтобы что-то послать.

— Не было желания вернуться обратно на войну, когда вернулись к мирной жизни?

— Конечно, нет. Удовольствие не из приятных. С надежными ребятами, товарищами хотелось, конечно, и работать, и жить. Такое братство было…

— Продолжить служить не хотелось?

— Нет. Не люблю дуракам подчиняться. Жополизов терпеть не могу. Очень много быстро продвигающихся — в первую очередь жополизы. Это не моя стезя. Почему и в разведку пошел — тут сам за себя в основном отвечаешь… Так, иногда начальство вмешивается, посылая на невыполнимые задания. А пехота?! Вперед, и все.

На фронте я командовал за офицеров. Окончил войну в звании старшины. Очень боялся: если присвоят звание офицера, то после войны задержат с демобилизацией.

— Под конец войны не захотелось выжить?

— Я уже говорил и еще раз повторю: был уверен, что рано или поздно меня убьют. Просто старался продать свою жизнь как можно дороже. Почему-то никогда не боялся смерти. Считал это естественным. Сколько было моментов и потом, когда в геологии

работал… Философски к ней отношусь.

Мстислав Иванов

Но, конечно, хотелось бы приехать домой. У меня осталась одна мать. 11 мая подо мной убило коня. Пять месяцев пролежал с ногой в госпитале в Братиславе. Оттуда уже меня демобилизовали. Попал во вторую очередь демобилизации по количеству ранений. Вот по дороге домой, пока добирался, тут очень хотел выжить. Потому что у возвращавшихся была инерция убийства — за малейший поступок стреляли друг друга. Большинство ехало с оружием. И у меня за голенищем в разобранном виде был «вальтер». В вагоне ко мне привязался один и здорово меня оскорбил. В другой бы момент довел дело до конца, но здесь старался ни с кем не конфликтовать. Попутчики

мои, с которыми уже не первый день ехали и которые знали, кто я и что я, вывели его в тамбур и бросили под поезд. 7 ноября приехал домой, в Ката-курган.

Переход к мирной жизни давался очень трудно. Меня многие криминальные группировки хотели приобрести, потому что я умел воровать и убивать. Как раз то, что надо. Очень агитировали в преступный мир. Но не пошел по скользкой дорожке. Что удержало? Не хотел своих убивать и грабить. Я привык к настоящему противнику, который может оказать сопротивление. И потом, хотел учиться. В декабре поехал в Самарканд. С детства мое хобби — животные. До войны подал в Ленинградский охотоведческий институт. Мне пришел ответ, что по окончании войны примут без экзаменов. У меня осталась эта бумажка. Но после войны на какие шиши я туда поеду? Приехал голый, без всяких трофеев — демобилизовался-то из госпиталя. Если бы из роты, то и одели бы нормально, и трофеи были. Мы вырывались в Венгрии в города, где все ювелирные магазины были открыты, ничего не успели спрятать. У всех были полные карманы часов, браслетов. Правда, трофейщиков, тех, кто набирал, убивало в первую очередь. Он думает об этих трофеях, значит, ему хочется выжить. Это губит. Я сдавал в обоз. Нинке я подарил бриллиантовый браслет с миниатюрными часиками. Она ко мне в госпиталь приезжала. Говорит: «Возьми с собой, тебе пригодится». — Я отказался: «Нет, это мой подарок».

Я поехал в Самарканд. Пошел в университет на биофак. Там не было ни одного парня, одни девки. Решил, что в таком коллективе не смогу ужиться. Пошел в Узбекский государственный университет на геологический факультет. Там был декан Крюков. Он говорит: «Зачем год терять?! Поступай в этом году». — «Я по-русски говорить уже разучился, кроме мата, ничего не знаю». — «Ничего, сделаем тебе формально экзамены». Я рискнул. В декабре поступил в университет.

У меня была одна гимнастерка, одни штаны и трофейные сапоги, которые я постоянно ремонтировал. Я любил спорт еще со школы. В университете начал заниматься акробатикой. Нам выдавали форму. Мы ее продали на базаре. На вырученные деньги приобрел ботинки, штаны. Голодуха была страшная! Из госпиталя я приехал отожравшийся. За год учебы потерял 16 килограммов.

— Когда начали носить ордена?

— Сначала носили, а потом перестали. Когда я приехал, у меня был орден Отечественной войны. И две Славы, 2-й и 3-й степени. Вскоре получил 1-й степень. А два ордена Красной Звезды вручили на 20-летне Дня Победы. Ордена стал носить

только на праздники, когда не стало Хрущева.

— Учитывая вашу военную специфику, насколько вы были агрессивны, вступали в стычки?

— Агрессии, как таковой, у меня не было, у меня пожизненное кредо — не задираться первым. Конечно, выступал за справедливость. Крюкова, как репрессированного, сняли с должности декана. Ходил к ректору университета, качать права. Меня тоже могли причислить к политической статье, тем более отец сидел по политической статье.

— Война снилась?

— Конечно. Сейчас война уже не снится.

Кобец Иван Лукич

В 1939 году, буквально через три месяца после того, как я окончил педагогическое училище и начал работать школьным учителем, меня призвали и послали в Пуховическое пехотное училище, располагавшееся под Минском. В училище было три батальона: один батальон состоял из курсантов Ленинградского Краснознаменного училища им. Кирова, которые семь месяцев уже проучились, второй состоял из военнослужащих, прослуживших в войсках год-полтора сержантами, и третий — мы, гражданские. Учиться было очень тяжело. Мы занимались каждый день без отдыха часов по двенадцать и за полтора года прошли трехгодичную программу! Обучали нас прежде всего тактике — наступлению, обороне, как располагаться, как стрелять, рыть окоп. Изучали технику — артиллерию, танки, минометы. Тяжело было… Тогда же все пешком! Несешь винтовку, а еще и пулемет Дегтярева или диски к нему — в

училище лошадь положена была только командиру батальона.

В мае месяце 1941-го училище перевели из-под Минска в Великий Устюг, где 19 июня у нас был выпуск. Все в отпуск хотели, но начальство сказало, что мы его получим по прибытии в часть назначения.

Мне присвоили звание лейтенанта и направили в Заполярье. В поезде, за полчаса до Ленинграда, нам объявили, что началась война. Остановились. Перед нами выступил капитан, который сказал: «Эта война будет серьезной. Тут уж — кто кого победит». Так и сказал, а не как нас учили — малой кровью на чужой территории. Потом приехали в Кандалакшу, и нас сразу повезли на границу, где мы влились в состав 596-го стрелкового полка. Выдали мне противогаз, пистолет, каску. Вот так для меня началась война.

Немцы на нашем направлении пытались прорваться, но их отбивали, потому что дивизия за сутки до начала боевых действий была выдвинута к границе. Перешли они в наступление 1 июля, и наша 122-я дивизия 7 дней держала на границе немецкий 36-й АК. Потом мы отступили к подготовленному рубежу обороны Кайрала, где уже стояла 104-я дивизия. Надо сказать, что в то время существовала только полковая разведка, а в батальоне разведки не было. Поскольку постоянно изменяющиеся условия требовали потока разведданных, то командир батальона поручил мне сформировать взвод охотников. Я его создал и с ним воевал до зимы 1942-го.

Разведка — это очень тяжелая работа. Нас же никто специально не готовил! Вот был такой случай в первые дни войны. Немцы стали обходить нас с правого фланга. Командир батальона поставил нам задачу выйти на дорогу и пронаблюдать за перемещением немцев. Подобрались мы и сутки лежали в болоте, наблюдая за дорогой. А там мошкара, комары! Не то что смотреть — дышать было невозможно! Все кровью залились. Когда начали возвращаться, я увидел, что немцы строят обходной путь от дороги на Куалоярве в наш правый фланг, с тем чтобы вывести его к господствующей высоте. Когда переходили передний край, пришлось идти через открытую поляну, и я интуитивно понял, что немцы нас заметили и попытаются остановить. И точно! Смотрю, прямо на нас лось бежит! Ага! Значит, кто-то его спугнул. Я приказал остановиться и замаскироваться. Только мы устроились, смотрю, группа немцев спускается с высоты. Почему-то лучше всего я запомнил кокарды на их фуражках. Подпустили их, забросали гранатами и из автоматов добили. Пришли мы в свое расположение, доложили

командиру полка о намерениях немцев закрепиться на высоте. К сожалению, нашей информации значения никто не придал. Немцы же закрепились, и обороняться нам стало невозможно, поскольку с высоты они просматривали расположение и тылы нашего 596-го полка. Командир видит, что дело плохо и надо немцев сбить. Да куда уж там — только людей положили. А тогда можно было и ротой эту высоту удержать. Обидно было, что не прислушались к нам.

— Как часто ходили на разведку?

— Первые месяцы, начиная с июня и по ноябрь, ходили каждые 2–3 дня. А потом, когда фронт встал, ходить стало очень тяжело — проволочные заграждения, минные поля, пристрелянные реперы. Поэтому, чтобы пойти, нужно было очень серьезно готовиться — изучить объект, местность, подступы. И все равно брать «языка» на переднем крае было очень трудно. Легче было в тылу и на флангах, где фронт прикрывался опорными пунктами и патрулями. Там можно было устроить засаду на дорогах, на лыжне. Вот в это время ходили примерно 1–2 раза в месяц.

— Вы старались одеваться так, чтобы не отличаться от солдат?

— Летом 1941-го я оплошность допустил. Пошли в разведку человек двенадцать. Во-первых, заранее не выбрали объект. Во-вторых, я и помкомвзвода в офицерских шинелях, и мало того — поверх еще и ремень с металлической яркой звездочкой! Боевое охранение прошли. Ничего не видно. Личный состав лежит, а помкомвзвода говорит: «Давай немного проползем». Проползли. Я привстал на одно колено и показываю ему что-то рукой, и только — «вжжжик!» — и я упал. Пуля прошла ниже колена между берцовыми костями. Оказывается, немец сидел в окопе метрах в 15–20 и специально стрелял, чтобы ранить и захватить в плен, поскольку он видел, что я офицер. Не дает вытащить! А сам я двинуться не могу. Ну, мне веревку кинули и вытащили. А если бы я не был в офицерской шинели, так, может, и убил бы. Вот такой был случай. А потом уже одинаково одевались, солдата от командира не отличишь. Надо сказать, что на переднем крае одевали нас очень хорошо: теплое белье, ватные штаны, полушубки. Правда, с обувью были проблемы — она быстро изнашивалась на камнях. Что касается камуфлированной одежды, то ее у нас не было. Впрочем, как и у немцев.

— Чем вас кормили?

— В основном это каша. Были различные консервы: сначала наши, в основном рыбные, а затем и ленд-лизовские, мясные. В обед давали суп, кашу с консервами и чай или компот. Когда в

разведку ходил, брали сухой паек — сухари, консервы, колбасы, сахар, масло. Шоколада не было. Спирт давали, но только непосредственным участникам боев, каждый день 100 грамм. Потом были спиртовки — смесь стеарина и спирта, так вот спирт отжимали. Но в разведку я никогда водку не брал. Во-первых, с запасом надо брать, а выдавали-то только в этот же день вечером. Потом, если взять с запасом, его тут же выпьют, а пьяный будет либо ранен, либо убит, это без вопросов. У меня мой друг так погиб, Макаров Николай Александрович. Он был на НП, когда его разведчики были в поиске. Что-то он там выпил, стал смелый, и они уже тащили пленного, а он пошел им навстречу. Зимой, без маскхалата! Ну и немцы, конечно, его убили. Может, если лишнего не выпил бы, и жив остался. Никогда перед боем не пили! После боя — да! Если успешный поиск, то сам командир полка и спирт поставит, и еды дополнительно даст, и рядом за стол сядет.

— Как вы относились к немцам?

— Было четкое понимание того, что если ты промахнешься, то он тебя убьет. Никакой ненависти не было. Раз ты на войне, значит, должен стрелять и убивать.

— Страшно было?

— Необстрелянный человек — у него все нервы напряжены. Он любого разрыва и выстрела боится. Таких людей, которые заранее готовы к войне, нет, но этот страх преодолевается. Через некоторое время, когда пообвыкнешься, уже понимаешь, что вот этот снаряд мимо пролетит, а вот этот опасен. Но даже после кратковременного отсутствия на передовой, например после госпиталя, чувство страха на некоторое время возвращается.

Потом, если бояться, так и в разведку не пойдешь! А ты знаешь, что люди чувствуют командира так же, как и лошадь ездока?! Если лошадь чувствует, что ездок трусит, то она не пойдет брать препятствие! Так и здесь — если командир смелый, то солдат чувствует: «О! С этим командиром не пропадешь! Он не подведет!» Смелость и спокойствие командира играют решающую роль! Я, например, когда действовал, всегда рассуждал так: «Не сегодня, так завтра убьют! Что мне бояться, боже мой!» Поэтому, наверное, люди ко мне всегда старались попасть. Отбирал я их так: главное — это желание! Если он желает — все приложится! Потому что трус, больной или слабый не пойдет! Внешние данные, конечно, тоже играют роль. Был у меня такой Волков… Мне его так было жалко, когда он погиб. Выше среднего роста, крупный парень, хороший. Он мне говорит: «Я ранен». Я ему: «Не шевелись, прижмись. Полминутки, минутку, и все!» Но это хорошо, когда не ранен, можешь прижаться, а раненый — он

кидается. Смотрю — все, убит.

Почему он погиб? В середине августа мы отступали на промежуточный оборонительный рубеж в районе Алакуртти. Наш 1-й батальон после отхода из района горы Юнгойванселька к исходу дня подошел к горе Иеникуваара. В это время потерялась связь с командиром полка. Батальоном командовал вновь назначенный старший лейтенант Данилов Павел Гаврилович, опытный, уравновешенный и требовательный командир. Потом немного позже он станет командиром 596-го СП.

Находясь на горе Иеникуваара, я получил от командира батальона задачу — в течение ночи найти место расположения командного пункта полка и получить задачу на дальнейшие действия батальона. Комбат показал на карте направление, где нужно искать. Задача была не из легких, так как на указанном направлении уже действовал противник и встретиться с ним можно было в любую минуту. Времени на размышление не было, и я должен был как можно быстрее выступить на задание. Собрав разведчиков, которых во взводе насчитывалось 12 человек, я ознакомил их с предстоящей задачей. Ребята были измотаны в предыдущих боях, кроме того, продовольствия почти не было — немцы захватили участок дороги Алакуртти — Кайрала и подвоза не было.

Уходя на задание, мы предупредили своих, что обратно возвращаться будем по этой же тропе. Ночь была темная и тихая, шли медленно и осторожно. Приходилось часто останавливаться и прислушиваться к каждому звуку и шороху. Когда на пути слышались отрывочные слова на немецком языке, мы уклонялись в сторону и продолжали двигаться в нужном направлении. Разведчики были рядом, и все распоряжения отдавались вполголоса. И так мы продвигались до наступления рассвета. Под утро на пути следования встретились с бойцами нашего полка, это были связисты, их было трое. На мой вопрос, где находится штаб полка, они показали направление и сказали, что, пройдя метров 300–400, нужно повернуть направо.

На наше счастье, мы быстро подошли к месту расположения штаба, и я встретился с командиром полка. Встреча была неописуемая, так как все очень волновались из-за отсутствия в течение продолжительного периода времени связи с 1-м батальоном. Пока оформляли документы для командира батальона, мы немного отдохнули от ночных похождений. Получив пакет, двинулись в обратный путь. Шли быстро, чтобы не опоздать, ибо время было крайне ограниченно. Утром идти было легче, но и опасность увеличивалась. Уже поднялось солнце, и было приятно ощущать его теплые лучи после холодной ночи.

Под ногами было изобилие ягод, и мы рвали их горстями, на ходу утоляя голод.

До нашего переднего края оставалось метров 300–400. Осталось пройти по редколесью. На душе было какое-то чувство удовлетворенности и радости, что задание мы выполнили своевременно. И вдруг впереди прогремели автоматные очереди, и тут же подбегает один из разведчиков, действовавший в головном дозоре, и сообщает, что впереди, метрах в 30–40, немцы. Наш дозор был внезапно обстрелян противником, и один из разведчиков был убит. Все это настолько меня ошеломило, что трудно даже представить. Где угодно я ожидал внезапную встречу с немцами, но только не в этом месте, так как рядом был наш батальон.

Сколько было здесь противника и как он расположен, мы этого не знали. Ясно только было то, что он здесь появился ночью после того, как мы ушли на задание. В такой обстановке нужно действовать быстро и решительно, размышлять было некогда. И тут же сработало подсознание — немедленно атаковать, прорваться через его боевую цепь и как можно быстрее выйти к своим. Другого выхода не было. Все это происходило в считаные секунды, и когда я взглянул на своих разведчиков, то сразу же почувствовал, что они уловили мои мысли, и это ускорило начало атаки.

Тут же все рванулись вперед и с каким-то остервенением и криками «ура!», забрасывая противника гранатами и ведя на ходу автоматный огонь, проскочили через его боевую линию. Все это произошло так быстро, что противник не мог разобраться, что же делается и почему его атакуют с тыла. Мы действительно оказались у него в тылу, так как фронтом он был расположен в сторону нашего батальона. И вот тут-то произошло что-то невероятное и непредсказуемое: с высоты, на которой находился батальон, на нас обрушился сильный пулеметный огонь, даже невозможно было поднять голову. Таким образом, мы оказались между двух огней.

Наши вели огонь сверху, а противник снизу. На какое-то время немцы затихли. По-видимому, они тоже были в недоумении, почему русские стреляют по своим. В такой жуткий момент нужно было что-то предпринимать. Рядом со мной лежал этот Волков. Вдруг он простонал и прошептал, что ранен в бедро. Я приказал ему не шевелиться, но он же раненый…

Неожиданно стрельба прекратилась. Немедленно дал команду разведчикам: «Вперед!» Ползком, а где можно, полусогнувшись начали двигаться к своим. Помог кустарник — мы оторвались от противника. Я находился в сильнейшем

нервном потрясении, но постепенно отошел и доложил командиру батальона о случившемся. А произошло то, о чем я беспокоился, когда уходил на задание. Оказывается, в наше отсутствие в батальоне провели в этом месте замену подразделения и забыли предупредить о предстоящем нашем возвращении после выполнения задания.

В итоге мы потеряли трех разведчиков убитыми и двое были ранены. Лично у меня в этом бою пулей пробило пилотку на голове и разорвало хлястик на шинели. Надо сказать, что я прижимался к земле так, что, будь одним сантиметром выше, мне бы не остаться живым.

Убитых своих товарищей мы похоронили на этой же высоте, оставив у могилы три больших камня.

Так вот, я имел право отбирать людей из полка. Штатный взвод разведки 20–25 человек, конечно, был, но, когда я уходил в тыл противника, мне предоставлялось право при необходимости набирать дополнительно. Много было ребят, желавших пойти в разведку из уголовников, потому что в разведке отличиться можно было быстрее, а уж если он отличился, то сразу подавали представление о снятии судимости. Вот таких у меня было человек 5, и двое из них имели приговоры даже по 10 лет тюрьмы. Очень хорошие ребята.

— Вас берегли, не использовали как пехотинцев?

— Каждый командир берег разведчиков знаешь как? Оооооо! Для него разведка все! Если командир хороший, он свой взвод бережет как зеницу ока!

— У вас были послабления, привилегии?

— Нет, я знал только то, что поставленную задачу надо выполнить. Если вернешься, значит, струсил. А то бывает так: пошел, его обстреляли, он вернулся и доложил: «Нас обнаружили». А у меня тогда и пулемет обстреляли, и немцев встретили, а задачу все-таки выполнил. Вот только этого пленного не уберегли. Правда, никого тогда не представили к наградам.

— Расскажите этот эпизод.

— Это было в начале сентября 1941-го, немцы были остановлены на Верманском рубеже. Наш полк занял оборону на участке озера и реки Нижний Берман и далее своим левым флангом примыкал к озеру Толванд.

Начальник штаба полка капитан Бутов вызвал меня к себе в штаб и поставил задачу — с наступлением ночи проникнуть в расположение противника в районе севернее озера Нижний Берман и захватить «языка». Место захвата было указано на карте.

Конкретный объект для нападения не указывался, нужно было идти и искать. Времени на подготовку к выполнению задачи практически не было, а за оставшийся небольшой промежуток до начала действий можно было только ознакомить бойцов с полученной задачей, назначить в группу конкретных людей и собраться. Для выполнения предстоящей задачи я взял девять человек. С таким количеством людей легче было проникнуть через передний край обороны противника, да и проще маскироваться у него в тылу.

Передний край проходил по неглубокой реке Средний Берман шириной до 8–10 метров. С наступлением ночи подошли к устью реки. По бревнам потихоньку перешли на противоположный берег. Один из разведчиков, рядовой Рыбин, поскользнулся и свалился в воду. Вначале я решил вернуть его обратно, но он очень просился идти с нами. Пришлось уступить. После небольшой задержки мы ползком преодолели передний край обороны и пошли в тыл. Чтобы никто не потерялся в ночи, двигались очень медленно и не цепочкой, как днем, а все вместе, компактно, чтобы всем были слышны мои команды, подаваемые вполголоса. Пройдя от переднего края метров 500–600, внезапно наткнулись на проволочный забор, послышался грохот железных консервных банок, навешанных на проволоку, и тут же в нашем направлении прогремела пулеметная очередь. Пламя от работающего пулемета на мгновение осветило нас. Вся группа мгновенно отскочила в сторону, и, к счастью, никто не потерялся и не был ранен. Опасаясь преследования, мы быстро отошли в более безопасное место. Я начал размышлять, как же поступить дальше, так как мы уже обнаружены и обстреляны. Противник, естественно, повысил свою бдительность. О возвращении обратно не могло быть и речи. Единственный был выход — оставаться в расположении противника до утра и путем наблюдения и скрытного проникновения в его глубину отыскать и определить объект для нападения, а с наступлением следующей ночи внезапно напасть и захватить «языка». Мое решение все разведчики поддержали.

Утро выдалось тихое и солнечное, на переднем крае слышны были короткие пулеметные очереди и одиночные выстрелы. Все мы замаскировались в небольшом кустарнике на холмике. В глубине на расстоянии 200–300 метров слышен был стук топора и даже отрывочные голоса работающих там немцев. Расположившись поудобнее, я начал ориентироваться и показал на местности, где мы шли после преодоления переднего края, определил направление, где должны искать объект для нападения, и пытался повернуть направо, чтобы определить

направление отхода после выполнения задачи. В этот момент среди редколесья в 30–40 метрах мы увидели группу немцев в 12–15 человек. Немцы резко остановились и повернулись лицом к нам, даже начали снимать с плеч автоматы. Я на мгновение оцепенел, но тут же сообразил — не реагировать, не проявлять никаких признаков тревоги. Смотрю на них спокойно и вроде бы продолжаю рукой показывать направление отхода. Разведчики, находившиеся рядом, разгадали мою мысль и тоже проявили выдержку. Это спасло нас. Конечно, можно было вступить с немцами в бой, но как потом выйти на свою территорию, особенно как преодолеть обороняемый передний край и минные поля, которые прикрываются огнем противника?! Противник, видя наше внешнее спокойствие, вероятно, принял нас за своих. Немцы молча повернулись налево и проследовали в сторону переднего края. Они просто не могли представить, чтобы в такое время у них в тылу были русские разведчики. Помогло то, что мы были в маскировочных костюмах, по цвету таких же, как у немцев, и все были без головного убора.

После ухода немцев мы переместились поближе к району, где производились строительные работы. Стали более осторожными, двигались медленно, просматривая каждый кусочек местности.

Наконец наступила вторая ночь. В течение полутора-двух часов мы приближались к расположению противника и, наконец, нашли землянку. Нападение должно было осуществиться бесшумно, чтобы потом спокойно отойти и преодолеть передний край в известном нам месте. Для нападения и захвата «языка» я назначил трех разведчиков, которые были физически наиболее крепкими и сильными, — это были рядовые Рыбин, Ройтман и еще один, фамилию которого уже не помню. Остальные разместились вблизи, чтобы при необходимости поддержать группу захвата огнем. Эти трое ползком двинулись к землянке. Напряжение было предельным, с секунды на секунду чего-то ожидали, и все были в тревожном состоянии. И вдруг в ночной тишине прозвучало два одиночных выстрела. Наше напряжение еще больше усилилось. Вслед за этим послышались шум, крик и сильная стрельба. Я хотел было броситься вслед за ушедшими разведчиками, но тут же они появились вместе с захваченным пленным. Оказывается, войдя в землянку, они наткнулись на двоих спящих немцев, которые, испугавшись, подняли крик. Разведчики попытались их тащить, но они оказали яростное сопротивление. Одного фашиста разведчики пристрелили, а второго захватили в плен. Рядом располагавшиеся немцы, услышав крики и выстрелы, в панике подняли шум, и началась беспорядочная автоматная стрельба. Все это произошло в

считаные секунды. Тут же вся группа без потерь была в сборе. Используя замешательство противника, мы начали спешно отходить. Идти было трудно, так как шли, не разбирая дороги, в основном по камням. При подходе к переднему краю начался рассвет. Немцы не преследовали, но когда стали переправляться, по нам открыли артиллерийский огонь. Несколько разведчиков было ранено, а пленный был убит. Я доложил начальнику штаба о результатах разведки. По захваченным документам противника была установлена нумерация и принадлежность его подразделения, а также место командного пункта обороняющегося батальона, так как случайно объектом нападения оказался командный пункт батальона противника.

Несмотря на наши действия, к наградам никто не был представлен. Начальник штаба полка сказал мне, что если бы пленного притащили живым, то получили бы такой же орден, как у него на груди. А у него был орден Красного Знамени.

Честно сказать, я никогда ни за званиями, ни за наградами не гонялся. Один раз вызвали в штаб дивизии. Я тогда был старшим лейтенантом. Приезжаю, а мне офицер штаба говорит:

— Ты чего не по форме одет?

— А что?

— Да ты же капитан! — Снимает две шпалы со своей формы и мне надевает.

Мне было 21 год, когда я стал капитаном. С наградами тоже не везло — в самые жаркие моменты начала войны, как правило, не представляли. Вообще у нас в Заполярье представляли только за конкретно выполненную задачу, а не так, как на Западе, — по разнарядке. Поэтому у меня есть только орден Красной Звезды за удачную засаду.

Дело было так. В конце 1941-го я был легко ранен и в полк вернулся в январе 1942 года. Там я был назначен командиром полковой разведки (взводы пешей и конной разведки). Вскоре была получена задача — выйти в район северо-западнее озера Толванд и захватить «языка». Указанный район находился на правом фланге противника за озером, где его подразделения оборонялись в отдельных опорных пунктах. Все подходы были заминированы. Через месяц я там подорвался на мине и был тяжело ранен…

После небольшой подготовки, проведенной накануне выхода, во второй половине ночи я проверил каждого из тридцати отобранных разведчиков и спросил, нет ли больных или не желающих идти на задание. Оказалось, что все чувствовали себя хорошо и настроены были по-боевому. Группа выходила на

задание пешком без лыж, хотя снег был глубоким и рыхлым.

В момент нашего выхода стояла тихая и морозная ночь, небо было чистым и звездным. Ярко светила луна. Только на переднем крае слышны были короткие пулеметные очереди, вспыхивали и гасли ракеты. Пройдя через боевое охранение батальона, мы скрылись за небольшой высотой.

Идти было тяжело, так как снег был рыхлый и разведчики быстро уставали, особенно идущие впереди.

Через какое-то время мы вышли на озеро Толванд, где оно было шириной около 2,5 км. Примерно через час мы достигли его противоположного берега. Немного отдохнули, а затем двинулись вдоль залива. Вскоре увидели небольшой домик. Это место было где-то в полутора километрах от опорных пунктов противника. Чтобы не нарваться на минное поле, нужно было дождаться рассвета. Мороз был крепкий, и я решил воспользоваться домиком, чтобы не поморозить людей, оставив двух наблюдателей, которые поочередно менялись. В домике было тихо и спокойно, многие уже успели задремать. Вдруг послышались звуки настоящей стрельбы, и все быстро вскочили. Оказалось, что один из разведчиков собрал щепки, обрывки бумаг и запихал в печку, а потом поджег, но вместе с мусором туда попали и винтовочные патроны.

Уже стало светать, и мы вынуждены были срочно уходить, опасаясь, что противник мог услышать разрывы патронов. Цепочкой двинулись вперед, в сторону опорных пунктов противника. Выйдя на просеку — а она просматривалась на глубину до полутора километров, — мы продолжали свой путь, меняя поочередно впереди идущих разведчиков.

Пройдя около 600–700 метров, заметили вдалеке шедшую навстречу группу противника человек 20–25. Группа двигалась на лыжах, была сильно растянута и четко выделялась на снегу. Наши разведчики в новых маскировочных костюмах были практически незаметны. Тут же принял решение организовать засаду. Разделил бойцов на две группы: одну, под командованием политрука лейтенанта Литвака, расположил слева от просеки, а вторую возглавил сам и расположил уступом справа от просеки. Местность хорошо просматривалась в сторону противника. Все разведчики были предупреждены, что огонь открывать только по моему сигналу — пистолетному выстрелу. Через 6–7 минут немцы подошли к месту засады. Помню, что идущий впереди был небритый, рыжий, потный, с автоматом на плече. Прицелившись в него, я выстрелил из пистолета с расстояния около 15–20 метров. Вслед за этим вся засада обрушила на противника сильнейший автоматный огонь. Кто попадал в снег, запутавшись в лыжах, а

кто пытался убежать.

Опасаясь, что разведчики в азарте перебьют всех немцев, я дал команду прекратить огонь, и все бросились в рукопашную схватку. Сержант Семенов набросился на одного фашиста, пытавшегося выстрелить, и, вырвав у него автомат, ударами уложил его. Второго, пытавшегося убежать, он скосил автоматной очередью. Лейтенант Литвак с двумя разведчиками уже схватил одного «языка». Рядовой Сухоруков набросился на финна, на помощь ему подошел рядовой Муртазалиев. Они быстро его схватили и поволокли в сторону. Рядовые Звенигора и Клепиков также схватили пытавшегося отлежаться в снегу немца. Все это произошло мгновенно. Видя, что задача выполнена успешно, я дал команду отходить.

В результате короткой схватки противник оставил на поле боя восемь человек убитыми. Троих взяли в плен — немца, финна и австрийца. Были изъяты документы убитых, а также подобраны оружие и лыжи. У нас потерь не было. К нашему счастью, когда переходили через озеро, пошел густой и пушистый снег, скрывший нас.

В хорошем и бодром настроении мы подошли к боевому охранению 1-го батальона, где нас уже ожидал помощник начальника штаба полка капитан Васильев. Он тут же спросил: «Ну как?» А я пошутил: «Неудача». Но он сказал, что слышал наш бой и по выражению лиц разведчиков догадался, что задача выполнена успешно. В боевом охранении мы позавтракали и накормили пленных, а затем направились в штаб полка.

— Как вы к партии относились?

— Я прибыл на фронт комсомольцем. А потом, после случая с документами, когда я сумку нашел, в полку на меня обратили внимание и решили принять в партию. Я помню, шел с разведчиками, и секретарь партийной организации полка встретил меня и сказал о решении.

— А что надо сделать? — спросил я.

— Ничего, вот заявление напиши, и все.

Приняли меня в кандидаты и через 6 месяцев приняли в партию. Ну а я выполнял все, что от меня требовалось.

— Что за эпизод с сумкой?

— Там вот что произошло. Это было летом 1941 года. Потери в батальоне были большие. Мы отступали и к концу дня уже подходили к району, который предполагалось занять, чтобы обеспечить отход командного пункта 122-й дивизии и ее артиллерии.

Сопки, покрытые лесом, перемежались с заболоченными участками и редколесьем. Мы, разведчики, шли впереди в

пределах видимости. Сгущались сумерки, но видимость еще была неплохая. Я заметил в 200–250 метрах правее колонну немцев, которая шла нам наперерез. Я тут же подал условный сигнал в голову колонны, но там никто не отреагировал, видимо, никто за нами не смотрел. Медлить было нельзя, и я приказал разведчикам открыть огонь по противнику, чтобы привлечь внимание командира батальона. Услышав стрельбу, батальон тут же развернулся «к бою», и началась перестрелка. Бой длился около 30 минут. Стемнело, и пошел мелкий густой дождь. Воспользовавшись этим, батальон начал выходить из боя, чтобы к указанному времени занять оборону. Отойдя около километра от места боя, командир батальона решил сделать небольшой привал, чтобы проверить личный состав в подразделениях. В результате боя было ранено несколько человек. Я со взводом находился при командире батальона. В это время обнаружилось, что парторг полка, находившийся с нами, потерял в бою полевую сумку с документами. Командир батальона тут же обратился ко мне примерно с такими словами: «Я знаю, что разведчики очень устали, но нужно приложить все усилия и попробовать отыскать утерянную полевую сумку». Мы уже двое суток не отдыхали. И вот, насквозь промокшие и сильно уставшие, мы должны возвращаться к месту только что прошедшего боя на поиски утерянной сумки. К ночи дождь усилился, похолодало. Как найти то место, где шел бой? Где во время боя был парторг? А вдруг немцы заняли наши позиции? Но глаза боятся, а руки делают. Пошли по тем же следам и тропам, по которым только что выходили из боя. Двигались медленно, внимательно вслушиваясь в темноту. Вышли на наши позиции. Вначале обследовали первую полосу на глубину до 100–130 м, затем вернулись и, заняв следующее исходное положение, двинулись на просмотр очередной полосы. Пройдя 20–30 метров, слышу, как справа, совсем рядом, раздался немного приглушенный, но восторженный голос одного из разведчиков: «Вот она, нашел!»

Сколько же было радости и восторга в этот момент у моих разведчиков, даже трудно вообразить. Какая же тяжесть свалилась с плеч измотанных, полуголодных людей!

Тут же быстро собрались и потихоньку стали двигаться к месту расположения батальона, ускоряя темп движения по мере удаления от места выполнения задачи, так как тропы нам уже были знакомы, а желание — поскорее вернуться к своим — с каждым шагом нарастало.

В хорошем настроении мы благополучно возвратились в расположение батальона. Тут же я доложил своему командиру, что задача выполнена успешно и без потерь. Вручил ему нашу

находку, за что он всех поблагодарил. Через короткое время мы опять двинулись к назначенному месту для занятия обороны в соответствии с ранее поставленной задачей.

— Не было вмешательства политработников в вашу деятельность как разведчика?

— Нет! У нас был замполит, лейтенант Литвак, который не вмешивался в командирские дела, а только следил, чтобы люди были одеты, накормлены и информированы о ситуации в стране. Он мне просто помогал. С людьми беседу провести или еще чего. Были, конечно, неприятные политруки, которые пытались командовать, но у меня ничего подобного не было.

— Были ли какие-то приметы, предчувствия?

— У меня было два момента. Первый произошел, когда мы отошли в район Алакуртти. Заняли оборону. Мы с телефонистом находились в одной ячейке. И тут начался артобстрел. И вдруг возникло чувство, будто кто-то силой тянет меня в сторону. Я успел отскочить метров на 15, и на месте, где я только что был, разорвался снаряд, который убил телефониста. Второй случай произошел, когда мы подходили к рубежу реки Берман в августе месяце. Устроили мы привал на высотке, а немцы все время постреливали. И вот какая-то сила подняла меня, и я сбежал чуть-чуть вниз, метров на 10–15. В эту же секунду на то место, где мы располагались, обрушился артиллерийский налет из 6–8 снарядов. У нас были раненые и, может, даже убитые, а я спасся тем, что отскочил. Оба эпизода длились секунды, быстрее, чем я о них рассказал. А вот когда я на мине подорвался, никакого предчувствия не было. Мы были в рейде в тылу противника. Только я сменил двух дозорных, которые вяло шли впереди, дремля на ходу, потому что не спали почти двое суток, и зацепился за растяжку. Только помню черно-красное пламя перед собой. Ребята потом сказали, что меня метров на 10 отбросило. Что характерно, если б я был метрах в 5, то осколки бы пошли по животу — это конец, а так по ногам и в руку, как она висела. Меня вытащили, но после этого ранения в разведку я уже не вернулся. В 1943-м пошел один раз в составе батальона в рейд, и пришлось вернуться, нога распухла, пришлось оперировать. После этого я служил в штабе 19-й армии, в войсковой разведке.

— Использовали вы «подножный» корм?

— Грибы и ягоды, конечно, и ели, и заготавливали. Иногда подстреливали кого-нибудь. В начале июля 1941-го на левом фланге дивизии была тропа, которую мы перекрывали. И вот послал я двух людей на ближайшую высотку посмотреть за немцами. Они в ложбинку, поросшую лесом, спустились, и я слышу — стрельба. Я уже думал с людьми туда идти. Смотрю —

поднимаются. Оказалось, оленя застрелили. Так вот дня три-четыре мы это мясо ели.

— Какое оружие брали с собой?

— Я ходил с ППШ и ТТ. Пользовались и немецкими автоматами. Каждый стремился их достать, потому что они легкие были. Гранаты или Ф1, или РГД-34. Немецкие гранаты тоже использовали, поскольку у нее ручка длиннее и ее можно дальше кинуть. Если проводили разведку переднего края, то брали пулемет, но в тыл его не таскали — слишком тяжелый. Иногда нас поддерживали минометы и артиллерия.

— Вас учили рукопашному бою?

— Нас в училище учили обращаться с винтовкой. Мы сооружали чучело из соломы, рядом с которым вставал курсант с шестом, обмотанным тряпкой, чтобы не повредить нападающего. Ты только идешь колоть это чучело, а он тебя палкой! Так вот, ты должен палку отбить и чучело уколоть. Специальным приемам или обращению с ножом нас не учили, хотя сам нож и умение с ним обращаться разведчику нужны обязательно.

— Были ли отличия в тактике, когда вы действовали против финнов или немцев?

— Нет! Тактика не менялась, и мы не приспосабливались к национальности противника.

— Сколько человек ходило?

— В Карелии такой рельеф местности, что даже батальону трудно маневрировать, особенно летом. Зимой иногда ходили силами до двух батальонов, громили тылы противника, но в основном мы больше действовали мелкими группами, которые больше подходили для тех условий. Обычно 10–15 человек, но очень хорошо подготовленных и вооруженных. Немцы же чаще использовали большие соединения в 50–60 человек, поддерживаемые артиллерией и минометами. Довольно примитивная тактика, не дававшая эффекта. Кстати, финны тоже мелкими группами действовали. Кроме рельефа, в Карелии большую роль играет погода. Она может измениться в любую минуту! Такой случай был в 122-й дивизии. Вышел лыжный батальон в рейд. Погода была хорошая. Потом пошел мокрый снег. Все намокли. Командир связался со штабом дивизии и доложил, что дальнейшее продвижение невозможно — мокрый снег налипает на лыжи. Командир дивизии ответил: «Продолжайте выполнять задачу». Но командир батальона, на свой страх и риск, решил вернуться. А к ночи ударил мороз. Хорошо, что они вернулись — иначе все бы замерзли, хотя и так 70 человек было госпитализировано, а остальные были обморожены.

— Как разделяли функции в разведгруппе?

— Смотря какая задача. Если разведка объекта, то никакого разделения нет. Если же нужно захватить «языка», то здесь выделяешь 2–3 наиболее крепких ребят в группу захвата, а остальные остаются в группе обеспечения, которая сможет отрезать огнем противника и не дать ему преследовать группу захвата. Потом уже наша теория считала, что должны быть три группы: нападения, захвата и поддержки. Просто выделяется из группы нападения один человек, задача которого захватить пленного, а остальные этот захват обеспечивают.

— Тренировались?

— Да! Когда уже в обороне встали, то, прежде чем идти на задание, выбирали объект — пулеметную точку, место засады на тропе и т. д. Готовились. В тылу подбирали похожее место, оборудовали его, и разведчики тренировались. Ведь в разведке самое важное — это знание объекта, особенно если стоит задача взять «языка». Надо изучить местность, подходы, подготовиться, а потом уже брать. А у нас сначала так было: «Вот сегодня в ночь пойдешь и на этом участке возьмешь „языка“!» Представляешь? Я мог только взять людей и определить, как идти и какое оружие взять. Потом, правда, все наладилось.

— Убитых вытаскивали?

— Если недалеко, то вытаскивали, а если не было возможности (как в том случае, когда полковника искали), то разбирали куски породы, делали углубление сантиметров 60, шинелями их накрывали и закладывали камнями. Раненых же всегда вытаскивали.

— У немцев было много снайперов?

— У нас было больше. Я тоже немного стрелял. Как-то пришел на передний край и смотрю, саперы ставят мины — такие деревянные коробочки, куда вставляют толовую шашку, а промежутки тоже толом засыпают, потом вставляют взрыватель, и сапер идет, минирует передний край. Вот я лег со снайперской винтовкой и все время постреливал, а противник там оборону, что ли, строил — то бревно несет, то еще чего. Как выстрелишь, смотришь, пропал. А этих саперов было трое, и у них было два мешка: один с шашками, а второй — тол в порошке. Вот он заготовит их заранее и несет штуки три. Надо взрыватель-то в последний момент вставлять, а им не хочется этого, лежа на болоте, делать. Я говорю:

— Вы что делаете?! Она же у вас в руках взорвется!

— Да нет, мы уже сколько ставили!

Минут сорок прошло, и слышу два сильнейших взрыва… Только одна нога осталась от этих троих.

Скопас Шалом Лейбович

Интервью — Григорий Койфман

Я родился в июле 1925 года в городе Паневежис в Литве. Нас было в семье четыре брата. Отец в 1928 году уехал в Америку на заработки и не вернулся в Литву. Наша семья снимала полторы комнаты, все мое детство мы бедствовали и страшно голодали. Всего четыре года успел проучиться в школе-хедере. Родной брат моей матери, Тевель Айбиндер, был профессиональным революционером, коммунистом-подпольщиком, просидевшим в царских, польских и литовских тюрьмах свыше двадцати лет за революционную деятельность. Под его влиянием я свято поверил в коммунистические идеалы и в 13 лет присоединился к коммунистическому движению и вступил в подпольный комсомол

Литвы. Агитировал, вывешивал по ночам листовки с призывом бороться против буржуазного правительства. Когда в 1940 году Красная Армия пришла в Литву, я был счастлив.

— Как вы отнеслись к депортации из Литвы 14 июня 1941 года?

— Я видел своими глазами, как происходила депортация так называемых «буржуазных и националистически настроенных элементов». Поверьте, мне было больно это видеть, даже слезы накатывались на глаза, но я был убежден, что вершится правое дело ради идеалов свободы, равенства, братства и интернационализма и выселение «буржуев» — это справедливое наказание за страдания и лишения простых трудовых людей. Я не торжествовал в душе, когда смотрел, как депортируемых сажают в грузовики перед отправкой на станцию, но и не осуждал. Вся моя голова была забита коммунистическими идеями и задурманена пропагандой и политмассовой работой. Все свое детство я голодал, хлеба досыта не ел, кусок сахара в семье был праздником. Начиная с двенадцати лет ложился спать с топором под изголовьем, чтобы в любую минуту быть готовым к схватке с антисемитскими бандами, которые в то время бесчинствовали в городе. Так что вы хотите?! Моя реакция на происходящее была соответствующей моим убеждениям в тот период. Что было — то было…

— Как для вас началась война?

— Я не чувствовал приближения войны. 22 июня 1941 года нас, пять человек комсомольцев, вызвали в горком комсомола, вручили винтовку, десять патронов и отправили на охрану сахарного завода. Два дня подряд все небо над нами было забито немецкими самолетами, летящими на восток. 24 июня утром сдал пост охраны на заводе товарищу и пришел домой. В городе царила жуткая, дикая паника. Все работники советских и партийных учреждений бежали. Никакой организованной эвакуации не было. Немцы стремительно продвигались от границы к городу. Через город проносились на бешеной скорости машины, набитые красноармейцами. Никто не собирался защищать Паневежис. И вообще, вся Литва была отдана немцам фактически без боя… Сосед сказал моей матери: «Пусть Шалом уходит на восток. Он комсомолец, и немцы его не пожалеют. А нас они не тронут!» Мать быстро собрала мне котомку в дорогу, дала единственную ценную вещь, хранившуюся в нашей семье, — дамские золотые часики, и впервые в жизни мне рассказала, что у моего отца есть две родные сестры в России, в Куйбышеве. Дала старый конверт с куйбышевским адресом. Русского языка я тогда совсем не знал и не мог прочесть написанное на конверте. Мать

сказала: «Забери с собой старшего брата и спасайтесь! Благословляю тебя, сынок!» Прибежал к старшему брату Гилелю на работу. Пошли с ним на выезд из города. Стали голосовать вместе с толпой таких же бедолаг. Ни одна машина не останавливалась — красноармейцы драпали в тыл без оглядки. Решили запрыгивать в грузовики на ходу. Мимо проносилась колонна грузовиков. Бросились с братом к машинам. Я зацепился за борт грузовика. Красноармейцы сбрасывали меня с машины. Одной рукой вырвал из своего кармана комсомольский билет, протягивал его красноармейцам и кричал: «Комсомол!» Какой-то старшина посмотрел на билет и затащил меня за шиворот в кузов. Оглянулся на следующую за нами машину и не увидел Гилеля. Ему не удалось заскочить в грузовик… Маму, Гилеля и двух младших братьев расстреляли литовские полицаи…

— Сколько времени длился ваш прорыв на восток?

— Я шел на восток два месяца. Из Прибалтики уходил в основном партактив. Мало кто из евреев успел убежать, многие не верили, что немцы поголовно уничтожают евреев… В Латвии наша колонна беженцев попала под страшную бомбежку, и больше половины людей из колонны погибли. Дальше шли лесами. Без еды, не зная и слова по-русски, с единственным документом в руках, и то с написанным по-литовски текстом. Лучше не вспоминать все эти мытарства и страдания, все то, что пришлось испытать на дорогах отступления. Шел вместе с другом, Хаимом Ритвесом, погибшим впоследствии на фронте в 16-й стрелковой дивизии. Только в середине августа я оказался вдали от приближавшейся линии фронта. Меня определили в колхоз «Большое село», в глубинке Ярославской области. В колхозе уже было много семей, эвакуированных из Ленинграда. Определили на постой в семью Сорокиных. Сорокины были из староверов, отнеслись ко мне с любовью. Мне многое было в диковинку — самовар, традиционная одежда… Показал Сорокиным «куйбышевский» конверт. Они написали письмо по указанному адресу, и вскоре пришел ответ от сестер отца. Они ждали меня. Тепло простился с Сорокиными, сел на пароход «Академик Бах» и поплыл по Волге. Обе тетки приняли меня с радостью. Их мужья уже были на фронте. В начале зимы 41-го года случайно встретил кого-то из «литовских» беженцев и услышал о создании 16-й Литовской стрелковой дивизии. Пришел в военкомат, попросился добровольцем. Мне там сказали, что «западников» в армию не призывают, а шестнадцатилетних на фронт вообще не берут, даже добровольцами. В Куйбышеве находилось представительство правительства Советской Литвы. Пришел туда. Меня принял 1-й

заместитель председателя Совнаркома Литвы Кучинскас. Он хорошо знал моего дядю-подпольщика. Спросил его: «Почему меня не берут?! Хочу на фронт добровольцем!» Кучинскас написал на правительственном бланке следующее письмо военкому: «Комсомолец-подпольщик Скопас направляется добровольцем в 16-ю СД». Вернулся в военкомат, передал письмо военкому. Он посмотрел на меня с интересом и изрек: «Жди повестки». Через две недели в дом тетки, находившийся на улице Галактионовской № 71, постучал посыльный из военкомата и передал мне повестку о призыве. Тетка сшила из наволочки вещмешок, дала какие-то продукты. В военкомате получил предписание явиться в Балахну Горьковской области — в место формирования Литовской дивизии. Ночью, ожидая поезда, заснул на вокзальном полу. Кто-то разрезал мой вещмешок и вытащил продукты и все документы. Я был в отчаянии. Пришел к начальнику станции, пытаюсь на ломаном русском языке объяснить свое горе. Начальник станции молча достал из ящика мои документы и вернул их мне. До сих пор не пойму — был ли он сообщником воров… 12 января 1942 года я уже был в Балахне. Прошел медицинскую и мандатную комиссию и сразу же был направлен в дивизионную разведроту.

— Что представляла собой 16-я Литовская стрелковая дивизия? Расскажите подробнее об этом формировании. Где набрали литовцев на целую дивизию?

— Чтобы дать вам точную раскладку по цифрам, я буду сейчас вынужден использовать статистические данные из книги, изданной в Литве и посвященной 16-й СД. 18 декабря 1941 года был издан Указ ГКО о формировании 16-й Литовской дивизии и 7-й Эстонской дивизии на территории МВО. Из Литвы успело убежать примерно 20 000 человек, мужчин, женщин, детей. Ядро дивизии составили литовские коммунисты-подпольщики, комсомольцы и солдаты так называемого 29-го стрелкового территориального литовского корпуса, сформированного на базе бывшей армии буржуазной Литвы. Большинство солдат корпуса с началом войны разбежались по домам или сдались немцам в плен, но было среди них несколько сотен солдат и сержантов, участвовавших в первых приграничных боях с немцами и отступивших с Красной Армией на восток. Одним из таких бывших кадровых солдат 29-го СК был мой будущий командир разведвзвода Альгирдас Гедрайтис, неожиданно изменивший присяге и перешедший к немцам в начале 1943 года. В январе 1942 года в дивизии было всего 1500 человек. Этой группы хватило на комсостав и только для формирования специальных и артиллерийских подразделений. А потом пошел со всей страны

поток евреев, беженцев из Литвы. Люди прибывали с Урала, Сибири, Азии. Их не брали в армию в военкоматах по месту эвакуации, они считались «западниками», не заслуживающими доверия, некоторые из них были вообще людьми без советского гражданства. Но когда вышел указ о формировании дивизии, им разрешили проследовать в Горьковскую область. Всех евреев направляли на формирование стрелковых полков, исключение на первых порах составили только медики. Кроме того, в дивизию направлялись лица литовской национальности, ранее проживавшие на территории СССР. Немало литовцев жило в Ленинграде, в Руднянском районе Смоленской области. Были литовские села в Саратовской области, три больших литовских деревни под Новосибирском. Была еще группа поляков, уроженцев Вильнюсского края, считавшихся литовцами. Для усиления дивизии на многие командные должности направляли сержантов и офицеров русской национальности, в основном уже успевших понюхать пороха на фронте. Так, например, к нам в 167-й стрелковый полк прибыл Герой Советского Союза Леонид Бубер, отличившийся еще на финской войне. Направляли к нам также солдат с литовскими корнями из других стрелковых дивизий Красной Армии. Но я знаю лично десятки людей, литовских евреев, которые воевали на разных фронтах, так и не будучи направлены в национальную литовскую дивизию. Так что к лету 1942-го в дивизии было примерно 11 500 человек, из них семь тысяч литовцев или уроженцев Литвы. Национальный состав дивизии был следующим: треть солдат и офицеров — литовцы, треть — евреи и еще треть — русские и представители других национальностей. Примерно 70 % рядового состава в стрелковых полках составляли евреи. Дивизия состояла из трех стрелковых полков — 156, 167, 249-го, из саперного, учебного и лыжного батальонов, дивизиона ПТА, зенитного дивизиона, 224-го артполка, отдельного батальона связи и моей 18-й отдельной разведроты. Поскольку само создание национальной дивизии являлось политическим актом, то в дивизии был большой политотдел, национальный оркестр и ансамбль песни и пляски. Была даже специальная группа фотографов, задачей которых было снять на пленку для истории весь боевой путь дивизии. Поэтому и существует множество фотоматериалов по 16-й СД. При дивизии во время формировки находилась специальная рота, в которой готовили будущих диверсантов и партизан для действий на территории Литвы, а в Шуе была создана партийная школа, в которой обучались будущие партийные кадры для республики. В Балахне оставался 2-й запасной батальон дивизии, ответственный за поставку «пушечного мяса» для 16-й СД. Для

того чтобы сохранить «прибалтийский» характер нацформирований, был издан строгий приказ, согласно которому все выбывшие из строя по ранению солдаты из прибалтийских дивизий направлялись после госпиталей только в свои части. В этом аспекте нас заранее уравняли с гвардейцами. Но из-за высоких потерь уже в 1943 году в дивизию шло большим потоком «русское пополнение». И только после того, как 16-я СД вошла в 1944 году в Литву, вновь большинство солдат дивизии составили литовцы, коренные жители республики. Где-то читал, что со второй половины 1944 года и до конца войны в дивизию на пополнение прибыло больше 12 000 литовцев из освобожденных районов Литвы. В июле 1942 года дивизия полностью закончила формировку и подготовку к боевым действиям и была признана готовой к отправке на фронт. В принципе это весь краткий экскурс в историю создания дивизии.

— Как происходил отбор в отдельную разведроту дивизии?

— На мандатной комиссии меня сразу спросили: «Хочешь служить в жвальгибе?» «Жвальгиба» — по-литовски разведка. Я с радостью согласился. В разведку дивизии отбирали самых лучших и подготовленных, только бывших подпольщиков, коммунистов и комсомольцев, но также была большая группа из бывших кадровых солдат 29-го стрелкового корпуса Литовской армии. В моем взводе «кадровиков» была почти половина. Евреев в разведку брать не хотели, желая сохранить элитарное подразделение дивизии мононациональным и составленным только из представителей титульной нации. Хотя у нас была часть ребят — русские, уроженцы Литвы. Но я имел «подпольное» прошлое, и меня взяли в роту без проблем. Евреев в разведроте поначалу было всего четыре человека, это потом уже нас там собралось порядочное количество, хоть синагогу открывай. Наша рота называлась — 18-я отдельная моторизованная разведрота, но я не знаю, почему мы назывались моторизованной, у нас даже мотоцикла в роте никогда не было, не говоря уже про БТРы. В роте на формировке было 120 человек, делившихся на три взвода. Разведкой дивизии командовал майор Стасис Гайдамаускас, бывший офицер буржуазной литовской армии. Человек лично смелый и требовательный, строгий, но не подлый. Всегда предельно официальный. Одно время в должности начальника разведки был майор Шимко, человек тоже серьезный, оставивший о себе очень достойное впечатление. Ротой командовал бывший капитан Литовской армии по фамилии Даугела, человек интеллигентный и умный. Коммунистом он не был. К нам он относился очень корректно и сухо. В конце 1943 года роту принял капитан Евгений Барабаш, погибший осенью 1944-го… Вообще,

дух и закалка старой Литовской армии сохранялись в дивизии всю войну. Бардака в плане дисциплины или панибратства в отношениях с командирами в 16-й СД не было. Даже разведрота дивизии порой соблюдала «определенные рамки приличия». Внешне мы не производили впечатление «банды головорезов». Я попал во взвод лейтенанта Еедрайтиса, бывшего сержанта Литовской армии, удостоенного за бои под Москвой в составе Латышской дивизии медали «За отвагу» и получившего за боевые отличия командирское звание. Его измена в 1943 году потрясла меня, я не ожидал от него такого поступка. Со мной служили в роте бывший секретарь ЦК комсомола Литвы наш ротный комсорг Антонас Жалис, прекрасный человек и верный товарищ, мой друг еврей Брянские, парторг Бакас и много еще хороших ребят и смелых разведчиков: Бурокас, Витаутас Скобас. Многих еще можно назвать. Сразу после прибытия в роту мне вручили финку в ножнах — отличительный признак разведчика. Я был самым молодым разведчиком в роте… А потом началась боевая учеба. На полевых занятиях все выглядело таким простым и легкодостижимым. Учения по тактике разведчиков, ночные переходы, преодоления препятствий, ножевой бой, стрелковый бой, действия по захвату «языка», азы маскировки — все казалось «семечками»… Это потом, в первых боях, мы быстро разобрались, «почем фунт изюма» в разведке. На своей крови учились…

— Почему дивизия почти год находилась в тылу?

— Мне трудно вам что-то ответить дельное. Сталин объявил 1942 год победным и переломным, может быть, «наверху» ждали и надеялись, что Красная Армия быстро дойдет до границ Литвы, и берегли дивизию для участия в боях непосредственно на территории республики. Не знаю… 1 мая 1942 года нас привели к присяге. В июле приехала комиссия из штаба Московского округа, и дивизию признали полностью боеспособной. В августе нас перебросили в прифронтовую полосу, под Тулу, дивизия была дислоцирована в районе Ясной Поляны. Здесь мы простояли в резерве до конца декабря. Вся дивизия уже мечтала побыстрей вступить в бой. И причина тут не только в патриотизме личного состава. Все бойцы были измучены голодной тыловой нормой питания. В день давали 600 граммов хлеба, который делили на три пайки, пустую баланду, которую мы прозвали «Волга-Волга», и по черпаку каши. Солдаты откровенно голодали. Отправки на передовую мы ждали с нетерпением.

— Как происходила отправка дивизии на фронт?

— В конце декабря нас перебросили в другой район Тульской области. В январе был совершен многодневный ночной марш в Глебовский район, потом в поселок

Русский Брод. Стояли сильнейшие морозы, снег валил круглосуточно, пурга занесла все дороги. Все обозы с продовольствием и боеприпасами безнадежно отстали. Нас беспрерывно гоняли вдоль линии фронта, мне уже казалось, что этим переходам, по 300 километров, не наступит конца и мы так и будем всю войну ходить из одного района в другой. В середине февраля мы выступили маршем на Дросковск. А потом нас перекинули в 48-ю армию на Брянский фронт. Новый переход был выше всяких человеческих сил, мы были уверены, что до пункта назначения не дойдем. Машины и повозки не могли пройти по заснеженным дорогам, люди тащили на себе мины, снаряды, ящики с патронами. Холод был лютый. Мы шли по 25 километров в день, спали в снегу, многие замерзали насмерть. Обессиленными и изголодавшимися, 18 февраля 1943 года, после очередного неимоверно тяжелого марша, мы продолжили движение в район деревни Алексеевка. Там дивизия приняла свое первое боевое крещение, и, по сути дела, деревня Алексеевка является сплошной братской могилой для солдат нашей дивизии. В февральских и мартовских боях 1943 года дивизия потеряла больше 80 % личного состава. Это колоссальные потери. Погибли самые лучшие люди дивизии, самые преданные Советской власти коммунисты и комсомольцы.

Взвод разведки 249-го СП получает боевую задачу от майора Шимко, начразведотдела полка; в центре — ГСС сержант Федотов

Я был тогда рядовым солдатом-разведчиком, и откуда мне

было знать, что там решали в штабах, когда гробили нашу дивизию. Но одну деталь я знаю достоверно. Когда 16-я дивизия дошла до Алексеевки и был получен приказ наступать на Змеевку, командир нашей дивизии генерал Жемайтис вяло попросил по телефону у командарма несколько суток на отдых и на подтягивание артиллерии и тылов. Комиссар дивизии Мацияускас вырвал трубку из рук комдива и бодро отрапортовал, что дивизия к атаке готова и рвется в бой! Решил, видно, сволочь, на день Красной Армии начальству подарок сделать и сам выслужиться. Командарм рявкнул: «Молодцы!», и так началось истребление нашей дивизии. 22 февраля 1943 года дивизия пошла в атаку без артподготовки, фактически вслепую. По пояс в снегу, в сорокаградусный мороз, солдаты вышли на исходные позиции для атаки. А у немцев там каждый метр был пристрелян заранее. Еще до того как полки поднялись в атаку, нас несколько раз нещадно пробомбили, а потом начался непрерывный артиллерийский и минометный обстрел. Батальоны продвинулись на несколько сот метров, но немцы пулеметами, из бойниц, расположенных в снежном валу, косили наши атакующие цепи. Только с наступлением темноты живые смогли отползти в свои траншеи. А на следующий день все повторилось вновь, по тому же сценарию. Солдаты в полный рост, без маскхалатов, черными мишенями на снегу, пытались атаковать. У деревни Нагорная немцы закопали в снег свои танки, и к пушечному, пулеметному и минометному жесточайшему огню добавилась смерть, изрыгаемая танковыми орудиями… Дивизия так и лежала, расстреливаемая, на снегу, на страшном морозе, прямо перед немецкими позициями. Окопаться было невозможно. Приказа на отход никто не давал. Солдатам говорили: «Ни шагу назад!» Наша артиллерия не могла нам многим помочь, у артиллеристов было в лучшем случае по 10 снарядов на орудие. Через шесть дней остатки полков вывели с линии передовой и перебросили под деревню Никитовка, снова приказав любой ценой прорвать оборону противника. И здесь вновь продолжалась «мясорубка». Это были не бои, это было убийство. Под Никитовкой люди просто стали околевать от голода. Две недели нам вообще не доставляли продовольствия. Съели всех коней, а дальше… Солдаты питались только замороженной брюквой. Изредка давали по горстке муки, и бойцы мешали ее с водой, делая затируху. У многих от голода распухли ноги. А потом остатки дивизии вывели в тыл… Комдива генерала Жемайтиса по-тихому убрали с командования дивизией и отправили преподавать в Академию ГШ КА. Комиссар дивизии Мацияускас отделался строгим выговором. Никто не ответил за бездарную,

ничем не оправданную гибель тысяч солдат Литовской дивизии. Мне до сих пор иногда снится, как я лежал двое суток под непрекращающейся страшной бомбежкой в Алексеевской церкви среди штабелей трупов наших солдат… Когда весной нас меняла на передовой стрелковая бригада, прибывшая из Сибири, то мы стали собирать из-под снега тела павших товарищей и рыть братские могилы, каждая на пятьсот человек. Многие из нас не брились по несколько недель, а религиозным евреям вообще разрешалось носить бороды, и как-то так получилось, что очень многие убитые были с лицами, заросшими черными бородами. Сибиряки, увидев горы трупов, приготовленных к захоронению, спрашивали у нас: «Откуда у вас столько бородатых грузин?» Мы отвечали им: «Это не грузины, это евреи. Запомните это!»…

— Как использовалась разведрота дивизии в этих зимних боях?

— Первый поиск мы провели в ночь на 22 февраля. Пошли группой в 12 человек. Немцы заметили нас на нейтралке и расстреляли из пулеметов. Тогда погибли Брянские, Жалис, Бурокас, и еще три разведчика были ранены. Начальник разведки дивизии сказал нам, что мы еще «зеленые» и настоящей войны не знаем… и лично повел нас в поиск на следующую ночь. Нас снова расстреляли на подходе к немецким позициям. Потом нас кинули в бой, как стрелковый резерв, а далее послали в разведку боем, со всеми вытекающими отсюда для разведроты печальными последствиями. Ничего хорошего в моей памяти февральские и мартовские бои не оставили.

— Как была вооружена ваша разведрота?

— У всех автоматы, гранаты, кинжалы. Ручных пулеметов или снайперских винтовок у нас не было. Со временем многие ходили в поиск с немецкими автоматами. Наши ппш мы не любили, они часто заедали и давали осечки, а немецкие автоматы были легче и надежней. Трофейные пистолеты к 44-му году появились у всех разведчиков. Бинокли были у многих, а ракетницы — только у командиров групп.

— Как обеспечивали разведчиков питанием и обмундированием?

— Весной 1943-го под Орлом мы жутко голодали. Такая же картина была под Невелем в конце того же года. Все дороги были разбиты, продовольствие не могли подвезти к передовой. Разведроту посылали через леса, за тридцать километров, на армейские склады, и мы несли в своих вещмешках сухари для штаба. Один раз в таком «походе» мы по дороге назад съели несколько десятков сухарей, так нас за это чуть не расстреляли. Весь взвод уже выстроили «у стенки», но приказа на расстрел

комдив все же не дал, пожалел разведчиков. Без опытной разведки тяжело воевать… Я сейчас говорю серьезно… Но в основном питание разведчиков было хорошим. Ленд-лизовские продукты нас выручали. Обмундирование было у нас добротным, разведчики ходили в пуховых куртках, кстати, отечественного производства. Сапоги вначале были только у комсостава, но со временем все разведчики поменяли обмотки на кирзачи. В бытовом плане нам было намного легче, чем пехотинцам. Разведрота в обороне обычно дислоцировалась рядом со штабом дивизии, и организовать помывку в бане или стрижку для разведчиков было делом простым. В окопах мы мерзли только во время подготовки к поискам. «Аристократы»…

— Пили в разведроте много?

— Канистры с водкой спокойно стояли в роте, и никто спиртным чрезмерно не увлекался. Но были моменты, когда перед разведкой боем мы выпивали граммов по 200 водки, а то и побольше. Разведку боем у нас называли «разведка смертью». Те, кто знает, что такое разведка боем, меня сейчас поймут. Перед обычным разведпоиском, как правило, не пили, это была для нас обычная работа, и в стимуляции нашей смелости алкоголем мы не нуждались.

— Численный состав разведроты оставался всегда неизменным?

— Нет, с лета 1943 года в роте никогда не было больше пятидесяти человек. В поиск у нас ходили все, кроме старшины роты Табенкина, нашего «ангела-хранителя и кормильца», и замполита Гутаутаса, бывшего коммуниста-подпольщика. Гутаутаса мы все уважали, это был умный и хороший человек, имевший на нас большое влияние. Он умел поддержать дух разведчиков в трудную минуту. Его слова «Лучший немец — мертвый немец» стали девизом роты. Наш санинструктор роты принимал непосредственное участие в разведпоисках.

— Как восполнялись потери в вашей разведроте? Как менялся национальный состав разведроты?

— На пополнение присылали добровольцев, обязательно с боевым опытом. Из полковой разведки к нам тоже приходили, помню евреев Петлицкого, Гришу Розенблюма, прибывших к нам из полковых разведвзводов нашей дивизии. Прибыл к нам после штрафной роты бывший ленинградский уголовник и будущий ГСС, литовец, сержант Болеслав Гегжнас, разведчик смелый и толковый, но личность во всех отношениях противоречивая. С середины 1943-го к нам приходило после госпиталей на пополнение много русских ребят из других дивизий. Так, в мою группу попали Щербаков и Рукавишников. Щербакова снова

ранило во время разведки боем, но он вернулся в роту и вскоре был убит в поиске. Рукавишников погиб от пули снайпера. В начале 1944 года рота была полностью смешанной по национальному составу, пришло много русских и украинцев.

Похороны командира взвода разведки лейтенанта Кокухина

Вот видите, на фотографии стоят: спокойный и храбрый Косолапов по прозвищу «Толстый», веселый Мельников, Бондарчук, ставший кавалером ордена БКЗ, смелый Нестеренко. Тогда же в роту пришел разведчик, ставший моим близким другом на всю жизнь, Николай Хваткин. Кавалер трех орденов, мой одногодок. Живет сейчас в Москве и до сих пор преподает в вузе. В 1943 году из соседней дивизии к нам перевели нового ротного командира, капитана Евгения Барабаша. Молодой парень, но уже совсем седой, с тремя орденами на груди. Боевой офицер Женя Барабаш был «скрытым» евреем, но по документам шел как украинец. Мы иногда над ним «шутили», подходили к ротному и обращались к нему на идиш. Барабаш с огромным трудом не реагировал и делал вид, что не понимает сказанного, сразу переспрашивал по-русски: «Что случилось?» Отчаянный смельчак и прекрасный командир роты, Барабаш был тяжело ранен осенью 1944 года и скончался в госпитале от ран. Никаких

национальных конфликтов в роте не было. Главным языком общения постепенно для всех стал русский. Многие из русских ребят не могли выговорить мое имя-отчество — Шалом Лейбович, так называли меня Ленькой или Алексеем Ивановичем. Мы были как одна семья, все фанатично любили Советскую власть и были готовы за нее в любую минуту отдать жизнь.

— Сколько разведчиков выжило из первого состава роты?

— Из первого состава до января 1945 года оставалось в строю всего человек пять-семь. Потом меня тяжело ранило, я выбыл из дивизии, и о дальнейшей судьбе некоторых товарищей у меня нет полной информации. Знаю точно, что сейчас живы из нашей роты три человека: Косолапов живет в Вильнюсе, Хваткин — в Москве, а я — в Израиле. Вроде еще жив Розенблюм, последние годы он жил в США.

— Имели ли бойцы разведроты какие-то послабления в плане воинской дисциплины? Все-таки подразделение элитарное, отборное.

— В 16-й Литовской СД была железная дисциплина, дух и даже традиции старой Литовской армии в дивизии сохранялись. Никаких дисциплинарных послаблений или «эксклюзивных» привилегий разведрота не имела. С разведчиками не церемонились. У нас если кого в дивизии «к стенке ставили», то не смотрели, кто разведчик, а кто нет. Закон был один для всех. Из нашей разведроты только Гегжнас мог себе позволить почти все, поскольку был любимцем штаба дивизии и поставщиком трофеев № 1. Конечно, и я мог при желании послать подальше какого-нибудь лейтенанта, возомнившего себя полководцем… Всякие были случаи… Но в основном дивизионные разведчики вели себя корректно, особо не зарывались и, как бы это повернее выразиться, чрезмерной заносчивостью не отличались.

— А мне ветераны Литовской дивизии буквально легенды рассказывают о вашей разведроте, в плане боевой деятельности, дисциплины и так далее…

— Вы серьезно думаете, что я сейчас начну вам, как на духу, выкладывать все, что творилось в нашей отдельной разведроте? И у нас остались свои маленькие «тайны» и свои «скелеты в шкафу». Прежде чем я начну вам предельно откровенно рассказывать о кое-каких событиях, я должен хотя бы по телефону позвонить еще живущим на свете бывшим бойцам разведроты и решить вместе с ними, а стоит ли вообще давать, скажем так, «лишнюю информацию»…

— Я уже привык, что бывшие разведчики и о боевой деятельности, и о рядовых разведпоисках рассказывают крайне скупо и сдержанно.

— И правильно делают. Берегут психику молодого поколения. Поймите, разведчики и диверсанты — это единственные люди в армейских рядах, которые всю войну провели, как говорится, лицом к лицу с врагом и со смертью. В буквальном смысле… И любой фильм ужасов покажется вам лирической комедией после честного рассказа войскового разведчика о том, что ему пришлось увидеть и испытать в разведке. Нам ведь очень и очень часто приходилось немцев не из автоматов убивать, а резать ножами и душить руками… Сами вдумайтесь, что стоит за фразой «я снял часового» или «мы бесшумно обезвредили охрану»… Спросите разведчиков, какие кошмары им снятся до сих пор по ночам. Просто спросите, не для публикации…

— Как относились к бойцам дивизионной разведроты в полках дивизии? Какими были отношения с полковыми разведчиками?

— Солдаты нас очень уважали. Это бесспорный факт, и мы этим гордились. С полковыми разведчиками тоже были хорошие отношения, все-таки одно дело делали. У нас, кстати, среди полковых разведчиков были настоящие мастера разведки, например ГСС сержант Вася Федотов из 249-го СП. А вот командование батальонов и полков относилось к дивизионной разведке по-разному. Помню, пришли в батальон Виленского готовить поиск, а он нам заявляет: «Е… вашу мать! Валите отсюда! Вы тут нагадите, а мне здесь потом за вас все дерьмо разгребать!»…

— Какие-то законы и традиции были приняты в вашей разведроте?

— Еще до выезда на фронт мы поклялись — ни в коем случае не оставлять врагу своих раненых и убитых. Это был наш основной закон. Был еще один закон — разведка погибает, но в плен не сдается!..

— Как вы оцениваете переход к немцам группы вашего взводного Гедрайтиса, переход к немцам группы Климаса — Чернюса из полковой разведки 156-го СП?

— Переход группы командира моего взвода лейтенанта Гедрайтиса к немцам в начале марта 1943 года был для меня ударом. Мы все были в шоке. Я должен был идти с этой группой в поиск, но слег с высочайшей температурой, и они пошли в немецкий тыл без меня. В группе было шесть человек, все бывшие солдаты и унтер-офицеры из 29-го территориального СК, кадровики Литовской армии, включая помкомвзвода Яздаускаса. Группа не вернулась. Через день линию фронта под немецким огнем перешел какой-то паренек в простреленной телогрейке. Он

рассказал, что группа Гедрайтиса прячется от немцев в подвале дома, в селе, расположенном от передовой в 11 километрах. В группе несколько раненых, и они ждут от нас помощи. Передал ремень Гедрайтиса, как знак того, что ему можно верить. Сразу в роте организовали отряд из 25 разведчиков. Несколько дней мы наблюдали за немецкой передовой, пытаясь нащупать место для удачного перехода линии фронта. И когда уже вроде все было готово к операции, к нам пришел «особист» и сказал: «Отбой!» Заметили в Особом отделе, что на телогрейке у парня все дырки от пуль свежие, а следов крови нет, и взяли этого хлопца в оборот. Тот сознался, что сам он служит у немцев полицаем и что послан немцами для того, чтобы заманить разведроту в засаду. А сам Гедрайтис добровольно, без боя, сдался со своей группой врагу в плен и предвкушал, как нас перебьют во время операции «по спасению разведгруппы». Этого парня привели к нам в роту, и он все нам рассказал. Потом спросил: «Кто здесь Ленька Скопас?» Я поднялся. Парень мне и говорит, что его Гедрайтис лично попросил удавить Леньку-жиденка…

Разведчики 16–1 СД ведут «языка»

А ведь Гедрайтис ко мне на формировке относился очень хорошо… Я не могу понять причин его предательства. Ведь Гедрайтис мог еще в 1941-м переметнуться к врагу, а он под Москвой храбро воевал и даже заслужил боевую медаль. Почему он сломался?.. Может, увидел поле боя под Алексеевкой, полностью покрытое трупами солдат дивизии, и выбрал жизнь

ценой предательства… А может, не выдержал напряжения, когда перед каждым разведвыходом нам говорили открытым текстом представители разведотдела дивизии: «Если „языка“ не возьмете — будете расстреляны! Без „языка“ не возвращайтесь! Лучше сами себе пулю в лоб пустите!» Добавлю только одно: отец Гедрайтиса какое-то время после войны получал пенсию за своего сына, как за «пропавшего без вести». И такое случалось. Почему перешла к врагу группа Климаса из полковой разведки 156-го СП, я точно не знаю. Слышал, что Климаса поймали в Литве после войны и расстреляли. Младший лейтенант Повилайтис тоже получил свое за измену Родине. Бывший унтер-офицер сверхсрочник Литовской армии. Перебежал к немцам 4 июля 1943 года, прямо перед началом Курской битвы, и доложил немецкому командованию, что на участке обороны Литовской дивизии литовцев нет, находятся, как он сказал, «…одни жиды и сброд из русских, а жиды, известное дело, воевать не умеют и не желают». Немцы и ударили в районе высоты 248,0 в стык «жидовским полкам», это западнее поселка Красная Слободка. Сначала позиции 156-го СП два раза пробомбили 120 немецких бомбардировщиков, а потом немцы нанесли удар, пустив на узком участке двадцать танков. И так мы готовились к сражению, но после побега Повилайтиса все передовые части были приведены в полную боевую готовность. Мы ждали немцев, и атака была отбита с большими для противника потерями. 7 июля мы увидели в бинокли, как немцы подняли над своими позициями прибитый гвоздями к доске труп Повилайтиса. После, из допросов пленных немцев и из захваченных документов, выяснилось, что немцы посчитали младшего лейтенанта Повилайтиса специально заброшенным к ним в тыл лазутчиком, с заданием ввести в заблуждение немецкое командование относительно системы обороны и дислокации 16-й СД. Этот случай широко стал известен в дивизии. Собаке — собачья смерть! А теперь я вам хочу сказать следующее. Я думаю, что процент людей в Литовской дивизии, искренне и беззаветно сражавшихся за Советскую власть, был самым высоким в Красной Армии. Наша дивизия была, по сути дела, добровольческой и коммунистической, состоявшей из фанатиков. Еще один важный фактор. 30 % дивизии составляли евреи, и у каждого из них был свой личный счет к врагу. Поэтому я не хочу смаковать всякие «истории с предателями». Если бы все воевали, как 16-я СД, мы бы войну на пару лет раньше победой закончили.

— Начало Курской битвы, каким оно было для вас?

— Утром 5 июля 1943 года пошел навестить своего товарища Иозаса Левицкаса. Стояли с ним возле землянки, разговаривали.

На передовой не стреляли, полное затишье. Вдруг в тишине раздался гул авиационных моторов. Над нами низко летели 300 немецких самолетов. А потом была такая бомбежка, что до сих пор ее забыть не могу.

— Немецкий прорыв на участке 167-го СП происходил на ваших глазах?

— На развалинах деревни Панская, в так называемом районе «семидворики», разместилась приданная нашему 167-му СП отдельная штрафная рота. Немцы выставили напротив своих «штрафников». Там нейтральная полоса составляла метров семьдесят, а посередине «нейтралки» стоял колодец. Штрафники с двух сторон как-то договорились между собой и друг друга… не трогали. Подходили к колодцу без особого страха и даже устроили «натуральный обмен» на «нейтралке» — наши оставляли на земле махорку и взамен получали от немцев сигареты. До братания не дошло, но бдительность наших «штрафников» притупилась. Под утро немцы, без выстрелов, быстро перемахнули нейтральную полосу и вырезали наших «штрафников», спящих в землянках. Так начинался этот прорыв в «семидвориках», немцы зашли в стык между дивизиями. В 167-м СП срочно создали ударный отряд. И комбат Виленский со сводным отрядом отбил назад утраченные позиции. Дивизионную разведроту к участию в этом бою не привлекали.

— Какой из разведпоисков 1943 года вы считаете самым удачным?

— В разведотделе нам «плешь проели» требованиями достать «толковых языков». Пошли группой 15 человек. Нас повел Гегжнас. Зашли к немцам в тыл, расположились в лесу, рядом с дорогой, ведущей к немецкому госпиталю. И так мы с этой дороги восемь человек в лес затащили. Один из них был офицер в звании капитана. Он достал трубку и закурил. Дым нас мог демаскировать. Говорю ему: «Быстро трубку затуши!» А он мне в ответ целую тираду выдал, мол, не имеете права, согласно Женевской конвенции никто не смеет унижать пленного офицера. Нагло себя повел офицерик… Начал он орать на всю округу, так мне пришлось его сразу ножом зарезать. Стали совещаться, что будем делать дальше. Семерых немцев трудно через передовую провести. Зарезали еще троих. А четверых привели в плен. Договорились между собой, что если в разведотделе станут задавать лишние вопросы, то скажем, что немцы убиты при попытке к бегству. А что с нас взять… Мы были головорезами… И это факт. Все «ломом подпоясаны»… Все разведчики, участвовавшие в этом поиске, были награждены.

— В роте существовало «соцсоревнование» между

взводами, кто больше «языков» захватит?

— Такого не было. Все делали одно общее дело. Например, второй взвод возьмет в плен офицера, так мы вместе радуемся. Примите во внимание, что очень часто за каждого взятого «языка» мы платили жизнями своих товарищей — разведчиков. Тут не до «взаиморасчетов» было.

— Как шел зачет «языков», взятых разведчиками роты? Знали ли вы о существовании так называемой «нормы» для разведчиков на представление к званию ГСС за 20–25 взятых «языков»?

— О таком приказе я не слышал. Я был занят войной и наградами не интересовался. Зачет взятых «языков» шел на ту пару разведчиков из группы захвата, которые непосредственно взяли «языка». Группе прикрытия засчитывалось участие в поиске. Всю канцелярию «по зачетам» вели в штабе и в разведотделе дивизии. Зачетным «языком» считался только пленный, взятый в подготовленном поиске в условиях стационарной обороны противника. А если ты в бою взял в плен «полвзвода или полбатареи» немцев, то они зачетными «языками» не считались. Поэтому когда я слышу цифры, что разведчик Фисатиди взял 150 «языков», а еще кто-то, Герой Союза, имеет на счету свыше 80 «языков», то я не знаю, как к таким данным относиться. Чтобы успеть взять такое количество «языков», надо быть трижды бессмертным и суперсчастливчиком. Для человека, воевавшего несколько лет в разведке, цифра в 25–30 «языков» на личном счету мне кажется максимальной. Лимит жизни и удачи для разведчиков был ограничен. Потом любого удачливого разведчика обязательно убивало или калечило.

— Как вели себя в плену немецкие военнослужащие, захваченные бойцами дивизионной разведроты?

— Разные попадались немцы. Было немало пленных, державшихся в плену гордо и достойно, но в основном, конечно, многие «языки», попавшие в руки разведгруппы, были в шоковом состоянии и с перепугу забывали и о присяге, и о гордости, и о своей немецкой родной маме. Особенно если немец видел, что попал в плен к евреям, то страх его был ужасен. Немцы боялись, что евреи их на месте порешат. Вот вам фотография для примера. Разведчики допрашивают немца. Рядом с «языком» стоят разведчик Яскевич, лейтенант Акерман и переводчик Пактор. Все, как говорится, «ребята с нашей синагоги». Что немец мог от них ожидать?! Шоколадки? Или заслуженной пули в живот? И ничего, если позарез требовался «язык», мы оставляли немца в живых. Работа у нас была такая…

— Я не зря задал этот вопрос. Встречался в свое время с

двумя бывшими бойцами дивизии, и они утверждают, что, например, во 2-м батальоне 249-го СП вообще старались пленных никогда и ни при каких обстоятельствах не брать.

— Это не совсем так, я думаю, эти люди немного преувеличивают. 2-й батальон 249-го СП долгое время считался чисто еврейским, и когда солдаты пришли на землю Литвы и узнали, что все их родные уничтожены, то жажда мести была очень велика. И какой-то период действительно в плен в этом батальоне никого не брали. Не забывайте, что 96 % еврейского населения Литвы было уничтожено немцами и их пособниками. Но вскоре слава о батальоне пошла по армии, налетели проверяющие из политотделов и Военного совета. Комбата, как я слышал, с трудом «отбили» у трибунальцев и даже хотели отозвать его представление на Героя. Но кроме этого случая, я не помню рассказов или примеров о том, что солдаты 16-й СД массово стреляли пленных, взятых в бою. Другое дело «власовцы», но здесь был принят общий «фронтовой стандарт». Идешь по лесной дороге, а на деревьях висят повешенные «власовцы» с табличками на груди: «Изменник Родины». Такое я видел. Когда мы зашли в Литву, то нередко захваченные в плен полицаи или служившие в карателях «погибали при попытке к бегству». И то всех не убивали… Но военнослужащих вермахта в расход у нас никто «пачками не пускал».

Разведчики допрашивают немца. Рядом с «языком» стоят разведчик Яскевич,

— Как щедро в вашей дивизии отмечали разведчиков правительственными наградами? Каких наград удостоились вы лично за службу в разведке?

— Вопрос непростой, и увольте меня сейчас начинать обсуждение наградной темы, а то я, не ровен час, скажу кое-что лишнее. В 1943 году я был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», в 1944 году получил орден Отечественной войны. Имею еще польский орден «Крест Грюнвальда». Ладно, скажу вам еще одну вещь. Дивизия наша была «местечковой», но… Невзирая на атмосферу интернационализма в дивизии, евреи все равно считались национальными кадрами «второго сорта», и каждый наградной лист на еврея рассматривали через лупу, и евреям ордена за подвиги давали скупо и со скрипом… Евреев награждали, только когда уже начальству деваться было некуда, слишком очевидна и весома была боевая заслуга. И то после третьего наградного листа… У нас даже в роте была частушка-прибаутка. Служат рядом еврей Скопас и литовец Скобас. Вот и шутили: «Представляли Скопаса, а наградили Скобаса»… Так было…

— Как разведчики относились к возможной смерти в разведпоиске?

— Мы относились к смерти спокойно. Знали, что рано или поздно нас не минует чаша сия. Но не было ни одного случая явной трусости в нашей разведроте. Свои бы сразу труса пристрелили… Для нас главным было выполнить задание, о своей жизни никто не думал и себя не жалел. А каждый поиск для нас — это обязательная встреча со смертью. Кто кого… Часто разведчики рвались на минах, но в основном гибли при отходе к своим или прямо перед немецкими траншеями, будучи обнаруженными противником. Было несколько случаев, когда немцы сознательно, без боя, пропускали нашу разведку в свой тыл и там вырезали разведчиков или пытались взять их в плен. Какие-то смутные надежды выжить у меня все-таки были. Таскал в поиски в кармане гимнастерки как талисман-оберег свою первую награду, медаль «За отвагу», хотя все награды полагалось сдавать старшине роты перед каждой операцией. И эта медаль спасла меня от стопроцентной смерти. Осколок гранаты, летевший прямо в мое сердце, покорежил медаль, вырвал из нее кусок металла и изменил свою траекторию, попал в легкое. Так и сидит этот осколок в левом легком по сей день.

— Расскажите об этом эпизоде поподробней.

— 12 января 1945 года, за несколько дней до переброски

дивизии из Курляндии под Клайпеду, я получил приказ немедленно взять свежего «языка». Понимаете, мне приказали «немедленно»! Даже не дали времени подготовить поиск или дождаться ночи. По опушке леса шла линия немецкой обороны, которую держали войска СС. Пошли днем на участке 156-го СП, вел за собой 17 человек. Ворвались незамеченными к немцам в траншею… и началась рукопашная схватка. В итоге убили 29 немцев, а «языка» не взяли. Всех побили в «горячке боя». Наши потери — трое убитых, двое тяжелораненых. Я успел убить в рукопашной пятерых немцев, но не успел среагировать на эсэсовца, выскочившего из-за поворота траншеи и метров с пяти кинувшего в меня гранату. Достал меня, курва немецкая. Дальше — взрыв, боль и полный провал… Очнулся в госпитале на третьи сутки, весь пораненный осколками, с перебитыми костями. Долго не мог понять, на каком свете я нахожусь. Хирург, оперировавший меня, принес мне мою покореженную медаль и сказал: «Если бы не медаль, тебя бы в живых не было, осколок должен был точно в сердце попасть!» Отправили меня в тыл «санлетучкой». Рядом со мной лежал раненый и обгоревший, ослепший капитан-танкист без обеих рук и без ноги… Я был полностью закован в гипс. Через месяц снимали гипс по частям и иссекали язвы и струпья, руки и ноги закрыли гипсовыми «лангетами». Когда 9 мая объявили о Победе, я на радостях пытался пуститься в пляс, сорвал с себя все «лангеты»… Медработники меня снова «определили» в гипс. Прошло еще два месяца, прежде чем меня выписали из госпиталя. Дали 30 дней отпуска на долечивание. Поехал к тетке в Куйбышев, а оттуда уже вернулся в Литву, в свою 16-ю Литовскую Краснознаменную Клайпедскую дивизию.

— При каких обстоятельствах погиб командир разведроты Барабаш?

— Это случилось уже во второй половине 1944 года. Дивизия шла маршем в полковых колоннах. Впереди пустили нашу разведроту. Сплошной линии фронта не было, и где точно находятся немецкие позиции, мы не знали. Женя Барабаш был отменный танцор, весельчак, но больше всего он обожал лошадей. Увидел Барабаш в бинокль на опушке леса красивейшую лошадь белой масти. Рядом с ней примерно человек двадцать-тридцать немцев. Барабаш нам приказал: «Немцев всех режьте, а лошадь чтоб целой осталась!» Мы пошли на захват, человек двадцать пять. Немцев всех поубивали, но лошадь тоже угробили случайной автоматной очередью. Но самое страшное, что эта группа немцев была частью грандиозной засады, выставленной на 16-ю СД, шедшую маршем. У немцев не выдержали нервы, и по разведроте они открыли огонь из танков,

орудий, пулеметов. Зажали нас в ужасные огненные тиски, нам в те минуты белый свет показался с копеечку.

Медаль «За отвагу», спасшая жизнь Шалому Скопасу

Каким-то чудом часть разведчиков уцелела. Полки дивизии успели остановиться и развернуться в боевые порядки и не попали в подготовленную западню. Получается, что своей «авантюрой с лошадью» мы спасли дивизию от полного краха и раскрыли немецкие позиции и расположение засады. Разведрота отошла с большими потерями. Погиб командир 2-го взвода Ивашкявичус, литовец из Ленинграда, был тяжело ранен мой товарищ, ветеран роты Бакас. Много народа у нас погибло в тот день. А командир роты Барабаш получил ранения в грудь и обе

ноги. Мы вытащили его с поля боя. У Барабаша началась гангрена, в госпитале ему предложили ампутировать ноги, но он отказался и через несколько дней умер… Его смерть была горем для всех бойцов роты… Выжившим разведчикам вручили ордена за этот бой, но мы даже надевать тогда их не стали. Нам было больно на душе, что мы не уберегли Барабаша…

— По вашему мнению, пыталось ли как-то фронтовое начальство сохранить дивизию в мясорубке сражений до вступления на территорию Литвы или отношение к национальному формированию было как к обычной стрелковой дивизии?

— Я считаю, что никаких поблажек дивизии не делали. Бросали ее все время в самое пекло боев. Единственное, что мне представляется теоретически возможным, что с подачи политорганов старались после трагедии под Алексеевкой не допустить полного истребления дивизии. Да и в самой дивизии, хоть и очень пытались с Курской дуги воевать грамотно, все равно, по большому счету, людей никто не жалел. До сих пор не могу забыть один случай в Белоруссии, происшедший на моих глазах. Батальоны залегли под сильным немецким огнем и не могли подняться в атаку. В передовую траншею пришел командир полка полковник Владас Мотиека, будущий комдив 16-й СД, пошел в полный рост, потом достал пистолет и… застрелил подряд пятерых солдат, лежавших в траншее. И люди пошли снова в атаку. Е1о можно ли с позиции нынешнего времени оправдать поступок Мотиеки? Под Полоцком послали в немецкий тыл 1-й батальон 249-го СП брать штурмом штаб немецкого корпуса. Подобные попытки уже предпринимались, и немцы были «готовы к приему гостей».

Послали батальон по старому, «засвеченному» маршруту, через лес, зажатый с двух сторон озерами, прекрасно заранее зная, что ничего не получится, но штаб дивизии строго выполнял приказ корпусного начальства. И нет больше 1-го батальона… Когда пленных бойцов батальона — евреев, офицеров и коммунистов — немцы повели на расстрел, то один из наших, Хаим Душкес, смог убежать. Кинулся в озеро и благополучно переплыл его в утреннем тумане. Немцы стреляли в него, но попасть не смогли. И что вы думаете! Через несколько дней нашей дивизии снова «оказали высокую честь» и снова приказали направить в немецкий тыл уже два батальона по той же тропе с тем же боевым заданием!.. Так что никто Литовскую дивизию не оберегал и не опекал. Воевала наша дивизия как любая другая обычная стрелковая, хотя я могу с гордостью сказать, что 16-я СД воевала лучше, чем многие другие.

— Куда вас направили служить после возвращения из госпиталя?

— Вернулся в дивизию. Нас отобрали 25 человек, ветеранов дивизии, направили на ускоренные трехмесячные курсы политработников и комсоргов. После окончания курсов все получили офицерские звания и назначение в 50-ю стрелковую дивизию, составленную из жителей республики, призванных в армию уже после войны. Контингент там был сложный, но об этом сейчас говорить не стоит. Вот нас, бывших фронтовиков, владеющих литовским языком, послали в эту дивизию для политработы. В начале 1947 года я демобилизовался из армии. Только нашел работу и встал на учет в райкоме партии, так меня сразу как коммуниста мобилизовали на укрепление Советской власти на селе. Раз в месяц посылали на 10–15 дней в сельские районы: то на проведение хлебозаготовок, то на помощь в проведении займа или выборов, и так далее. А война с «лешке бролес» — «лесными братьями» — в 1947–1948 годах была очень кровавой. Иногда мне казалось, что это хуже фронта. Смерть на каждом шагу и из-за каждого угла или дерева. Приезжаешь на хутора, тебе улыбаются, чуть ли не руки целуют, только отвернулся, сразу получаешь пулю в спину или топором по затылку… У меня был бельгийский пистолет. Одной рукой жмешь протянутую селянином руку, а в другой пистолет сжимаешь. Всегда патрон в стволе… Вы даже себе не представляете, сколько активистов, партийцев, советских работников, пограничников и представителей органов погибло в той «лесной войне» в послевоенной Литве. Можете смело любую опубликованную статистику помножить на три…

— Вы были коммунистом, фанатично верящим в партийные идеалы, и ярым сторонником Советской власти. Почему в пятидесятые годы вы решили покинуть СССР?

— Когда после войны началась разнузданная и дикая антисемитская истерия по всей стране: изгнание евреев с работы, чистка армии и советских органов от обладателей «пятой инвалидной графы», «борьба с космополитами», «дело врачей», разгром ЕАК и так далее, я все равно продолжал слепо верить партии и ее руководителям. Когда скончался Сталин, я рыдал, и не было предела моей скорби… Но когда в начале 1953 года мой товарищ Окользин, бывший подполковник, после войны работавший в руководстве ж/д, привел меня на станцию и показал сотни пустых вагонов-теплушек, стоявших на запасных путях и в вагонном депо, предназначенных для депортации евреев в Сибирь и ожидающих своего часа, то у меня внутри, в душе, за какое-то мгновение будто все выгорело… И при этом Окользин

сказал, что на днях ожидается директива из Москвы об окончательном решении вопроса с «космополитами». И я сказал себе: «За эту страну я воевал, резал врагов и проливал кровь, свою и чужую. И если эта страна так поступает с моим народом, то в ней я жить не желаю!» И дал в ту минуту себе слово, что буду жить только на своей земле. А слово я всегда сдерживал. Первым порывом было просто пройти через три границы. Я был уверен, что, с моим навыком разведчика, пройду советско-польскую и польско-германскую границы, а там до Запада, как говорится — рукой подать. Но я осознавал, что мои товарищи пострадают и будут подвергнуты репрессиям, если власти каким-то образом узнают, что я подался на Запад, или если меня схватят на границе. Я не хотел подставлять своих друзей. Уехал легально, через Польшу, с волной «польской репатриации из СССР». В 1959 году сошел в Хайфе с трапа парохода, и так началась моя жизнь в Израиле.

— На стене вашего кабинета висит в центре на ленте ваша медаль «За отвагу» и ваша фотография 1942 года — совсем еще мальчишка в красноармейской форме. Часто вспоминаете фронтовые годы?

— Конечно. Ностальгия по тем годам и по фронтовым друзьям меня никогда не покидала. Скучаю по русскому народу, который очень люблю. Раньше летал в Россию, а сейчас врачи запрещают летать… Здоровье уже не то… Жаль, что многое не вернешь… Знаю одно, что нет для меня в жизни ничего дороже тех дней, когда мы вместе — русский, литовец, еврей, украинец — шли в смертный бой, не щадя себя, чтобы спасти мир от фашистской чумы.

Хваткин Николай Григорьевич

Я родился в Горьковской области. Мы жили в Москве бедно, и мать в 1925 году уехала рожать в деревню. В 1941 году я перешел в 9-й класс. Началась война. Отец и старший брат ушли на фронт. А мы, два младших брата, я и мама, остались. От Железнодорожного района ездил под Волоколамск, копать противотанковые рвы. Еле ноги унесли оттуда. Копали и копали. Потом пришли, легли спать. Прибегает офицер: «Встать! Бегом! Немцы!» Вскочили кто в чем, как попало. Куда бежать? До железной дороги добежали, а там нас всех остановили и опять повели копать, но уже пехотные траншеи. Мы еще день копали окопы. Опять сказали: «Бежим! Немцы!» В общем, вернулись в Москву без потерь. Иждивенцы получали 250 граммов хлеба в день. Остальные карточки отоварить можно было с трудом. Чтобы получить рабочую карточку, я был вынужден уйти из 9-го класса в школу рабочей молодежи и поступить на военный завод штамповщиком. Тут уже стал получать 650 граммов хлеба. Во время паники мама сходила на вокзал, поняла, что с детьми ей не уехать — все поезда были переполнены, ни денег, ни хлеба не было, — и приняла решение остаться. Так мы и остались.

11 декабря 1942 года вызывает военком и говорит: «Надо идти. Поедете в город Марта Удмуртской АССР. Туда перевели Второе московское пулеметное училище. Годик там отучитесь, получите 10 классов, кубик младшего лейтенанта и поедете на фронт офицером». Мы проучились месяц, как вышел приказ Сталина: «Курсантов всех училищ — на фронт!» Привезли нас под Тулу. Из 16-й Литовской дивизии пришли «купцы». Начальник разведки дивизии

Беленький лично подбирал ребят: «Откуда?» — «Из Москвы». — «Хочешь в пешей разведке воевать?» — «Хочу!» — «Выходи из строя». Надо сказать, что к москвичам отношение было особое, уважительное. Вот так я попал во взвод пешей разведки 249-го полка. В дивизии было три полка: 249, 167 и 156-й. Первые два полка были самыми боевыми. Самые ответственные задания командир дивизии доверял только им. 156-й был слабее. Там командир полка Сметоновский — офицер, и, судя по всему, офицерский состав там был не такой, как в этих двух.

Во взводе ребята были постарше меня. В основном 1922–1924 годов рождения — плотные, здоровые бойцы. Пришел я туда необстрелянный, «зеленый». Начались тренировки под руководством уже битых разведчиков. Меня учили, как надо ползать, как оставаться незамеченным. Учили ходить по лесу так,

чтобы не хрустнула ни одна веточка. Часто брали в нейтральную зону.

Первый командир взвода был литовец. Вскоре он ушел командиром роты. После него пришел русский. Мы его очень берегли — хороший, способный командир. Всю войну отвоевал, но так и остался старшим лейтенантом. Если бы пошел на роту, батальон, он бы закончил войну полковником. Но никуда из разведки не пошел, по-видимому, из-за того, что к нему так хорошо относились. Мы его почти никогда не брали с собой. Знаешь почему? Мы не хотели его потерять. Потому что мы с ним все вопросы спокойно решали. Командир полка поставил ему задачу: «В течение трех суток взять „языка“». Он всегда соберет взвод, объяснит ситуацию. Потом мы сходим в пехоту, пронаблюдаем за передним краем. С группой, которая пойдет, обсудит, где брать, как ползти. Когда мы уходим в поиск, то он почти всегда оставался с пехотой нас ждать. Заместителем у него был литовец Даукша. Бывший секретарь райкома. Всю войну прошел заместителем командира взвода. Был ранен два или три раза. Прекрасный человек. Воевал безукоризненно. После войны стал секретарем Винницкого горкома партии.

Во взводе было примерно половина литовцев, русские, один татарин. Отношения у нас были прекрасные, доверие полное. Но, конечно, командир взвода больше доверял таким битым, толковым, смелым, как сержант Федотов, Даукша. Вася Федотов — простой парень из Сызрани. Образование у него было семь классов. Очень смелый парень, отчаянный, любил броски, поэтому у него были потери. Как-то они пошли за «языком». Удачно все сделали. Лысенко представил его к Герою, и Вася получил звание.

Даукша хитренький был, никогда на рожон не лез, старался подползти максимально близко и работать наверняка. Если он взял одиннадцать человек, то и назад приведет одиннадцать…

В разведке можно быть хитрым, но не трусом. Наша война всегда на короткой дистанции. Поэтому раненых у нас меньше, чем в пехоте, в основном убитые. Раненые появлялись, если после захвата не успевали отойти и немцы начинали бросать гранаты. Они у них с длинной ручкой — можно кинуть на 50–70 метров. Поэтому если брали немца из передней траншеи, то делали так. Группа захвата — человека четыре (в нее входили обычно Федотов, его друг татарчонок и другие) — максимально близко подползала к траншее, чтобы можно было лежа закинуть в нее гранату. Мы, группа обеспечения, держались чуть поодаль. По команде забрасывали траншею гранатами. Немцы падали. Группа захвата прыгала в траншею, хватала «языка». Мы по краям

стреляем вдоль траншеи, не даем немцам подойти. Группа захвата с немцем бегом выходит из зоны поражения гранатами. Мы прикрываем огнем и тоже отходим.

Нейтральную зону тоже надо проскочить в максимально короткий срок. Она вся пристреляна артиллерией, которая быстро открывает огонь.

Чтобы немца не тащить, делали просто. Петлю на шею, чтобы не кричал (кляп — это глупость, сделай кляп, так он будет мычать так, что за три километра услышат), и перочинным ножом в зад. Кольнул его — он тебя обгонит. Два-три раза кольнул, он уже в нашей траншее. Ну, придет этот немец, начинает жаловаться, показывает, что у него зад в крови. Ну и что?! Надо было идти — и зад был бы цел, и крови бы не было. А так попробуй его тащить?! И потом, немцев по сорок килограммов не было — они все здоровые.

Самое обидное, если при отходе убивало «языка». Когда из нас кто-то погибнет, не так страдали, как страдали, когда теряли «языка». Ведь что такое потерять «языка»? Это целая проблема! Надо по новой идти! Куда идти? В этом месте нас уже ждут. Другое место пойди найди. Свои тоже начинают: «Да как же так?! Как же вы его упустили?!»

— Какой национальный состав был в дивизии?

— Во взводе было человек 10–12 литовцев, а остальные — русские. После тяжелейших боев на Орловщине, где от дивизии практически ничего не осталось, пополнение было русское. Не меньше 50 % стало русских. Когда вошли в Литву, то тут опять стали пополняться литовцами.

Я нисколько не жалею, что воевал в этой дивизии. Дисциплина в ней была железная. Всякое было — и наступали, и отступали, но в целом не помню, чтобы были дезертиры или перебежчики. Был один случай, когда к немцам убежал телефонист — и все. Не помню, чтобы в спину стреляли. Даже в Литве, когда набрали литовцев, новобранцев. Они хорошо влились в состав дивизии, растворились по ротам, батальонам.

Ко мне лично отношение было очень хорошим. Я учил литовский, поскольку обращаться к старшим офицерам нужно было по-литовски — многие не знали русского языка. Те солдаты, что приходили на пополнение в Литве, тоже не знали русского языка. Через три месяца я уже знал все команды, а через год я владел литовским языком так, что никто не догадывался, что я русский. Тем более я и волосы стриг под литовцев.

— Кто командовал полком?

— Первого командира я не помню. Потом был Федор Константинович Лысенко. Он был такой… мужичок, совершенно

неинтеллигентный — мог и матом запустить, но очень толковый и храбрый. Никогда не ходил пригнувшись. Когда Виленский стал начальником штаба, он ему говорил: «Что ты ходишь буквой „г“?! Ходи прямо!» Виленский на это обижался: «Я не дурак и вам не советую ходить в открытую. Пуля — дура». Погиб он потому, что постоянно был с пехотой, впереди…

Так вот, под конец войны по его приказу полк перешел к ночным действиям. Допустим, брали небольшой городок Науместис. Населения в нем, может, тысяч 10–20, но все-таки город. Обороняла его немецкая танковая часть. Он нам приказал ночью заползти в тыл к немцам и поднять панику. Короткая артподготовка (вот тут нам досталось, когда «катюша» начала стрелять. Попйдали в колеи от танковых гусениц и все выползли живые), и полк броском атакует с фронта. Взяли город, потеряв всего около сотни человек. Захватили шестнадцать танков!

Когда погиб Лысенко, Вольф Виленский принял полк. Он продолжил дело Лысенко.

Клайпеду тоже брали ночью. С моря город атаковал дивизион торпедных катеров, а мы с суши в 4 утра. Взяли город практически без потерь. Матросы с катеров сначала относились к нам с презрением — вшивота, а потом мы с ними подружились. У нас был обмен: мы им — трофеи, а они нам из Ленинграда «горючее» и хорошую закуску.

— Говорят, что 249-й полк считался чисто еврейским?

— Еврейским был первый батальон Виленского. Он хитрый был. Всех смелых, шустрых евреев подбирал. И у него в батальоне было примерно 70 % евреев и 30 % русских и литовцев. Роты у него возглавляли евреи. Я помню командира 9-й роты капитана Гроссмана. В полку его рота была самая боевая. Все особые задания, прорывы и переправы поручали только ей. Виленский старался, видимо, чтобы Гроссману дали Героя, но не получилось. Хотя Гроссман имел четыре ордена.

Не обходилось и без стычек. Как-то раз мы ходили в разведку через Гроссмана. Сказали, что мы уползаем, не спать, потому что будем возвращаться под утро. Говорит: «Идите, не бойтесь». Когда возвращались, по нам открыли огонь… Хорошо, что никого не зацепило. Мы ему сказали, что в следующий раз за такое просто убьем. Потом он уже сам ждал в окопах, пока мы придем.

Второй раз Виленский приказал мне провести разведку боем. Говорит: «Гроссман легко ранен, ты поведешь роту».

Что такое разведка боем? Пехота атакует, а мы под шумок хватаем «языка» и отходим. Мы это дело не любили. Потому что разведка боем всегда с потерями и среди пехотинцев, и среди нас. Поэтому я сказал, что людей Гроссмана я не поведу. Почему я

должен нести ответственность за них? Гроссман на меня: «Я тебя расстреляю!» — «Ты не сделаешь этого. А если меня расстреляешь, через полчаса тебя не будет. Давай по-хорошему будем договариваться».

Вообще, евреи воевали нормально: к немцам никто не бегал, в плен им попадать тоже нельзя. Конечно, они головастые, хитрые, берегли себя и старались беречь солдат. Но все самые опасные поручения все равно давались русским. Не то чтобы берегли евреев, нет, не из-за этого. Русские смелее были. Эти были поумнее, а русские посмелее. Меньше за жизнь держались.

— Почему вы ушли из полковой разведки?

— Поссорились. Федотов повел группу за «языком». Впереди полз Казаков, я — за ним. То ли он испугался, то ли что… Не знаю. Немцы не стреляли. Он повернулся и громко шепнул: «Атас!» Я повторил его команду. Все развернулись, обратно поползли. Когда выползли, спустились в траншею, стали разбираться. Казаков говорит: «Ты не правильно меня понял». Я говорю: «Давай не ври». Операция была сорвана. Командир полка втык сделал, да и самим было неприятно, что так все получилось. Когда нас стали обвинять во всех смертных грехах, я ушел в дивизионную разведку. Сначала хотел в 167-й полк уйти. Там очень хорошая была полковая разведка, и ребят я хорошо знал, но Скопас переманил. Мы с ним подружились еще до моего перехода.

В разведроте поставили на учет. Позвонили в штаб полка, сказали, что такой-то теперь здесь. Все. Какая разница, с кем ползать? В дивизионной разведке приняли меня хорошо. Кстати, в роте было не менее 50 % евреев. Ребята хорошие, обстрелянные, со знанием немецкого языка. Со Скопасом мы почти до конца войны ходили вместе на операции. Хороший, толковый парень, смелый, талантливый. Уж если с ним пойдешь, то в спину никто не выстрелит. Он, конечно, щупленький, так что, если бы мне пришлось его тащить, мне было бы легче, чем ему. У нас какой был порядок: в случае ранения он за меня отвечает, а я за него. Мы же никогда своих не бросали. Даже погибших вытаскивали — сами должны похоронить, по-человечески. Такой был закон у разведчиков. Слава богу, нам не пришлось друг друга тащить.

— Как погиб командир роты Барабаш?

— Я в то время еще в полковой разведке воевал. Капитан Барабаш был талантливый, смелый, очень уважаемый офицер. Но немножко такой: «Вперед!» Говорили, что он сидел, потом был отправлен в штрафной батальон и уже оттуда прибыл в дивизию и возглавил разведроту. Погиб по своей дурости и ребят положил… Двенадцать человек тогда погибло.

Дивизия шла в наступление. Они, конечно, шли первыми. Заметили в лесу немецкий обоз. Он приказал снять пилотки — и вперед! А там траншея 1941 года заросшая, а в ней батальон немцев… Их в упор из пулемета и положили. А если бы шли нормально, как разведчики. Залегли, проверили, остановили дивизию. Подползли, узнали…

Жена его не могла поверить, что он погиб. Говорила: «Это не тот человек, которого можно убить». Пока ей тело не показали — не верила. Потом собрали, у кого что было. Все отдали, поснимали все, часы… Наложили ей мешок… Дети ж были… Проводили ее.

— Как часто ходили в поиски?

— Выползать на нейтральную зону и изучать немецкий передний край приходилось почти каждый день, даже зимой… По уши в снегу лежали. Конечно, меняли друг друга. О результатах наблюдений докладывали командиру полка. За «языком» ходили не часто.

— Разведчиков использовали как пехоту?

— Нет. Ни разу нас не использовали как пехотинцев. Нас все-таки берегли. Разведка — это глаза и уши полка, дивизии. Нет разведки, значит, командир полка ничего не будет знать. Пехота ему ничего не расскажет.

— Самый страшный эпизод?

— Форсирование Немана. Те, кто после него выжил, на предплечье сделали себе татуировку «12.09.1944». Вот смотри…

Форсировать реку было полнейшим безумием. Но ведь как… вперед бога мать! Наш берег пологий, песчаный, немецкий — отвесный. Приготовили резиновые шлюпки, погрузили пехоту. От взвода пошла группа на двух шлюпках. Нас же не слышно и не видно, а пехота… То чем-то загремят, то по воде веслами шлепнут. Немцы дали нам выплыть на середину реки… Страшнее мы ничего не видели… Неман весь вскипел. Мы попрыгали из лодок. По течению человек девять нас выплыло в расположение соседней дивизии. Стали подплывать к берегу, а оттуда пехота из пулеметов по нам начала лупить. Мы их обматерили — огонь прекратился. Вытащили нас на берег — и в СМЕРШ. Потом сообщили в дивизию, из дивизии приехал начальник разведки и нас забрал.

— Какие награды вы имеете?

— Сначала мне дали значок «Отличный разведчик», хотя все за тот поиск получили ордена. Я не возмущался — молодой еще. Следующая награда — медаль «За отвагу». После этого орден Красной Звезды и орден Отечественной войны. Для рядового солдата, а я был рядовым, это очень много. В дивизионной

разведке все ребята имели примерно одинаковые награды. Только двое из ста получили ордена Красного Знамени. Командир взвода получил орден Красного Знамени уже в 1945 году.

— Сколько на вашем счету «языков»?

— Вот разведчик Герой Советского Союза Карпов говорит, что он взял 250 «языков». Я отползал от и до в пешей разведке, но наш взвод за всю войну взял только 27 человек! В наступлении в плен мы тоже брали взводами. Один раз пленили 150 человек. Но «языков» взять 250?! Да и зачем они нужны?! «Язык» нужен, когда немцы уперлись, оборону построили, а нам надо ее прорывать. За всю войну 27 «языков» взяли, и больше не нужно было ни командиру дивизии, ни командиру полка. Если нужно было бы больше, взяли бы больше. Но надобности в этом не было.

— Ходили с орденами или без?

— С орденами ходили, чтобы только не брякали. Медаль на груди вместо крестика.

— Из нового пополнения как происходил отбор в разведку?

— Только по желанию.

— Кто ставил задачу разведчикам?

— В полку — командир полка, а в дивизии — начальник разведки дивизии подполковник Беленький. Очень хороший человек. Если, допустим, сложная операция, то он всегда приходил, провожал. Слушал, какое напутствие давал командир взвода, командир роты. За такое отношение к нам мы его очень любили. Отец был наш. Потому и погиб, что не сидел в штабе дивизии, а ходил по полкам.

— Как были вооружены разведчики?

— Мы предпочитали наши автоматы. Для немецких надо было доставать патроны, да и капризные они. А наши надежные — и в снегу, и в песке, все равно стреляют. В диске опять же 72 патрона. У всех были немецкие пистолеты. Обязательно брали с собой гранаты. Группа захвата вообще брала только пистолеты и гранаты. Конечно, ножи были у каждого. Немецкие штыки не брали — куда такой здоровый? У нас были хорошие наши ножи. Более того, во взводе был мастер, который сам делал ножи, очень удобные, точные.

— Сколько с собой брали гранат?

— Если за «языком», то не меньше четырех лимонок. Другие гранаты не брали.

— Как были одеты?

— Ходили, в чем удобно выполнить задание. Требований особых не было. Старались одеваться максимально легко. Зимой в гимнастерках, свитерах, ватниках и ватных брюках. Обязательно надевали маскхалат. Когда ползешь за «языком», холодно не

бывает. Это если приползешь и приходится ждать 30–40 минут, тут становится немножко прохладно. На ногах ботинки. Обычно их брали на размер больше и надевали на шерстяной носок. В сапогах, и тем более в валенках, не поползаешь — снег набивается, а в ботинки снег вообще не попадает. Летом — гимнастерки, бриджи. Маскхалатами пользовались редко. На ногах кеды или резиновые тапочки… Помню, Барабаш всегда носил зеленые пограничные погоны. Хотел выделиться. Каски не носили.

— Продукты брали?

— Только если далеко в тыл ходили, тогда брали сухой паек, шоколад. Банки не брали — звенят.

— Какая-то мода была?

— Литовские офицеры придерживались той моды, которая у них была в сметоновской армии. Гимнастерки обязательно с резинкой сзади. Волосы длинные, коротко не стриглись. Мы тоже старались на них походить, а им было приятно, что мы соблюдаем сметоновскую форму. Документы у нас были на литовском языке. После ранения с ними возвращали только в свою дивизию.

Вообще, солдаты уважали литовских офицеров… У нас был один русский, старший лейтенант, командир роты. Орет «Вперед!», а сам лежит. Ну, его в спину и пристрелили.

— Взять «языка» — это работа в обороне. Какая функция разведвзвода в наступлении?

— Мы всегда идем первыми. Без нас командир полка или командир батальона не поведет солдат. Под Клайпедой переходили по льду Неман. Мы прошли нормально, а потом сошлись двенадцать человек что-то обсудить, и лед под нами стал играть. Мы тут же послали связного в полк, чтобы ни в коем случае не шли взводами и ротами, рассредоточились по фронту. И что ты думаешь? Все равно одна рота пошла строем. Взвод провалился, и много народу потонуло.

Надо сказать, что мы всегда передвигались пешком. Не пользовались никаким видом транспорта. Пеший разведчик должен ходить только пешком. У всех ноги были хорошие. В день пройти 50–60 километров — это прогулка, если, конечно, налегке.

Единственный раз Федотов у высокого начальства, чуть ли не у командира корпуса, украл лошадь. Он вообще русский человек, но как цыган. Мы его конокрадом звали. Прискакал в разведку. В течение суток эту лошадь, естественно, нашли, и Федотова взяли. Начальник разведки дивизии спас его. Убедил командование, что это ценнейший разведчик, а то пошел бы в штрафную.

— Бывало такое, что вы ходили на несколько дней?

— Конечно. Были диверсионные задания. Однажды нам поручили напасть на батарею дальнобойных орудий. Выполнили.

— С немецкой разведкой приходилось сталкиваться?

— Да. Были случаи. Не было так, что расходились мирным путем. Один раз немцы не стали ввязываться, сразу развернулись и поползли к себе. Естественно, мы вперед, бога мать…

Немцы редко за «языком» ходили. Чаще они проводили разведку боем. Короткий огневой налет и бросок. Пехотуру всегда, особенно где нейтральная зона очень короткая, предупреждали, чтобы были внимательными.

— Как вы оцениваете качество немецкой разведки? Немцев как противника?

— Дисциплина у них на высшем уровне. Серьезный, грамотный, подготовленный противник.

— Тренировки по рукопашному бою были?

— Очень часто, особенно летом. У нас были ребята, которые в совершенстве владели рукопашным боем, умели пользоваться ножом. Барабаш заставлял на себя идти с ножом и бить по-настоящему. Был такой случай. Взяли здорового немца. Он показания в полку сделал, а в дивизии сказали, что он не нужен. Командир полка его нам отдал. Вышли. Командир взвода приказал Казакову: «Давай его ножом». Казаков пошел на него с ножом. Ты думаешь, он что-нибудь сумел сделать? Он Казакова сразу положил, но не зарезал — оттащили. Лейтенант посмотрел, что немец опытный и с ним шутить нельзя. Говорит немцу: «Уходи, мы тебя отпускаем». Когда он побежал в сторону леса, лейтенант приказал Казакову открыть огонь из автомата. Пошли, проверили, что убили. Дошло это до дивизии, и командиру взвода за расстрел попало…

А Барабаш стрелял. Допросит и тут же на месте расстреливает. Он говорил, что все немцы, которые воевали с оружием в руках против нас, подлежат уничтожению. И командир дивизии вообще ничего не мог с ним сделать. Вот такой был. Марш-бросок на 30–40 километров выматывает. После него все валятся спать. Барабаш подойдет к офицеру, украдет документы, автомат. Тот просыпается, у него ничего нет. Бегает, ищет. Барабаш все ему вернет и отчитает за беспечность. Ему это сходило с рук, потому что его очень уважал командир дивизии.

Кроме рукопашного боя, были постоянные тренировки по бегу.

— Бывало невыполнение задания?

— Было. Допустим, наблюдали два дня за одним участком. Решили идти, а обстановка изменилась. Немцы могли отойти или

минное поле поставить, проволоку натянуть. Какой смысл идти, если не возьмешь «языка»? Значит, тихонечко отходили. На следующий день находили другое место и шли, выполняли задание. Командир полка Лысенко, а потом Виленский никогда не упрекали, не гнали. Правда, Виленский, когда стал командиром полка, изменился, стал требовательнее. Ну, дали ему понять, что с нами связываться не стоит. Стырили у него повозку с его барахлом и в овраг пустили. Она разлетелась. Для нас убрать человека ничего не стоило. Три копейки. После этого он стал спокойнее. Поставил задачу, определил срок — все! Будет у тебя «язык».

— Какие были суеверия?

— Водку я не пил, но стал курить. Нам давали папиросы, махорку. Все курят, и я тоже. Перед заданием покурю, слюной загашу папироску, спрячу. Приду, найду чинарик, докурю. Я об этом никому не говорил, но всегда так делал. Один раз пришел, а моего чинарика нет! Я не спал, несколько дней не мог места себе найти. Думал, что убьют. Но обошлось. У каждого что-то было. Мишка Окроченко, москвич, оставлял что-то вкусное — конфету, сахар. Каждый хочет жить, каждый хочет вернуться.

— Можно было отказаться от выхода?

— Допустим, ночью что-то приснилось. Утром можно было подойти к лейтенанту, рассказать: «Мне сегодня приснился плохой сон». — «Сегодня ты не пойдешь». Командир взвода был хороший психолог. Даже если человек к нему не подходил, но он замечал, что у него настроение не то, психует, то он отстранял такого бойца от выполнения задания. Никогда таких не посылал. Зачем? Пойдет в следующий раз. Если ты приболел, то тоже не брали.

— Бывало, что человек ломался? Сначала идет все хорошо, а потом начинает бояться.

— Это сразу замечали и выводили на второстепенные роли. Не давали ходить за «языком». Держали на нейтральной полосе. Через некоторое время он приходил в норму и возвращался к выполнению серьезных заданий.

— Где располагались разведвзвод, разведрота?

— Разведрота обычно стояла рядом со штабом дивизии. Взвод полковой разведки размещался в полукилометре от переднего края. Обычно в избах. Редко мы жили в землянках. У нас была своя кухня. Кормили нас хорошо, так же как и дивизионную разведку. Правда, под Невелем нас окружили. Вот там мы были вынуждены копать землянку. Вообще, в Белоруссии нам, разведчикам, хорошо воевать… Кругом болота, сплошной линии обороны нет. Пройти в тыл к немцам ума не надо. Голодно

было — так ходили к немцам за жратвой. У убитых немцев всегда найдешь и выпить, и закусить, и оружие.

В это же время группа наших разведчиков по указанию штаба партизанского движения проводила пять литовцев до кайшядориских лесов возле Каунаса. Чуть ли не 200 километров в одну сторону шли. Причем перед этим их переобули в кеды, чтобы бесшумно могли пройти. Ребят за это наградили.

— Разведвзвод делился на отделения?

— Да. Три отделения. Иногда ходили отделениями, но чаще группу набирали из разных отделений. Фактически было ядро из десяти-двенадцати человек, у которых было больше привилегий. Они на задание сходят, потом два дня сидят, пьют, отдыхают. А ты каждый день на нейтралку ходишь, на них работаешь. Но обижаться не приходилось, потому что действительно ребята очень боевые, контактные, коммуникабельные.

— Сколько было во взводе человек, которые могли вести группу?

— Максимум человек шесть. Федотов, тот, конечно, выделялся и к тому же был особый, доверительный человек у лейтенанта. Но были другие, которые не хуже его ходили, брали. Когда Вася Героя получил, его стали пестовать, то он вообще задрал нос кверху. Даже с командиром полка как-то подрался…

— Как себя вели немцы, когда вы их захватывали?

— По-разному. Приходилось брать и таких, которые не хотели говорить: «Я дал присягу и не буду ничего говорить». Особенно стойкими были офицеры. Приходилось уговаривать, объяснять, что если показаний не будет, то его расстреляют. Объясняли, что для него никакой разницы нет, даст он показания или нет — однополчане все равно не узнают. Уговорами ломали — жить-то все хотят. Конечно, если сразу начать бить, то много не добьешься. Хотя Барабаш бил их… Почему-то у него была лютая ненависть к немцам.

— Ваше личное отношение к немцам?

— Плохое отношение. Мы шли по Тульской, Орловской областям. Там на столбах висели трупы. Видели целиком сожженные деревни. В Белоруссии в землянку зайдешь, там куча детей и дед с бабкой сидят или какая-нибудь молодая женщина. Ни есть, ни пить у них ничего нет. Едят по одной картошке в день… Мы им как могли помогали. Нас дети за ноги хватали, целовали наши ноги за то, что мы им принесли буханку хлеба. Какое может быть к немцам отношение?

— Личный свой счет вели?

— Мы же не пехота. Мы могли посчитать только «языков». Я уже говорил, что за войну разведвзвод взял 27 немцев.

— Рассчитывали дожить до Победы?

— Рассчитывали. Шли разговоры о том, что будем делать, когда довоюем. Каждый думал, кем он будет. Дивизию расформировали в Литве, и очень много русских осталось. Что им в деревню ехать? Допустим, если бы Васька Федотов остался, он был бы директором какого-нибудь предприятия на 100 %. Первый секретарь ЦК Снечкус всех заслуженных бойцов уважал, не считаясь с национальностью. Раз в дивизии отвоевал — значит, литовец. А так финиш у него печальный. Вася вернулся в свою Сызрань. Там окончил какую-то партийную школу. Назначили его секретарем райкома, не первым. Поехал на колхозном «газике» с родителями то ли на свадьбу, то ли на день рождения. Там выпил. Перевернул машину. Сам выполз, а мать с отцом погибли. Его, конечно, сразу освободили от должности, но не судили…

— Вы были ранены?

— У меня два ранения. В 1944 году осколки гранаты впились в спину. Лечился в медсанбате. Санитаркой там была такая Сонька. Вилинский ее вытащил из роты в медсанбат, а потом женился на ней. Так с ней всю жизнь прожил. 23 апреля 1945-го меня ранило в ноги.

— Сто граммов давали?

— Давали, но перед заданием никто не пил. Командир взвода был очень строгий. Перед заданием чуть ли не нюхал каждого. Не дай бог учует — ни за что не возьмет. И правильно: если выпьешь, то осторожность теряешь. Можешь только — вперед, бога мать! В дивизионной разведке спирт стоял канистрами. У них же рядом дивизионный продсклад…

— Брали трофеи?

— Мы ничего не брали. Только то, что можно в карман положить: часы, зажигалки. Некоторые снимали кольца или золотые цепочки. У Виленского была повозка с трофеями, пока мы ее в овраг не скинули.

— Как складывались отношения с мирным населением в Восточной Пруссии?

— Нормально. Мы их не трогали. Никого не насиловали. Категорически было запрещено ходить к немкам. Боялись, что СМЕРШ может завести дело… Некоторые ребята ходили все равно. Немки и не сопротивлялись. Я никогда не ходил. У нас в санбате были литовки, мы ходили к ним. Расплачивались трофеями — часы, цепочки. Они о завтрашнем дне думали, а нам что, пошел и не вернулся.

Мы, конечно, не простая пехота. Пошли, взяли «языка» или операцию какую-то выполнили, вернулись — у нас есть свое жилье, своя кухня, мы можем поспать. Кроме того, могли

свободно передвигаться в нашем тылу в пределах 2–3 километров. Да в тот же санбат сходить. Конечно, предупреждали командира взвода, но все равно это было больше на доверии.

— Какое отношение к женщинам на войне?

— К своим женщинам самое лучшее. Мы их очень уважали и жалели, особенно санитарок в пехотных ротах. Жалко их. Сам знаешь, какие там условия. В медсанбатах, конечно, условия лучше — вода есть. И то, когда наступаем, очень тяжело.

— Домой писали?

— Да. Письма доходили быстро, почта хорошо работала.

— Война для вас самое значимое событие в жизни или какой-то эпизод?

— Я считал, что нужно воевать и побеждать, чтобы вернуться домой уважаемым человеком. Чтобы видели, что пришел солдат, сделавший свое дело.

— Война снилась?

— Конечно. Сейчас почти не вспоминаю. Почему? Потому что не с кем… Нет ребят.

Бухенко Владимир Федорович

Интервью — Николай Чобану

Я родился в 1924 году в районном центре Липовец Винницкой области. В нашей крестьянской семье было шестеро детей, три брата и три сестры, я был самым младшим. Но в 1932 году отец умер, и нас, детей, раздали родственникам, потому что содержать нас у матери не было никакой возможности. Меня усыновила сестра моей мамы, которая жила в Киеве. После окончания семилетки я поступил в энергетический техникум. Успел проучиться там два года, когда началась война.

22 июня по Киеву прокатился слух, что началась война, и только уже потом было сообщение по радио. Сам город 22-го числа не бомбили — только военный аэродром в пригороде. Но

налеты начались почти сразу, и поэтому в городе начали копать щели, приспосабливали под убежища разные подвалы.

— Вы знали, что приближается война?

— Тогда в нашей стране было твердое убеждение, что война с Германией неизбежна. Но после заключения Пакта о ненападении с Германией делалось все возможное для его соблюдения и чтобы не допустить ни малейшего повода для провокации. У меня, например, был такой случай. В техникуме мне дали путевку в летний лагерь отдыха. Там организовывались всевозможные концерты самодеятельности. Я знал одно стихотворение о революционной борьбе немецкого народа и решил с ним выступить в одном из таких концертов. Так меня предварительно прослушали на предмет того, чтобы проверить, нет ли чего в этом стихотворении обидного или провокационного для немцев.

Представьте, даже в студенческих лагерях думали о таких вопросах, чтобы не дать Германии лишнего повода для начала войны. Напряжение было такое, что все понимали — война с Германией неизбежна, но каких-либо примет приближения начала войны я не видел.

— Как ваше окружение восприняло известие о начале войны?

— Тогда были очень сильные пропаганда и уверенность в том, что наша страна и армия самые сильные и в случае начала войны мы быстро перенесем боевые действия на территорию врага и разобьем его. Молодежь готовили к войне: мы сдавали различные нормативы, и, например, я был «Ворошиловским стрелком». Очень много внимания уделялось патриотической работе, мы верили и партии, и Сталину, и поэтому неудивительно, что мы все хотели поскорее попасть в армию, чтобы защищать нашу Родину.

Но когда наши войска начали отступать, начались бомбежки Киева, а тем более когда началась эвакуация предприятий, стало тревожно. Моего отчима послали организовывать эвакуацию в районах, а мы с тетей где-то в конце июля уехали в город Фрунзе, где у меня жила сестра. Эвакуация происходила организованно, и нам повезло, мы уехали относительно спокойно. Добирались до Фрунзе тяжело, примерно 1,5 месяца. Продуктов, конечно, не хватало, но как-то выкручивались.

— Что-то запомнилось из того месяца, что вы еще были в Киеве?

— Налеты. Причем что меня несколько удивило? Летят немецкие самолеты, по ним ведут огонь зенитки, но никого не сбивают, а наших истребителей вообще не видно. Это меня очень удивило, ведь до войны казалось, что у нас мощная оборона.

— Что было во Фрунзе?

— Беженцев особенно не ждали, хорошо хоть у меня там была сестра. Я устроился жить у нее в общежитии и почти сразу пошел работать слесарем на патронный завод. Это время запомнилось мне как тяжелейшее: изнурительный труд по 12 часов в день при очень скудном питании…

800 граммов хлеба, который мы получали, были основной частью нашего рациона. Кое-какие продукты еще можно было купить, но стоили они очень дорого. Еще при нашем заводе была столовая, где рабочих кормили скудным обедом. Выдавались и карточки на некоторые продукты, которые можно было отоварить в магазине, но сложность была в том, что рабочий день у нас составлял 12 часов и отоварить эти карточки мы просто не успевали. В неделю был всего один выходной, и, кроме того, после работы у нас еще были обязательные занятия по военной подготовке. Это только в молодости можно такое выдержать…

— Когда вас призвали в армию?

— На заводе я проработал примерно год, а в октябре 1942 года меня призвали и направили в пехотное училище, которое находилось в том же Фрунзе. Видно, учли, что у меня семилетнее образование и два курса техникума, для того времени это было немало.

В училище было тоже очень тяжело, нас «загружали» очень сильно. Зато нормально кормили и мы жили в хороших условиях. Это был огромный плюс по сравнению с условиями работы на заводе. Но «гоняли» нас в училище нещадно. Особенно запомнились изнурительные марш-броски в полной выкладке. Среди курсантов людей с боевым опытом вообще не было, а среди преподавателей почти не было. Состав курсантов был многонациональный, примерно половина славяне, а половина азиаты, но жили мы очень дружно. Моими друзьями, например, были узбек Юнусов и казах Курманов. Думаю, что обучили нас неплохо, конечно, не сравнить с подготовкой в мирное время, но основам нас обучили. Морально мы, правда, оказались совсем не готовы к тому, что нас ждало уже в первых боях.

— А с вашими товарищами вы не обсуждали причины неудач начала войны?

— Только после войны мы стали узнавать все эти факты. А тогда что мы, простые солдаты, да и младшие командиры могли знать? Конечно, ничего. Тогда, конечно, все списывалось на «вероломное нападение фашистов» и на нашу неготовность к войне.

В училище мы недоучились. Через четыре месяца учебы, в январе 1943-го, наш учебный батальон срочно отправили на

фронт под Сталинград. Говорили, что офицерские звания получим в дороге, но этого так и не произошло, и мы все остались простыми солдатами. Но пока мы ехали, бои под Сталинградом уже закончились, и всех, а нас было, я думаю, больше тысячи курсантов, просто «раскидали» по разным подразделениям 27-й гвардейской стрелковой дивизии.

По дороге на фронт мы постоянно общались на остановках с ранеными, которых везли в тыл на лечение. И получалась из их рассказов такая невеселая картина: что они воевали всего кто месяц, кто полтора, два — это максимум. И мы начали потихоньку понимать, что в лучшем случае через два месяца и нас повезут в госпиталя…

Выгрузили нас севернее Сталинграда, построили, и начали ходить вдоль строя «покупатели». В разведку набирал бравого вида старший лейтенант. А в разведчики, как известно, отбирали только добровольцев. И мы с моим товарищем Алексеем Солодовниковым решили: погибать, так с музыкой, свои жизни надо «продать» подороже. Мы подошли к этому офицеру и попросились в разведку. Он задал нам несколько вопросов, и то, что у нас не было боевого опыта, его не смутило. Из добровольцев он отобрал всего десять человек. Так мы оказались в отдельной разведроте 27-й гвардейской стрелковой дивизии, которая входила в состав 29-го стрелкового корпуса 62-й армии под командованием Чуйкова. За бои под Сталинградом 62-ю армию, единственную из армий, наградили орденом Ленина, и она стала 8-й гвардейской. Ведь награждали только полки, дивизии, корпуса, а армии не награждали. Мне повезло, в составе этой разведроты я воевал до самого конца войны.

— Какая структура и задачи были у вашей разведроты?

— В составе нашей роты было два взвода пешей разведки и взвод конной разведки. Но «конники» разведкой почти не занимались, а выполняли, скорее, функции связистов и коноводов у командования дивизии. Среди них большинство людей было «в возрасте». Во взводах пешей разведки была только молодежь. Самый опытный и заслуженный разведчик нашей роты, Виктор Кривоногов, был с 1921 года, и воевал он с самого начала войны. Он был у нас самым старшим по возрасту, а, например, все 10 человек, которые пришли одновременно со мной, были 1924 года рождения. Постоянно в составе роты было 40–45 человек, но непосредственно для «выходов» у нас были две группы примерно по 12 человек. Большинство разведчиков были славяне, но были люди и других национальностей. У некоторых были судимости, но на это не обращали внимание, так как ребята были хорошие и смелые. За что они их получили, я не интересовался, думаю, за

незначительные преступления. По моим данным, с момента моего прихода и до конца войны в нашей роте воевало человек 100. Потери роты за чуть более двух лет фронта составляют примерно 50 %.

Главной задачей нашей разведроты был захват «языков». Работали мы на глубину до 20 километров за линией фронта. Обычно мы возвращались в ту же ночь, но если ходили глубоко в тыл, то могли вернуться и на вторую ночь. Во время наступления как пехоту нас не использовали, берегли. Но постоянно давали нам различные задания, обычно по налаживанию связи с каким-нибудь подразделением нашей дивизии.

Наша разведрота непосредственно подчинялась начальнику штаба дивизии и начальнику разведотдела дивизии, только они могли ставить нам задачу. Ну и, конечно, командир дивизии. Обычно в наступлении при нем всегда была небольшая группа разведчиков для выполнения самых срочных и опасных заданий.

— Какое снаряжение было в вашей разведроте?

— Форма у нас была самая обычная, а зимой мы ходили исключительно в ватниках, так как в шинелях ползать невозможно. И зимой, и летом у нас были маскхалаты. По этим маскхалатам нас, разведчиков, сразу «вычисляли», а отношение к нам было самое доброе. В немецкой форме мы на задания не ходили, это исключалось полностью.

У каждого из нас был автомат ППШ, пистолет, нож, и на задания брали по четыре гранаты. Конечно, пистолеты не были положены, но они были у всех. У меня были за войну и наши, и трофейные пистолеты. Мне больше всего нравился «парабеллум», отличное, надежное оружие, и легкий «вальтер».

Иногда мы брали на задания немецкие автоматы, но только потому, что они были легче наших, а так ППШ — хороший, надежный автомат. Обычно немецкие автоматы брала группа захвата, а иногда они шли вообще без них, только с ножами и пистолетами.

Один раз меня чуть не подвел ТТ. Во время наступления на Берлин наша разведрота оказалась в одном городке, где шли преимущественно танковые бои, пехоты там почти не было. Нам, разведчикам, была поставлена такая задача: выяснить, где находятся немецкие танки, и разведать пути для скрытного подхода к ним наших танков. В одном месте мы с товарищем обнаружили один немецкий танк, незаметно подвели к нему наш, который его и поджег. Из загоревшегося танка выскочил один немецкий танкист, который попытался спрятаться в доме, но мы его взяли в плен и отвели к начальнику разведки. Немец был необычный: высокий, интеллигентного вида и не в танкистской

форме, а в кожаном пальто, но в шлемофоне. Видно было, что это офицер, причем высокого звания. Наш начальник разведки пытался его допросить, а тот заладил: «Я ничего не знаю. Я не солдат, я фольксштурмист». Мы, конечно, не поверили, а тот больше ничего не говорит. Что делать? Каждый человек на счету, девать пленного некуда. Начальник разведки приказал мне: «Выведи его и…» Вывел я его во дворик, там такой тупичок был. Он все сразу понял и начал кричать на немецком: «Я офицер! Офицер!» Я нажимаю на спусковой крючок ТТ, а выстрела нет. Он увидел, что у меня заминка, и бросился на меня… Я успел понять, в чем дело: у ТТ иногда не до конца отходили подвижные части, и если рукой не подтолкнуть их, то выстрела не будет. Я успел… Когда немец уже навалился на меня, я выстрелил. Сразу после этого ТТ я выбросил и взял себе немецкий пистолет.

— Был в вашей роте какой-нибудь ритуал «о принятии в разведчики»?

— Никаких ритуалов у нас не было. Тем удивительнее мне слушать о нравах в современной армии, обо всех этих разделениях на «стариков» и «молодых». У нас на фронте, да и в послевоенное время, ничего подобного не было. «Старики», т. е. опытные и заслуженные воины, некоторые из которых отслужили по 5–7 лет, не только не ставили себя выше других, но и всячески старались помочь молодым солдатам во всем, стремились воспитать себе достойную замену. Конечно, надо учитывать, что разведчики особая каста. Тут для успешного выполнения задания просто необходимо быть полностью уверенным в своих товарищах. Уверенность в них придает и спокойствие, и смелость. Отношения у нас в разведроте были прекрасные.

— Вы хорошо помните ваш первый бой?

— Это было на Северском Донце. Мы попали в дивизию в период после окончания Сталинградской битвы, и почти сразу нас перебросили под Купянск, это узловая станция в Харьковской области. Там мы стояли во втором эшелоне и вели интенсивную боевую учебу. Костяк разведроты состоял из опытных разведчиков, но они и сами продолжали тренироваться, и нас обучали вести разведку на переднем крае, установлению засад, преодолению препятствий, захвату «языков» и многому другому. К моменту начала боев мы уже были хорошо подготовлены.

Упор в обучении делался на том, что нам действительно понадобится в реальном бою. Ничего лишнего. Зато искусство маскировки, проведение ночного «поиска», форсирование водных препятствий, рукопашный бой и многое другое мы изучали досконально. Даже как-то к нам приехали обучить использованию снаряжения, необходимого для форсирования рек, показывали

бесшумное оружие, но в боевой обстановке мы это снаряжение, конечно, так ни разу и не увидели.

В бои мы вступили в июне 1943-го, а уже 17 июля перешли в наступление. Обычно в поиск у нас ходила группа из 12 человек, четверо — группа захвата, и по группе прикрытия с обеих сторон. В первый мой выход меня назначили в группу прикрытия. Я, конечно, сильно волновался.

В тот раз нас обнаружили, обстреляли, но вернулись мы без потерь.

Еще из тех боев мне запомнился такой случай. Мы организовали засаду на нейтральной полосе, в расчете захватить сапера или связиста. Ждем. Слышим, в сторонке кто-то ползет. Что делать? Один из наших бросил туда гранату, завязалась перестрелка. Естественно, что немцы начали обстреливать «нейтралку» из пулеметов и минометов. Мы начали отход, но из двенадцати разведчиков до наших окопов добежало только семеро… И что же выяснилось потом? Оказалось, что рядом работали саперы, просто наши командиры проявили халатность и не согласовали одновременные действия саперов и разведчиков. Командиром той группы был сержант Храпов, и поэтому тот случай стал называться у нас «храповское побоище». А наших раненых и убитых мы, конечно, всех вытащили.

— Насколько этот случай характерен?

— Такая ошибка была у нас в первый и последний раз. Думаю, что и наше командование, и командиры саперов списали потери на бой с немцами.

— Сколько раз вы ходили в «поиск» и сколько на вашем счету языков?

— В «поиск» я ходил много раз. Когда стояли в обороне, то чуть ли не через день ходили, ведь информация командованию нужна постоянно. Когда удавалось взять «языка», то надеялись, что дадут нам небольшой отдых, но нет, нас опять посылали в разведку, уже для подтверждения данных, полученных от только что взятого «языка». Так что «поисков» у меня очень много, их не считали, а «языков» на моем счету — шесть. Но их, конечно, не я один захватывал, а всей группе, участвовавшей в захвате, засчитывали. Среди этих шести «языков» были только солдаты и унтер-офицеры, офицеров захватывать не доводилось. И, кроме того, я участвовал в пленении более трехсот немцев. Например, в Польше у нас был такой случай: мы вшестером, находясь в ближайшем тылу у немцев, захватили в плен 41 фашиста и вывели их всех на нашу территорию.

— Кого назначали в группу захвата?

— Опытных и физически сильных бойцов. Молодежь

начинала с группы прикрытия, до группы захвата надо было дорасти. Я тоже начинал с группы прикрытия, а потом уже перешел в группу захвата.

— Как кормили разведчиков?

— Мы на питание никогда не жаловались. Когда только прибыли на фронт, то разведчиков еще кормили по 5-й норме, т. е. как летчиков. Но уже в 1943 году нашу норму понизили до 2-й, т. е. обычной для пехоты. Это, конечно, совсем не означает, что мы сидели на этом голодном пайке. Мы, разведчики, всегда шли впереди, соответственно, и трофеи у нас всегда были. Регулярно захватывали немецкие вагоны, машины, повозки с продовольствием и сдавали их своему старшине. Так что продуктов нам хватало, даже иногда пехотинцев подкармливали.

— Было у вас ощущение, что разведчики — это «смертники», что шансов выжить на войне фактически нет?

— Нет, таких мыслей у нас не было. С такими мыслями тяжело и жить, и воевать. У нас у каждого была надежда дожить до Победы. О смерти не хотелось думать, наоборот, все мечтали о мирной жизни, в свободное время постоянно разговаривали о будущем, о девушках. Чувства обреченности у нас не было.

— Суеверия, приметы какие-нибудь были в вашей роте?

— Ничего такого у нас не было. Если задача поставлена, то ее надо выполнять, несмотря ни на что, тем более ссылаться на какие-то приметы, как это описано в интервью Каца Г. З. Думаю, здесь он «натянул», у нас такого быть не могло. Ведь это армия, где за неисполнение приказа должны судить.

Еще мне показалось неправдоподобным в его интервью, что разведка была на каком-то особом положении. Что разведчики вели себя слишком свободно и даже агрессивно. Что он мог послать офицера и тем более застрелить… Что могли убить «языка». Это надумано, такого быть не могло! По крайней мере, у нас. У нас жизнь «языка» защищали больше, чем свою жизнь, ведь если его не уберегли, значит, завтра тебе и твоим товарищам вновь надо идти в «поиск», а это ведь опять смертельный риск. Но и вынести своих убитых и раненых у нас было обязательным условием, законом. Правда, и ситуаций, когда нужно было выбирать, кого вытаскивать, своего раненого или «языка», у нас не было.

Да, разведчики пользовались всеобщим уважением, но на исключительном положении мы не были.

— Насколько тщательно готовился «поиск»?

— Как правило, в обороне на подготовку «поиска» уходило несколько дней. Если линия фронта только недавно установилась, то, конечно, было полегче. А если на каком-то

рубеже мы стояли долго, то на «поиск» нам выделялась не одна, а две ночи. В первую ночь осуществлялась так называемая «вылазка»: делали проходы в минных полях и проволочных заграждениях. Кроме того, обезвреживали МЗП (малозаметные препятствия): это на невысокие колышки, которых не было видно в траве, немцы наматывали кольцами тонкую проволоку. Когда в нее попадаешь, запутываешься, поднимается шум и начинается обстрел. Еще немцы на ночь перед своими траншеями выбрасывали такие «рогатки» — крестовины, связанные между собой колючей проволокой. Днем их мы не видели, а ночью, когда неожиданно натыкались на них, было очень неприятно. Всю эту подготовку мы проводили в первую ночь, но тщательно ее маскировали, чтобы немцы ничего не заподозрили и не устроили нам засаду. А во вторую ночь мы непосредственно ходили за «языком». План «поиска» мы обычно разрабатывали сами. А когда возвращались, то происходил подробнейший разбор «поиска»: и действия группы в целом, и каждого бойца в отдельности.

— Бывали случаи, когда вашей разведроте ставились заведомо невыполнимые задания?

— У нас таких случаев не было. Другое дело, что бывали задания, когда мы прекрасно понимали, что без потерь его не выполнить. Хотя бывали и совсем простые задания, но которые выполнялись с потерями… Например, был такой случай, когда наш 29-й корпус был оставлен в Познани для уничтожения окруженной группировки немцев. Там шли ожесточенные уличные бои, в которых все смешалось. Иногда нельзя было понять, где наши, а где немцы. Мне командование дивизии поручило самое «обыкновенное» задание: найти один из полков нашей дивизии и передать его командиру пакет. Я и еще один разведчик нашей роты должны были найти этот полк. Он оторвался от наших частей и оказался среди немцев. Естественно, что телефонной связи с ними не было, а радиосвязь не была налажена. Пока пробивались к ним, моего напарника убили. Перебегали улицу, я первым, а он вторым… Когда, выполнив задание, я вернулся на командный пункт дивизии, то оказалось, что радиосвязь с этим полком уже налажена и надобности в моих сведениях нет. И человека тоже нет…

— Как вы можете оценить работу немецких разведчиков?

— Они «работали» не так активно и настойчиво, как мы, я бы даже сказал, что значительно реже они беспокоили наш передний край, чем мы их, поэтому что-либо об их разведке я сказать не могу. Но у нас был случай летом 1943-го, когда на нейтральной полосе мы столкнулись с их разведкой. Нам повезло, мы их обнаружили раньше, забросали гранатами, и даже удалось

захватить одного пленного. Но это единственный случай, когда мы столкнулись с немецкой разведкой. Мне известен случай в нашей дивизии, когда пропал один солдат, и то я не уверен, что его утащили немцы, а может, он сам к ним перешел или что-то еще с ним случилось. Зато нашу разведку немцы очень боялись, постоянно освещали и обстреливали нейтральную полосу.

— Как вели себя пленные немцы?

— Тут нужно учитывать время, когда они попадали в плен. В 1943-м, когда еще только решался вопрос, кто кого, то они вели себя нагло. Но если уж попали в плен, то в большинстве своем старались вести себя смирно, так, чтобы остаться в живых. Их даже не нужно было тащить через нейтральную полосу, сами шли.

— Бывали случаи, чтобы «язык» отказывался говорить?

— Не знаю, мы в допросах не участвовали. Наша задача была привести пленного, а дальше была задача разведотдела дивизии, и что там творилось, я не знаю.

— Наградной темы коснемся?

— Потом уже, после войны, мне довелось общаться с бывшими разведчиками, и сравнивая, могу сказать, что в нашей разведроте награждали плохо. Не знаю, с чем это было связано, считали, наверное, что это наша обычная работа, наша обязанность. При захвате «языка» награждали только одного или двух человек, а не всю группу. Для того чтобы заслужить награду, объединяли несколько боевых эпизодов за какой-то период. Мы сами не знали, за какие эпизоды нас награждали, наградных листов мы не видели. Командиры разведроты, а их у нас сменилось за два года пять человек, никогда в разведку сами не ходили и не всегда даже представляли к награде своих разведчиков, заслуживших это. А сколько наградных листов затерялось где-то наверху… Например, нашей роте была поставлена задача форсировать Вислу и обеспечить успешную переправу частей нашей дивизии. Мы прекрасно справились с этой задачей и ожидали, что кого-то из нас представят к званию Героя Советского Союза, так как это было обещано тем, кто первым форсирует Вислу. Но вскоре нам заявили, что южнее кто-то из нашей дивизии уже форсировал Вислу раньше нас, и действительно, там наградили и солдата, и командира батальона. Я с ними встречался после войны. А, например, за то, что мы вшестером выяснили, где находится линия обороны, и захватили в немецком тылу 41 пленного и вывели их всех на нашу территорию, а это было очень непросто, начальник разведки дивизии со словами «опоздали вы» разорвал наше донесение.

— Расскажите поподробнее об этом эпизоде.

— Это было в январе 1945 года в период Висло-Одерской операции, сразу после освобождения города Лодзь. Нам была поставлена задача проникнуть в тыл к немцам и уточнить, занята ли тыловая линия обороны немецкими войсками, так как шло наше наступление и сплошной линии фронта не было. Если да, то взять «языка» или добыть документы немецких солдат. На двух танках нашей группе из шести человек, я был старшим, беспрепятственно удалось попасть в тыл к немцам. Перед рассветом мы достигли какого-то населенного пункта, танкисты отправились выполнять свое задание, а мы свое. У поляков удалось выяснить, в каком доме находятся немцы, и мы решили взять их в плен. Немцы, уверенные, что у себя в тылу они находятся в полной безопасности, не выставили охранения, и когда мы беспрепятственно вошли в дом и осветили их фонариками, они продолжали спать и не обратили на нас никакого внимания. Пришлось им скомандовать: «Хальт! Хенде хох!» Так мы взяли в плен группу примерно из двадцати немцев. Пока думали, что с ними делать, оказалось, что в нашем направлении движется еще одна группа немцев. Чтобы не оказаться обнаруженными, мы решили захватить и их. Впятером спрятались за забором и, когда они проходили мимо нас, одновременно наставили на них автоматы. Так у нас оказался 41 пленный, из которых было три офицера. Решили выводить их в расположение наших войск, двигаясь полем на восток, параллельно дороге. Построили их в колонну по четыре, поручили командовать одному из офицеров, а сами шли позади. Сначала мимо нас проходили немецкие колонны, а потом появились и наши танки. Когда мы вышли на дорогу, колонна танков вдруг остановилась, вокруг нас собрались танкисты и начали бить пленных. Лишь с большим трудом нам удалось прекратить это избиение. Мы продолжили свой путь, но понимали, что время идет, данные нужно доставить быстрее, а мы возимся с этими немцами… Тогда оставили пленных проходящему артполку, причем его командир пытался уговорить нас остаться служить у него артиллерийскими разведчиками, и даже обещал представить нас к званию ТСС. Но мы с документами немцев отправились искать штаб дивизии, который нашли только к вечеру. Но начальник разведотдела дивизии лишь обругал нас: «Пока вы ходили, ваша информация устарела»… Конечно, своевременно доставить данные нам не удалось, но и так нас отчитать, не учитывая 41 захваченного пленного… Нам было обидно.

— А на орден Славы 1-й степени вас не представляли?

— То, что я живой остался, — вот мой главный орден. В

целом я считаю, что у нас в вопросах награждения сдерживали. Ребята заслуживали большего. Например, за тяжелейшие бои под Сталинградом, где погибло много разведчиков, только несколько человек наградили медалью «За боевые заслуги». Командир нашей разведроты, тоже награжденный, когда ребята его спросили: «Ну как же так?», он ответил так: «Я командир, получил медаль „За боевые заслуги“, а вы что, ордена хотели получить?» Зато у нас в роте был парторг Байбородов, пожилой человек, его прислали к нам из батальона связи. Он ни разу не ходил с нами в «поиск», только участвовал в подготовке группы, но стал полным кавалером ордена Славы… У нас в роте было всего три полных кавалера — это опытнейшие и заслуженные разведчики Виктор Кривоногов, Бата Дамчеев и этот парторг… Как-то он даже на партийном собрании нас попрекнул: «В последнее время вы плохо справляетесь с поставленными задачами. Не проявляете должной настойчивости». Нам тогда долго не удавалось захватить «языка». На что я встал и ответил ему: «Если у вас такое недоверие к нам, то почему вы не пойдете вместе с нами на задание, чтобы проверить, нет настойчивости или нет возможности?» Он промолчал. Естественно, что и относились мы к нему соответственно, понимали, что это за человек…

— Какие еще задания, кроме захвата «языков», поручались вашей роте?

— Вспоминается такой эпизод. На Украине, возле станции Близнецы, в тыл к немцам отправили всю нашу разведроту. Нужно было помешать отступающим немцам уничтожить эту станцию и посеять панику, чтобы лишить их возможности спокойно отступать. Ночью удалось всей роте перейти линию фронта и углубиться в тыл к немцам на 12 километров. День переждали в посадке, причем там был интересный момент. Утром появилась невесть откуда взявшаяся курица и начала льнуть к нам. Мы ее пробуем отогнать от нас, а она лишь громче кудахчет. По дороге постоянно проходили немцы, и если бы кто-то из них услышал эту курицу и пошел за ней, то нас бы непременно обнаружили. Каким-то образом все-таки эту курочку отогнали, но скольких нервов нам это стоило… Зато следующей ночью, когда немцы начали отход, мы провели очень удачный бой. Отступала колонна немцев с обозами, и мы прямо в этом лесочке устроили засаду. Расстреляли их фактически в упор из пулеметов и автоматов и начали небольшими группами отходить, так как колонна была большая. Немцы быстро пришли в себя и открыли ответный огонь из пулеметов. А вокруг лесочка чистые поля… У нас один разведчик погиб и двое было ранено. Это был единственный случай, когда мы не вытащили своего убитого,

вернее, мы думаем, что он был убит, так как тела его так и не нашли. Был ранен в ногу командир взвода, и его несли двое наших ребят, но они не успевали уйти от немецкой погони и спрятались в какой-то канаве, а немцы ночью их не заметили. Повезло, конечно, и им всем удалось вернуться. Кроме того, у нас той ночью пропал радист, и мы считали, что он погиб, а оказалось, что он перешел линию фронта на участке соседей и остался там служить у артиллеристов. Так что и такие потери у нас бывали. За этот и другие бои на Украине меня наградили медалью «За отвагу».

— А могли вашу разведроту послать в бой первой?

— Конечно. Обычно при форсировании рек вперед пускали разведчиков. Думаю, это было оправданно. Например, Вислу форсировали сначала мы, подавили там пулемет и зенитку, дали сигнал, и за нами уже пошла пехота.

— Бывали такие случаи, что люди попадали в разведку, но понимали, что это не для них, и просили отпустить их?

— Раз уж люди попадали к нам, то они и продолжали служить, но был всего один такой случай. Одновременно с нами в разведроту попал один молодой парень невысокого роста, еврей по фамилии Фельдман. Прошел наравне с нами весь процесс обучения, но перед вступлением в бои он из роты пропал. Видно, кто-то ему помог закрепиться на какой-то тыловой должности. Больше на фронте мы его ни разу не видели. Через 40 лет после войны у нас была встреча ветеранов в Москве. И там мы его встретили, тем более что он был москвич. Я просмотрел список ветеранов, которые присутствовали на встрече, и вижу, что в списке ветеранов разведроты записан и этот человек. Ни на одно задание с нами не ходил, а числится разведчиком… Нас, разведчиков, на той встрече было шесть человек, но он к нам так ни разу и не подошел…

Был еще один случай, когда у одного парня была «куриная слепота» и его перевели. Кроме того, несколько человек от нас перевели в полковую разведку, но чтобы от нас забирали человека, ввиду его «профнепригодности» в разведке, такого я не помню.

— Чем было обусловлено, что за два года у вас сменилось 5 командиров роты?

— В основном командиры роты уходили от нас на повышение. Даже если их переводили на другую должность, то нам, разведчикам, не объясняли, по какой причине. Но был у нас и такой эпизод, когда сняли с должности командира роты, при котором я попал в разведку. Хороший был офицер, знающий наше дело, но его решили снять, так как длительное время нам не

удавалось взять «языка». Мы стали протестовать, даже направили делегацию к командованию дивизии, но это не помогло. Мало того, нас отругали за то, что мы вмешиваемся в дела командования.

Считаю, что командиры роты нам попадались неплохие. Хорошие люди, они пользовались уважением у солдат, и не припомню такого, что мы хотели, чтобы кого-нибудь из них заменили. У нас был даже такой случай в Германии. Как-то наша рота шла строем, и вдруг наш командир, капитан Попов, начал ругаться с каким-то солдатом, видно, они были раньше знакомы. Очень сильно ругались, так, что, когда мы пошли дальше, тот солдат бросил в нашего командира палку. Тут, конечно, мы не выдержали, все бросились на этого солдата и избили его до полусмерти…

Но насколько я убедился, главной задачей командира разведроты было все-таки не выполнение боевой задачи, а хозяйственное обеспечение роты. За все время моего пребывания в разведке командир роты всего один раз участвовал с нами в выполнении боевого задания: это когда мы ходили в тыл к немцам возле станции Близнецы. Фактически нашим командиром был начальник разведотдела дивизии майор Жигалов. Он почти всегда был в расположении разведроты. Это был очень грубый, злопамятный и заносчивый офицер. Обычно люди очень сближаются в боевой обстановке, а этот нет, вел себя очень высокомерно. В случае если кто-то из разведчиков серьезно провинился, то он давал ему такое персональное задание, что шансов выжить почти не было. Например, в такую «немилость» к нему попал мой друг Алексей Солодовников. Не знаю, с чего все началось, но поссорились они очень сильно и отношения между ними были очень плохими. Жигалов даже сажал моего друга на гауптвахту, ее роль исполняла глубокая воронка. И вот при входе в Берлин он дал Алексею такое задание: переправившись через канал, а мост был взорван, уничтожить немецкую огневую точку и таким образом помочь нашему подразделению форсировать этот канал. Одному!.. Персонально!.. Но Солодовников по разрушенному мосту, через канализационную систему смог-таки проникнуть в тот дом и уничтожить пулеметную точку! У нас была такая радость, ведь мы прекрасно понимали, что он фактически вернулся «с того света»… К этому офицеру, конечно, в роте относились очень неприязненно, но идеи, чтобы «убрать» его, у нас не возникало. До такого не доходило.

— Конфликты между солдатами были часто? Могли они решаться с помощью оружия?

— Такое исключено полностью, я о таких случаях никогда не

слышал. В нашей роте коллектив был очень дружный и сплоченный. Серьезных конфликтов я не помню.

— Вам довелось общаться с командованием дивизии. Что это были за люди, пользовались они у солдат уважением?

— Командиром нашей дивизии с 1941 года и до конца войны был генерал-майор Глебов. Очень опытный, грамотный офицер, еще за бои на Халхин-Голе у него было два ордена Боевого Красного Знамени. За бои на Висле он был удостоен звания Героя Советского Союза. Его заместители менялись, например, после освобождения Белоруссии к нам прислали Героя Советского Союза генерал-майора Дука, который был командиром партизанской дивизии. Командование дивизии пользовалось авторитетом у солдат, но не всегда у начальства. Одно время, например, у нас начальником штаба дивизии был кавказец, наверное чеченец. Но его вскоре заменили, наверное из-за его национальности. Это был едва ли не единственный кавказец, с которым я сталкивался на фронте, так как нашу дивизию часто пополняли представителями народов Средней Азии и ни разу кавказцами.

— Были случаи, чтобы разведчики из вашей роты попадали в плен к немцам?

— Всего один раз у нас был такой случай. На Украине, возле города Новоодесса, форсировали с ходу Южный Буг и захватили небольшой плацдарм. Наши артиллерия и танки отстали, а немцы контратаковали, и пехота не выдержала. Группе наших разведчиков поручили остановить бегущую пехоту. Но сделать это не удалось, их отбросили к самой реке, а одного из наших разведчиков завалило в окопчике, когда по нему проехал немецкий танк. Ночью он очухался и пошел в село, так как мы уже стояли там до этого в одной из хат. Он нашел этот дом и спрятался там под кроватью, чтобы переждать день, а ночью попытаться перейти линию фронта, но его нашли. В плену он представился простым пехотинцем, и ему поверили, поскольку в том бою попало в плен до сотни наших солдат. Его не расстреляли и даже оставили работать при кухне, где он колол дрова, чистил картошку. Ав одну из ночей, во время немецкого отступления, когда его заставили нести ленты к пулемету, он с этими коробками перешел через линию фронта как раз на участке нашей дивизии. Он успел попасть к нам в роту и рассказать обо всем, что с ним случилось, но его, конечно, сразу забрали в особый отдел, и больше мы его никогда не видели и не знаем его дальнейшей судьбы… Мы ничего не могли для него сделать.

— Со «штрафниками» доводилось сталкиваться?

— «Штрафниками» нас не пополняли. Был случай на

Шерпенском плацдарме, когда мы ходили в «поиск» вместе с группой из «штрафников». Но они оказались слабо подготовлены, сильно шумели, немцы нас обнаружили и обстреляли. Мы вынуждены были отойти, не выполнив задания. Несмотря на это, те из «штрафников», кто был ранен при отходе, были реабилитированы как «искупившие кровью», зато нас ругали за невыполнение задания…

— А с «заградотрядами» вы встречались?

— За все время моего пребывания на фронте с «заградотрядами» мне ни разу не довелось столкнуться. На Украине я попал госпиталь, а после него всех выздоравливающих направляли в запасной полк, я же твердо был намерен вернуться в свою роту. Поэтому, не дожидаясь выписки, без документов, я пешком отправился в свою часть. Меня, конечно, могли задержать, и у меня точно были бы неприятности, но мне повезло, и я успешно дошел до своей роты и продолжил воевать.

О том, что «заградотряды» в спину стреляли нашим войскам, я ни разу не слышал.

— Вам довелось воевать только против немцев?

— Мне довелось воевать против немцев, а в Молдавии и против румын. Немцы, конечно, были хорошие солдаты. Дисциплина у них была на самом высоком уровне. Стойкие, умелые, знающие свое дело солдаты. Но тут, конечно, нужно учитывать и период войны. В 1943 году они были заметно наглее, и даже пленные солдаты вели себя вызывающе, а в конце войны они и в плен легче сдавались. Взять тот же эпизод, когда я вел переговоры о сдаче в плен с немцами в Познани. В 43-м они бы и близко меня не подпустили, расстреляли бы на месте… А тут и выслушали, и капитулировали.

Румыны по сравнению с немцами были заметно слабее подготовлены и вооружены. Моральных стимулов воевать у них тоже не было, и поэтому они, конечно, сражались гораздо хуже немцев.

— С «власовцами» вам доводилось сталкиваться?

— Возле Днестровского лимана запомнился такой случай. Кавалерийская дивизия из корпуса Плиева совершала рейд по тылам фашистов, а отходившие из Одессы немецкие войска прижали ее к самому лиману и здорово потрепали. Один из кавалеристов был пленен «власовцем», который прекрасно понимал, чем закончится война. Он убил нашего кавалериста, забрал документы и переоделся в его форму. Когда наша дивизия освободила эту деревню, к нам обратилась местная жительница: «Это предатель. Он жил в моем доме». Мы его, конечно, арестовали, и на допросе он во всем признался, но его передали в

вышестоящий штаб, и чем закончилась эта история, я не знаю.

Ненависть, конечно, к «власовцам» была огромная. То, что «позволительно» было немцам, нашим предателям не прощалось. Но случаев расправы над ними я лично не видел.

— Вы были два раза контужены и один раз ранены.

— Ранен я был легко. Первый раз меня контузило возле села Долненькое в Харьковской области. Мы попали под сильнейшую бомбежку, говорят, что немцы нас тогда бомбили силами трех авиаполков. Пару дней пришлось провести в медсанбате.

Второй раз меня контузило на Зеленовских высотах. Я был на самой вершине, в немецком окопе в форме подковы, докладывал по телефону командованию дивизии обстановку на поле боя. Наша артиллерия вела заградительный огонь, и снаряд попал в другой край окопа. Мне, конечно, крупно повезло, меня только не сильно контузило, а двух других разведчиков, которые были со мной, ранило осколками наших же снарядов.

Тут я бы вот что хотел добавить. Был приказ, что раненые должны добираться до санбата самостоятельно и с оружием, а помогать им запрещалось. Но это же было неосуществимо на практике изначально! Конечно, за выполнением этого приказа следили весьма формально, но все равно бывали очень печальные случаи. Помню, мы видели пехотинца, которого ранило в лицо, и он ничего не видел. Он шел в медсанбат, но забрел в лесочек и, ослепший, окровавленный, натыкался, бился головой о деревья, а помочь ему, сопроводить его, мы не могли….

Помню, что я тогда думал примерно так: уж если меня покалечит, то пусть лучше мне оторвет ногу, так как с целыми руками я смогу работать и не быть обузой.

— Многонациональный состав армии, по-вашему, это хорошо или плохо?

— Тут не от национальности зависит. Конечно, когда в пехоте пополнение из Средней Азии почти не понимало русского языка и было плохо подготовлено, то с такими солдатами, естественно, тяжело было успешно решать поставленные задачи. Сколько было таких случаев, когда одного из новобранцев ранят или убьют, а его товарищи вокруг него собираются, и их сразу «накрывали»… Но у нас в разведке прекрасно воевали люди самых разных национальностей: узбек Исмаил Юнусов, казах Анатолий Курманов и многие другие. Или, например, был у нас в роте бурят Бата Дамчеев, прекрасный воин и товарищ. Полный кавалер ордена Славы. Вначале он был снайпером, уничтожил много фашистов, а потом перешел к нам в разведку. Все они хорошо говорили на русском языке, были отлично подготовлены, поэтому и воевали прекрасно.

— Вы можете выделить самые тяжелые и напряженные бои, в которых вам довелось участвовать?

— Наша дивизия имеет славный боевой путь. В бои мы вступили на Северском Донце, освобождали Запорожье, затем наступали на юг, в район Днестровского лимана, вынуждая немцев, под угрозой окружения, оставить Одессу. Потом мы захватили небольшой плацдарм на Днестре в районе села Паланка, но это было весной 1944-го, когда начался разлив. Доходило до того, что мы сидели на деревьях, а румыны нас расстреливали с высоты. Хорошо, что наше командование поняло всю бесполезность этого плацдарма, и мы его оставили. Затем всю нашу 8-ю гвардейскую армию перебросили севернее, на Шерпенский плацдарм, и как раз 9 мая 1944-го немцы начали генеральную попытку его ликвидации. Две недели самых ожесточенных боев, но немцам удалось только немного потеснить нас. Наша армия там потеряла до 10 тысяч человек убитыми. В июне 1944-го нас перебросили на 1-й Белорусский фронт, т. е. на главное направление войны — Варшавско-Берлинское.

Везде бои были тяжелые и кровопролитные, но как самые тяжелые могу выделить бои при форсировании Северского Донца, когда еще только решался вопрос, кто победит. Для того чтобы удержать Донбасс, немцы сняли из-под Курска две танковые дивизии, которые бросили против нас. Достаточно сказать, что после наступления в стрелковых полках нашей дивизии оставалось по 5–6 пехотинцев… Я помню такой эпизод: нашей дивизии придали танковый полк КВ, и вот за этими 16 танками в атаку пошло примерно 15 солдат… И это наступала дивизия!!! Тогда командир дивизии принял решение собрать в сводный батальон всех тыловиков, обозников. Набрали таким образом человек 500, и дивизия продолжила наступление.

Тяжелейшие бои были на Шерпенском плацдарме, уличные бои при освобождении Познани и, конечно, бои при наступлении на Берлин, особенно на Зееловских высотах, но просто в конце войны у нас было подавляющее преимущество во всем.

— Ваше мнение о роли Шерпенского плацдарма.

— Он сыграл важнейшую роль в Ясско-Кишиневской операции. Немцы до последнего были уверены, что наступление начнется именно с этого плацдарма, и держали тут большие силы, а удар последовал с флангов, где стояли румынские части. Достаточно сказать, что против нашего плацдарма, который был 12 километров по фронту и 8 в глубину, немцы бросили 3 танковые и 4 пехотные дивизии… Могу с уверенностью сказать, а я многое и испытал, и повидал, что бои на Шерпенском плацдарме были одними из самых тяжелых за весь период моего

пребывания на фронте! Немцам так и не удалось сбросить нас в Днестр, и те многочисленные и самые боеспособные части 6-й немецкой армии, которые стояли против нас, не смогли участвовать в обороне Кишинева и, оказавшись в окружении, попали в плен.

Могу гордиться тем, что я являюсь инициатором создания мемориала Шерпенского плацдарма. Когда в 1985 году я оказался в Молдавии, то был поражен, что на месте этих кровавых боев не было установлено ни единого памятника… По моим ходатайствам, и то только через центральную печать, так как вообще мало кто знал о боях на этом плацдарме, удалось «продавить» идею создания мемориала. Его строительство, начатое еще в конце 80-х, удалось закончить при самом активном участии президента Молдовы Воронина В. Н. только несколько лет назад.

— Расскажите о том, как вы участвовали в переговорах в Познани.

— Там что получилось: наше командование не знало точно, сколько немецких войск оказалось окружено в Познани, поэтому оставило для их ликвидации всего три дивизии. Только потом выяснилось, что немцев там вместо предполагаемых двадцати тысяч все шестьдесят… Перебросили к нам на подмогу еще одну дивизию, артиллерию, саперов, и мы с ними за месяц справились, заставили капитулировать, но уличные бои в Познани запомнились мне как одни из самых ожесточенных.

В Познани и так была старинная крепость, а немцы ее заметно усилили. Многочисленные форты, соединенные подземными ходами, с мощной цитаделью в центре. Наши попытки разбомбить эти укрепления успехов не принесли. К тому же был приказ Гитлера: «Не сдавать город, сражаться до последнего солдата», так как Познань — это важнейший узловой транспортный центр на пути к Берлину.

С тяжелейшими боями мы достигли рва вокруг цитадели. Начался штурм, и нам удалось ворваться внутрь и на крышу внешнего кольца крепости. Начали успешно «выкуривать» немцев из их укрытий: подрывали вентиляционные шахты, поджигали их с помощью толя и смолы. На рассвете начальник разведотдела Жигалов, а я до сих пор считаю, что он решил отомстить мне за случай со спиртным, дает мне задание: «Бухенко, бери двух разведчиков, идите в следующее кольцо крепости и проведите переговоры о капитуляции форта». Что оставалось делать? Пришлось взять двух молодых разведчиков, и, размахивая носовым платком, мы пошли… Автоматы мы взяли с собой. А у нас в дивизии уже был печальный опыт переговоров. В

Сталинграде на переговоры ходили переводчик и офицер из оперативного отдела дивизии. Когда они возвращались, немцы их расстреляли. Одного убили, а второго ранили… Пересекаем площадь, а я думаю, что если обстреляют, то шансов у нас никаких… За площадью было два форта, мы пошли к левому, обошли его. При входе стояла группа немецких офицеров и два танка. Немецкого языка я не знал, пытаюсь как-то объяснить, что пришел с требованием о капитуляции, но они и сами прекрасно понимали, зачем мы пришли. Повезло, что среди этих офицеров оказался один, как я сейчас понимаю, словак. С его помощью переговоры пошли быстрее. Что я им говорил? Что судьба их решена, что во избежание лишней «крови» сдавайтесь, мы всем гарантируем жизнь. Их командир возражал, что приказа о капитуляции они не получали. А у нас уже было известно, что командующий этой частью крепости застрелился, и я ему сказал: «Приказ вам некому отдать, так как ваш командир покончил с собой». В это время произошел оглушительный взрыв, это наши саперы проделали во рву проход для мощных самоходок, но я использовал его: «Видите, в том форту не хотели сдаваться, и его подорвали. Вы хотите той же участи?» И удалось-таки уговорить их капитулировать. Старший офицер отдал приказ, но смотрим, никто не выходит. Тогда я с ним спустился внутрь форта, и солдаты начали выходить по одному. Таким образом, удалось склонить к капитуляции весь гарнизон этого форта, человек 200–250. За этот эпизод и вообще за бои в Познани меня наградили орденом Славы.

— У вас не было ощущения, что мы воюем с неоправданно высокими потерями?

— Тогда трудно было так думать. Нам давали приказы, которые необходимо было выполнять. А есть ли для этого силы, возможности? Ну как можно было давать приказ о наступлении, если во всей дивизии в строю меньше 20 пехотинцев?! Больше всего, конечно, гибла пехота. Максимум три атаки, и ты либо ранен, либо убит…

Или взять бои на Зееловских высотах, они запомнились мне очень хорошо. В тяжелых потерях я обвиняю командующего фронтом Жукова, да я и сам там чуть навсегда не остался. Он потом в своей книге признавал, что наступление на Берлин можно было организовать по-другому. Взять тот же эпизод с прожекторами, я же там был и все это лично видел. После дикой артподготовки образовалась фактически стена из пыли, гари, дыма, через которую свет от этих прожекторов доходил до немцев очень слабо, тем более что и ветер дул в нашу сторону. Зажженные фары на танках только демаскировали их. Вреда от

этих «хитростей» было больше, чем пользы. Но самое главное, там не был учтен рельеф местности. Например, на участке наступления нашей дивизии оказался такой непреодолимый участок высот. Что они собой представляли? Не очень уж и большие высоты, покрытые старым мощным лесом. За вершиной шла глубоко врезанная в землю железная дорога, которая фактически была естественным противотанковым рвом, который невозможно было преодолеть никакой технике. Единственная дорога шла на Берлин, и был еще ж/д мост, но немцы взорвали его с двух сторон, перегородив дорогу. Все было очень хорошо пристреляно, и не было никакой возможности расчистить эту дорогу в светлое время суток. И что получилось: вся техника осталась перед высотами, а вперед пошла одна пехота. Так как продвижения нет, Жуков для осуществления прорыва бросает в бой огромные резервы, целую танковую армию, не осознавая того, что прорыва нет не из-за сопротивления противника, а исключительно из-за непроходимой местности. Вся дорога оказалась забита огромным количеством нашей техники… Чуйков прямо пишет в своей книге, что решение Жукова о доппрорыве было ошибочно. А немцы против оставшейся без прикрытия нашей пехоты нанесли сильный контрудар. Нашу пехоту спасли только фаустпатроны, отбились ими от немецких танков. Но перед этим немцы нанесли мощный артудар по скоплению техники перед высотами. Я, когда вечером возвращался с высоты назад, неприятно удивился, сколько там было побито нашей техники и людей…

— Насколько характерны были такие ошибки?

— Это была, конечно, явная ошибка, которую я целиком возлагаю на Жукова. Были еще ошибки, когда давали приказы о наступлении, но которые не подкреплялись необходимыми для этого силами, подготовкой. Или были ошибки из-за неверной информации, предоставленной командирами. На Украине, помню, был такой случай. Во время наступления нужно было форсировать небольшую речку. Командир дивизии запрашивает у командиров полков обстановку. Один из них, чтобы не отставать от других, тоже доложил: «Мою ноги в речке», хотя его полк ее еще не преодолел. Немцы задержали его на подступах. Доложить о том, что он соврал, не может, это же военный трибунал. Не имея возможности попросить поддержку артиллерии, он бросает в наступление свой полк, а немцы закрепились очень хорошо. Потери тогда понесли большие… В конце концов, когда все выяснилось, его сняли с должности и судили, наверное…

И еще хотел бы отметить такой момент, что слабо использовался и передавался накопленный боевой опыт.

Например, еще в уличных боях в Познани я впервые увидел изобретение танкистов. Для защиты от фаустпатронов они придумали делать на танках внешний каркас из обычной металлической сетки. Почему эта простая, но эффективная мера защиты не применялась широко? Ведь это спасло бы жизни многим танкистам!

— Вам лично доводилось использовать фаустпатроны, другое немецкое оружие?

— Да, в уличных боях в конце войны мы их применяли часто, хорошее оружие. Впервые фаустпатроны я увидел где-то в конце 1943-го, еще на Украине, но тогда мы даже не знали, что это. Зато потом, когда немцы стали использовать их широко, нас обучали, как ими пользоваться, были даже специальные инструкции. Во время отражения немецкой контратаки на Зееловских высотах только благодаря фаустпатронам и отбились.

— В рукопашных схватках вам доводилось участвовать?

— Нет, если не считать самих захватов «языков», то я таких случаев у нас в роте не помню, даже во время уличных боев. Но был один эпизод, который заставил нас призадуматься и кое-что поменять в наших действиях. На Магнушевском плацдарме нам поставили задачу взять «языка» из второй линии обороны, так как командование опасалось, что немцы накапливают силы для наступления. Мы установили засаду на тропинке, невдалеке от второй траншеи. Когда появился немец, на него кинулась группа захвата, но он оказался такой здоровенный, то ли боксер, то ли борец, что стал буквально разбрасывать нас, пока кому-то не удалось оглушить его прикладом. Единственное, что нас спасло, — то, что он не закричал. Ночью он, видно, и сам не разобрался, кто на него напал, поэтому отбивался молча, но если бы он начал кричать, то было бы уже не так смешно…

А в уличных боях мы очень много использовали гранаты и огнеметы, и до рукопашных не доходило. Гранаты предпочитали наши, они компактнее.

— Как в роте относились к спиртному?

— Мы никогда выпивкой не увлекались, прекрасно понимая, что у трезвого значительно больше шансов остаться в живых, чем у пьяного. Ведь нам постоянно приходилось думать, принимать верные решения. Пьяниц у нас в роте не было, но ту водку, что выдавали, мы, конечно, выпивали. Когда ходили зимой в засаду на нейтральную полосу, то брали целую фляжку водки, но она помогала нам элементарно не замерзнуть.

Меня никогда не тянуло к спиртному, но один раз из-за него я попал в одну очень неприятную историю. Во время уличных боев в Познани наше продвижение очень тормозили

многочисленные бары, рестораны, магазины, так как многие пехотинцы сразу набрасывались на это добро… Возросли из-за этого и наши потери. Тогда командир дивизии принял решение создать из разведчиков и саперов мобильные группы. Как только обнаруживали любой склад выпивки, мы туда сразу выдвигались и подрывали входы в него, чтобы лишить доступа к спиртному. И вот, с группой, я попал на один из таких складов. Выгнали из этого подвала всех пехотинцев, и, пока его минировали, я успел взять несколько бутылок, чтобы угостить ребят в роте. Вернулись в расположение, а оно было при КП дивизии, который находился в историческом музее Познани. Этот музей немцы использовали как вещевой склад, и в помещении, в котором мы находились, было разбросано много одеял.

Как раз привезли обед. И тут, что бывало чрезвычайно редко, к нам в роту зашли начальник разведотдела с начальником политотдела дивизии. Перед ними предстала такая картина: днем, на разбросанных одеялах, разведчики обедают и распивают те несколько бутылок, что я принес. Жигалов в крик, причем там среди нас были разведчики и старше меня по званию, но он начал высказывать претензии именно мне: «Бухенко, ты что тут пьянку устроил!» и т. д. и т. п. «Аннулирую твое представление к ордену Отечественной войны, и вообще спишем тебя в пехоту!» Даже облил меня из одной бутылки… Черт с ним, с этим орденом, а в пехоту очень не хотелось… Ко всему этому начальник политотдела хорошо знал меня как комсорга роты. Но ребята отстояли: отправили делегацию, попросили за меня. Вот так меня выставили пьяницей!

Я видел всего один раз, что какой-то солдат утонул в спирте, но случаев отравлений солдат техническим спиртом в нашей дивизии не было, хотя в Польше было очень много спиртзаводов. Там спирт брали, сколько хотели и могли. Когда спирт заливали и хранили в бочках из-под бензина, то потом его за цвет и за запах называли «автоконьяк».

— Насколько остро вы переживали смерть товарищей?

— Смерть наших разведчиков, конечно, переживалась гораздо острее, чем смерть незнакомых тебе людей. Особенно тяжело я переживал гибель товарищей, пришедших в разведроту одновременно со мной из училища. Помню, гибель первого из нашей группы, Васи Стасевского, просто потрясла меня: мы попали под артобстрел, и осколок мины попал ему в висок так, что оба глаза выскочили из орбит и висели на лице только на нервах…

Потери же пехоты если поначалу еще как-то волновали, то потом уже на это не особо обращали внимание… Мы спокойно

могли есть, поставив котелок на труп нашего же солдата…

Уборка и захоронение погибших в нашей армии были налажены безобразно. Зато немцы сразу собирали своих, даже во время тяжелых боев и отступлений, и по-человечески их хоронили. Ау нас… Месяцами могли лежать неубранными… Вдоль дорог, на дорогах лежали, и по этим трупам ездил наш же транспорт… Особенно угнетающе эти картины действовали на необстрелянное пополнение.

— Были в вашей роте случаи трусости и, наоборот, героические поступки?

— Случаев трусости я не помню. Конечно, все мы боялись, но чувство долга и ответственность все-таки пересиливали. К тому же у нас в роте все были добровольцы, люди знали, на что шли. А насчет героев… У нас в роте был всеобщий любимец Павел Силентьев. Он был нашим одногодком, но у него был такой авторитет и его так все любили, что называли только по имени-отчеству — Павел Павлович. Это был наш «Василий Теркин». Умный, веселый парень, прекрасно играл на губной гармошке, даже в самые тяжелые моменты он не давал нам унывать, мог поднять настроение всей роте… На Магнушевском плацдарме, южнее Варшавы, мы были в «поиске». Видно, какой-то немец что-то услышал и бросил гранату в нашем направлении. Она упала прямо посередине нашей группы, рядом с Павлом. Мы ползли тогда очень плотно, и многие бы пострадали, но Силентьев накрыл своим телом эту гранату… Мы его вытащили, ему оторвало руку, разворотило бок и бедро, но по дороге в санбат он умер… Вот такой был человек! На такое способен был далеко не каждый… Представили ли его посмертно к награде, я не знаю.

Особенно еще было тяжело и обидно, когда наш товарищ погибал не в бою, а в тылу. У нас так погиб мой хороший товарищ еще с училища казах Анатолий Курманов. У него было казахское имя, но мы все называли его Анатолием. На Украине мы остановились на ночлег в двух хатах, и в это время немцы произвели артналет. Толя переходил из одного дома в другой, и снаряд разорвался рядом с ним…

— Были какие-нибудь необычные случаи при захвате «языков»?

— Да, сразу вспоминаются два таких эпизода. На юге Украины нам поручили взять «языка». Мы заняли хату невдалеке от переднего края и готовились к «поиску», и вдруг, словно по заказу, заходит немецкий солдат, которого мы, конечно, пленили. Оказалось, что он шел на свои позиции, но в ночи было дикое ненастье, он перешел линию фронта и зашел прямо к нам. Наши и немецкие тылы из-за слякоти тогда отстали, снабжение было

паршивое, даже патронов было очень мало, поэтому и мы и немцы не стреляли и не освещали нейтральную полосу. Сплошной линии траншей там не было, только одиночные ячейки, поэтому он и не смог определить, где передний край, перешел его, и нам тогда так повезло. А второй случай был в Польше, где река Пилица впадает в Вислу. Мы стояли с немцами через реку, а посреди нее было множество островов. Мы решили устроить на одном из островов засаду. Вдруг видим, что с немецкого берега в направлении нашего острова плывет лодка. В ней были три немецких солдата и три польские девушки. Когда они вышли на берег и направились к одному из домиков, расположенному на этом островке, мы на них напали. Одного солдата мы убили, одного ранили, а одну девушку и одного солдата мы взяли в плен. Что оказалось? Эти девушки закопали на этом острове свои вещи, а так как приближались холода, то они попросили немцев помочь достать их теплую одежду. Эти трое солдат, видно желая получить у девушек соответствующее «вознаграждение», вызвались помочь им.

— Как вы относились к политработникам?

— Считаю, что они были нужны. Ведь нужно было многое разъяснять людям, мобилизовывать воинов для выполнения боевых задач. Я, например, тоже участвовал в этом, так как я был комсоргом нашей роты. Политработа была особенно нужна в период подготовки к наступлению. Помню, перед наступлением на Берлин по траншеям носили знамя дивизии и полков. Проводили митинги с целованием знамен, где бойцы клялись добить фашистов… Конечно, в атаку политработники высшего звена не ходили, но ведь это и не входило в их обязанности. Почему их могли не любить? Потому что они строго спрашивали, за их требовательность и строгие меры к трусам и различного рода нарушителям. Политработники нужны и в военное, и в мирное время. Ведь нужно кому-то заниматься и дисциплиной, воспитанием солдат.

— Вы сталкивались с «особистами»?

— На фронте практически нет, кроме того случая, когда у нас арестовали разведчика, побывавшего в плену. К нам претензий никаких не было, поэтому они у нас даже и не появлялись. Показательных расстрелов я тоже не видел. Единственный раз мы присутствовали в городе Красноармейске, сейчас Волнянск, на Запорожье, при показательной казни предателя.

— Расскажите, как вы на фронте встретились со своим братом.

— Это одно из самых ярких моих воспоминаний о войне. Мой старший брат окончил артиллерийское училище и встретил

войну лейтенантом в Молдавии. Мы с ним регулярно переписывались, но не виделись с 1939 года. Конечно, нам очень хотелось увидеться, но как нам было узнать, где воюют наши части? Ведь цензура вычеркивала в письмах любые географические названия. Тогда он загадал мне в письме такую загадку: «Мы сейчас находимся у города, первую часть названия которого любит полмира, а вторую — весь мир». Общими усилиями догадались, что это Херсон… Так мы поняли, что воюем где-то рядом. Потом я ему в письме написал так: «Наша мама живет на той же улице, но в доме номер 8, кв. 27», а в следующем письме пояснил, что номер дома — это номер армии, а номер квартиры — это номер дивизии. Так получилось, что его 295-я дивизия сменяла нашу дивизию на Шерпенском плацдарме, но свидеться там нам не удалось. А в январе 1945-го на Магнушевском плацдарме, перед заданием, меня вдруг срочно вызвал начальник разведки. Захожу к нему в блиндаж, а там сидит мой брат. Оказалось, что наши дивизии стояли рядом и он меня разыскал. Радость, конечно, была большая. Мне дали два дня отдыха, и это время я провел у брата. Потом наши дивизии наступали параллельно, вместе брали Берлин, но увидеться следующий раз с братом мне удалось только через 6 лет…

— Как к вам относилось гражданское население в Польше и Германии?

— Поляки относились к нам очень хорошо. Так как тылы за нами часто не успевали и мы оставались, что называется, на «подножном корму», поэтому часто нам приходилось есть то, чем нас покормят мирные жители. Прекрасные воспоминания у меня остались об одном случае, когда наша разведрота оказалась в одном маленьком городке. Встречали нас там прекрасно, всех солдат приглашали в гости. Меня с несколькими товарищами пригласил к себе хозяин ресторанчика. Накрыл хороший стол, много говорили, потом меня пригласила танцевать его дочка. Только ушли оттуда, нас сразу приглашают снова в гости. И везде разговоры, особенно их интересовало, оккупируем ли мы Польшу, будут ли организовываться колхозы. Причем их запугали, что в колхозах все общее, начиная от земли и заканчивая женами… Мы, конечно, по мере сил успокаивали их. Там еще был один забавный эпизод: когда начались песни, а поляки, чтобы сделать нам приятное, спели несколько наших песен, то я решил их удивить. Еще в школе я дружил с двумя братьями-поляками и у них выучил польский гимн. Так, когда я его пел, а там есть такие слова: «земли вольски до польски», то поляки спели «земли польски до русски» и хитро смотрят на меня. Но я им твердо сказал: «Не надо! Мы пришли вас освобождать, а не землю вашу

захватывать»… И такие теплые встречи были везде. В спину нам не стреляли. Был, правда, интересный случай. На пути к Варшаве группа разведчиков шла по дороге среди поля спелой ржи. Вдруг раздался выстрел. Мы моментально сориентировались и открыли огонь из автоматов. Почти сразу раздался крик, и поднимается молодой парень лет 18 с поднятыми руками. Просто чудо, как мы в него не попали. И что оказалось. Он нашел какую-то обожженную немецкую винтовку и решил проверить, можно ли стрелять из нее. Закрепил ее как-то на земле, привязал веревку к спусковому крючку и дернул. А тут мы шли… Пока разбирались, из села прибежали какие-то люди, ударили пару раз парнишку и бросились перед нами на колени: «Не убивайте! Пощадите!» Родители его оказались, сразу пригласили нас в гости. Мы и сами все поняли и убивать его не собирались, но они нам потом сказали, что немцы на нашем месте его непременно расстреляли бы.

— А немцы?

— Они нас очень сильно боялись. Помню даже, в одном немецком городке хозяйка квартиры, где мы были на постое, вдруг начала ощупывать мою голову, а потом спросила: «А где ваши рога?» Посмеялись потом, конечно, но какая у них была пропаганда, что культурные люди поверили, будто русские это не люди, а дикари и звери с рогами… Немцы прекрасно понимали и понимают до сих пор, что у нас есть право на месть… Когда войска только подходили к Германии, то всеобщий настрой был такой: «Ну, сейчас мы отомстим!» У любого из нас были личные мотивы для мести. Да и пропаганда наша очень старалась, например, знаменитые выступления Ильи Эренбурга: «Кровь за кровь! Смерть за смерть!» А уж чего мы насмотрелись… Они же старались оставить после себя выжженную, неживую землю. Хотели уничтожить все, что только можно. Население или угоняли, или уничтожали… В одном месте я видел такую картину, они, видно, не успевали угнать большое стадо скота: на лугу лежали расстрелянные примерно 500 коров…

Когда наши войска только вошли в Германию, мы добивали окруженную группировку в Познани. Поэтому о том, что там творилось, могу только догадываться, но когда нас перебросили из Польши в Германию, то первый немецкий городок, который мы увидели, был сожжен дотла… Но это быстро прекратили. Вышли очень суровые приказы, по которым любые виды мщения, будь то убийство, насилие или поджог, карались расстрелом. Лично мне таких случаев наблюдать не довелось, но порядок в войсках навели очень быстро. Никому из нас, прошедших через тяжелейшие бои и испытания, за пару шагов до Победы не

хотелось быть расстрелянным своими же.

В последнее время стали говорить о поголовном насилии и грабежах. Не было такого! Отдельные случаи, конечно, были, не сомневаюсь, но чтобы это было массово.

Ерунда! Немки нам и так сами «давали», соскучились они по мужикам. Был такой забавный случай: в одном городке искали сено для наших обозных лошадей. Заходят ребята в дом, пытаются объяснить хозяйке, что нам нужно, а хозяйка не понимает и ее аж «трусит» от страха. Тогда подвели ее к заготовленному во дворе сену и показывают жестами: «Возьмем, мол, немного сена». Она, бедная, поняла все по-своему: легла на это сено и подняла юбку…

После войны я некоторое время продолжал служить в Германии и должен сказать, что отношения с немцами постепенно наладились, я бы даже назвал их хорошими. Многие солдаты и офицеры встречались с немками, даже жили у них на квартирах. Некоторые хотели жениться на них, но это, конечно, было тогда невозможно. Злости у нас на них не было, тем более что они ясно понимали, что натворили, что мы победители, и старались вести себя так, чтобы нас не обидеть.

— На что-то обратили внимание за границей?

— Конечно, разница в уровне жизни сразу бросилась в глаза. Порядок, уровень хозяйствования, который был несравним с нашим. Помню, в одном местечке зашли мы в свинарник. Деревянные полы с небольшим уклоном, специальные кюветы для стока нечистот и, соответственно, чистота, хотя немцев там уже не было. Разве можно это было сравнить с нашими свинарниками? Запомнилось еще, что почти в каждом доме было много «закруток», а у нас тогда этого еще не было. Но в Берлине было все наоборот, еды не хватало, и голодные немцы часто просили у нас что-нибудь из продуктов.

— Вы отправляли посылки домой?

— Я отправил одну посылку, уже из Берлина. Наша рота захватила как-то склад с тюками материалов, и старшина выдал каждому из нас по «отрезу», но это было официально разрешено. И после войны пару посылок с материалом отправлял. Злоупотреблять этим могли только те, у кого были возможности и транспорт. Ходили слухи, что наш командир дивизии отправил «богатства» в Союз вместе с ППЖ, но мы этого не видели и не интересовались этим.

— Ваше отношение к женщинам на войне.

— На передовой мы их почти не видели, поэтому солдаты в вопросах обращения с женщинами дичали. Встретить женщину на передовой было событием. Когда появлялась какая-нибудь

медсестра или связистка, солдаты начинали кричать: «Рама! Воздух!», и так на всем ее пути. Но девчонки были опытные — и часто отвечали так: «Паникеры и трусы — по щелям!» У некоторых офицеров были ППЖ из числа медработников, связисток.

— Были солдаты из числа переживших оккупацию, «окруженцев», переживших плен?

— Конечно. Освобождая Украину, нас постоянно пополняли за счет местного населения. Их зачастую даже не успевали переодеть в военную форму, поэтому их называли «чернорубашечники». После войны уже к нам в роту попали два солдата, которые были в плену. Они хорошо знали язык, так как были не в лагерях, а работали в частных хозяйствах. Один из них в плен попал старшим лейтенантом, но к нам после проверки попал рядовым солдатом. Этих солдат старались использовать как переводчиков при общении с гражданским населением. Много раз мы встречали и людей, угнанных на работу в Германию. Относились к ним очень тепло, сочувствовали им, пытались найти среди них земляков. За предателей мы их не считали.

— Как вы мылись, стирались?

— Это была проблема, так как организованной смены формы для стирки вообще не было, во всяком случае, я не помню. Когда бывали во втором эшелоне обороны, то своими силами организовывали баню и стирку. А во время наступления обычно просили женщин, у которых были на постое, постирать нам форму. Вши, конечно, были.

— Было такое понятие, как «тыловая крыса»?

— Тыловиков мы ненавидели. За плохое качество снабжения, воровство их не любили. Еще когда мы из училища ехали на фронт, то был такой случай. С нами ехал офицер продовольственной службы, который отвечал за наше питание. У него был отдельный вагон, и в помощь ему выделили несколько наших курсантов. Потом они рассказали, что часть продуктов, предназначенных для солдат, он продавал на «черном рынке». Обнаглел до того, что если с ним не могли рассчитаться сразу, то он договаривался, что с ним расплатятся, когда он будет ехать обратно. До того был в себе уверен… Зато мы ехали полуголодные. Но когда эти факты стали известны, его задержали и судили…

— Как вы отдыхали? Концерты бывали, например? Деньги как тратили?

— Артисты на передний край не ездили, поэтому за два с лишним года фронта артистов я не видел, но зато концерты у нас давал наш дивизионный ансамбль. Причем ансамбль был очень

хороший, говорят, что в нем начинали свою карьеру знаменитые Тарапунька и Штепсель, но этого я точно не знаю. Книг, как и денег, мы за все время на фронте даже не видели. Нам, кажется, полагалось по 40 рублей, но все солдаты подписывались на государственные займы.

— Что вы можете рассказать о боях в Берлине?

— Бои там были очень тяжелые. Были, конечно, там у нас и такие мысли, «что пройти столько боев и погибнуть в самом конце войны»… Это было тяжело морально, но воевать хуже, беречь себя мы не стали. Немцы понимали, что им пришел конец, сражались здорово, но после того, что нам довелось «хлебнуть» в Познани, бои в Берлине мне лично дались легче, так как у нас было просто подавляющее преимущество в силах. Первоначально в Познани нас оставили 20 тысяч войск против 60 тысяч немцев. Можете себе представить… Как и в Познани, мы, разведчики, в составе штурмовых групп участвовали в уличных боях. А в Берлине было столько наших войск, что воевать было, конечно, легче. Зачастую это было просто избиение немцев. Например, я помню такой эпизод. Наша дивизия брала два берлинских аэродрома. На краю одного из них была железная дорога, чуть «утопленная в землю». По этой колее отступали немцы, так как через летное поле это сделать было невозможно. А сразу за этой дорогой стояли дома, которые мы заняли. И я помню, как мы с третьего этажа просто «поливали» из автоматов этих отступающих фактически прямо под нами немцев… Или когда огнеметчики поджигали дома, а немецкие солдаты, спасаясь от пожара, выпрыгивали в окна, то даже у нас появлялось чувство, похожее на жалость…

— Как вы узнали о Победе? Как отметили?

— Наша рота закончила войну в Берлине, в районе Рейхсканцелярии. Акт о капитуляции Берлинского гарнизона был подписан на НИ нашего командарма Чуйкова. Это произошло 2 мая, и с этого момента мы в боях уже больше не участвовали. Заданий никаких не было, мы в основном отдыхали, отмывались, приводили себя в порядок. Наша рота разместилась в одном из домов, немцы где-то прятались, а мы жили в их пустующих квартирах. Впервые за долгое время мы спали в нормальных постелях… Вечером 8 мая по войскам прокатился слух, что ведутся переговоры о капитуляции Германии. А утром поднялась дикая стрельба, вокруг стреляли из всего, чего только можно. Мы похватали свое оружие, а нам говорят: «Победа! Конец войне!» Радость, конечно, была огромная! Столько всего перенесли, столько людей потеряли! Не верилось, что мы дожили до Победы… Естественно, решено было отметить. Двор нашего дома

был замкнутый, и мы поставили там столы. Старшина роты обеспечил еду и выпивку, и мы коллективно, всей нашей ротой во главе с командиром, отметили Победу. А немцы, которые уже начали возвращаться, смотрели на нас из окон. Потом мы ходили смотреть Рейхсканцелярию, Рейхстаг. Но на Рейхстаге я не расписался, как-то не придал тогда этому значения.

— Тяжело было входить в мирную жизнь?

— Нет. Каждый из фронтовиков мечтал о Победе, о мире, и когда они настали, то ничего, кроме радости, мы не испытывали. Казалось, что даже дышится легче. Мы, конечно, уже начали задумываться о том, чем заниматься дальше. Но служба продолжалась, мы все были молодые, и демобилизовывать нас не спешили. После Победы мы были в Берлине примерно месяц, нас начали усиленно готовить к совместному с союзниками Параду Победы, но произошла какая-то заминка, и нашу дивизию вывели на юг Германии. Там нашей разведроте довелось встретиться и пообщаться с американцами. Это были очень простые и открытые ребята, мы прекрасно общались. Вот с англичанами я, правда, лично не общался, но рассказывали, что они были высокомерные.

— Как вы считаете, у кого самая опасная и страшная работа на войне?

— Думаю, что у разведчиков и саперов была очень опасная работа на войне. Конечно, страшно было ходить в тыл к немцам. Но саперам, может быть, было еще тяжелее. Нашей разведроте придавали опытного сапера, который ходил с нами на задания и постоянно жил у нас. Первого сапера у нас тяжело ранило в Польше, ему оторвало руки, а Саня Котельников, который пришел после него, дошел с нами до Победы.

Но самое страшное — это, конечно, в пехоте. Во время наступления человек был в строю максимум 3 атаки… Даже нам, разведчикам, единственное, чем могли угрожать, это переводом в пехоту… Из того состава нашей разведроты, который был, когда я только в нее попал, до Берлина дошло человек 20, а в пехоте всего 3 атаки…

Александрова (Савельева) Зоя Никифоровна

Я родилась в деревне Молодино Орехово-Зуевского района в 1922 году. Отец назвал меня Зоей, и мое имя однажды спасло меня на фронте. С малых лет нас приучали к труду, и если наши сверстники носились как угорелые, то мы должны были сначала сделать дела. Ребятишки идут в школу, а я тащусь с подойником корову доить. Сучки рубили. Даже с бидоном ездила на базар в Орехово-Зуево продавать молоко. С малых лет привыкли к спорту: лыжи, коньки, по деревьям лазили. Я даже дралась. В лес я ходила одна, никогда не блудилась. Детство было трудное, но не голодное. Еда такая: на первое суп с картошкой, забеленный молоком, на второе картошка или каша. Сладкое только по

праздникам.

Мой старший брат окончил четыре класса, и папа взял его в Москву. Через год я окончила школу и тоже уехала. Мама не хотела расставаться с хозяйством и осталась.

— Перед войной стало жить лучше?

— Да. Лучше. Мы, молодежь, много занимались спортом. Я плавала, в волейбол играла, на лыжах и коньках бегала. Ездили на массовки, в музеи, никогда не пропускали новые кинокартины — очень было интересно. Но от политики были очень далеки, и приближения войны я не чувствовала.

Как объявили войну, первое, что хотелось, — попасть на фронт. Мы сразу пошли в Комитет Красного Креста, который помещался в нашем доме. Оттуда нас послали на курсы сандружинниц. Практику мы проходили как медсестры в госпиталях. С нами считались почти как с врачами. А какие врачи были! Как они читали предмет! Читали только то, что будет необходимо на войне.

В декабре окончили курсы, и всю группу посадили в санитарный поезд 1144, который вывозил раненых из Подмосковья. Вот тут тяжело пришлось. Я не помню, когда я спала. Начальник поезда и комиссар контролировали, чтобы никто не спал. Если видели, что кто-то спит, — сразу замечание. В вагоне три человека: санитар-мужчина, сандружинница и проводница, которая печь топила. Холодных не было вагонов. Был и операционный вагон. Раненых на санях подвозили: небритые, вшивые, обросшие. Сейчас иногда показывают по телевизору древних мужиков, так вот они так же выглядели. Нам везло — ни разу не бомбили, когда мы подъезжали близко к фронту. Погода нелетная была. Когда солдаты попадали в тепло, то некоторые, особенно не раненые, а больные, умирали. Мне думается, от перепада температур. Везли в Горький. Один раз доехали до Мичуринска.

В паек входил хлеб и кусок масла. Хлеб разрезаешь на всех — мало. Но я не слышала, чтобы кто-то возмущался. Однажды тяжелораненый лежал на второй полке. У него, наверное, дизентерия была. Я подошла к нему, он меня ругал — попросил судна, не дождался. Вообще, они были довольны, что с фронта уехали. Никто не ныл и не ругал условия. Народ был воспитан в духе большого патриотизма. Неудачи оправдывались внезапностью нападения. После победы под Москвой настроение изменилось. А после Сталинграда — вообще… На Курской дуге танкисты говорили: «Все равно наша возьмет!» Очень возмущались союзниками: вместо того чтобы открыть второй

фронт, они нас пичкают тушенкой.

— Вы помните панику 16 октября?

— 16 октября помню хорошо. Люди бежали из Москвы. Из нашей квартиры убежали три семьи. Все бросили и бежать. Мы, кто остался, не думали, что Москву сдадут. Полагали, что бегут в основном еврейские семьи, которые боятся нацизма.

В середине 1942 года нас послали на курсы медсестер. Мне очень понравилась хирургия. Сплошная практика. Прекрасные преподаватели. Помню случай, делали ампутацию ноги солдату, и вдруг жгут развязался. И я всю операцию держала жгут, пока нога не отвалилась. Руки сильные были. Я думала стать хирургом, но у меня был дальтонизм — я не различала оттенков. Поэтому я стала искать другие способы, чтобы попасть на фронт. В Доме Союзов формировалась часть по ремонту танков, мы с девчонками попросились, и нас взяли. Я ехала как медработник, другая — повар, третья — канцелярский работник. Приехали на Курскую дугу, месяц только просуществовала наша часть, ее разбросали в полки. Я попала в 251-й танковый полк. Попала я не просто так, а, как оказалось, я «предназначалась» для заместителя командира полка по политчасти Попукина. Как же я после этого невзлюбила политработников! Я считала, что политработник все равно что священник. И вдруг такое! У командира полка Петра Михайловича Бордюкова была подружка, Маша Сабитова. У начальника штаба была фельдшер Клавуся. Они совмещали, а я не могла — колючая была. К тому же у меня был друг Коля. Перед отъездом он предложил: «Давай пойдем распишемся, мы не будем близкими, но у меня хоть будет маленькая надежда, что ты меня подождешь». Я его долго ждала. Ни одного письма от него не получила. Даже фотографию его получила в мамином письме. Моя почта проходила вторую проверку в части, и если письма были от него, я их не получала. А подружка моя попала в артиллерийский полк, и командир ей такие условия создал, что она сдалась. В конце войны она забеременела и вернулась в Москву. В начале 1945 года мама написала, что Коля к ней пришел и увидел Риту беременную, подумал, что и я такая же. А я до конца выдержала! Из-за меня троих из полка перевели. Одному повезло — в академию, другого из роты автоматчиков — в пехоту. За что? За то, что со мной разговаривали. Кто-то доносил замполиту, и он переводил.

Сначала я в штабе работала. Ребята там были хорошие. Когда начались боевые действия, я уходила из штаба. Мне не надо, а я все равно иду на НП к разведчикам или отнести письма танкистам. Все понимали, в каком я положении, меня все жалели, но боялись говорить. Как-то мы сидим с начальником штаба, он

меня угощает водой с сахаром и сухарями, и вдруг открывается дверь и появляется Попукин. Он стал со мной разговаривать: «Приходи к нам вечерком, посидишь с нами вместе». — «Устала, не могу, не приду». Он развернулся, спускается по ступенькам: «Ну ладно, не хочешь быть со мной — в автоматчики пошлю». Послал он меня не в автоматчики, а в санитары.

Помню такой случай. Наши танки вышли из глубокой балки и через поле двинулись к немецким позициям, но три из них почему-то остановились на открытом месте метрах в тридцати один от другого. С командного пункта немедленно послали разведчика Щетинина выяснить причину задержки. Он взял меня с собой. Не успели мы подбежать к ближайшему танку, как начался обстрел. Командир танка успел крикнуть, что у него полетел трак, а мы бросились назад и попрыгали в полуокопчики, в которых можно было поместиться по одному человеку. Мне пришли на память довоенные кинофильмы, в которых показывали, как рвутся вблизи снаряды, и захотелось воочию посмотреть. Я приподнялась, развернулась — и вот оно! Беззвучно вздыбилась и закипела земля, и только спустя некоторое время раздался грохот взрыва. В этот момент меня как будто ударило по голове сухим комом земли. Присев, я провела пальцами по темени, чтобы определить, велика ли шишка. И вдруг между пальцами хлынула кровь, залила лицо. Перепуганная, я вскочила и стала звать Щетинина. Тот, увидев мое окровавленное лицо, тоже испугался и попытался забинтовать мне голову, но у него от волнения дрожали руки — я и сама не знала, что ранение осколочное касательное. Кое-как замотали рану. Потом он подхватил меня и повел вниз в балку, где мы встретили свою санитарную машину. Мне быстро обработали рану, умыли, и мы вернулись на командный пункт…

Однажды ночью я привела с передовой на командный пункт больных. Командир полка спросил: «Сумеешь провести танки на передовую?» Я ответила: «Да». А сама перепугалась — вдруг в этих балках в такой темени заблужусь и заведу невесть куда. Села на броню слева от механика-водителя и довела-таки. Зрительная память у меня была хорошая…

Через несколько дней пятеро разведчиков в сопровождении ПНШ Ванакова пошли на передовую на наблюдательный пункт, чтобы сменить товарищей. Через лес пришли к небольшому полю с высоченной рожью. До наблюдательного пункта оставалось совсем недалеко. Мы сунулись в рожь и тут же вернулись обратно — путь на НП простреливался. Сделали несколько безуспешных попыток проскочить, но был ранен командир отделения. Я перевязала рану и в сопровождении бойца отправила его в

санчасть. Мы разозлились, рванулись с необыкновенной прытью и проскочили зону обстрела. Добрались до своих, сменили ребят. Кого-то из нас поставили на пост, а остальные замертво повалились спать. Я легла в окопчик глубиной сантиметров 30. Грохот взрывов и стрельба перешли в тяжелый сон. И вдруг я почувствовала легкое прикосновение к щеке. Открываю глаза, рядом сидит ПНШ Ванаков и виновато говорит с вологодским оканьем: «Прости, пожалуйста, ты спишь, лицо разрумянилось, и я не удержался, поцеловал тебя в щеку». А я снова провалилась в сон. Когда нас сменили, ночью или утром — не помню.

Общие силы иссякали, и разведчиков стали бросать в качестве санитаров или держать связь от передовой до командного пункта. Мы, при страшной жаре, с раннего утра до поздней ночи, под непрекращающимся обстрелом то перебежками, то по-пластунски носили руководству полка донесения. К ночи так умаивались, что не хотелось есть, хотя кормили нас ночью и рано-рано утром хорошо, а на весь долгий-долгий день получали по два больших ржаных сухаря.

И вот разведчиков подключили к пехотным частям, и вместе с ними мы пошли в атаку через ту зону, которую перед этим пропахали животами. Помню, как ворвались в балку, преследуя удиравшего противника. Мокрые от пота, остановились — наша задача была выполнена, и дальше пехота закреплялась на новом рубеже без нас. На дне балки увидели лужу, а рядом немецкую каску.

Боже, какое счастье! Мы черпали воду, с жадностью утоляли жажду, грызя свои сухари, и радовались, радовались… Потом зашли в немецкую землянку и растянулись в изнеможении на деревянных нарах (у нас были только земляные). Ребята тут же захрапели, а я никак не могла уснуть…

Вечером возвратились в танковый ров, где нас встретил командир взвода и сказал, что после боя не вернулись три танка. Надо было идти искать. Спросил добровольцев. Молчание. Еще раз обратился — опять молчание. Мне сделалось не по себе, и я вызвалась идти. Следом отозвался Павлов, а потом — Казанцев, сказавший: «Ну, тогда и я пойду».

И опять — через все то же злополучное поле, в потемках — отправились мы в неизвестность… Изредка немцы «подвешивали» фонари да постреливали справа из занятой ими деревушки. Неожиданно из темноты возникли силуэты человеческих фигур, и сразу же оклик: «Кто идет?» Мы успокоились, а то сперва подумали, что немцы. Расспросили про танки. Дали нам ориентир — ту самую балку, где мы уже были. Разыскали первый танк — оставили сторожить Казанцева, второй танк взял на себя

Павлов. Третий же был на самой передовой. Ко мне подошел пехотный капитан и стал просить у меня, девчонки-солдата: «Оставь танки!» Пришлось сказать, что танки уходят на дозаправку. Вернулись в свое расположение — разведчики нас ждали, отменно накормили и спать уложили, подстелив вырванную с корнем рожь.

Спали — хоть из пушки пали! А проснулись — увидели на плащ-палатках лужи. Оказывается, ночью лил проливной дождь, но никто из нас не проснулся…

Пасмурным утром в бой пошли только четыре танка. Едва первый танк Кириченко выдвинулся к проселочной дороге, как бронебойный пробил броню и попал в полную боеукладку. Траки, пушка, башня, обломки на наших глазах россыпью взлетели под облака. Зрелище страшное!.. Еще страшнее стало, когда такая же участь постигла второй танк (фамилию командира танка забыла). На третьем танке командиром была Тася Патанина. Ей удалось пройти чуть дальше и в сторону. Снаряд попал в борт, и двое, помнится, остались в живых — Тася и кто-то из экипажа. Мы подбежали, когда наши разведчики уже перенесли Тасю в рощицу. Она была тяжело ранена в бедро и все спрашивала меня: «Зачем ты здесь? Уходи!» Четвертый танк Назаренко ни с чем вернулся назад… Судьба у Таси очень прозаичная. Единственный бой, из госпиталя она вернулась, получила «Знамя» и не захотела идти в свой взвод. Попросила, чтобы ее оставили на танке командования — они же в бой не идут. Там все места были заняты. Тогда она ушла в учебный полк. Там она вышла замуж за командира роты Ломанченко. Больше она не воевала. Наверное, ей стало страшно, но ее уважали и очень хорошо к ней относились.

Второй раз довелось ходить в наступление вместе с пехотой в районе города Севска. На сей раз нас, разведчиков, с вечера привели в передовые окопы. От немцев нас отделяло лишь небольшое поле ржи. Постелили на дно окопа свежей ржи. Легли спать. Проснулась среди ночи от ужаса: резкий лающий голос громко вещал по-немецки. Оказалось, что это наша агитмашина вышла за окопы и перед наступлением «промывала мозги» гитлеровцам.

На рассвете началась артиллерийская подготовка, а мы бежали по ржи и на ходу стреляли из автоматов. Только заскочили в окоп, как противник перенес огонь на свои бывшие позиции. Мы по передовому окопу, глубиной всего до пояса, ринулись в сторону балки. И тут, как на грех, окоп перегородило туловище здоровенного убитого немца: ни обойти, ни

перепрыгнуть… Пришлось бежать прямо по трупу — прыжок, и одна нога на его животе, и тебя подбрасывает как пружиной вверх, а от неприятного ощущения кажется высоко, высоко…

Потом шли тяжелые бои правее деревни Форыгин, где нам поручили вытаскивать раненых. Сначала было страшно сунуться под огонь. Идешь и думаешь: «Может, я и не вернусь». Но приходит момент, когда полностью отключаешься от страха и ползешь, рационально используя и воронки, и след танка. В общем, мозг работает только, как быстрее помочь раненым, совершенно не думая о себе. Но потом плохо помнятся подробности такого дня…

За эти бои мне дали медаль «За боевые заслуги». Потом нас отвели на переформирование в Путивль Сумской области. Там разместили по квартирам. Я жила вместе с подружкой командира полка Сабитовой. Он ее не взял, а вызвал жену и детишек. К тому же его перевели и назначили командиром учебного полка. Получили танки. Уже снег выпал, и нас отправили на 1-й Белорусский фронт. Шли бои местного значения. Продвигались все время лесом, болотами. Бои шли только на открытых полянах и прогалинах. Я в санчасти полка медсестрой. Каждый день на передовой. Хорошо после боя. Санинструктор Калинин растянет палатку, поставит железную печурку, сделает горячий чай в алюминиевой кружке…

Как-то в минуту затишья я метров на 200–300 отошла от передовой и оказалась на месте недавнего боя. Вокруг лежало множество тел наших бойцов, замерзших и припорошенных снегом. Эта картина меня не испугала, так как то, что я собиралась делать, сделала бы и под шрапнелью. Не было больше сил терпеть. Я нырнула под развесистую сосенку, сняла ватник, гимнастерку и, наконец, тонкий джемпер. Тело от укусов неисчислимых вшей горело, как от жгучего перца. Не била их, а сгребла ногтями прямо в снег…

Мы расположились на опушке леса. Рядом проходили два окопа, немного впереди — землянка, слева разместился расчет «сорокапятки», справа и слева в мелком сосняке — танки.

И вот немцы открыли огонь. И надо же такому случиться — прямое попадание в нашу «сорокапятку». Один артиллерист чудом остался жив и мучительно стонал. Я решила оттащить его к землянке, и это стоило мне большого труда: такой он был большой и тяжелый… У спуска в землянку я разрезала артиллеристу брюки и замотала бинтом рану на ноге. На мою просьбу втащить его в помещение никто не отозвался. Вся землянка была набита людьми, прятавшимися от обстрела, и втащить раненого было просто некуда. И, что греха таить, видно,

никому не хотелось рисковать своей жизнью ради раненого, который неизвестно еще, выживет ли…

Зоя Александрова (стоит в центре)

Когда наши танки пошли в атаку, я не слышала, но из доносившихся криков поняла, что один из них сразу же был подбит. Пришлось мне оставить артиллериста и вернуться к своим.

Появился мой напарник Николай Полосухин, и мы вместе побежали меж сосенок, а потом поползли к залегшей на снегу цепочке пехотинцев. Подбитый танк находился метрах в ста впереди на нейтральной зоне, добраться до него не было возможности.

Мы гадали, а вдруг там есть живые, ведь до вечера истекут кровью и замерзнут… Попытались найти удобный подход к танку, но безуспешно. И тогда поползли к танковому следу, сначала вдоль цепочки залегших в снегу пехотинцев, и просили: «Ребята, поддержите». Потом направо по танковому следу — по нейтралке. И это днем! А снег глубокий, рыхлый — кажется, что не ползешь, а стоишь на месте. Доползли все-таки. У танка лежал один раненый танкист, а остальным трем, оставшимся внутри, уже не важно было, сколько ждать…

У танкиста были перебиты ноги. Уложили мы его на лыжи, Полосухин запрягся в лямки и потащил. Я ползла впереди, вся

мокрая от пота. Силы были на исходе — остановилась и уткнулась лицом в снег. Николай крикнул: «Зоя! Ты жива?» Оказывается, в тот момент, когда я сунула лицо в снег, чтобы остудить, у моей головы пробежали «зайчики» от автоматной очереди…

Побывала я и в ночном бою в лесу. Вспоминаю, как о страшном кошмаре: шум, грохот, непрерывный гул от выстрелов с обеих сторон и яркие сливающиеся воедино всполохи при этом. Танки мечутся, теряя ориентиры и нарываясь на «болванки» противника. Раненые танкисты, кто в состоянии, бегут, не зная, где свои, где чужие. Я побывала в аду…

Однажды днем приходит посыльный на передовую и говорит, что меня вызывают на командный пункт. Пришла, спрашиваю ординарцев, кто меня вызывал, говорят: «Иди пока, отдохни». Посидела в машине с кунгом, опять спрашиваю, кто же меня вызывал. Отвечает Кириченко: «А мы пожаловались командиру полка, что старшина Калинин сам не ходит, а тебя каждый день „гоняет“ на передовую». Я вышла из машины, походила между ними, накинула санитарную сумку на плечо и пошла обратно. Шла и думала: «Как же там без меня, может, уже кто ранен и некому оказать помощь».

По дороге шли автоматчики с комвзвода. Эта местность оказалась в зоне обстрела противником минометным огнем. Молодые ребята побежали к лесу. А я вспомнила разговор с пехотинцем, который не хотел укрываться в окопе потому, что снаряд попал в дерево, разорвался и осколками убило его товарища в окопе, поэтому никуда не побежала, а продолжала идти вперед. Комвзвода их постыдил, показывая на меня, и они один за другим вернулись и дружно зашагали по дороге к передовой. Этот случай разнесли по полку. А что тут такого?! Просто я поняла, что под деревьями не прячутся, лучше прямо на дороге плюхнуться и лежать.

Приезжал корреспондент, фотографировал у подбитого танка, расспрашивал, а мне все представлялось таким обычным и будничным, что не знала, о чем говорить…

Зима снежная была, снег глубокий. Заносы. Пищи не подвозили. Кормили какой-то гущей. И у меня не выдержал желудок. Я настолько похудела, страшно на меня было смотреть. Доходила. Меня отвезли в госпиталь, поставили диагноз: острый гастрит. Я всегда считала, что я не погибну, и вот перед деревней по пути в госпиталь остановилась наша машина, и с краю было много наших могил. Я смотрю: «Батюшки, сколько же девчонок погибло!» Поправилась я быстро — уколы, лекарства. К тому же

диета: картошка пюре, супчик.

Потом я уже ухаживала за ранеными, ходила по домам-палатам читать сводки. Возила раненых на рентген. Потом врач говорит: «Оставайтесь, нам так руки нужны». Я ответила: «Нет, пусть уж лучше погибнуть, чем здесь оставаться». Глупо, конечно, ответила.

За бои на Курской дуге меня представили к «Славе» 3-й степени, но не дали. Писарь сказал, что на меня было приказано написать слабую реляцию.

После болезни я не вернулась в полк. Мне просто хотелось избавиться от Попукина. Госпиталь переехал в Новозыбков, в котором стоял учебный полк, куда был назначен Бордюков. Я пошла и попросилась. Осенью 1944-го танкистов стали отправлять в части, и меня опять потянуло на фронт… А как мне уехать? Я договорилась с врачом, с которым дружила, чтобы он мне дал направление в госпиталь. Он мне его выписал так, что я смогла отрезать заголовок. Осталось только название города. Разыскала там штаб армии, в котором работала Маша Сабитова. Ее друг имел большой чин. Я у них месяц жила. Отъелась. Чувствую — больше не могу. Подошла к ее другу, он мне сказал, что у них такие-то бригады. Я говорю: «Пошлите к тому, кто меня знает». Мне называют фамилии командиров бригад. Оказывается, к этому времени командиру нашего полка Бордюкову дали отдельную бригаду. Я и еще один парень с нашего полка поехали к нему. Прибыли. Вы думаете, нас оставили там? Он уже с собой туда взял жену! Мы стоим, выходит жена и говорит: «Зоя, а вас Петя не возьмет в бригаду». — «Почему?» — «А вы с Машей переписывались». И тогда нас направили в соседнюю 65-ю бригаду 11-го танкового корпуса, командовал которой Лукьянов. Там я прижилась. Первое, что я услышала от командира бригады: «Оставайся со мной». — «А куда же денется ваша подруга Зина?» — «Она в отпуске, в Москве». — «Нет, лучше отправляйте обратно, или в разведку, или в штаб фронта». И меня направили в разведроту.

Там меня очень настороженно встретили. Командир роты привел меня в разведвзвод. Командир взвода, мой будущий муж, усадил в баньке возле стола. Сам сел нога на ногу. Папироса у него, манеры интеллигента. Начал расспрашивать, кто я, откуда. «А награды есть?» — «Есть». — «А какая?» — «За боевые заслуги». — «Агхааа….» Медалью «За боевые заслуги» награждались обычно ППЖ. Такая медаль была у Маши, может быть, этим меня хотели унизить, когда награждали. Честно говоря, я его возненавидела и потом радовалась, когда он разбился на машине так, что чуть живой остался. После войны он

мне рассказал: «Мы сначала думали, что какая-нибудь нагрешила много и к нам пришла грехи замаливать». Правда, такое отношение закончилось быстро, и ребята меня просто оберегали.

Бригада стояла на Пулавском плацдарме. Мы тренировались, ходили по азимуту. В стрельбе не тренировались, потому что пополнение в разведроту шло из батальона автоматчиков — все уже опытные.

В январе пошли в наступление. Нам с собой даже паек не давали! И никто даже слова не говорил. Мы знали, что сами должны добывать себе корм. В Польше в деревнях такая бедность, даже в России такой нет. Ну, мы тоже соображали и заходили в дома, что побогаче.

Зоя Александрова с мужем

В разведку обычно посылали взвод — три танка. На них взвод разведчиков. Я всегда ездила на первом танке. Первый раз меня ребята позвали, я пошла, потом выяснилось, что я не в этом отделении, но я там так и осталась. На этом танке были самые-самые смелые и храбрые. Пять человек: Храмов, Волков, Битник, Грушев и Щекин (такой красивый, как барышня. Его уже не было в живых, когда мы получили на его имя письмо из тех мест, где стояла на формировании бригада. В письме были рисунки: на одном детская лапочка, а на другом ручка. А мы думали, что он девственник!). Почти все они были бывшие зэки, карманники.

Попросились, и их отпустили на фронт. Они были очень смелые. Столько наград имели — не опишешь! Лет им было по 20–25. У них самый-самый главный был Андреев Анатолий — ему было под 40, он начинал как форточник. Были и другие солдаты, но эти — важные, мощные, наверное, жулики хорошие. Командир роты, откуда их перевели, был очень придирчивый, но трофейщик. Война кончилась. Ребята его обчистили, даже простыни унесли — отомстили. Какие брали трофеи? Мы из трофеев брали только носки, платки. Иногда часы, побрякушки. Правда, они быстро все это спускали, на доступных девчонок.

Место на танке у каждого разведчика было свое. Мое — по ходу танка третье слева. Первый — Храмов, второй — Волков, третья — я, четвертый — Грошев и др. С командованием встречались редко. Уходили в тыл врага с целью разведать мосты, их охрану, минирование, расположение частей противника, огневых точек, а также отвлекать силы противника на себя. Пленных не брали… Только вернемся с задания — получаем новое. Спали по большей части на танке, на ходу. Изредка ночевали в польских домах, но не раздеваясь и не разуваясь.

Бывали случаи, когда в одной деревне коротали ночь и мы, и немцы…

Как-то шли на танках очень медленно и осторожно: знали — кругом противник. Подъезжаем к поселку, и вдруг из переулка выскакивает парень — пальто нараспашку, без шапки — и кричит, показывая на двухэтажный дом: «Там фашисты!» Он отказался взобраться на танк и убежал. Разведчики посоветовались с танкистами и решили обстрелять неприятельское логово. Мы залегли в снегу перед танками. Залп, другой. Из дома посыпались немцы, большинство раздетые, а мы строчили из автоматов. Бархоткин прыгнул на башню танка и закричал: «Бей гадов!» Один разведчик был тяжело ранен. Пришлось один танк отправлять назад. Парня положили на трансмиссию, а по бокам с автоматами легли Анатолий Андреев и я. Танк мчался с предельной скоростью. Было очень жутко. Оставили парня в деревне, где утром было оставлено несколько раненых танкистов и автоматчиков. Потом туда снова пришли немцы. Больше об этих ребятах мы ничего не слыхали…

Немецкая авиация сильно мешала продвижению танковой колонны бригады, но серьезных потерь не было. Мы с Андреем Чупиным после одного из воздушных налетов отстали от прикрепленных танков. Потом спохватились и во время очередного налета не бежали от шоссе, а начали прыгать с одного танка на другой, покуда не увидели свой танк, который уже заползал на мост. Догнать не успели — танк ускорил движение, а

мы вспрыгнули на следующий. Едва первый танк подошел к противоположному берегу, как был подбит и взорвался. Нас с Чупиным взрывной волной сбросило со второго танка. Вскочили, забежали за строения — и тут рядом разорвался осколочный снаряд. Андрей говорит: «Ну, Зоя, мы сегодня от двух смертей спаслись!» Нашли своих ребят, а Чупин зачем-то пошел с одним из приятелей назад по дороге. Потом смотрю — кто-то машет мне рукой: сюда, мол, сюда! Подбежала — Андрей лежит с развороченным боком, а губы шепчут: «Какой же я дурак… Знаю, от чего умираю». Он положил в карман две «лимонки» и забыл об этом. Потом полез зачем-то в карман и случайно выдернул чеку.

На реке Пилице ночью заскочили в одно польское село. Там была немецкая комендатура. Разведчики с ходу окружили дом, перестреляли часовых и самого коменданта. Следующей ночью пришли в другое польское село за городом Томашув, решили в разведку отправить часть ребят, остальные подыскивали жилье. Нас позвала к себе ночевать бедная семья. Поляки были приветливы и радушны, а вот накормить нас было нечем. Перед этим зашли по дороге в магазин, а там все пусто. В одном месте банка стоит, прихватили ее. Потом на танк вскочили и двинулись дальше через поле. Ветер, вьюга, холод. В селе остановились, а есть-то хочется, решили банку открыть. Дали мне на пробу. Это было жидкое мыло. Так и проспали голодными до утра. Вернулись с задания расстроенные разведчики — задание выполнили, но был тяжело ранен Петя Хохлов, скромный, хороший парень. Его положили на танк и увезли. В часть он вернулся после излечения уже в конце войны.

Наутро старушка полячка рассказала нам, как найти дом старосты. Пошли втроем. Заглянули в окно указанного дома, а там за столом сидят два немца и завтракают. Ребята разозлились, вошли в дом, схватили их, одного убили тут же, во дворе; другой попытался удрать, но его догнал Сашка-мотоциклист и прикончил. Я терпеть не могла расправ над пленными и кричала на ребят, чтобы они этого не делали, но не всегда это действовало. Ребята как ни в чем не бывало потребовали у старосты еду и выпивку. Староста выставил маловато, не то что немцам. Ребята пригрозили ему, и скоро стол «ломился от яств»…

В другой раз ночью пошли в тыл врага на 10 танках с начальником разведки Мельниковым. Где-то в лесу от лесника узнали, что впереди дорога заминирована. Пока связывались по рации с бригадой, я прикорнула на трансмиссии. Слышу, кто-то бежит и у каждого танка зовет: «Зоя, Зоя! Капитан зовет». Как трудно расставаться с теплым местечком, но куда денешься — служба. А капитан просто решил похвалиться перед поляками,

что у него в разведке служит девчонка.

Получили задание отвезти на мотоцикле взрывчатку в соседнюю бригаду. И надо же такому случиться — забарахлил мотор. Мы еле-еле ползем, а нас уже настигает артиллерия. Дорога узкая, мы прижались к обочине. Догнал нас один «герой»-водитель, сначала долго матерился, а потом так вывернул руль, что пушка, вильнув, зацепила наш мотоцикл и сбросила его с дороги. Меня пришибло и подбросило в воздух, и, сделав сальто через голову назад, я полетела куда-то вниз, но уже без сознания. Очнулась — лежу в снегу, куда ни глянь — везде бело. Вскочила и… рухнула, левая нога не действовала. Ребята скатились вниз, подняли меня на руки, втащили наверх и усадили в коляску мотоцикла, прямо на головые шашки. Что было потом, не помню.

На следующий день мы пересели на бронетранспортер, который на крутом повороте к деревне перевернулся, накрыв меня. Я снова отключилась, а когда пришла в себя, «услышала» гробовую тишину. Из-под транспортера я видела сапоги бойцов, стоявших траурным полукругом. Я тихонько запищала: «Вытащите меня!» Ребята загомонили, машину поставили на ход, а может, просто выволокли меня и понесли в ближайший дом. Я снова потеряла сознание и очнулась от льющейся на лицо холодной воды. В доме было полно женщин, эвакуированных из Варшавы и не ожидавших, что среди разведчиков может быть девчонка вроде меня. Как они удивлялись, хватались за голову и раскачивались, горестно восклицая: «Кобета! Кобета!», что по-польски означает «женщина»… Вообще, я одевалась под мальчишку и старалась оставаться незамеченной в мужской среде.

Ночью перед нами поставили задачу прорваться через передовую и углубиться в гитлеровские тылы, чтобы отвлечь на себя часть сил противника. Я еще плохо хожу, но ребята очень хотели взять меня с собой. (Они говорили: «Такое интересное задание — рейд по тылам врага! Мы тебя посадим на трансмиссию и будем сопровождать».) В полночь проскочили передовую. Местные жители сообщили нам, что в ближайшем от линии фронта городке Грец немцы спешно готовятся к эвакуации. Два поляка вызвались быть проводниками. Не доехав до городка примерно полкилометра, остановились. Наш танк пошел вперед, разведать обстановку. Подрулили к высокой стене, и вдруг — выстрел по танку из фаустпатрона. Бойцы спрыгнули с брони и — врассыпную. Еще один выстрел. Танк был подбит, но не загорелся. Я спрыгнула на больную ногу и как подкошенная упала на снег. Витя Грошев истошно и беспрерывно орал: «Зоя!» Но выстрелов почему-то больше не последовало. А у меня с испугу,

что сейчас, вот сию минуту, меня возьмут в плен, кажется, зашевелились волосы на голове. Смотрю, через нижний люк выкарабкиваются танкисты. Я вскочила, и, что называется, со страху пошла моя нога. Мы выбрались из западни кюветом, потеряв убитыми у стены стрелка-радиста Николаева и одного поляка-проводника…

После войны я жила с мужем в Германии, прилично разговаривала по-немецки и тогда поняла, почему немцы не стреляли по убегающим разведчикам. По-видимому, смутило немцев мое имя: «зо» — «так» по-немецки, а «я» — «да».

В г. Шрим несколько наших разведчиков попали в окружение. Когда мы прибыли на мотоцикле их выручать, они уже сумели самостоятельно выбраться, но один из них, Коля Максимов, был тяжело ранен в живот и умер по дороге в санчасть. А немцы отошли через мост за речку. Мы: Саша-мотоциклист, Алеша Зинченко, Пуканов и я, еще очень хромая, — на своем трехколесном «коне» рванули за ними в противоположную часть городка… На улицах — ни души. Промчались до самой окраины — немцев нигде нет. Возвращаемся обратно и ничего не можем понять: улицы переполнены людьми, нас радостно встречают, приглашают в дома. Притормозили на небольшой площади неподалеку от моста. К нам подбежали поляки, и фотограф сделал несколько снимков, запечатлев первых освободителей. Опять слышались изумленные возгласы: «Кобета!», и один польский пан высыпал на меня полный кулек конфет… Фотографию получила, уже будучи на Кюстринском плацдарме, через коменданта г. Шрим.

Утром по рации получили приказ двигаться на Томашув-Мазовецкий. Моста через реку не было, и мы перешли ее вброд, при этом зачерпнув полные сапоги ледяной воды. Кое-как перетащили свой мотоцикл. Танки отстали, а без них, да притом в хлюпающих сапогах, двигаться дальше невозможно, не представляя, где находится противник. Поэтому прислушались и уловили петушиное пение где-то неподалеку, значит, там жилье. Вскоре подъехали к деревне, тишина, в домах ни немцев нет, ни хозяев, но над каждой хатой из труб вьется дым — значит, топятся печки. В одной из хат разулись, сняли мокрые носки и портянки (белье у нас всегда было чистое, т. к. у немцев в баулах этого добра хватало, а другого мы ничего не брали — ведь у нас не было даже рюкзаков) и развесили вокруг печки-голландки. Потихоньку вошла хозяйка, тревожно оглядывая нас. Видя, что мы настроены дружелюбно, быстро освоилась и стала шуровать в печке кочергой, чтоб ярче горел огонь и быстрее просушились наши носки. Нам очень хотелось есть, но, непонятно почему,

напала такая скромность, что не попросили, а только поблагодарили за оказанную услугу и отбыли догонять своих. По дороге мотоцикл сломался, мы бросили его и сели на попутный бронетранспортер. В Томашуве враг слабо огрызался, танки нашей бригады с ходу прочесали его, а мы догнали их уже в поле за городом. Была ночь, началась пурга, колючий снег хлестал по лицу, выбивая слезы. Пересели на свой танк, меня, голодную, дрожащую и трясущуюся от холода, ребята посадили на теплую трансмиссию. Вот благодать, мое-то постоянное место было на холодной броне у башни слева по ходу танка.

Все ближе к Одеру. Пошли в разведку на десяти танках. Прочесали деревню, лес, кладбище, небольшое поле. Перед нами — односторонний ряд домов на окраине большой деревни. Небольшой группой, пешком, подобрались поближе. В домах — ни души. Те, кто не успел убежать, попрятались в погребах. Неподалеку, в поле, стояла немецкая самоходка, которая открыла по нам огонь. Я побежала взглянуть на нее и наткнулась на убитого Федора Авдошина. Бегом вернулась, привела ребят, которые быстро захоронили его.

Внезапно налетела авиация и загнала нас в полуподвальное помещение большого сарая. Уселись на корточки вдоль стены. Автоматы на коленях. И — как это ни удивительно — мгновенно заснули. Проснулись от тревожного шепота Вити Грошева: «Ребята! Немцы!»

Открыв глаза, я увидела, что все проснулись, но сидят в тех же позах, никто даже не накренился. Яркий свет горящего неподалеку строения освещал наши фигурки. Сколько мы проспали — не знаю. Была уже ночь. Вскочили — и к выходу, свернув налево. Справа сарая цепочкой шли немцы. Через переулок вышли к горящему дому. Немцы, по-видимому, посчитали нашу цепочку за своих, т. к. ребята были одеты хотя и в разную, но в немецкую одежду, и только я ходила в своей неизменной плащ-палатке. С правой стороны горящего дома мы резко поворачивали направо и ушли в темноту, где уже помчались как угорелые в сторону кладбища, где нашли остальных разведчиков взвода вместе с Александровым…

Помню переход через Одер, еще не сбросивший лед, узкую полоску земли Кюстринского плацдарма, где мы обосновались. Пищу нам никто не доставлял, и, пока плацдарм не расширили, мы жили на подножном корму. Через тридцать лет я получила письмо от нашего разведчика Ивана Маслоида. В нем он вспоминал эти первые дни на плацдарме: «Знаешь, Зоя, мне вспомнилось, как мы пошли на задание, где ты была старшей (это было под Франкфуртом-на-Одере). Была весна, грязь, у меня были

чирьи на „сидячем“ месте, мы шли вдоль переднего края на связь с какой-то частью для уточнения данных о противнике, а я не мог тогда идти быстро, все время отставал, но тебе признаться не мог, а ты меня ругала, чтоб я не отставал».

Пройдя несколько километров и не встретив ни души по дороге, мы нашли воинскую часть, получили нужные сведения и спокойно возвращались домой. Шли не торопясь и, пожалуй беспечно, шутили. И вдруг на одной лесной поляне, где еще держался снег, наша группа столкнулась нос к носу с немцами. И, что удивительно, мы мгновенно, не говоря друг другу ни слова, как бы «разобрали» противника, и каждый из нас взял на прицел «своего». Они тоже увидели нас, но мы оказались проворнее — сказался опыт. Я пальнула из ТТ, немец упал, успел выстрелить, но промахнулся. Вторая моя пуля попала ему в лоб чуть выше левой брови, фриц повалился на снег, струйка крови фонтанчиком била из раны, он «таял» на глазах. Боже, я убила человека!.. Внутренне я сжалась, чтобы не показать ребятам, как мне тяжело. Одно дело, когда стреляешь со всеми вместе и не знаешь, от чьей пули падает человек. Но один на один, глаза в глаза… До сих пор я вспоминаю этот случай и вижу как наяву каждое мгновение и… переживаю…

Нас на некоторое время вывели с плацдарма и отправили уточнить, охраняется ли мост через приток Одера. Было это днем. Танки обмотали белым материалом. Вошли в большую немецкую деревню. Продвигаемся с большой осторожностью. Вдруг из одного захудалого домишки выбегают девушки и бегут к нам навстречу. Это были наши девушки, угнанные в неволю. Радости их не было предела: они плакали, обнимали, целовали и очень тревожились, что мы уйдем обратно, а они-то останутся и как бы их тогда не угнали дальше в тыл к немцам. А мы дошли до моста, там нас нежданно встретили таким пулеметным огнем, что посбивали весь камуфляж. Мы вернулись в деревню и по рации сообщили командованию обстановку. Нам приказали остаться в деревне.

Ночью пришли танки нашей бригады, а мы вернулись на плацдарм и разместились в домике на «юру»; он стоял в стороне от полуразрушенной улочки деревни и ближе к противнику, поэтому его никто не решился «освоить». Затопили котел в крытом дворе, ребята помылись, а когда очередь дошла до меня, фрицы начали минометный обстрел. Мне было не страшно, но я боялась — убьют, придут ребята, а я раздетая, да еще с черным пятном синяка во все бедро. Помните, меня пришибло к дереву на мотоцикле? Так вот я только здесь, на Кюстринском плацдарме, увидела, как же меня тогда здорово укатало.

С Большой земли нам приносили только спирт и курево. Кто приносил, остаться с нами не решался, а мы не уговаривали. Еду доставали где придется. По соседству в дер. Маншнов одна сторона улицы была наша, а другая нейтральная. Вот туда ребята приноровились ходить и приносить что-нибудь вкусненькое. Однажды Маслоид привел корову, а Саша Асульбаев, повар по специальности, приготовил нам натуральные котлеты.

Почти каждый день кто-нибудь ходил за поручениями к комбату расположенного по соседству 3-го танкового батальона Валентину Павлову, но дорога к нему простреливалась, поэтому темп «пробежки» был как на 100-метровке. Как-то бегу, запыхавшись, выскочила у танка Павлова, сопровождаемая сплошным треском автоматных очередей, цокот пуль которых оборвался на противоположной стороне брони танка. И тут один из танкистов вдруг начал изливать свои чувства ко мне. Пришлось дипломатично сказать, что война еще не кончилась, что неизвестно, кто из нас останется в живых… В тот день это было второе признание в любви. Много лет спустя при встречах с однополчанами я частенько слышала: «Зоя, а я ведь тебя любил».

А бывший разведчик Маслоид сказал не мне, а товарищам: «Эту женщину любил и люблю до сих пор». А мне сказал, что ребята во взводе гутарили: «Кого из нас выберет Зоя после войны?» Я выбрала командира взвода Александрова. Мне сложно о нем писать, поскольку он с нашим танком не ходил.

Несколько человек, в том числе и я, были вызваны на Большую землю для получения наград. Пришли к переправе. Через Одер строился капитальный мост. Когда мы на лодке подходили к берегу Большой земли, налетела вражеская авиация. Господи! Что там было! Она почти без перерыва молотила переправу. Сколько же досталось саперам и строителям — уму непостижимо.

Выбежали на берег, а немецкие летчики строчат из пулеметов, спрятаться некуда. Шлепнулись на землю, но какой толк? Вскочили и… дай бог ноги.

За бои от Пулавского плацдарма до Кюстринского меня наградили орденами Славы 3-й степени и Красной Звезды.

Обратно поехали на бронетранспортере, но водитель Кох, не доехав до Одера, остановился и сказал: «Уже стреляют, я не поеду дальше». Храмов стукнул кулаком по кабине: «Вези!» Но проехали еще немного, все повторилось. Ребята отматерили Коха как следует, но больше не стали с ним связываться — бесполезно, ведь у него во время боев обязательно что-то «ломалось»…

Перед наступлением на Берлин нас посадили в

бронетранспортер и целые сутки держали в боевой готовности на окраине города Горгаст. Было еще темно, когда мы двинулись в сторону противника, медленно двигаясь по широкому полю. Началась артподготовка. Оглянулась назад и обомлела! Линия огня простиралась по всему горизонту. Только после войны я узнала о применении прожекторов для подсветки. Стало светать. Над нами эшелонами, туда и сюда на разных высотах, шла наша авиация. Зрелище было потрясающее.

Передний край встретил нас густой дымовой завесой… Противник, отступив, перенес шквальный огонь на свои прежние позиции. Мы соскочили с бронетранспортера и наткнулись на окоп, покрытый фанерой. Вот радость — крыша над головой! Над нами гремит и грохочет, а в окопе — благодать! Повар Саша угостил всех пирожками — он напек их заранее, предвидя, что в коротком затишье сделает нам необыкновенный сюрприз.

После короткой передышки двинулись вперед вдоль линии железной дороги. Дымовая завеса стала развеиваться, и сквозь летящие клубы дыма можно было разглядеть трассы автоматных очередей…

Хамаев и Екатеринчук, оставленные в резерве, удрали с КП и пешком пытались догнать нас, но нарвались на засаду и оба погибли.

Продвижение застопорилось. Бронетранспортер остановился у железнодорожного полотна. Мы быстро спрыгнули, а водитель, выходя из машины, был ранен в ногу. Храмов перебежками подбежал к машине, завел ее и отвел за сарай. Стали подтягиваться пехотинцы. Через дорогу перебегал пехотный капитан и вдруг рухнул, раненный снайпером. Я упала на живот и поползла к нему, кто-то из разведчиков последовал за мной. Приволокли раненого в домик, перевязали наскоро, потому что разведчики пошли вперед пешком. Мы обогнули водокачку и увидели, что пушка танка лейтенанта Алексеева уперлась в танк противника, а его пушка — в наш. В общем, расстреляли друг друга в упор. Наших танкистов в живых осталось двое. Раненых танкистов увез на мотоцикле наш разведчик Баранов…

Продвигаемся к Зееловским высотам с танками командира роты Киселева. Часто останавливаемся из-за обстрелов. Проезд под высокой железнодорожной насыпью завален и, наверное, заминирован… Киселев пускает машины на насыпь по отлогой диагонали. Они форсируют железнодорожное полотно и осторожно спускаются на другую сторону. Но после километрового марша наши танки останавливаются, встреченные плотным огнем противника. И тогда бойцы Храмов и Волков уговаривают комвзвода разрешить им поехать в разведку на

одном танке. Прыгнули на броню и на большой скорости умчались в неизвестность…

Вернулись довольно скоро. Храмов был ранен в бок, но его спас широкий немецкий ремень. От боли разведчик сгибался пополам, но остался в строю. Подтянулась и пехота.

Вылазка оказалась удачной, и теперь мы знали расположение огневых точек противника. Комвзвода проинформировал об этом комбата Спивака, а тот, в свою очередь, попросил по рации комбрига «прибавить огоньку» на… наш участок.

Вскоре над нами что-то зашуршало, зашипело, да так зловеще, что сердце сжималось. Заиграли «катюши»… Но вместо немцев лупанули по нам. Это был ужас. Один наш разведчик погиб. Меня контузило… Сколько погибло… Сколько погибло ребят!

Полученная легкая контузия сказалась на моем нервном состоянии — я перестала выносить звук «катюш». К сожалению, в то время медицина не признавала легкую контузию как заболевание, и поэтому бывали случаи, когда люди гибли не потому, что они боялись, а потому, что с нервами справиться невозможно.

Меня определили в помощь хирургу на пункте первой помощи бригады. Размещался он рядом с позициями злополучных гвардейских минометов. Трудно передать мое состояние, когда я слышала, как они «играют». На счастье, ребята вспомнили обо мне и забрали.

По дороге к Берлину попали под шрапнельный обстрел, и я чуть не поплатилась жизнью, пытаясь на ходу выпрыгнуть из кузова машины.

Приехали поздно вечером. Вошли в помещение на окраине Берлина, где разместились на отдых разведчики. В большой комнате слышались храп и стоны спящих ребят. За столом со свечой сидели Храмов, Волков, Гутник, Горошко и Александров. Когда они увидели меня, все, кроме Александрова, который не брал трофеев, молча встали, потом, как по команде, их руки потянулись к заветным кармашкам и — вот диво — открыли коробочки и протянули мне: «Выбирай!» Я поняла, если откажусь — обижу. И взяла у каждого по одной вещице. Вообще, из трофеев мы брали только белье и еду. Ребята подбирали иногда часы, побрякушки. Правда, они их быстро спускали на доступных девчонок. Я ничего не брала, была примета: если будешь брать — погибнешь. Только один раз я взяла отрез материи в брошенном немцами доме. После войны, когда командир бригады распорядился, меня вызвали на склад, полный трофейных

вещей, — выбирай, что хочешь. Открывают коробку — платье. На этой фотографии я в том платье.

Утром пошли в город, где страшные изнуряющие бои шли на улицах Берлина. Встретили Грошева, который чудом уцелел. Он оказался в расположении противника и спрятался в подвале, в котором отсиживалось цивильное население. Целые сутки был он там, и никто его не выдал!

2 мая 1945 года для нас война кончилась. Радости не было конца. Но мы с горечью провожали глазами бесконечные потоки пленных, шагающих по развалинам Берлина…

Так, в грохоте и огне, в радости побед и скорби потерь боевых друзей, добрались мы до Берлина. Как я вынесла этот умопомрачительный, всесокрушающий марш-бросок, этот прощальный грохот и шквал огня, и сама не знаю. Однако твердо знаю, что с гордостью расписалась на стене Рейхстага…

Адильбеков Зекен Уалханович

Я с 1925 года, но записан был как родившийся в 1928 году. В октябре 1942 года ребят из нашей полеводческой колхозной бригады вызвали на приписку в военкомат. А меня в списке нет. Но я вместе с ними сел и поехал. Приехали в военкомат, всех по списку пропускают, а секретарь сельсовета Татьяна Бородина стоит в дверях и меня не пропускает: «Дурак ты! Куда ты собрался?» — «Хочу ехать вместе со своими друзьями, куда прикажут». — «Дурак ты! Люди стараются открутиться, а ты сам лезешь. Ты же беспризорник, кому ты будешь нужен, если вернешься калекой?!» А я-то еще ничего не соображал… В какой-то момент она пошла в туалет, а в дверях оставила Ивана Мордовина, моего товарища. Я говорю: «Ванюшка, впусти меня, пока ее нет». — «Иди». Я зашел, там сидело человек пять. «Меня нет в списке, но я хочу пойти добровольно. Запишите, пожалуйста, меня». Записали меня 25-м годом, даже не стали ничего спрашивать.

Нас привезли во Фрунзенское пехотное училище. Обучались шесть месяцев. В марте 1943 года училище закрыли. Нас в течение 12 часов посадили в теплушки, и вперед, на фронт, под Харьков. Ехали семь суток, пока мы дохиляли, ситуация стабилизировалась. Нас повернули в Подмосковье, в город Щелково. Там создавались воздушно-десантные бригады. Я попал в 4-е отделение 4-го взвода 8-й роты 2-го батальона 13-й воздушно-десантной бригады. А поскольку я маленького роста, то всегда стоял замыкающим. Шестнадцать прыжков имею. Из них несколько с аэростата. А с аэростата прыгать хуже, чем с самолета! Потому что, когда первый прыгает, он толкает корзину, и она болтается. А закон был такой: инструктор сидит в одном углу, а в трех углах сидят солдаты. Он командует: «Приготовиться!» Я должен сказать: «Есть приготовиться!» — «Встать!» — «Есть встать!» — «Пошел!» — «Есть пошел!» Это надо говорить, а корзина-то ходуном ходит…

— Прыгали в сапогах?

— Нет, все время прыгали в обмотках. Сапоги мы не видели.

— А те, кто не мог прыгнуть?

— Их сразу списывали в пехоту и отправляли. Не судили. Сначала прыгали вместе с офицерами, но некоторые офицеры трусили прыгать, и стали прыгать раздельно: офицеры отдельно, мы — отдельно. Километров за 150 от Щелково нас десантируют, и мы сами должны добираться до казарм. Это как будто бы с тыла вернулись. Прыгали в основном с Ли-2. Заходишь первым —

прыгаешь последним. Заходишь последним — прыгаешь первым. Каким лучше? Одинаково. И последнему плохо, и первому плохо. Мы, пацаны, — нам в то время по 17 лет, лишь бы в желудке что-то было, а на остальное мы клали.

Кормили очень плохо. В котелке — гнилая мерзлая картошка и не порезанные, а просто так сваренные стебли крапивы. 600 граммов хлеба, а в хлебе и отруби, чего там только нет — очень тяжелый. Но как-то организм переносил. Около казармы был большой подвал, куда воинская часть свозила картошку. Мы ее всю зиму воровали. Спускались по веревке и набирали в вещмешок. В каждой казарме поставили железную печь. Деревянные ограды в Щелково по ночам разбирали на топливо. Варили картошку, пекли, ели.

— Кто-то у вас был из 3-й или 5-й бригады? Из тех, кто участвовал в Днепровском десанте?

— Нет. Правда, про этот десант нам рассказывали. В Щелково была страшная вражда между летчиками и десантниками. Говорили, что летчики испугались и сбросили десантников на немецкие окопы. Струсили. Через реку Клязьма есть мост. Десантники, бывало, дежурили на нем, и если шел летчик, то его бросали с моста в реку.

В июне 1944-го 13-я гвардейская воздушно-десантная бригада стала 300-м гвардейским стрелковым полком 99-й гвардейской стрелковой дивизии. А из нашего взвода сделали взвод полковой разведки. Нас посадили в вагоны и повезли. Сначала не говорили, куда. Повезли, и все. Привезли нас на реку Свирь. Мы должны были ее форсировать.

Командование решило сделать отвлекающий маневр — изобразить переправу. Пустить лодки, которыми должны были управлять двенадцать солдат. Поставить на них чучела. А в это время основная переправа должна была пройти в другом месте. Нашему взводу разведки предложили сформировать эту группу из двенадцати добровольцев… Шесть человек уже записались. Я хожу и думаю: «Как же быть?! Плавать-то не умею ни хрена». Говорю командиру взвода младшему лейтенанту Корчкову Петру Васильевичу: «Товарищ младший лейтенант, плавать не умею, но хочу записаться, как мне быть?» — «Ты чего?! Маленький, что ли?! Вам дадут специальные безрукавки и трубки — 120 килограммов веса выдерживает». А во мне в то время было от силы 50 килограммов. Так я записался седьмым. Первым форсировать Свирь должен был второй батальон. Комбат сказал командиру полка так: «Мой батальон форсирует первым, я этих двенадцать человек из своего батальона выделю…» Командир

полка посчитал, что так будет правильнее. Записалось двенадцать человек разных национальностей и профессий. Там даже один повар был. Все они получили звание Героя Советского Союза. Правда, переправлялись они уже вместе со штабом полка. Но я так считаю, что их не зря наградили — они знали, что идут на смерть, и пошли на нее добровольно. Это тоже подвиг, я так считаю. Может быть, правильно сделали, что живыми их оставили, надо было поднимать авторитет полка. Пошли мы в наступление… С финнами воевать было очень трудно.

Целая рота автоматчиков охраняла шесть пленных финнов, в том числе двоих офицеров. Так они все равно убежали. Кругом болота, надо рубить деревья, строить гати. Когда придут к нам продукты? Мы гранатами глушили рыбу и без соли и хлеба с финскими галетами ели…

Был такой случай. В подвалах у финнов были деревянные бочки со сливочным маслом и сухой картофель. Мы в этом сливочном масле варили сухой картофель. Потом штаны снимаешь, сидишь автоматом…

Наступали мы капитально. Начали с Ладейного поля на берегу реки Свирь и прошли порядочно до станции Куйтежи. Вскоре финны сдались.

Нас посадили на машины и повезли на станцию. Погрузились и поехали в Оршу, в Белоруссию. Мы стали 13-й гвардейской военно-воздушной дивизией — снова парашюты, снова прыгать. Потом команда: «Отставить!» Сделали из десантных войск обратно стрелковые полки, а дивизия стала 103-я гвардейская. В ней был создан 324-й полк. Новый командир полка попросил дать взвод разведки из обстрелянных бойцов. И нас, из своего родного 300-го полка, отправили в 324-й полк. В марте 1945 года нас привезли под Будапешт. Мы в ватных брюках, в ватных фуфайках, 45-й размер ботинок, трехметровые обмотки… Но капитально наступали, капитально воевали. Смерти не боялись, потому что у нас ни семьи, ни детей, никого нет.

Командир полка поставил перед нами задачу: выйти в тыл немцам и пронаблюдать — оттягивают они силы или подтягивают. Нас было шесть разведчиков и радист. Задание было рассчитано на сутки. Нас выстроили, старшина всех обошел, отобрал все документы, все бумаги. Это очень горестно и страшно. Это очень угнетает человека, но в карманах ничего не должно быть — это закон разведки. Вместо суток мы за линией фронта находились пять суток! Выкопали круговую оборону. У нас, кроме гранат и автомата, ничего не было! Жрать нечего! Наш

разведчик, здоровый парень, ночью, скрыв от всех, пошел на шоссейную дорогу, убил двух немцев и забрал у них вещмешки. В них оказались консервы. Вот за счет них и жили. Правда, командир взвода чуть не расстрелял этого солдата за то, что тот без разрешения пошел. Если бы он попал в плен, мы бы все пропали. Мы выяснили, что немцы силы не подтягивают, а оттягивают, отступают, и получили приказ возвращаться.

На обратном пути наткнулись на власовцев. Мы не стали с ними связываться. Нас всего семеро! Что мы могли сделать? Давай от них драпать! А они нам кричат матом по-русски: «Сдавайтесь!» Бежали, бежали, наткнулись на немецкий склад в лесу. Там были хромовые сапоги, плащи. Мы переоделись. Пошли дальше. Впереди дорога. За Г-образным поворотом слышны какие-то звуки. Командир взвода говорит мне: «Копченый (меня так во взводе звали), выйти, посмотри, что за звуки?» Вышел на поворот, чтобы посмотреть, и в это время фрицевский снайпер меня поймал… Пуля попала в бедро… Ребята меня вынесли к своим. В госпитале мне хотели отрезать ногу, но рядом с моей койкой лежал один старик, сибиряк. Мы его звали дядя Вася. Когда пришел начальник госпиталя, подполковник, этот дядя Вася схватился за табуретку и чуть в него не кинул: «Я напишу Сталину письмо, что вы, вместо того чтобы выполнять его приказ не отрезать руки и ноги, отрезаете их почем зря. Вы собираетесь делать ему операцию, а ему всего идет 18-й год, кому он нужен будет без ног?! А если вы все сделаете как надо, он еще будет воевать!» Этот подполковник: «Хорошо, хорошо, никуда писать не надо…» Боялись они все же! Меня подготовили к операции. Делали ее почти 6 часов. Только на второй день где-то к обеду я пришел в себя. На ногах сапоги белые одеты, четыре деревянных планки, все это дело стянуто. Меня ранило 26 апреля, через 13 дней закончилась война, а я еще шесть месяцев лежал в госпитале. Через 6 месяцев начало вонять, нога гноится, вши завелись. Врачи радовались — значит, заживает. Сняли гипс. Нога не сгибается. Меня клали на спину, на растяжку вешали гири, 100 граммов, потом 150, 200 граммов. Она потихоньку согнулась, но не разгибается. Меня кладут на живот, и снова так же. Постепенно нога разработалась.

Вернулся из госпиталя в свою часть, меня друзья-фронтовики хорошо встретили. Комиссия меня списала, как негодного к строевой службе. Таким образом очутился дома. Домой ехать не хотелось — мне было жалко бросать друзей. Всю войну прошли вместе. Считали себя братьями. Привыкли друг к другу, друг без друга не могли жить. Когда всех построили, начали прощаться, я начал плакать — не хочу уезжать! Мне говорят: «Дурак, уезжай!»

Надо сказать, сразу после войны на участников Великой Отечественной войны, на раненых, покалеченных не обращали внимание. Смотришь, без обеих ног, сделает себе вроде санок или коляски, отталкивается, передвигается… Только после 1950 года начали немножко разбираться, помогать.

— Перед войной стало полегче жить?

— Да. Колхозники даже отказывались брать заработанную пшеницу — хватало своей. И одевались, и кушали хорошо.

— Когда вас призвали, вы хорошо знали русский язык?

— Я учился в русской школе. Причем был отличником. Когда в 5-м классе учился, мой диктант носили в 10-й класс, показывали: «Смотрите, как ученик 5-го класса, казах пишет». Я был одаренным, бог мне в этом деле помогал.

— Чему учили во Фрунзенском пехотном училище?

— Я был минометчиком. Изучали 82-мм батальонный миномет. Плита 21 килограмм, ствол 19 килограммов, двунога тоже 19 килограммов. Я, как самый маленький, таскал деревянные лотки с минами. Части миномета я носить не мог.

— Когда попали на фронт, какое было у вас оружие?

— Сначала дали карабины. Потом десантникам выдали автомат ППС. Три рожка. Легкий, с откидным прикладом. Хороший автомат. Мы его любили, но карабин лучше. Карабин со штыком. Пять патронов зарядил, стреляешь — знаешь, что точно убьешь. А в автомат песок попал — его заело. Он может отказать, может тебя подвести. Карабин никогда не подведет. Кроме того, всем выдали по финке и три гранаты. Патронов в вещмешок набили. Пистолеты кто хотел — имел, но у меня не было.

— Что обычно было в вещмешке?

— Сухари, хлеб, немного сала шпик, но в основном патроны. Если ходили в тыл, то мы о еде не думали, брали как можно больше патронов и гранат.

— Приходилось брать «языка»?

— Приходилось. В Карпатах пришлось днем брать. Командиру взвода дали задание срочно взять «языка». Пошли всем взводом. Сплошной обороны у немцев не было. Мы хотели пройти напрямик, бегом пересечь открытое место, выйти в тыл немцам и искать, кто попадется. Когда стали перебегать, заработал немецкий пулемет. И мы все легли. Назад вернулись и пошли по лесу кругом, в обход. Вышли к этой же поляне, только с другой, немецкой, стороны. Посмотрели — окоп, в нем два пулеметчика смотрят в сторону нашей обороны. Пошли я и Лагунов Николай. Мы не боялись ни хрена, потому что они нас не видели. Подошли сзади: «Хальт! Хенде хох!» Они схватились за пистолеты. Мы пару очередей из автоматов выпустили, но не

стали их убивать — они нам нужны были живыми. Тут остальные ребята прибежали. Отобрали у этих пацанов… они тоже молодые ребята… пистолеты, пулемет забрали и повели. Вот так в течение двух часов выполнили указание штаба. Вот так приходилось брать… Были и другие случаи… На такой-то сопке окопались фрицы. Надо поймать и привести. Притом желательно не рядового, а офицера… Разведчик всю жизнь ползает по-пластунски. Другие на ногах ходят, летчики летают, артиллеристы стоят, за 20 километров стреляют, а разведчик всю жизнь ползает на пузе… И вот ползком друг друга выручаем…

— Когда в «поиск» шли, во что были одеты?

— Маскхалаты были. Зимой белый, а летом пятнистый.

— Немецким оружием пользовались?

— Единственный раз. В Венгрии мы на сопку вылезли. На ней стояла богатая вилла. Мы в ней остановились — сильно устали. Ни часового, ни охраны не поставили, и все уснули. Утром один из наших пошел оправляться. Заглянул в коровник — немецкий солдат доит корову! Он бегом в дом. Поднял тревогу. Выскочили, но немец уже убежал. Оказалось, что немцы недалеко. Нас было всего 24 человека, но мы пошли в атаку, открыли автоматный огонь, начали их окружать. Они начали драпать. В 1945-м они драпали будь здоров! Николай Куцеконь подхватил немецкий пулемет. Мы начали спускаться с этой сопки. Спуск оканчивался обрывом. А под ним сидело человек пятьдесят венгерских солдат. Мы по гранате кинули туда, и Куцеконь по ним из пулемета… Он очень быстро стреляет, наш та-та-та, а этот тру-тру-тру… Никто не убежал.

— Какие трофеи брали?

— Часы в основном брали. Возьмешь пилотку, поставишь, кричишь: «Урван — часы есть?!» Все несут, кладут. А потом отбираешь, какие получше, остальные выбрасываешь. Эти часы быстро расходились. Играли в игру «махнем не глядя»: один зажимает в кулаке часы, другой еще что-то или тоже часы, и меняются.

— Как относились к немцам?

— Как к противнику. Личной ненависти не было.

— Пленных стреляли?

— Бывало… Я сам двоих убил. Ночью захватили деревню, пока мы эту деревню освобождали, погибло четверо наших. Заскочил в один двор. Там немцы запрягали лошадь в бричку, хотели уже убегать. Я их застрелил. Потом на этой же бричке мы по дороге сами дальше поехали. Мы все время их догоняли, а они драпали без остановки.

— С финнами тяжелее было воевать?

— Очень тяжело. Немцам до финнов далеко! Финны все двухметровые, здоровые. Они не разговаривают, все молчком. Притом они были жестокие. Нам так казалось в то время.

— ***Мадьяры?***

— Трусливый народ. Его как в плен возьмешь, сразу кричит: «Гитлер капут!»

— ***Как складывались взаимоотношения с местным населением?***

— Очень хорошо. Нас предупреждали: если к местному населению мы будем относиться, как немцы относились к нашим, то будут судить судом Военного трибунала. Один раз меня чуть не судили. Остановились в деревне. Взвод разведки питался со своего котла. Мы сами себе готовили и кушали. Утром, когда поднялись, видим, бегает рябой такой небольшой поросенок. Ребята хотели его загнать в сарай, поймать, убить, но у них не получалось. Я как раз вышел на крыльцо, и Куцеконь мне кричит: «Зекен, давай автомат!» Я взял автомат и застрелил его. А рядом умывался капитан из соседней части. Мы не обратили на это внимание. А он доложил в штаб, и заместитель командира полка по политической части пришел, нас, шесть человек, арестовали, и свинью с собой мы забрали. Хозяйка стояла рядом и плакала. То ли свинью ей было жалко, то ли нас. Не знаю. Допросили нас, выяснили, что стрелял я. Сказали: «Пойдешь в 261-ю штрафную роту». Капитан Бондаренко, начальник разведки полка, говорит: «Ну какой из тебя разведчик, твою мать?! Такого разведчика надо посадить! Почему ты попался?!» Костерил меня на чем свет стоит. Пятерых выпустили, а меня посадили в погреб. А тут немец под Балатоном в наступление пошел. Надо двигаться, решать вопросы. Командование выпустило меня. Пришел, ребята поесть приготовили, но есть пришлось на ходу. На ходу и ремень отдали.

— ***За войну есть награды?***

— Я получил медаль «За отвагу» и орден Отечественной войны 1-й степени.

— ***Вши на фронте были?***

— Вши жизни нам не давали. Мы в лесу зимой или летом разжигали костер, снимали одежду и трясли над костром. Треск стоял!

— ***Какой был самый страшный эпизод?***

— Их много было… Сейчас и не вспомню… После войны лет пять-шесть война снилась постоянно. А последних лет десять ни разу не приснилось, ушло…

— ***Война для вас самое значимое событие в жизни, или после нее были более значимые события?***

— На войне была такая дружба, доверие друг к другу,

которых больше никогда не было и, наверное, не будет. Тогда мы друг друга так жалели, так друг друга любили. Во взводе разведки все ребята были замечательные. Я с таким чувством их вспоминанию… Уважение друг к другу — это великое дело. О национальности не говорили, даже не спрашивали, кто ты по национальности. Ты свой человек — и все. У нас были украинцы Коцеконь, Ратушняк. Они были постарше нас года на два-три. Здоровые ребята. Мы-то чаще им помогали. Я маленький, незаметно мог прорезать проход в колючей проволоке. Они понимали, что они сильнее меня, но я должен быть рядом, чтобы помочь. Это уже неписаный закон, нас никто этому не учил. Когда возвращались с задания, мы кушали и 100 граммов пили, вспоминали, кто как кому помог, кто как действовал. Такой дружбы сейчас нет нигде и вряд ли будет.

— В боевой обстановке что испытывали: страх, возбуждение?

— Перед тем как наступать, есть какая-то трусливость. Боишься, останешься живой или нет. А когда наступаешь, все забываешь и бежишь стреляешь и не думаешь. Только после боя, когда разбираешься, как все происходило, то иногда сам себе не можешь дать ответ, что и как делал — такое возбуждение в бою.

— Как относились к потерям?

— Сперва, когда мы увидели первый раз своих убитых на берегу реки Свири, то, знаешь, ноги подкашивались. А потом уже, когда наступали капитально, шли во втором эшелоне. Видели лежащие на дороге трупы врагов. По ним уже проехали машины — раздавленная голова, грудь, ноги… На это мы смотрели весело.

А вот потери во взводе переживались очень тяжело. Особенно в Карелии… Шли по лесам… Наступали бойцы на мины, или их убивало пулей. Ямку под деревом выкопаешь. Полметра — уже вода. Заворачивали в плащ-палатку и в эту яму, в воду. Землей закидали, ушли, и никакой памяти об этом человеке. Сколько людей так оставили… Все молчат, не разговаривают, каждый переживает по-своему. Это было очень тяжело. Конечно, острота потерь постепенно ушла, но все равно было тяжело, когда кто-то погибал.

— Курили?

— Курил 42 года, а вот пил редко. Я вырос беспризорником, сладости не ел, а у меня на фронте был друг, который любил пить водку. Мы с ним менялись — я ему водку, а он мне сахар.

— Суеверия были?

— Да. Богу молились, но про себя, в душе.

— Можно было отказаться от выхода на задание?

— Нет. Это уже измена Родине. Об этом нельзя было не

только говорить, но и думать.

— В минуты отдыха что делали?

— Отдыха у нас не было.

— Вы как думали, переживете войну?

— Мы твердо знали, что победим. Мы не думали о том, что можем погибнуть. Мы же были пацаны. Те, кому было 30–40 лет, они, конечно, по-другому жили и думали. У многих в конце войны уже были золотые ложки, мануфактура, еще какие-то трофеи. А нам ничего не надо. Днем шинель бросаем, все бросаем, ночь приходит — ищем.

— А вы, лично, жили сегодняшним днем или строили планы?

— Об этом не думал.

— Вам тяжело было возвращаться?

— Очень тяжело. В части на прощание дали 5 килограммов сахара, две портянки и 40 метров мануфактуры, благодарственное письмо от командующего, и до свидания. Эшелон сформировали, и он должен нас развезти по Советскому Союзу. Когда въехали в Россию, на свою землю, все разбежались — эшелон остался пустой. Башка же ни хрена не работает — там же был для нас продовольственный аттестат! Все оставили! Садились на пассажирские поезда, а туда не пускают, билет просят, деньги просят. А у нас же ничего нет, да к тому же я на костылях.

Приехал в свой родной колхоз. Он у нас был русский — 690 дворов русских и только 17 — казахских. Сначала стоял сторожем — ходить мог только на костылях. Потом ушел в полеводческую бригаду. Там давали килограмм хлеба в день и готовили горячий бульон. На быках пахали и сеяли. А потом, когда хлеб созреет, косили сенокосилкой. Женщины вязали в снопы. Эти снопы складывали в копны. А с копен складывали в скирды. Только глубокой осенью на молотилке молотили этот хлеб. Я подавал на полог. Это тяжело, снопы очень большие, а я все же с одной ногой… Ходил весь оборванный. Фронтовые брюки латка на латке. Через некоторое время стал секретарем комсомольской организации колхоза. Мне предложили перейти в органы КГБ. В то время казах, нацмен, хорошо знающий русский, был редкостью. Я дал согласие. Они оформляли год, а в итоге отказали, потому что я сын бая. Хотели взять в МВД, но тоже отказали — сын бая. Поставили меня библиотекарем. Я работал, а зарплату заведующего избы-читальни получал секретарь партийной организации. Правда, мне начисляли полтрудодня в день. А на трудодень тогда ни хрена не давали… Секретарь партийной организации был неграмотным человеком. Я вел всю

его работу. Ему нужен был человек писать протоколы, а чтобы писать протоколы, нужно сидеть на партийном собрании. А чтобы присутствовать на партийном собрании, надо быть членом партии. Так в 1952 году стал членом партии. В том же году забрали инструктором райкома. Год поработал, стал заведующим орготделом. А потом начали проверять, установили, что я сын бая, — строгий выговор с занесением в учетную карточку за сокрытие социального происхождения, освободить от занимаемой должности. Секретарь райкома был Лавриков с города Апшерон Краснодарского края. И вот он мне говорит: Пойдешь пасти свиней в колхоз «Мировой Октябрь». — «Давайте уеду в свой родной колхоз». — «Нет, не поедешь в свой родной колхоз. Иди пасти свиней». — «Не пойду пасти свиней».

Как-то напился пьяный, пришел к нему в кабинет и выматерил его: «Я же не видел отца! Мне было год, когда он умер! Я его богатством не пользовался. В 17 лет я ушел защищать Родину. Если бы я знал, что вы так поступите, ушел бы к немцам». Обозвал его фашистом… Хорошо, что в то время не сажали на 15 суток, а то точно бы попал. Заместитель начальника общего отдела и мой товарищ вытащил меня за руку… С трудом удалось устроиться начальником Госстраха района. Вот так пришлось себе пробивать дорогу…

Чернов Николай Андреевич

Я родился в городе Ставрополье в 1925 году. Отец у меня был участником Гражданской войны. Он был за красных, а брат его был у белых. Воевали друг против друга, но выяснилось это много позже. Первая жена у отца умерла в 1922 году. Осталось шестеро детей, пять дочерей и один сын. Отец женился на моей матери. Отец занимался извозом. У него был фаэтон. А мать, Матрена Ивановна Браткова, была вдовой кубанского казака, который воевал за белых и погиб. У нее к тому времени, когда родители познакомились, были сын и дочь. Совместных детей было пятеро. Вот такая большая семья. Правда, дети от первой жены отца уже были взрослые и быстро отделились, остались только младшая сестренка и братишка. Когда начался НЭП, мой дядька, который воевал у белых, снарядил десять подвод муки, вооружился и повез в Москву. Привез полмешка золота и купил мельницу. Стал

скупать зерно, молоть и отправлять в Москву муку уже вагонами. Такой деятельный человек. Ну и для оказания помощи привлек туда всех родственников, в том числе и отца. Когда закончился НЭП и начались притеснения, дядька, испугавшись, захватил золото и пропал. Родственники тоже разошлись, кто куда. Отец уехал под Ставрополь в Грушевку. В Грушевке нас, детей, осталось только пятеро. Дети матери остались в Барсуках, дети отца уехали под Мурманск. Началась коллективизация. Отец был категорически против. У него был хороший выезд, лошади хорошие, и он очень сопротивлялся. Я отдельные моменты хорошо помню: как приходили мужики, садились за стол, выпивали и его уговаривали, а он категорически отказывался. Однажды утром отец запряг своих лошадей, погрузил туда плуг, борону. Они сели с матерью на крыльце, мать очень плакала, и отец плакал. Мы вокруг сидели. Отец встал и повез это все в колхоз. К этому времени построили конюшню. На хуторе было 30 дворов, и все привели туда лошадей, быков. Весь скот был там. Инвентарь тоже свезли, построили кузницу. Надо сказать, что жить стали трудно. Зерно давали централизованно только на посевную. Посеяли, убрали и опять все сдали по минимальным ценам. Колхозники жили неимоверно бедно за счет личного хозяйства. В 1932 году была засуха, в личных хозяйствах ничего не уродилось, и начался голод. Корову зарезали. Отец где-то достал отходов пшена, шелухи, стали варить кашу, накормили всех. У нас у всех запор. Мать и трое детей умерли от запора. Одну сестру забрали на Кубань, и мы с отцом остались вдвоем. Отец связался со старшими детьми, которые жили под Кандалакшей. Отец собрал немного денег, купил билет на Сороку, положили в мешок какие-то продукты, и мы с ним поехали к ним. Я ничего же не понимаю, мне было всего 7 лет. Потом отец приходит: «Колька, а мы ведь едем не в ту Сороку». Оказалось, что есть Сорока на Урале. Мы высадились в Перми. Хлеб заканчивается, денег нет, что делать? И я ходил, просил копеечку, просил хлеба. Как сейчас помню, набрел на военную пекарню. Бойцы приезжали утром за хлебом, я приходил, и они мне давали булку хлеба. Это было день или два, а потом мы пришли с отцом, они мне дали половину булки хлеба, я пошел и отдал отцу, они увидели, погрозили мне пальцем и больше хлеба не давали. Набрал кое-как денег на телеграмму. Отец дал телеграмму, что мы находимся вот там-то, выручайте. Потом я заболел. Лежал неделю на вокзале. Просыпаюсь, отца нет, плачу — бросил, наверное, а мне говорят: «Да он был, он приходит». Когда мне стало получше, нас из вокзала выселили, и мы поселились на берегу под лодкой. Отец наносил соломы. И вот

мы под этой лодкой жили. Отец ходил на почту, ждал телеграмму. Пришла телеграмма, купили билет и хлеба, и поехали мы в Сороку под Мурманск. Проехали Москву, отец заболел тифом. Говорит: «Колька, поди, принеси чайник кипятку». Тогда горячая вода была на вокзалах. Пока ходил, рот разинул, а поезд ушел. Я прибежал — поезда нет, слезы. Я пришел в медицинскую бригаду. Объяснил, что мой папа уехал. Женщина и мужчина сели со мной на следующий скорый поезд, и мы догнали поезд, в котором я ехал. Говорят: «Ну, пойдем. В каком вагоне?» А я не знаю. Прошли с заднего до переднего вагона и не нашли. Пошли обратно. Где-то в середине я его увидел, а он меня.

Мы приехали в эту Сороку, высадились. Сели около вокзала на свои мешки. Отец говорит: «Иди, Колька, ищи сестру и брата». Я пошел, дорожки там сделаны из досок. Посмотрел, город где-то далеко, рядом никого нет. Вернулся: «Говорю, да нет никого там». Отец говорит: «Колька, иди, никто нас не найдет». Я пошел опять. И тут мимо меня проходит брат. Я кричу: «Ваня!» Он обернулся. Вот такая встреча. Нашел телегу с лошадью, погрузил нас, привез к себе. Меня обмыли, переодели во взрослые кальсоны, рубашку. Я помню, лапша была наварена и я навалился на эти макароны. Отец говорит: «Не давайте ему, не давайте ему, он объестся, умрет». Такие голодные были. Отца на следующий день положили в больницу. Я стал у них жить. Но они же тоже все бедные. И я слышу разговор: «Сам приехал и привез мальчишку, нам самим тяжело, есть нечего». Но, в общем-то, они нас накормили. Я пришел в больницу и отцу все рассказал. Они пришли к нему на посещение, а он взял и им высказал. Они же меня все возненавидели. Отец выписался из больницы, нашел маленькую конурку, мы с ним там жили. Нам женщина приносила молоко. Почему молоко я запомнил? Оно пахло рыбой. Коров кормили рыбой. Ну и осенью 1934 года мы возвратились назад. Так и жили с ним вдвоем. Я кое-как окончил 5 классов, а потом работал в колхозе трактористом, комбайнером.

В 1934 году положение изменилось. Весной дали зерна на посев и немножко на питание. Люди пошли на работу в колхозы. Через некоторое время появились козы, стали кормить людей. В следующем году получился хороший урожай. Стали получать зерно на трудодни и до 1941 года жили зажиточно. Мы с отцом построили небольшую хатенку и кое-как перебивались. Учить меня не на что было. Так что 6-й класс я не закончил — пошел работать.

— Что для вас тогда было лакомством?

— Когда отец давал мне три рубля, я уходил на неделю в

Ставрополь. Я покупал пончики в масле и сахарной пудре. Это было для меня лакомством. А до создания колхозов отец из Ставрополя привозил вареные головы от баранов. Всем детям давали эти головы, и это было наше лакомство.

— Как вы узнали о том, что война началась?

— Я работал в поле трактористом. Узнал я о войне дня через два-три после ее начала. Нам в поле привезли продукты и сказали: «Война». Стали забирать трактористов и комбайнеров призывного возраста. Война и война, все плачут, провожают, а мы, молодежь, на это смотрим. Нам до этого дела особого не было. Мы практически 24 часа работали в поле. Радио не было. Сведения к нам поступали с задержкой на неделю. Помню, весной 1942-го я встретил одного старика чабана. Разговорились. Я его спросил: «Как живете?» — «Нормально живу, работаю». — «А война?» — «Что война? На Россию приходило много желающих, но как они приходили, так и уйдут. Выгоним немца, не волнуйся».

— Суровая была зима 1941 года?

— Зима с 1941-го на 1942 год была вполне терпимая. Машинно-тракторная станция, которая обслуживала 5–6 колхозов, располагалась километрах в 15–20 от нашей деревни. Осенью вся техника сгонялась туда на ремонт и профилактику. Я на этой станции практически жил всю зиму до весны, до тех пор, пока не выезжали в свой колхоз. Иногда ходил домой пешком, практически босиком, потому что обуви никогда не было.

Когда немец пришел на Кавказ, то машинно-тракторные станции стали эвакуироваться. Мы собрали свой тракторный отряд и на тракторах поехали. Где-то под Минводами у нас закончился керосин, мы остановились. Трактора у нас стали забирать военные. В общем, тракторный отряд распался. Рядом стояла воинская часть, я пришел и попросился. Мне еще не исполнилось 16 лет. Мне сказали: «Ты еще молод». — «Я хочу в армию, возьмите меня, немцы подходят». Меня послали к начальнику штаба полка. Он послушал: «Мне некогда с тобой заниматься, иди к командиру взвода разведки». Я пришел к нему, такой старший лейтенант Андрющенко. «Я хочу быть разведчиком». — «А ты что умеешь делать?» — «Я все умею. Я окончил 5 классов. Работал на тракторе, комбайне». Он меня послушал и говорит: «Ладно, я тебя возьму при одном условии. Вот видишь, тракторный отряд отходит? Там стоит 12 тракторов. Ты тракторист? Принеси любую деталь от трактора, тогда возьму. Только имей в виду, что ночью трактора охраняет сторож с ружьем и собакой». — «Хорошо, но мне нужны ключи». Дал команду, принесли ключи. Я дождался ночи и пополз по-

пластунски к этому тракторному отряду. Ближе всего был небольшой трактор «универсал» 15-сильный. Я подполз к нему. Карбюратор у него держится на двух болтах, и к нему подходит питательная трубка. Я открутил питательную трубку, открутил крепление карбюратора, снял его и пополз обратно. К утру я пришел, дежурному доложил. Лейтенант спал. Дежурный говорит: «Ладно, иди спи». Лето. Я отошел от палатки, лег и уснул. Будит меня дежурный: «Тебя зовет старший лейтенант». Я прихожу: «Вот карбюратор». — «Принес?» — «Принес». — «Ну, молодец! Я тебя беру. Но ты теперь отнеси карбюратор обратно». — «Я не понесу. Как они меня там встретят? Изобьют!» — «Хорошо. Пойдем вместе». Приходим туда. Он с них снял стружку, что плохо у них организована охрана, мол, мой разведчик снял карбюратор, вот вам доказательство. Отдал карбюратор и потребовал навести порядок. Так я стал разведчиком. Отступали в сторону Орджоникидзе. Взвод разведки, выполняя задачи, очень часто оказывался в немецком тылу. Выходили. Фронт был не сплошной, так что это не сложно. Дошли до Беслана. Там есть перевал, прикрывающий выход к Орджоникидзе и к Военно-Грузинской дороге. Бои там шли беспрерывно трое суток. В окопы пошли не только разведчики, но и повара и писари. На третьи сутки, где-то утром, я был ранен в голову. Вынести из боя не было возможности. Перевязали кое-как, и я лежал и даже стрелял. Только вечером меня вывезли в Орджоникидзе. В здании 1-го пехотного училища был организован госпиталь. Вот там я пролежал месяц. Мне вставляли дренаж. Никаких обезболивающих: «Мальчик, терпи!» Такой металлический стержень, на него наматывается бинт и протыкается насквозь. Каждый раз я терял сознание. Каждый раз! Наверное, три или четыре раза мне делали. Марля засыхает. Вытаскивать ее еще больнее. Постепенно пошел на поправку. Вскоре объявили, что набирают на курсы младших лейтенантов. Я пошел: «Хочу на командира учиться». — «Сколько тебе лет?» — «17 исполнилось». — «Образование?» А я знал, что нужно не менее 7 классов. «7 классов». — «Подходишь». Так я оказался на курсах младших лейтенантов.

Через три месяца нас выпустили, присвоив звание младшего лейтенанта. Роту отправили на Ленинградский фронт. Там уже распределили кого куда. Я попал командиром взвода разведки 602-го стрелкового полка 109-й стрелковой дивизии. Пришел во взвод. От него к тому времени осталось двенадцать человек. Навстречу вышел старшина. Ему было за 30, из Старой Руссы. Представился: «Старшина Ляксев». Так на деревенском говоре звучит Алексеев. Хорошо запомнил. Я, как меня учили, говорю:

«Постройте взвод, доложите». Он искоса посмотрел на меня, но взвод построил. Я представился, сказал, что теперь я командир взвода. А мне 17 лет. Мальчишка! А всем разведчикам за 30! Причем половина из них судимые, бандиты. Нормальных людей в разведку не брали. В разведку шли настоящие, героические люди. Я стал командовать, как меня учили. Старшина меня отозвал и говорит: «Слушай, лейтенант, ты ими не командуй. Тут все серьезные люди. Получишь приказ, приди, скажи… Все будет сделано. А так ты их не трогай». Я понял, что мне надо учиться и учиться… Вот этот старшина меня учил. Он срочную еще до войны служил и в разведке с самого ее начала.

Однажды я получил задачу от начальника штаба полка: выйти в тыл и разведать мост через маленькую речушку. Начальник штаба приказал лично возглавить разведку. Я пришел во взвод. И, зная уже разведчиков, говорю: «Со мной пойдут трое: Иванов, Петров и сержант Булыкин. Готовность — через 30 минут». Со мной всегда ординарец Мишка Мосолыгин из Смоленска. Ему сказал: «Мишка, собирай вещмешок». Надо сказать, Мишка был уникальный парень. Всего лишь на два-три года старше меня, но у него в вещмешке всегда все было: немножко еды, немножко выпить, зубная щетка, баночка консервов, кусок хлеба, кусочек сахара, щетка сапожная, крем сапожный — ну, все необходимое. Где он это все добывал?.. Через 30 минут спрашиваю: «Все готовы?» Двое вышли: «Мы готовы». — «Булыгин?!» Он лежит на нарах: «Я не пойду». Я дернулся, но ничего не сказал. «Собирайтесь, через 10 минут строимся». Проходит 10 минут. «Все готовы? Булыгин?» — «Я сказал, что не пойду». — «Встать, ко мне!» Выходит. Я за пистолет. Старшина меня берет за руку: «Слушай, лейтенант, пойдем выйдем». Вышли. «Лейтенант, ты же знаешь, что Булыгин не трус. Он недавно ходил в разведку, но сегодня у него какое-то нехорошее предчувствие. И вообще, никогда не назначай разведчиков. Получил задачу, приди, скажи: „Такая-то задача, кто, ребята, со мной пойдет?“ Найдутся. И ты выберешь из этих желающих. Булыгина оставь. Давай я вместо него пойду». Выполнили задачу. Даже пленного привели. Науку я на ус намотал и потом всю войну, будучи командиром взвода, командиром роты, никогда не назначал в разведку. Я приходил и спрашивал: «Кто пойдет?»

Вот так я учился командовать взрослыми людьми.

Обычно, когда полк стоял в обороне, ставили три наблюдательных поста — два на флангах и один в центре. Дежурили на них по двое, сменяясь через 5–6 часов. Моя задача — постоянно проверять, чтобы никто не спал. В ночь три раза я должен был их проверить. Пока три поста обойдешь — два часа

пройдет. Пришел в землянку мокрый, ноги мокрые. В землянке печка железная топится. Я разуваюсь и ложусь спать. Через два часа меня будит ординарец. Я обуваюсь, и опять мы с ним идем. Никто меня не контролировал, я сам понимал, что это необходимо.

Зимой 1944 года мы участвовали в окончательном снятии блокады Ленинграда. Дивизия освобождала Ропшу, Кингисепп. Потом наступали на Нарву. На Нарве нашим корпусом был захвачен плацдарм по фронту три километра и в глубину примерно два километра. Бои были страшные. Разведчики все были в пехоте. Когда полк оттуда вывели, командир полковник Утятин построил нас. В строю стояло 78 человек. Во взводе осталось одиннадцать человек. Он прошел вдоль строя, посмотрел и говорит: «А мне сказали, что воевать некем!» Нас отвели километров за 50–60, пополнили. Я набрал людей во взвод, начал их готовить. Сажал в тылу пулеметчиков, а бойцам взвода приказывал их захватить.

— Большие были потери в разведке?

— В общей сложности за войну потерял 26 разведчиков убитыми. У разведчиков был закон: никогда не оставлять убитых и раненых. Обязательно выносили к своим. Ты пришел и должен отчитаться перед СМЕРШ. Не дай бог, потерял! Где он? А может быть, он перебежал на ту сторону?! Это чрезвычайное происшествие. А когда вытащили — все, вопрос снят. Написал записку в штаб полка, что погиб такой-то там-то, и все.

— Как одевались, идя в «поиск»?

— Зимой телогрейки, ватные брюки, офицерский ремень. С собой я брал пару гранат и пистолет. На ногах я носил кожаные болотные сапоги. Солдаты где-то добыли. Я отличался ото всех в полку этими сапогами.

— Как восполняли потери?

— Каждый раз, когда приходило пополнение, меня вызывали в штаб, выбирать разведчиков. В разведку отбирали желающих. Это, как правило, судимые, бандиты. Самые настоящие проходимцы. Они не боялись смерти. На потери и ранения смотрели очень спокойно.

— Какие-то дисциплинарные послабления были во взводе разведки?

— Разведчики и разведподразделения — это особые подразделения. В нашу жизнь никто никогда не вмешивался. Иногда приходил начальник разведки полка, когда я бывал в полку, дивизии: «Ну, как у тебя здесь дела?» — «Все нормально». Выпьем по 100 граммов, закусим. В основном только ставили задачу. Выполнил задачу — молодец. Перед штрафным

батальоном я имел три ордена Красного Знамени, два ордена Красной Звезды. Дисциплина? Фронтовая дисциплина для всех обязательна. Я не помню, чтобы мои разведчики нарушали приказы.

— Трофеи брали?

— Были трофеи, когда перешли в наступление. У пленных — часы, оружие. У меня был хороший немецкий пистолет «парабеллум» и маленький дамский пистолет. Что еще? Когда шли по Эстонии, мне разведчики привели двухколесную пролетку и великолепную серую кобылу. Мы же пехота, и вдруг командир взвода разведки на пролетке обгоняет полк… Катался до тех пор, пока не прокатил машинистку, которая была девушкой командира полка. Командиру полка тут же, естественно, доложили, и он у меня отобрал эту пролетку.

— Как вели себя немцы, когда их захватывали и когда их приводили к нам в плен?

— По-разному. Когда нас вывели с Нарвского плацдарма и переформировали, дивизия вышла к берегу Нарвы и стояла во втором эшелоне. Посередине реки был большой остров. Нарва река широкая, глубокая, коварная. И вот мне нужно было взять пленного на этом острове. Мы долго готовились. У меня был человек, который очень хорошо плавал. Он переплыл с телефонной катушкой на этот остров. И потом мы, пять человек, держась за телефонный кабель, переправились вплавь на остров. Берег был заминирован. Разминировали, проволочного заграждения не было. В ту же ночь атаковали пулеметное гнездо. Бросили две гранаты, вскочили. Там два немца, один орет, раненный, второй — убитый. Раненого нельзя пристрелить, потому что нам нужен пленный, а он орет. Закрыли рот, связали его. На нас пошли в атаку. Мы их там положили много. Дали красную ракету — сигнал нашим артиллеристам и минометчикам сделать окаймление, чтобы мы могли выйти. Попробовали выйти — невозможно подняться из окопа, такой плотный огонь. Сутки сидели, отбивались. На вторую ночь смогли прорваться к берегу реки. Только на третью ночь с этим пленным удалось вырваться. Притащили этого немца, а он молчит как рыба. В полку ничего не сказал. Отправили в дивизию. Там, я думаю, добились того, что нужно. Попадались и такие… а некоторые трусишки. Сдается и не сопротивляется.

— Офицеров приходилось брать?

— Да. Как-то мы пошли в тыл. Наткнулись на штаб. Обложили его, стали наблюдать. Там какой-то шум, догадались, что идет пьянка. Выбрали время, забросали гранатами. Ворвались, взяли офицера и документы.

Летом дивизия была переброшена под Выборг, а оттуда на торпедных катерах вернулась под Таллин.

Здесь я получил интересную задачу. Вызвали меня в штаб дивизии и говорят: «Со штаба армии приехал разведчик с радистом. Вы пойдете с ними на Даго. К острову подойдете на торпедном катере, дальше — на шлюпке. Ваша задача — провести разведку сил, обороняющих остров». Познакомили меня с этим лейтенантом, армейским разведчиком, с радистом. Переодели в гражданское, отобрали документы. Почему меня выбрали? Я выглядел как мальчишка, совсем не похож на солдата… Вечером погрузились на катер, положили резиновую лодку. Катер остановился примерно в трех километрах от острова. Мы сели в лодку и пошли к берегу. Недалеко от берега был лесок, большой кустарник. Вырыли окоп, оставили радиста с рацией. Сами пошли на связь с местными жителями.

Лейтенант пошел в одну сторону острова, а я в другую. В Эстонии — хуторная система, дом от дома полкилометра стоит. Он мне сказал, что в таком-то доме живет жена офицера. Офицер отступил с Красной Армией, а она осталась на оккупированной территории: «Найдешь ее. Зовут ее Екатерина. Она что-то расскажет, сам проведешь разведку. Через три дня встречаемся на берегу». Так и договорились. Я ее нашел быстро. К утру прошел километров десять и вышел на этот хутор. Зашел с тыльной стороны, подошел к сараю и жду, когда кто-то появится. Выходит женщина лет 35 с ведрами, идет в сарай, видимо, доить корову. Я вышел, поздоровался: «Вы Екатерина?» — «Да. А ты кто?» — «Я заблудился и вышел к вам, мне сказали, что к вам можно, вы одна живете». — «Да. Я одна живу. Пойдем в дом». Пошли мы в дом. «Ты, наверное, голодный? Ну, рассказывай, зачем пришел». Я ей рассказал, что так и так, о вас знают, о вас помнят. Муж ваш жив, здоров. Моя задача побыть у вас, посмотреть, узнать, кто здесь есть. Она говорит: «Здесь никогда никого не бывает, редко приходят или проезжают немцы». — «Хорошо. Я пока побуду у вас». — «Да, конечно». Договорились, что если кто-нибудь придет, спросит, то я выдам себя за племянника, который пришел с другого хутора помочь. Я же деревенский. Соскучился по работе. Убрать навоз для меня никакой проблемы. Так что стал помогать… К вечеру слышу шум — идет обоз. Две подводы повернули к дому. Состояние жуткое. Немцев брали, но это в бою, в траншеях, а тут их человек 10–12, разговаривают на своем языке. Стою у сарая, они на меня никакого внимания не обращают. Слышу, речь не немецкая. Я смотрю, ездовой распрягает лошадей, поворачивается ко мне: «Ком…» Я подошел,

помог распрячь. Напоили лошадей, как-то незаметно подружились. Он мне говорит: «Так ты эстонец?» — «Нет, я русский». — «А я грузин». — «Как тебя зовут?» — «Саша». Выяснилось, что он бывший пограничник, попал в плен в первый день войны. Его командир заставы посадил на лошадь, приказал скакать в отряд и доложить обстановку. Проскакал километра два, и его перехватили немецкие мотоциклисты. Так он оказался в плену. Стали брать в армию по желанию. Вначале украинцев, потом белорусов. В 1942 году объявили набор грузин. Он подумал: или подыхать с голоду здесь, или в армию. Решил при первом бое убежать к нашим. Когда попал туда, там стали рассказывать, что всех пленных в Красной Армии расстреливают. Говорил, что по своим не стрелял. Был ранен. После ранения был переброшен в Эстонию и на этот остров Даго. Жили они в этом доме день, два, три. Я не могу уйти и разведать не могу. Только к концу третьего дня они опять зашумели, видно, собираются. Я спрашиваю:

«Саша, вы куда?» — «Да нас перебрасывают с места на место. Вот сейчас получили задание, перейти…» — «Я спрашиваю, много вас здесь?» — «Да нет, батальон, может, два». Мне этого уже было достаточно. Наступила ночь, я бегом к радисту — меня же ждут! Пришел, рассказал, в какую ситуацию попал, что узнал. Передали сообщение. За нами опять пришел торпедный катер, и мы вернулись к себе. Через два или три дня получили приказ о высадке дивизии на этот остров. Наш полк — в первом эшелоне. Мне командир полка говорит: «Ты, как разведчик, пойдешь первым». Дали двенадцать катеров. Со мной на катере взвод разведки и саперный взвод. Всего человек 30. Облепили весь катер. Сидим. Командир полка зашел на катер и ставит мне задачу, его вся свита на берегу. В это время катер отходит. Связи-то не было никакой. Командир катера получил задачу от своего командования, и все, он отошел. Командир полка остался на катере. К рассвету подошли к острову. До берега километра три. Я спрашиваю командира: «Почему мы остановились?» — «Ждем самолеты». Через некоторое время появились наши самолеты, штурмовики. Нанесли удар по берегу. Пока они наносили удар, катера подошли к берегу. Мой катер подошел прямо к разрушенному пирсу. С пакгауза ведет огонь пулемет, и справа крупнокалиберный пулемет ведет огонь. Катер толкнулся в столбы пирса, и я дал команду: «Ребята, за мной вперед!» А катер начало относить. Я вижу, отходит от этого столба, и я прыгнул на столб. Пули свистят, а я на этом столбе. Дело было в конце октября. Мы уже получили ватные брюки. Сапоги у меня болотные, телогрейка, автомат и пистолет. Я прыгнул. Упал в

воду и пошел ко дну, но как-то выкарабкался, и, пока катер разворачивался и заходил для швартовки, я уже вылез на пирс. Гранатами забросал пакгауз, обеспечил высадку. Командир полка все это видел. Охрана была только у пирса. Больше сопротивления не было. Полк пошел в глубь острова. Там встретили уже эти власовские батальоны. На второй день мы продвинулись километров на 15–20. Полк остановился. Штаб полка занял на хуторе большой дом. Я со взводом расположился в соседнем домике. Говорю: «Старшина, приготовь ужин». — «Все будет сделано, товарищ лейтенант». Я, кстати говоря, уже был старшим лейтенантом. Но для него всегда — лейтенант. Попросил у хозяев картошки, наварили картошки… даже было немножко выпить. Сидим. И в это время приходит со штаба полка старший лейтенант, помощник начальника штаба: «Слушай, Чернов, штаб полка там не размещается. Начальник штаба приказал освободить это здание. Поместитесь куда-нибудь в другое место». Ну, я же разведчик… да выпил: «А где вы были, когда я высаживался?! Я высаживался, имею право занимать любой дом! Никуда не пойду». Тот пошел, доложил командиру полка. Так и так, не выполняет приказ. Командир полка меня вызывает: «Ты чего шебуршишь?» — «Так и так. Вы же видели, я высаживался первым, я могу занимать этот дом». — «А штаб полка где будет? Ты слышал приказ начальника штаба?» — «Так точно». — «Я уже подписал представление тебе на Героя Советского Союза, как высадившемуся первым». Берет лист бумаги и рвет его. «Пусть для тебя это будет наукой. Приказы надо выполнять!» Я ничего не получил за эту операцию.

Вскоре нас перебросили на Эзель. Немцы здорово обороняли полуостров Сырве. Ширина перешейка между полуостровом и основной частью острова была всего три километра. Бои там были очень тяжелые. Все же прорвали оборону. Радостно было, устроили отдых. Мне пришло звание капитана, и я был назначен на должность командира роты дивизионной разведки. Мне только исполнилось 19 лет, а уже капитан! Я говорю старшине: «Слушай, по русскому обычаю надо обмыть». — «Все будет сделано. Какой может быть разговор?!» Старшина организует застолье. Я пригласил, помню, командира одного батальона, ну и мои три командира взвода разведки. Случайно оказался с нами капитан, инструктор политотдела дивизии. Старшина принес кроме положенного пайка какое-то большое блюдо с сотами меда и половину 20-литровой бутыли самогонки. Сидели, хорошо выпили. Все разошлись. А наутро меня вызывают в СМЕРШ: «Вчера ты обмывал?» — «Конечно, по русскому обычаю…» — «Хорошо. Чем закусывал?» — «Тем, что принес старшина». —

«Мед у тебя был?» — «Был». — «Самогонка была?» — «Да». — «Где ты взял?» — «Где взял? Нашел!» А незадолго до того вышел приказ Сталина о строжайшем наказании мародеров. «Ты читал этот приказ?» — «Не читал, но знаю». — «Кто принес?» Я быстро сообразил, что дело серьезное. Думаю: «Если скажу, что старшина, — расстреляют. Если возьму на себя, снизят в должности, в звании». Я все взял на себя. Через два дня — выездной суд, и меня приговаривают к лишению воинского звания, наград и направлению в штрафной батальон. Так я оказался в армейском штрафном батальоне.

Надо сказать, что, конечно, я был избалован властью. Гонора много. Разведчик! К нам в полку было большое уважение. Командир взвода штрафников, старший лейтенант, был тоже не простой. Власть у него была большая. Он мог под видом неподчинения расстрелять, мог любое наказание применить. А у него было любимое наказание — посадить на бруствер спиной к противнику. Расстояние до немецких окопов было метров 250–300. Наказанный садился на бруствер спиной к немцам, ногами в траншею. Если оставался жив — хорошо, если нет — списывали. Он отдавал какой-то приказ, а я ему что-то в ответ сказал. Он на меня посмотрел: «На 30 минут на бруствер». Вот так. Два солдата меня охраняют. Я сел. Немцы не стреляют. Видимо, уже знают, в чем дело. Один солдат мне говорит: «Слушай, ты имей в виду, важны не эти 30 минут, а важна последняя минута. Если успеешь спрыгнуть — будешь жить, а не успеешь — тебе хана». Я 30 минут отсидел. Они дают команду: «Прыгай». Прыгнул. Пуля мимо вжик… Остался жив. Примерно через три недели батальон пошел в разведку боем. Нас вернулось двадцать два человека, причем половина из них ранена. Я получил сквозное пулевое ранение в руку. Пока попал в полевой госпиталь, рука раздулась, почернела. Женщина-хирург говорит: «Кто же это тебя так перевязал?» — «Да там, солдаты». — «Что мне теперь делать с твоей рукой? Ее же теперь надо ампутировать». — «Сохраните». — «Попробуем». Ей было лет 35 максимум. Красивая необыкновенно! Может, мне тогда так казалось… Мы же отвыкли от женщин. «Имей в виду, мальчик, у меня обезболивающего нет». Я страшно обиделся: «Я не мальчик, я капитан, мне 19 лет. Мужчина!» — «Ну, раз мужчина, значит, терпи. Вот тебе 50 граммов спирта». Я выпил, и она начала резать. Все почистила, перевязала. Отправили меня в госпиталь в Ленинград. Ранение такое, что я через неделю уже ходячий. Нам разрешали выходить в город без формы, в госпитальном костюме. Вышел я погулять с другом. Вдруг останавливается американский «Виллис»: «Чернов? Ты как здесь?» Адъютант командира дивизии по каким-то делам приехал в

город. «Садись в машину, поедем в дивизию. Долечишься у нас». — «Да я же раздетый». — «Я тебе дам одеться». — «Поехали!» Так я оказался опять в своей дивизии. Приехал, представился начальнику разведки дивизии. «Ух какой молодец! Хорошо. Пойдем к командиру дивизии». Командир дивизии тоже меня знал. Причем знали, почему я попал в штрафной батальон и что я никого не выдал. На фронте это ценилось особенно высоко. Командир дивизии был генерал Трушкин, посмотрел на меня: «Ну что, проучили тебя?» — «Так точно, товарищ генерал!» — «Ладно. Иди к себе в роту, а мы тут подумаем». Начальнику разведки говорит: «Оформите его на младшего лейтенанта. Пусть подлечится в роте». Я пришел в роту, там уже другой командир, капитан Рощин, но многие меня знают. Окружили заботой. Я там подлечивался. Недели через две пришел приказ — присвоить звание младшего лейтенанта, назначить командиром взвода разведки в полк. Причем опять в свой полк! Так я оказался в полку, командиром взвода разведки. Закончил войну. Ходил несколько раз в разведку. Успел еще получить ордена Красной Звезды и Отечественной войны.

Яганов Николай Максимович

Я 1920 года рождения. Родился в городе Москве. Пока учился в десятилетке, пытался поступить в аэроклуб, но не приняли — не прошел по зрению. Цветное зрение у меня нарушено, но это не мешает с 50-го года и до сих пор водить машину. После окончания 10 классов поступил на завод. Когда в 1939 году началась финская война, я добровольно пошел на флот.

Попал я на форт Обруч, что рядом с Кронштадтом, наводчиком 16-дюймового орудия. Дураку было понятно, что война будет. Почему? Приходили матросы с торпедных катеров, говорили, что в портах уже не осталось иностранных кораблей. Самолеты постоянно летали.

22 июня было солнечным. Играла музыка, все было хорошо. Потом выступил Молотов, рассказал, что фашисты внезапно

напало на нас. Мы еще были не затронуты. А уже через два месяца стреляли из своих орудий по немцам.

Немец нас закупорил, наверное, в начале сентября. Зима была голодная. Кормили кашами — гречка, рис, перловка. Давали отвар из хвои, так что цингой я не болел. В избытке было только перца и соли. Как начали их класть в кашу и похлебку… К весне были уже опухшие. Если поставить человека, а сзади него зажечь электрическую лампочку помощнее, то будет видно, как работает сердце. Одним словом, кожа да кости. В Кронштадте до самой весны лежали целые поленницы трупов… Иногда давали шпроты. Выдавали папиросы «Герцеговина» — такая красивая зеленая пачка с золотыми буквами. Я, правда, не курил. А потом папиросы кончились, и стали давать какую-то траву, которая даже на махорку была не похожа. Однажды мне прислали посылку, а в ней килограмма два печенья. Как она дошла?! Понятия не имею. Пошли с ребятами на Финский залив… через 10 минут ничего не осталось. Вечером только вспоминаешь, какой запах у любительской колбасы, а какой же был хороший окорок, запеченный в тесте в русской печи… Разговоры шли только о еде.

Была у нас кают-компания, где питался офицерский состав, а в ней поваром парень из Загорска. Кают-компания сгорела. Его перевели в общую группу, а тут питание совсем другое, даже каши размазни тебе никто не даст. Мы несли караульную службу на льду Финского залива. Выходили на 3–4 километра и дежурили. Вот этот парень с дежурства не вернулся. То ли сбежал к финнам, то ли замерз. Но по радио объявили заочный приговор к расстрелу. И каждый, кто его встретит, имел право убить на месте.

Настроение было нормальное. К весне даже создали какой-то оркестр.

Ранней весной 1942 года меня отправили в школу химзащиты. Поселились в пятиэтажном здании на 2-м этаже, в нем же находились классы. Почему? Потому что на 3-й, 4-й этажи тяжело подниматься. Спустя, может, недели две в Кронштадте объявили тревогу. По этой тревоге мы должны были занять на Флотской улице определенные углы домов и ждать десанта. Смотрим, летят самолеты, много машин. А потом все небо в куполах парашютов. Думаем: «Наверное, десант». А это, оказывается, мины. Часть из них попадала на город. Кронштадт ходуном ходил. А рыбы сколько всплыло! Все есть хотят. Она еще не приготовилась, а ее уже делят. Пошла дизентерия…

Месяц проучился, и меня перевели на «Аврору», которая стояла у Ораниенбаума. Немцы влепили ей три или четыре снаряда и посадили на грунт. «Аврора» же угольная, полностью

загружена антрацитом. Мы этот антрацит корзинами выгрузили, а уж куда его потом дели, я не знаю. Наверное, в Кронштадт, топить печи…

В июне пришел офицер из СМЕРШа и предложил пройти разведывательно-диверсионные курсы.

— Сколько вас учили, три месяца?

— Да что ты! Батюшки мои! Офицеров учили три недели! Может, тоже три недели и меня. Чему учили? Борьбе, рукопашной. Как с ножом обращаться, как руки заломать. Подрывному делу — как взорвать столб, чтобы он повис на проводах, как рассчитать бикфордов шнур. Как к дзоту подойти, сделать связку гранат. Какой-то врач был психолог. Вел курс моральной подготовки.

Задача была — перейти на сторону немцев. Легенда была такая, что сам я из немцев, пострадал от Советской власти (дед действительно был арестован, а его брата раскулачили и сослали). Версия была довольно приличная, и нужна была лишь только стойкость… Решили сделать разведку боем, после которой я должен был остаться в немецкой траншее, но операцию отменили.

Отправили меня на пополнение 70-й стрелковой дивизии, ставшей впоследствии 45-й гвардейской. Они только вышли из боев. Потери были очень большие. Формировались на станции Ручьи в районе Всеволожска. Начальник штаба 129-го гвардейского полка Иванов вышел: «Кто в разведку?» Я шаг вперед. «Почему ты решил?» — «Я окончил разведывательно-диверсионные курсы в Кронштадте». За мной шагнули мои сослуживцы моряки Колька Мелов, Сашка Гусев, лейтенант Ленька Ефимов. Когда набрали 23 человека, мы решили, что пусть лейтенантик будет нами командовать и отбрехивается за все наши дела. Так постановили. Его ни разу не ранило, а меня трижды махнуло… Многие погибли… особенно в 1944-м под Нарвой. Не знаю, как я там уцелел?! Там так получилось…

Штаб полка разместился на лесной поляне, посередине которой стоял хороший особняк. А немцы долбят и долбят из артиллерии прямо по штабу. Решили, что кто-то сидит рядом с нами на рации и корректирует огонь. Четверых разведчиков послали, прочесать окрестности. Нашли землянку, и я, дурак, первый в нее полез. И немец мне рукояткой «парабеллума» по голове… «Парабеллум» же тяжелый… Самый лучший пистолет, не сравнить с тэтэшником! Четко, хорошо стреляет. В изолятор на столбе всегда попадешь!.. У меня из глаз искры посыпались! Потом выянилось, что у меня бороздчатый перелом черепа. Сознание я не потерял, кричу: «Очередь давайте!» Ребята дали

очередь, и под эту очередь я выскочил наверх. Начали бросать в трубу гранаты, но он так и не вышел. Кое-как мы его взяли. Действительно, там была рация, он корректировал огонь. Пришли вместе с этим радистом. Те, кто оставался, говорят: «Мы тебе кофейку заварим». Вскипятили воды и туда махнули порошок кофе. Поболтали. А помощник начальника штаба по разведке говорит: «Дай-ка я первым попробую, а то губы обожжешь». Он хватил глоток, а это нюхательный табак! Ох он плевался! Прошло, может, часа полтора, мне забинтовали голову, и я уже было собрался ехать в санбат на кобыле, как немцы пошли в атаку. Шло на нас около двух взводов автоматчиков. Слышно, кричат: «Форвартс!» В окно посмотрел, они идут, а у них на поясе куры висят. Мелова послали, чтобы он позвал танки, которые стояли недалеко. Он стал пробегать, и его убило. Стали отстреливаться, одного убило, второго, третьего… Петьку Трезвого, бывало, он на ногах не стоит, скажешь: «Ты пьяный!» — «Нет, я Трезвый!» — фамилия такая была. Я наверх поднялся. Крыша черепичная, колется, гремит кошмарно. Достреляли до того, что все — конец, решили оставить по последнему патрону… А тут как даст наша самоходка, елки зеленые! Немцы побежали. Вот тут потери были очень большие, а до этого взвод практически никого не терял…

Но это я вперед забежал.

— Как вам переход от флотской жизни к пехотной?

— Первое время ходил во всем флотском. Обмотками не пользовался — брюки и ботинки. Только на пятачке перешел на сапоги.

26 сентября полк высаживался на Невский пятачок. Был пасмурный день, низкая облачность. Короткий огневой налет — и вперед на всем, что может плавать: шлюпках, баркасах, плотах. Немцы нас не ждали. Мы быстро захватили первую и вторую траншеи — они метрах в четырехстах друг от друга. Завязался рукопашный бой. Выбили немцев, закрепились. Бои там были страшные. Траншеи

были забиты трупами. Плотность войск была такая, что если снаряд взрывался, то кого-то точно задевало. Из винтовки никто не стрелял, там дрались саперными лопатами, гранатами. Жизнь солдата сутки, ну двое. Как мне удалось уцелеть? Я не знаю. Я не думал о смерти.

Вот там, на пятачке, я первый раз сходил в «поиск».

Командир полка вызвал Леньку, приказал взять «языка». Пошли. Нас было человек семь-восемь. Нейтральная полоса шириной всего метров семьдесят. Торф. Все равно как перина.

Поползли. Атут ракета! Мы уже почти у немецкой траншеи, хоть прыгай в нее. Нас заметили, и немцы отсекли огнем от своей траншеи. Огонь-то в этот миг погас. И мы, наверное, в три или четыре прыжка опять оказались в своей траншее. А одного разведчика нет. Ленька приказал всем идти отдыхать, а мы с ним остались до рассвета посмотреть, может, он на нейтралке лежит. Рассвет наступил. Посмотрели — никого нет. Тут немцы в контратаку пошли. Вроде наших потеснили, а потом пехота их выбила обратно.

Мне Ленька и говорит: «Слушай, снайпер стреляет по нашим». — «Где?» Бой идет, ни черта не слышно. «Да вот». И показывает: метрах в десяти в нашем тылу немец стреляет из винтовки в спину нашим пехотинцам. Видимо, когда немцев выбили, он остался. А у меня только нож, у Леньки тэтэшник. Я ему говорю: «Стреляй!» Он стрельнул, и гильза осталась в патроннике. Остались мы совсем без оружия. Я к солдатам в траншею: «Дайте мне гранату». Гранаты были немецкие, маленькие, как игрушки. Увидел у одного, схватил, а он плачет и не отдает. Отнял гранату, даю Леньке, говорю: «Бросай». Он бросил, а я за ней. Выждал, пока взорвалась, и бросился на немца. Руки за спину скрутил, ножиком в задницу, чтобы не дергался. Ленька ко мне подползает, смотрю, у него кровь изо рта идет от такого переживания. Немца спустили в траншею. Я нанял какого-то солдата помочь дотащить немца до штаба за сапоги — они же в обмотках. Сняли с немца один сапог, с солдата — ботинок, чтобы он не убежал. И так мы потащили этого немца.

Притащили немца. В штабе на столе лежит куча денег — зарплату офицерскому составу всегда во время боя почему-то давали. Командир полка говорит: «Дам тебе три дня отпуска в Ленинград». — «У меня денег нет». — «На, возьми». И так в пригоршню, не считая, сгреб и дает. «Я Ленинград не знаю». — «Возьми Кострикова — он ленинградец». Действительно, недели через две нас вывели с плацдарма, и мне дали три дня отпуска. Приехали в Ленинград. Я пошел на знаменитый Ситный рынок в Ленинграде. На нем все, что угодно, можно было продать и купить — хоть бриллианты… Ну мы бутылку на выданные деньги купили и пошли к родственнице этого Кострикова. За этого немца Леньке дали Красную Звезду, а мне медаль «За отвагу». Вторая награда тоже за пленного, и тоже медаль «За отвагу». Устроили засаду на просеке. Мы посчитали, что по ней ездят на санях, поскольку были следы полозьев. Сидели мы долго. Курить нельзя — запах махорки далеко разносится. Только под утро слышим, скрипит. На нашу беду, утех, кто ехал на санях, была маленькая собачка. Она бежала впереди, остановилась и начала тявкать в

нашу сторону. Гусев Сашка выскочил и из автомата по лошади. Лошадь рванулась на дыбы! Мы давай стрелять. В общем, взяли одного пленного, но могло все кончиться гораздо хуже.

В январе нас ввели на Невский пятачок, и мы пошли в наступление.

— Какое у вас звание?

— Сначала краснофлотец, а потом рядовой. Почему-то в истории болезни перед демобилизацией написали старший сержант. Но это не мое дело.

Меня пытались отправить на курсы младших лейтенантов, но я не пошел. Мне же сразу генерала-то не дадут, а дадут младшего лейтенанта и взвод 18–20 человек солдат, да еще вдобавок узбеков или туркменов, и что с ними делать?! Зачем мне это нужно? Тут я сам себе хозяин. Я сам за себя отвечаю. К Таллину я во взводе уже был как все равно пахан, хозяин. Как хочу, так и ворочу. Я не только был старше всех во взводе, но у меня был авторитет — к этому времени у меня было 25 пленных. И к тому же мне сопутствовала удача. И вообще я был более развитый, чем остальные. Все же курсы прошел, а там и борьбу нам преподавал инструктор из института Лесгафта, и немецкое оружие изучали. Я, например, в синявинских болотах стрелял из немецкой зенитной пушки.

— Как вы относились к немцам?

— С ненавистью. Все читали заметки Ильи Эренбурга. Скажу тебе, что ни до, ни после ничего сильней не читал, не слышал и не видел. Мне кажется, эти статьи много злости вселили в наших. Он разжег огромную ненависть к немцам. А вот показывали нам в синявинских болотах фильм про Зою Космодемьянскую. Ей: «Хенде хох!» А она — ни рыба ни мясо. Сдалась без всякого сопротивления. Было полнейшее осуждение.

— Уголовники у вас были?

— Нет. После прорыва блокады в 1944 году из лагерей прибыли бывшие заключенные. Мы взяли Николая Евлентьева. Где-то под Нарвой он попал на мину и к нам больше не вернулся.

— Как организовывался «поиск»?

— Впереди идет группа разграждения. Там саперы. За ней группа захвата. В нее входили три человека. Вооружены пистолетами, ножами. За группой захвата идет группа прикрытия. Перед броском в траншею группа прикрытия делится на две. Одна слева от группы захвата, другая — справа.

— Чем вооружены были?

— Автоматы брали только немецкие — легкие, надежные, удобные. В наш чуть-чуть пыль или грязь попала — все, отказал. С

нашего надо стрелять короткими очередями, чтобы не нагревался. Чуть нагрелся, и пули рядом начинают ложиться.

До лета 1944 года у нас были наши ножи, а уже из-под Выборга мы привезли финские, с красивыми ручечками, с лезвиями гравированными.

Гранаты группа захвата не брала. Все время в группе захвата — был крепким парнем. Коленкой в поясницу упрешься, голову назад — все хрустит. Мое дело, чтобы голова не оторвалась.

— Часто приходилось офицеров захватывать?

— Не то два, не то три раза. Не часто…

— Специально ставили задачу взять офицера?

— Нет, никогда не ставили… Мы всегда боялись, как бы нас не отправили брать контрольного пленного. Второй раз в одно и то же место не пойдешь…

— Кто назначался начальником «поиска»?

— Кто покрепче, поопытнее. Я был физически крепкий. Психика у меня была устойчивая. Я абсолютно реально на все смотрел. Все мы живые. Свинью выращивают, чтобы она пригодилась нам на мясо. Человек ничем не лучше.

— Разведвзвод как простую пехоту не использовали?

— Нет. И в разведку боем ни разу не ходили. Только один раз в районе Песочная на Карельском перешейке… Рота автоматчиков пошла. Я по своей воле к ним присоединился. Чуть приотстал, думаю, не буду рисковать, на всякий случай. Ну и удачно получилось — прихватил немца. Привел его не в штаб, а в землянку, в которой мы расположились. В землянке никого не было. Мы с немцем сидим. Помню, заходит Витька… и оторопел: немец сидит! Чуть ли не за автомат схватился. Но тут меня увидел.

Как-то приходит к нам замполит полка Штырев: «Ну, рассказывайте, как же это вы финна проворонили?!» — «Мы ничего не воронили». — «Финн-то ваш, у которого вы сапоги меняли, пришел и сдался»… А получилось вот что. Мы когда на Карельский перешеек пришли, там мирная жизнь была. Караульную службу несли девчата. На своей территории они играли в мячик, тишина была, спокойствие. Наши спрашивают: «Какие части против вас стоят, какая глубина обороны, огневые средства?» А они ничего не знают. Они жили спокойненько на протяжении всей блокады. Маринге́йм не проявлял ни инициативы, ни жестокости, как он дошел до реки, так и остановился. Все-таки он русский генерал.

Пришлось нам идти за «языком». Ходили, ходили. Вышли к какому-то дому. Дым из трубы идет, значит, кто-то есть. Сделали засаду у туалета. Пошел в уборную финн. Прихватили его и

ушли. Витька Мучников говорит: «У финна хорошие сапоги, а у меня оторвалась подошва. Давай с него снимем». В лесу решили снять с него. Витька оба сапога снял. Финн — один. У финских и немецких сапог маленький подъем, поэтому русскому надевать немецкий сапог тяжело. Пока Витька пытался один сапог надеть, финн этот прыгнул и побежал. Мы вдогонку постреляли, но он убежал. Как потом выяснилось, задели его. Вернулись в полк, доложили, что ничего не получилось, и все. Так этот финн на четвертый или пятый день вышел к нашим позициям на запах кухни.

— Некоторые разведчики говорят, что выжить не надеялись. Как вы смотрели в будущее?

— У меня никогда не было такого настроя. Что такое «не надеялись»?! Ну не идите в этом месте, если чувствуете, что не получится. Пойдите в другом. Нужно искать, где можно пройти, оголенные фланги. Задача же не ставится «взять пленного к 17.00». Задача-то ставится «взять»! Конечно, желательно побыстрее, но это не значит, что ты ограничен временем. Поэтому такой безнадежности не было… Были срывы. Ленька ходил, докладывал, говорил: «Живые дороже».

— Страх перед «поиском» был?

— Когда ты идешь в группе брать пленного, то хоть стакан водки выпей, зубы стучать будут от страха. А как на нейтралку лег — все прошло, никакого волнения, все абсолютно четко, ясно. Все слышишь: как веточка треснула, птица вспорхнула, снег с ветки упал. Вот этот озноб, он тобой поборим.

— Насколько жесткой была дисциплина во взводе?

— Дисциплина была на высоком уровне. У нас никто не пил, никаких нарушений не было.

— Тренировались?

— Были занятия. Помню — в синявинских болотах отрабатывали захват «языка». Внезапно выскочить, повалить. Других занятий не помню.

— Какие-то трофеи были?

— Часы собирали. Бритва «Золлинген» у меня была трофейная… бумажник из настоящей кожи. Да и все, пожалуй.

— В поиск ходили с документами?

— Нет, мы ничего не брали. Все оставляли.

— Суеверия у разведчиков были?

— Я всегда думал, что наверняка выживу, меня не заденет, но, однако, три раза задело. Потом меня стали звать Счастливчиком. А в чем я счастливчик?! Просто у меня была мгновенная реакция.

— Мог разведчик отказаться от выхода на задание?

— Это исключается. Задание есть задание… Ты можешь протянуть… но отказаться не можешь.

— Вы говорили, что ранений у вас больше, чем у других, но и, наверное, наград у вас тоже больше всех?

— У меня много наград. Во взводе единственный такой.

— Какие взаимоотношения были с дивизионной разведкой?

— Хорошие взаимоотношения были. После удачных поисков и мы, и они иногда придерживали немцев. Держали их у себя, кормили. Если им ставили задачу взять «языка», а у нас был «лишний» немец, то мы им отдавали. Так же и они нам. Это же жизнь… Если оборона жесткая, ты поди попробуй «языка» взять! Так что выручали друг друга.

— В биографии, которую я читал, написано, что орден Славы 3-й степени вы получили в боях за населенный пункт Пружилище: «Проник во вражеский тыл, ликвидировал пулеметный расчет, захватил „языка“ и доставил его в расположение части».

— Я не знаю, где это Пружилище… Я где-то читал, что будто бы был на Белорусском фронте… Чушь. Был там

такой эпизод… На участке одного батальона была лощина, а на высотке — хутор, который немцы превратили в опорный пункт. Нас человек семь пошло в обход. По дороге встретили немецкий патруль, взяли его. Этот патруль нас сам вывел к хутору. Мы ворвались в дом. Помню, на столе стояла бутылка шнапса, лежали галеты и окорок в тесте… Я всю жизнь до войны и во время войны мечтал об окороке, запеченном в тесте из ржаной муки… На печи лежал немец. Мы его тоже взяли в плен. Потом открыли огонь по немцам, дали ракету, и батальон побежал в атаку, захватил этот хутор. А мы на санях, которые там стояли, с пленными поехали к себе.

— Какое было отношение к власовцам?

— Если к немцам после прочтения статей Эренбурга была ненависть, то к власовцам у меня не было определенного отношения. Я не верил в это все хозяйство. Почему? Потому что сам Власов был одаренный генерал. Не был бы он одаренным, его бы Жуков не притащил на Ленинградский фронт. Его же потом во всех газетах превратили в пьяницу, развратника. Я уже тогда в это не верил.

— Как относились к женщинам на фронте?

— Я их не видел там. У нас был медсанбат. Они были все пристроены около командиров батальонов.

— Как восполнялись потери в разведвзводе?

— У нас до Нарвы потерь практически не было. А в марте 1945 года я сам в госпиталь угодил. Там что получилось…

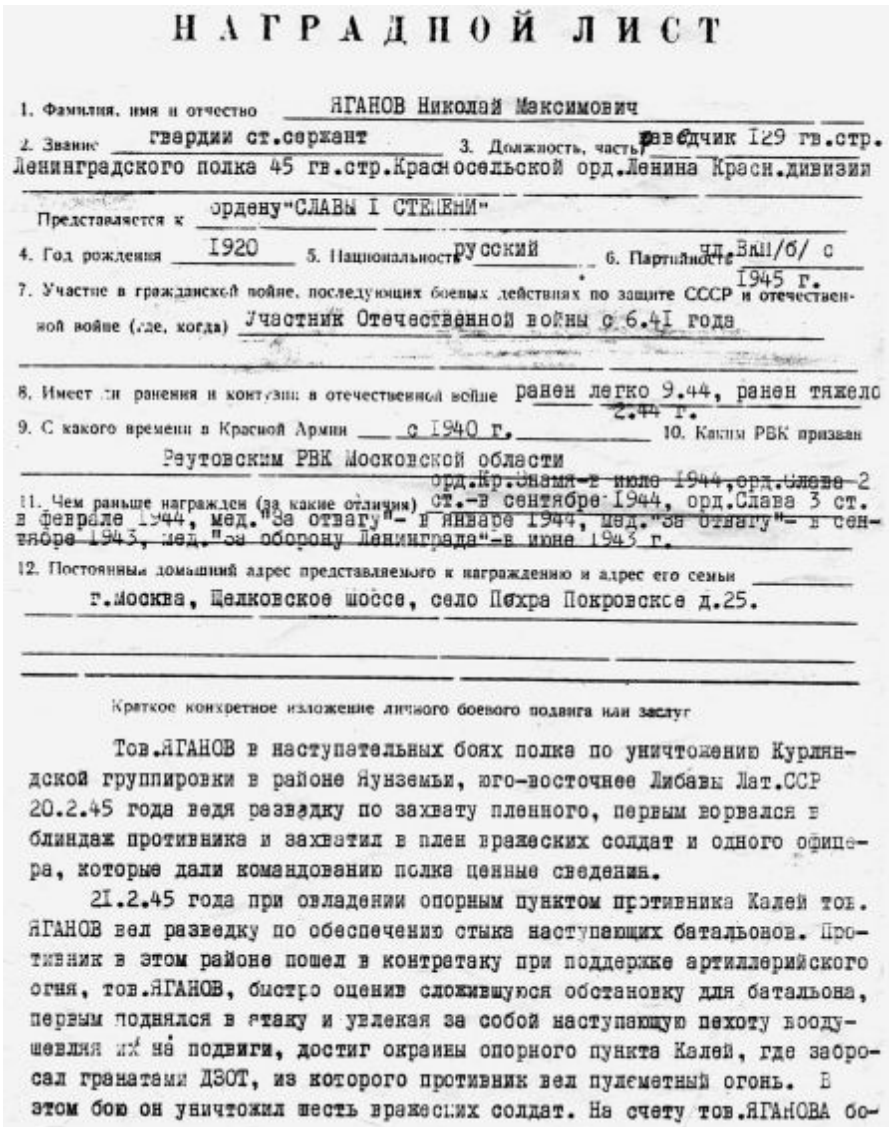
Уперлись в Курляндскую группировку. После мощной артподготовки наши заняли то ли одну, то ли две траншеи, и все — нет продвижения. Я шел на передовую по следу танка. Смотрю, заяц бежит. Достал «парабеллум». Думаю, стрельнуть или нет?! Не стал стрелять. Тут немец стал из танка или из пушки стрелять по мне. Я полянку перебежал, а там землянка. Я в нее заскакиваю, а в ней немец! У меня пистолет в руке. Я ему: «Хенде хох!» Он руки и поднял. Хорошо, в запас, но немец нужен, потому что рано или поздно заставят за пленным идти. Тут и мои ребята из взвода подошли. Поговорили, решили, что я возвращаюсь в штаб, а они останутся наблюдать. Я немцу руки завязал, а чтобы не убежал, снял с него штаны. Вышли мы с ним на НП дивизии. Потом рассказывали: «Мы смотрим в стереотрубу: батюшки мои, идут Яганов и немец без штанов!» Пришли на НП. Немец показывает на меня, что, мол, я изверг, заморозил его, и в это время прилетела мина. Я остался живой, немец, а человека четыре было раненых.

Немца я сдал. Дали мне задание понаблюдать за стыком батальонов. Только я пришел в окопы, как немец пошел в атаку. Немцы поднялись из своей траншеи, и наши поднялись, чтобы удирать. Я думал, по кому стрелять? По нашим или по немцам? Дал очередь над головами наших. Они залегли, тут я их поднял, и побежали мы вперед на немцев. Немцы давай драпать. На плечах у них ворвались в поселок Калей. За этот бой я был представлен к ордену Славы 1-й степени.

Проходит несколько дней, и нас посылают брать немца. Мы отправились. Спустились в траншею. Нас было пятеро. Я направо несколько шагов за поворот сделал. «Хальт!» Я говорю: «Свои». Он мне автомат в грудь: «Пропуск?» Я правой рукой за ствол схватился, успел отвести его от груди, а левую занес, и в это мгновение он нажал на курок. Четыре пули в предплечье. Кто-то из парней, Мучников кажется, его по голове прикладом… А я как сжал автомат, так руку не могу разжать. Вернулись к своим. Рука у меня опухла, вся черная от пороховой гари. Мне налили одеколона, что ли, тройного… Он мутный, я пить не стал. Фельдшер Торопов мне налил спирта — я выпил. Рука ноет. Попросил особиста написать бумажку, что не самострел. Хотя как можно себе руку прострелить четыре раза, не знаю… И поехал по госпиталям до самого Молотова. Когда приехал в Молотов, меня в ванну посадили, медсестры помыли, спину потерли. Потом влили кровь. 400 кубиков. Потом еще. Доску привязали к руке, она у меня уже не ноет, все нормально, не гнется.

Пока был в госпитале, война закончилась. Я по-честному скажу, мне было очень даже жаль, что она закончилась. Я не понимал, что же мне делать дальше. Ведь уже сложился военный

быт. Вот операция закончилась, остатки полка вывели. Штаб пишет похоронки, по 100 граммов пьют. В медсанбате отрезают ноги, руки, раненые кричат: «Помоги, сестренка!» А солдаты что? Разожгли костры… Идет треп: «Смотри, Лелька Бомба-то к ротному в землянку ходила, того убило… Ты посмотри, уже к комбату ходит».



НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ЯГАНОВ Николай Максимович

2. Звание гвардии ст.сержант 3. Должность, часть разведчик 129 гв.стр. Ленинградского полка 45 гв.стр.Красносельской орд.Ленина Красн.дивизии

Представляется к ордену "СЛАВЫ I СТЕПЕНИ"

4. Год рождения 1920 5. Национальность русский 6. Партийность чл.ВКП/б/ с 1945 г.

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Участник Отечественной войны с 6.41 года

8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне ранен легко 9.44, ранен тяжело 2.44 г.

9. С какого времени в Красной Армии с 1940 г. 10. Каким РВК призван Реутовским РВК Московской области

11. Чем раньше награжден (за какие отличия) орд.Кр.Знамя-в июле 1944, орд.Слава 2 ст.-в сентябре 1944, орд.Слава 3 ст. в феврале 1944, мед."За отвагу"- в январе 1944, мед."За отвагу"- в сентябре 1943, мед."За оборону Ленинграда"-в июне 1943 г.

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи г.Москва, Щелковское шоссе, село Пехра Покровское д.25.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Тов.ЯГАНОВ в наступательных боях полка по уничтожению Курлянской группировки в районе Кунземьи, юго-восточнее Либавы Лат.ССР 20.2.45 года ведя разведку по захвату пленного, первым ворвался в блиндаж противника и захватил в плен вражеских солдат и одного офицера, которые дали командованию полка ценные сведения.

21.2.45 года при овладении опорным пунктом противника Калей тов. ЯГАНОВ вел разведку по обеспечению стыка наступающих батальонов. Противник в этом районе пошел в контратаку при поддержке артиллерийского огня, тов.ЯГАНОВ, быстро оценив сложившуюся обстановку для батальона, первым поднялся в атаку и увлекая за собой наступающую пехоту воодушевляя их на подвиги, достиг окраины опорного пункта Калей, где забросал гранатами ДЗОТ, из которого противник вел пулеметный огонь. В этом бою он уничтожил шесть вражеских солдат. На счету тов.ЯГАНОВА бо-

лее 100 уничтоженных фрицев, взято в плен 63 солдата и 4 офицера, подорвано 6 ДЗОТов и засечено 8 батарей противника.

Достоин правительственной награды орденом СЛАВЫ I СТЕПЕНИ.

КОМАНДИР 129 ГВ.СТР.
ЛЕНИНГРАДСКОГО ПОЛКА
ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК

/ЗАХАРОВ/

25 февраля 1945 г.

. . .

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.6.45 года награжден орденом СЛАВЫ I СТЕПЕНИ.

ОСНОВАНИЕ: оп.686046,д.163,л.136.

Копия дана с полным соблюдением текста оригинала.

Копия верна: ЗАМ.НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА
МАЙОР

/КОВАЛЕВ/

"18" ноября 1974 г.

Наградной лист Яганова Н. М.

Бойцы сняли с себя гимнастерки, жгут вшей. Вшей было столько, сколько нужно… У немцев в землянках было все благородно устроено, стены обвешаны шерстяными или байковыми одеялами, пол деревянный, не как у русских в землянках. И в то же время огромное количество вшей! Мы от них их получали. Вот такая самая нормальная жизнь…

Вернулся в Москву. Пошел заместителем директора обувной фабрики. Поступил в заочный юридический институт. А потом работал в строительных организациях.

В 1945 году мне прислали приглашение из наградного отдела Московского Кремля в Президиум Верховного Совета. Я туда пришел. Мне сказали явиться, если не изменяет память, в 10 утра 2 сентября в Малый зал Президиума Верховного Совета. Вход со стороны ГУМа.

Я пришел пораньше, думаю, посмотрю зал. Мне говорят: «Вы слишком рано пришли». Я тогда пошел на угол ГУМа, там

торговали вроссыпь папиросками. Купил две, положил в нагрудный карман. Время пришло. Получил пропуск в Кремль. Прошел через трех часовых, каждый из которых требовал пропуск и паспорт. При входе в Малый зал тоже стоит часовой. Прошел в гардеробную, там стоят вешалки, лежат щетки для чистки ботинок. Я был в гражданском. Отто Юльевич Шмидт там был, ему давали орден Ленина. Были генералы. Там адъютантов нет, они сами, нагнувшись, начищали сапоги бархоткой. Я думаю: «Давай, давай, работай». Пока ждали, выкурил эти две папироски. Потом какой-то дяденька заходит и приглашает в зал.

Сел я, впереди стоит стол, на нем наложены коробки. Один читает: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета от такого-то числа Иванову присвоено звание Героя Советского Союза». Он встает, идет. Вручал первый заместитель Калинина Гречуха, председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР. Калинин уже не в состоянии это был делать. Дошла очередь до меня. В соответствии с приказом Верховного Совета от 26 июня 1945 года…

Кац Генрих Зиновьевич

Интервью — Григорий Койфман

Родился я в июне 1924 года. До войны успел закончить девять классов в полтавской школе № 10, собирался поступать в институт, хотел стать инженером-механиком.

После объявления о начале войны я пришел в райком комсомола, там получил направление на курсы политруков, но проучились мы недолго. Пришел к нам начальник курсов полковник Мухин, выстроил личный состав и приказал: «Двадцать четвертый год рождения, два шага вперед!» Мы вышли из строя, и нас сразу отправили по домам. По закону военкоматы тогда не имели права призывать в армию семнадцатилетних. Вскоре я оказался в эвакуации под Сталинабадом, работал на

оборонном заводе. В конце лета сорок второго года меня призвали в армию, и я попал в Орловское пехотное училище, расположенное в городе Чарджоу, где был зачислен в минометную курсантскую роту. Училище было ускоренным, срок обучения составлял в нем всего полгода, но за неделю до нашего офицерского выпуска все училище, вместе с офицерами-преподавателями, было направлено под Сталинград, добивать окруженную группировку Паулюса. Пока мы туда добрались, Сталинградская битва закончилась.

Нас перебросили в район Орла. Я стал наводчиком 82-мм миномета в минометной роте, в 1-м стрелковом батальоне 916-го СП 250-й СД. Первый бой мы приняли только 11 июля 1943 года под городом Новосиль. Уже 14 июля мы стреляли немецкими минами, свои боеприпасы кончились. Атаки на немецкие позиции шли беспрерывно, мы не успевали за пехотой. Но я не видел тогда живого немца ближе чем на расстоянии 200 метров. Пока до Орла дошли,

наш полк был почти полностью выбит, и из его остатков создали сводный батальон. Каждый день мы несли потери. Командиром нашей роты был хороший человек, капитан Калинин, он выбыл из строя по тяжелому ранению. Потом убило взводного, лейтенанта Кушнарева, ранило лейтенанта Рыбалко, командира второго взвода. На мине подорвался парторг Тыркалов…

Нас всех перевели в пехоту… Мой минометный расчет состоял из шести человек, мы все подружились еще в училище: двое русских ребят, один осетин и три еврея.

Саша Оглоблин, доброволец, сын профессора, нелепо смотревшийся на передовой в очках. Миша Индиченко, донской казак, до войны студент-геолог в Алма-Ате, несмотря на хромоту, тоже ушел добровольцем на фронт. Яша Малиев, вечно улыбчивый осетин. Винель Гриншпун, сын кадрового военного, до войны учащийся Киевской артиллерийской спецшколы. Боря Комский — единственный, кроме меня, выживший на войне из нашей курсантской роты. Сначала тяжело ранило Индиченко и Оглоблина, вскоре убило Малиева. Когда нас перевели в пехоту и из остатков моего минометного взвода создали стрелковое отделение, то в нем было всего четыре человека… Комский и Гриншпун стали пулеметчиками, а я — стрелком. Что там творилось под Орлом, простыми словами передать невозможно…

Запомнилось, как в районе станции Становый Колодезь мы нашли тела наших сожженных заживо товарищей, попавших к немцам в плен. Младший лейтенант и двенадцать рядовых бойцов… Несколько раз мы попадали под жесточайшие

массированные артобстрелы в чистом поле. Вскоре и наш сводный батальон был фактически окончательно добит, остатки курсантских рот пошли в атаку на деревню Юдино, там нас так накрыли из «шестиствольных» минометов, что после этого боя с трудом набрался взвод уцелевших со всего батальона. 4 августа погиб мой друг Гриншпун, ранило Комского, а через три дня и я получил пулевое ранение в ногу. С поля боя выползал сам, а когда увидел санитаров — сознание меня покинуло, видимо, слишком много крови потерял…

После войны, волею случая, мы с Комским нашли друг друга. Борис посвятил несколько лет поискам курсантов из нашей роты, проделал большую работу, но, как выяснилось, из курсантов нашей роты, кроме нас двоих, видимо, никто войну не пережил. Из офицеров после войны нашли только комвзвода Рыбалко…

Привезли меня после санбата в госпиталь, в Тулу, сделали две неудачные операции, образовался «ложный сустав», и меня переправили в специализированный госпиталь в город Боржоми, в Грузии. Пришел хирург-армянин, говоривший по-русски с сильным акцентом. Посмотрел на ногу и сказал: «Операцию будэм снова дэлат. До сорока лет будэш без палочки ходыт». Хирург ошибся, только в пятидесятилетием возрасте мне понадобилась палочка для ходьбы. Его «золотые руки» вернули мне возможность воевать дальше, операция прошла успешно, и рана быстро зажила. После выписки я попал в запасной полк в Тбилиси, но уже через 10 дней в составе маршевой роты я был отправлен на фронт. Привезли нас в 41-й стрелковый корпус, в 3-ю армию генерала Горбатова.

— Как вы попали в разведку?

— Выстроили прибывшее пополнение на поляне. Из-за моего высокого роста и крепкого сложения я всегда был в строю правофланговым. Подошли «покупатели». Представители разведки обладали правом первыми обходить маршевое пополнение и отбирать к себе людей. Поэтому ко мне сразу подошел какой-то офицер, задал пару «дежурных» вопросов: «Где воевал? Откуда родом? Куда ранен?» — и сразу спросил: «В разведку служить пойдешь?» Я согласился. Вот и вся процедура. Уже через час я оказался в расположении 368-й отдельной разведроты 283-й стрелковой дивизии.

— Какова была структура отдельной разведроты дивизии? Кому подчинялись разведчики? Кто имел право ставить боевую задачу отдельной разведроте?

— В моей роте было примерно 50 человек, распределенных по двум взводам. За почти полтора года моей службы в разведроте я не помню, чтобы у нас долгое время

был офицер на должности командира роты. Присылали на это место несколько человек, но они вскоре от нас уходили в другие части на повышение, и новых замен больше не было.

Взводами командовали лейтенанты или опытные разведчики в старшинском звании. Каждый взвод — это, по сути дела, отдельная разведгруппа, которая на время разведпоиска делилась на группу захвата и прикрытия. Подчинялись мы непосредственно командиру дивизии генерал-майору Коновалову и начальнику разведки дивизии Глебу Павловичу Облапу. Только два человека — Коновалов и Облай — имели право ставить разведроте задачи на поиск и так далее.

По структуре роты. Кто числился в составе подразделения, кроме разведчиков? Например, у нас не было своих радистов или оружейника. Имелся санинструктор, который в «поиск» не ходил, но во время «поиска» был обязан нас ожидать в передовой траншее и в случае, если кого-то ранило, должен был помогать вынести разведчика с нейтральной полосы и на месте оказать помощь. Своих саперов у нас не было. Саперы придавались для разминирования прохода к немцам из саперного батальона дивизии, и всегда нам выделяли самых лучших саперов, профессионалов своего дела. В роте было четыре человека, не участвовавших в разведоперациях: старшина роты Харитонов, повар, писарь и ездовой. Замполита в отдельной роте не было.

— Из кого формировался личный состав роты?

— Обычно набирали добровольцев из пополнения. Особенно искали бывших разведчиков из числа солдат, возвращающихся на фронт из госпиталей. В 1944 году был поток бывших белорусских партизан, которые сами охотно шли в разведку. Командиры разведгрупп в роте могли, по своему усмотрению, забрать к себе приглянувшегося по боевым качествам солдата из полковой разведки. Так, например, я забрал к себе из полка бывшего партизана Льва Краснова. Это речь идет исключительно о добровольцах.

Но был еще один источник пополнения, который официальная история войны не любит признавать. В разведроты набирали солдат из штрафных рот, еще не успевших «искупить вину кровью». Наш офицер из дивизионного разведотдела по фамилии Федоров много раз выезжал на место формировки штрафных рот, выбирал для беседы человек пять-семь. Большинство он «отсеивал» после личного разговора. Обычно в роту привозил двух-трех штрафников. Одна важная деталь: в тот момент, когда их зачисляли в списки личного состава роты, они автоматически не считались «искупившими вину». Только после первого удачного «поиска» они считались «прощенными

Советской властью». Из каждой такой «двойки-тройки» штрафников, как правило, один погибал в первом же «поиске», другой оставался в роте как подходящий и прошедший «вступительный экзамен». Одно дело вместе со всем батальоном в атаку идти, да еще с поддержкой артиллерии и танков, и другое дело — ночью бесшумно ползти через минное поле на нейтральной полосе, прямо в пасть смерти, ожидая каждую секунду, что немецкая пуля раскроит тебе череп… Тут необходимы мужество и смелость особого рода.

В составе нашей роты примерно половина бойцов была из молодых ребят комсомольцев-добровольцев, а остальные… Мой первый «наставник и учитель в разведке» был бывший «вор в законе» помкомвзвода Павел Слепухин. В конце 1943 года в роте было десятка полтора-два разведчиков из бывших уголовников-штрафников, и, кстати, все они были смелые, достойные и порядочные люди.

— Можно было определить сразу, подходит человек для разведки или нет? Устраивались какие-то «испытания при приеме на работу»? Поэт Давид Самойлов-Кауфман в своих воспоминаниях пишет, что у них в отдельном разведбате при штабе фронта новички проходили следующее «испытание». В пустой барабан «нагана» незаметно вставлялась пустая гильза. Новичку давали выпить кружку самогона и предлагали сыграть в «русскую рулетку»… Прошедшему этот тест смельчаку наливалась вторая кружка, и он считался принятым в разведку. Насколько это реально?

— Эти «игры» с револьвером мне не кажутся реальными. Особенно в сопровождении «двух кружек самогона». В разведке вообще пили крайне редко, там люди всегда должны были быть готовыми к выполнению задачи. Хотя, черт его знает, моторизованный разведбат при штабе фронта не занимался захватом «языков» или пешими рейдами в тыл, они в основном штаб охраняли, сопровождали начальников и разведывали дороги. Воевать такой части выпадало редко. Может, у них там и были свои «обычаи»… В разведротах отдельных морских стрелковых бригад действительно были свои «флотские традиции» при приеме новичков, но в пехоте? Определить по внешнему виду, подходит ли человек для разведгруппы, невозможно. Я видел немало людей из прибывших к нам в роту новых разведчиков: «и рожа зверская и беспощадная», и смотрит «орлом или соколом», и «орден яркий на груди», но как только этот человек перемахивал через бруствер и начинал ползти в сторону немцев, с ним происходили страшные и странные вещи. Вроде ползет, «работает» руками и ногами, а остается на месте!

Нет движения вперед, страх сковывает все тело! Шумные люди сразу вызывали недоверие…

Бывало, уже сходит человек в пару удачных «поисков», а потом сам просит, чтобы его отпустили из разведки. Чувствует, что не для него это дело. Таких отправляли в стрелковые подразделения. Но, еще раз повторюсь, проверка шла только в настоящем деле. Для начала могли взять новичка в передовую траншею и дать ему возможность поползать немного на нейтралке, так сказать, «пообвыкнуться». Главный критерий доверия для нас был следующий — мы должны были быть уверены, что новичок не бросит раненого товарища на «нейтралке» под немецким огнем.

— Каким было вооружение разведроты? Что из оружия брали в поиск? Какие средства маскировки использовались в разведвыходах?

— Вооружение наше было стандартным для войсковых разведподразделений. В поиск шли с автоматами, брались гранаты, запасные диски. У каждого был стандартный армейский нож, никаких кинжалов или оригинальных финок с наборными ручками мы с собой не таскали. Единственная вольность в вооружении группы — у каждого был пистолет. У меня, например, был «ТТ», подарок комдива, и еще немецкий пистолет «вальтер», а у других ребят в группе были сплошь трофейные пистолеты. Никто не таскал с собой саперных лопаток. Ракетницы и бинокли были только у старших в группе. Никаких снайперских винтовок или ручных пулеметов в разведротах не было — это уже выдумки киношников. Носили отечественные маскхалаты, за окрас которых нас немцы прозвали «пятнистая смерть», но постепенно все «прибарахлились» и ходили в трофейных немецких куртках. Были у них такие утепленные куртки, выпускаемые для десантников и разведчиков, с одной стороны маскировка — «лето — осень», выворачиваешь на вторую сторону — «белый окрас». Немецкие маскировочные костюмы тоже пользовались у нас популярностью. Орденов никто из нас на гимнастерках не носил. После вручения наград все орденские знаки сдавали на хранение старшине роты. Никаких документов, ни малейшего клочка бумаги, ни письма из дома или даже обрывка газеты мы не имели права иметь при себе во время «поиска». Никаких «смертных» медальонов.

Только ложка за голенищем сапога, вот и все «опознавательные знаки»…

— Как вас встретили в разведроте?

— Никаких «особых» встреч не было. Рота располагалась на болоте. Были построены шалаши, внутри сделан настил из досок.

Пришел в роту, завалился спать в один из шалашей. До этого двое суток провели фактически без сна, так я сразу задремал. Проснулся от того, что кто-то, с руганью, тянул меня за ногу, пытаясь скинуть с настила. Уж не знаю, чье место я занял, но моя реакция была простой. В юности боксом долго занимался, так без лишних слов и врезал в челюсть потревожившему меня товарищу. Он — в «отключку». Подходит ко мне сразу Паша Слепухин, посмотрел на мои габариты и говорит: «Молодец, солдат, будешь со мной работать». Ас «пострадавшим» товарищем мы на следующий день уже сдружились. Утром познакомился с солдатами взвода, а через неделю пошел в первый свой «поиск».

— Проводились ли какие-то тренировки с новичками? Скажем, занятия по рукопашному бою, стрельбе или по ориентировашио? Как определяли, куда направить новичка — в группу захвата или в прикрытие? Проводились ли тренировки «на макетах» перед выходом в «поиск»?

— Никаких занятий по рукопашному бою не проводилось. От силы могли показать новичку, как нож правильно держать и куда вернее бить ножом, когда часового придется зарезать…

Не было у нас инструкторов и тренеров. Может, в чекистском ОМСБОНе или у диверсантов и были подобные учения, но на уровне дивизионной разведроты — никогда.

Никаких учений «на макетах», стрельбищ, метаний ножей и прочих «игр с компасом». Мне кое-какие вещи «старики» подсказали, но в моем случае не было необходимости долго готовить. Все-таки учился в пехотном училище, имел фронтовой опыт, карту читал, оружие знал. Наблюдательности пришлось учиться, особенностям маскировки. А так все было по принципу: «Делай как я». За два первых месяца в роте новичок или погибал, или становился профессионалом-разведчиком. Дивизионная разведка, как правило, работала на расстоянии до пяти-восьми километров в ближайшем немецком тылу, поэтому премудрости ориентирования в ночном лесу для нас не были наиважнейшим предметом для изучения. Любой «контрольный» поиск тщательно готовился. Велось наблюдение за нейтралкой, за передовой немецкой траншеей, просчитывались варианты подходов к немецким позициям, изучалась каждая складочка рельефа местности перед нами. Перед «поиском» обговаривались все детали взаимодействия в группе, направления движения на отходе, подстраховка, условные сигналы. Немецкая траншея называлась у нас «дом родной», и со временем, с приходом боевого опыта, мы чувствовали себя в немецких окопах действительно почти как дома. Обычно ночью в немецких траншеях находились только часовые, дежурные пулеметчики,

боевое охранение, и какой-то участок траншеи был зачастую пустынным. Заранее договаривались, какая пара разведчиков идет в левую сторону траншеи и какая — в правое ответвление траншеи.

Разведпоиск мы называли «Выход на работу».

В «поиск» шло обычно до двадцати человек. Пять человек в группе захвата, остальные в группе прикрытия — в случае чего, поддержать огнем и вынести раненых.

Мне уже в первом «поиске» пришлось оказаться в группе захвата, опять же из-за своих внушительных «габаритов», как говорили на Украине, «полтора Ивана».

Знаете, если я сейчас начну подробно рассказывать эти детали, то на это уйдет несколько часов. Я не думаю, что эта информация так уж важна, тактика действия разведгрупп кардинально не изменилась, и об этом написаны горы литературы…

— Как кормили и одевали разведчиков?

— На это грех жаловаться. Питание разведчиков было отличным. Белый хлеб мы, как летчики, не ели, но и на одних сухарях тоже не перебивались. Когда перед «поиском» к нам присылали саперов, то мы их первым делом кормили. Они удивлялись, как мы «кучеряво» живем. Надо отдать должное нашему старшине Харитонову. Никаких сухих пайков или НЗ с собой в разведку не брали. С обмундированием тоже было все в порядке. В обмотках у нас никто не щеголял. Кирзовые сапоги были у всех. У старшины всегда стояли две канистры со спиртом, но в роте никто выпивкой особо не увлекался, специфика «работы» не позволяла.

— Каким был национальный состав роты?

— У нас в роте не было кавказцев или среднеазиатов. За исключением трех человек, все солдаты разведроты были славяне — русские, украинцы и белорусы.

Еврей, старшина Кац — это я. Ранней весной 1944 года в роте появился рыжий солдат, с двумя орденами на гимнастерке. Сразу бросился в глаза орден Боевого Красного Знамени, еще старого образца, с винтовым креплением. Подошел к нему познакомиться, спрашиваю, как его имя и откуда он к нам прибыл. В ответ слышу: «Захар Пилат, два года в разведке, сам из Одессы». Говорил он с жутким еврейским одесским акцентом, сильно картавил и внешне ничем не напоминал опытного лихого героя-разведчика. Орден Красного Знамени он получил за то, что первым из советских солдат ворвался в город Орел. Он стал мне как родной брат. По документам он шел как русский. Его смерть в конце войны является для меня тяжелой потерей и по сей день.

А третий товарищ — это был бывший партизан Лева Краснов, выдававший себя за цыгана. Ходил с шикарным черным чубом. Но я-то в подобных «цыганах» разбирался. Один раз напрямую спросил его: «Краснов, а ты ведь еврей. Почему скрываешь?» И Лев рассказал, что в начале войны служил кадровым танкистом, попал раненым в плен, но ему повезло: он успел сбежать из колонны пленных еще до того, как немцы начали селекцию пленных в поисках евреев. После долгих скитаний на оккупированной территории попал в партизанский отряд.

В отряде царил дикий антисемитизм, и чернявый Краснов выдал себя за цыгана, да так и остался им в документах. Воевал он в партизанах минером-подрывником. Настоящая его фамилия была что-то вроде Зильберштейн. Спросил его дальше: «Родные-то знают, что ты живой, а не „пропавший без вести“?» Краснов ответил, что его семья жива, но он не может написать им о себе. Мол, его отец глубоко религиозный человек и никогда не простит ему смену фамилии и национальности. На следующий день я, как прямой командир Краснова, сам написал его семье о том, что Лев живой, и о тех испытаниях, которые ему пришлось пережить. Вскоре пришел ответ от его родных из Горького. Люди благодарили за добрую весть и просили передать сыну, что ждут от него письма.

Генрих Кац (слева) с бойцами роты

Так вот, однажды я взял Пилата и Краснова «за шкирку» к

нашему ротному писарю и заставил их записать в документах свою настоящую национальность, обоих «вернул в евреи».

— Свой первый «поиск» помните?

— Конечно, первый разведвыход помнят все. Взяли в немецкой траншее здорового немца. Старшина Кадуцкий немца «взял», а мы с Потаповым его «приняли». Он «отказывался» идти к нам «в гости». Его Слепухин слегка ножом кольнул в спину, и немец понял, что выхода нет, и пополз в сторону нашего переднего края. Но пока мы его «уговаривали», немцы заметили исчезновение своего солдата, и началась суета. Я остался прикрывать. Рядом со мной залег Пашка Слепухин и сказал: «Теперь ты мне друг, если прикрыть остался». Вышли к своим тогда без потерь.

— Суеверия разведчиков — об этом столько написано. Как с этим обстояло дело в вашей роте?

— На цифру «13» мы внимания не обращали. Главным для нас суеверием было следующее: если по дороге к передовой из дивизионного тыла мы встретили женщину, то группа отказывалась идти на разведку. Заранее предупреждали, чтобы по пути нашего следования ни одна ППЖ или связистка не появилась. В батальоне, занимавшем передовую траншею, если и была санитарка — ее тоже убирали с глаз долой. Сейчас это звучит смешно, но тогда несколько раз группа отказалась выйти на нейтралку только по одной причине — встретили бабу по дороге. И как нас ни стращали трибуналом и прочим расстрелом, никто с места не сдвинулся. Несколько групп в свое время погибли полностью после подобных встреч. И это суеверие стало основным. Для нас соблюдение этого «правила» было непреложным условием «работы».

Еще много занимались толкованием снов. Увидел кто во сне «мясо» или «мельницу» — значит, скоро убьют. Один раз обнаружили нас немцы в своей траншее, обложили со всех сторон, прорваться к своим у нас не было шансов. Отстреливаемся, гранаты кидаем, приготовились помирать. Кричу своему напарнику Мишке Пилипенко: «Прощай, Мишка!» В ответ слышу: «Нет, Генка, сегодня нас не убьют! Я сон хороший видел, две кучки дерьма!» И действительно, вырвались… У каждого были еще свои личные «пунктики», связанные с суевериями и ритуалами разведчиков. В Бога или в коммунистическую партию мы не особо верили, вот и приходилось своеобразной «мистикой» заниматься. Но, по большому счету, у нас никто выжить не надеялся. Разговоры на тему, что я буду делать после войны, у нас не звучали. Потери у разведчиков всегда были страшные.

— В вашей роте много выжило «стариков» из январского состава сорок четвертого года?

— После войны на встрече ветеранов было таких «стариков» всего шесть человек.

Мы были очень и очень везучая рота. А вот из тех, кто начинал в разведке, скажем, в сорок втором году, к концу войны в строю оставался один из ста. Статистика точная.

— В советские времена было всего несколько художественных книг, рассказывавших о войсковых разведчиках. «Звезда» Казакевича, «Взять живым» Карпова да книга о Сергее Матыженке. Казакевич начинал войну рядовым, потом стал командиром разведроты и уже в 1944 году стал начальником разведки стрелковой дивизии. История Героя Советского Союза Карпова, командира взвода полковой разведки, известна многим. Но все эти книги были написаны в условиях жесткой цензуры, и все там «прилизано, причесано и отполировано». Беседуешь с ветеранами и такие вещи слышишь о разведчиках, об их нравах и законах, об их мужестве и невольно жалеешь, что настоящая правда войны бойцов разведподразделений так нигде и не опубликована. За последние годы появились «Записки разведчика» Леонида Вегера, воспоминания знаменитого разведчика Балтийского флота Николая Бавина, интервью с морпехом из разведки 83-й отдельной морской СБр Дмитрием Вонлярским и интервью с бывшим командиром разведвзвода 15-й отдельной морской стрелковой бригады Григорием Гинзбургом. Вся информация, рассказанная этими людьми, разительно отличается от советских «песен о разведчиках»… Как все обстояло на самом деле? Какие люди воевали в разведке? Почему политотдельцы и особисты ненавидели солдат разведрот?

— Да, вопросики у вас… Отвечать долго не хочется. Казакевич писал свою книгу, как я помню, в 1947 году, и то пытался рассказать правдиво. А товарищ Карпов писал про своего лейтенанта Ромашкина, будучи бывшим генштабовским полковником и членом Союза писателей, и полную правду говорить и писать уже не мог, статус не позволял. А что на самом деле творилось во взводе у Карпова, я знаю из первых уст. Мой одноклассник Аркадий Брускин служил полтора года в карповском взводе и после войны мне много чего рассказал. Карпов даже в свое время о Брускине большую статью написал в журнале «Советский Союз». Книгу товарища Карпова сейчас обсуждать не будем. Вы правы, из этих книг можно иметь представление, как проводился разведпоиск, но все остальное там «отлакировано по максимуму». Цензоры ничего лишнего не

пропустили бы. Я думаю, что еще живы десятки бывших опытных разведчиков, которым есть что рассказать… Эти люди вам бы многое поведали, как все было на самом деле в разведке. И как разведгруппы на убой десятками гоняли, и многое другое… Теперь конкретно по вопросу.

В стрелковой дивизии на фронте служит примерно 5–7 тысяч человек. Из них отобраны самые лучшие, смелые и умелые бойцы, человек 30–40, и служат эти бойцы в разведроте. Все эти люди личности, с сильным характером. Другие в разведке не воюют. Эта группа солдат — элита дивизии и, одновременно, «смертники». Они не месят грязь в окопах месяцами. Но первая пуля на войне и первый орден — для них. Сказать, что разведрота не признает законов и устава, было бы неверным. Приказ генерала Коновалова или Облапа был для нас свят. В обороне разведрота расположена в тылу дивизии и оттуда выходит на поиски и для наблюдения за немцами. Я не хочу ломать ваши стереотипы, но скажу вам, что полковая разведка весьма редко ходила за «языками», у них были совершенно другие функции. Захват «языков» был в первую очередь задачей дивизионной разведроты. В наступлении разведрота часто используется как стрелковый резерв командира дивизии, находится рядом с НП комдива. Любое форсирование или захват плацдарма — нас пустят под огонь первыми, потому что на нас надеются, знают, что мы задачу выполним любой ценой. И мы эти надежды оправдываем… Приказы нам отдает маленькая группа людей, старших начальников, обладающих на то полномочиями, остальных мы в «упор не видим». Разведчики держатся независимо, строем не ходят, перед начальством никто шею не тянет, «честь» не отдает и «шапки не ломает». Даже одеваемся мы так, как нам нравится, а не согласно уставу. Политотдел при виде разведроты трясло от ненависти мелкой дрожью. Не могли нам простить нашей независимости. Хоть и был у нас парторг в разведроте, мы в их «комиссарском понимании» были бандой зэков — головорезов, не проникнувшихся светлыми идеями «великого вождя товарища Сталина».

Но за этого «товарища Сталина» и за Родину первыми погибали мы, а не политруки. Ненависть наша была взаимной. Мы не любили болтунов, воюющих «лозунгами и пламенными речами», но больше всего нас бесило, что политотдельцы нередко сидели в блиндаже во второй траншее переднего края или в штабе батальона во время наших разведпоисков, чтобы нас «встретить и поздравить» по возвращении с задания, а потом иногда бывало, что такой политрук, «записная тыловая крыса со стажем», потихоньку через свой отдел «стряпал» на свое имя

наградной лист, мол, лично принял участие в организации и проведении успешного разведпоиска, и получал очередной орден… Один раз наша группа в составе четырех человек пленила пять немцев в ближнем германском тылу. Немцы попались «дерзкие», пытались на нас наброситься, оружие отобрать. Одним словом, вышли мы к своим только с одним пленным. Что-то он про нас на допросе «вякнул». Приходит ко мне майор-политрук и начинает «читать мораль» и стращать всякими карами за расстрел пленных. Будто я их в нашем тылу порешил, а не в немецком… Слушал я его бредни, слушал… У нас, в разведке, за словом в карман не лезли. Говорю ему: «Товарищ майор, я сейчас пойду к генералу и попрошу, чтобы вас завтра назначили командиром „поиска“». Этого майора как ветром сдуло.

Иногда проходим мимо штабной братии, и слышу вслед, как кто-то «шипит»: «Кац пошел со своими бандитами». Мне тогда даже нравилась и льстила подобная формулировка. Но сразу после войны политотдел на нас отыгрался. И, образно говоря, просто «разгромил нашу роту». Подробности этого события я вам не расскажу и сейчас.

Особисты были нашими соседями по дивизионному тылу и нас «уважали», по пустякам в «душу не лезли». С нами они предпочитали не связываться, зная, что разведрота никому ничего не прощает. Угрожать нам штрафной ротой или расстрелом было бессмысленно, для нас смерть была ежедневной спутницей, а других «рычагов воздействия» на нас у них не было. Терпеть мы могли недолго и прощать не умели. Особисты тоже люди и жить хотят.

А то выйдет такой товарищ утром из землянки и сразу на мину наступит… Или его непонятно кто в плен утащит… Вариантов множество… Помню, пришел как-то к нам в роту с чем-то разбираться представитель СМЕРШа, старший лейтенант, судя по внешности, среднеазиат. Мы его «разыграли»… Несколько человек из роты, обладатели «зверских рож», стали крутиться вокруг этого лейтенанта, поигрывая ножами и хмуро поглядывая на особиста. Я шепчу особисту: «Товарищ старший лейтенант, уходите быстрее, а то эти „урки“ вас зарезать хотят, вы им не понравились». Лейтенанта чуть «кондратий не схватил»… Мы катались со смеху.

В разведроте свои законы. Разведрота — это братство преданных другу другу людей.

Строевые командиры из полков тоже старались не идти на конфликты с нами. Как-то на Наревском плацдарме был случай. Разведрота была в резерве комдива. Соседи начали отходить, смотрим — бежит большая группа в плащ-палатках, видны и

женские фигуры. Все понятно, штабные с ППЖ драпают. Коновалов приказал мне: «Останови этих сволочей!» Побежали им наперерез. Помню, как Пилат кричал на своем картавом «одесско-русском» языке: «Ложись, вашу мать! Назад! Приказ комдива! Всех порешим!» Пришлось дать пару очередей поверху над этой толпой да парочку прямо перед их ногами. Бегущие остановились, залегли в цепь, плюхнулись мордами в грязь и даже пошли вместе с нами в атаку, отбивать брошенные позиции. Прошла пара месяцев. Как раз в тот день моей группе вручили награды. Идем к себе в роту. Вдруг какой-то майор из соседней дивизии: «Старшина, почему честь не отдаете старшему по званию?!» — «Да пошел ты…» Он «вскипел», начал орать, подозвал своих двоих автоматчиков и приказал, показывая на меня рукой: «Арестовать!» Говорю своим: «Ребята, тихо! Пока не вмешивайтесь…» Заводят меня «конвоиры» в дом. Пригляделся я к этому майору и узнал его — из «драпавших» на Нареве. В это время моя группа окружила дом. В окно заглядывает мой разведчик Краснов, направляет автомат на майора и спокойно говорит: «Не устраивайте бунт, а то вас всех здесь положим!» Майор понял, что его сейчас на полном серьезе будут убивать, сразу «позеленел». Я спокойно вышел из дома, и мы пришли к себе в роту. Уже через час я стоял навытяжку перед командиром дивизии, который, не подбирая выражений и матерясь, кричал на меня: «Безобразие! Махновец! Ты зачем офицера оскорбил!..» — и дальше в том же духе. Несколько минут я выслушивал грозные тирады, потом не выдержал и сказал: «Василий Андреевич! Этот майор лучше передо мной бы не показывал, что он „белая кость“, я его уже видел бегущим от немцев на Нареве и знаю, чего он стоит…» Коновалов переспросил: «Майор из тех, что драпали?» — «Так точно!» Коновалов смутился и сказал: «Иди, старшина, в роту. Сам понимаешь, сволочей у нас хватает… Я еще добьюсь, чтобы этого майора разжаловали». Иногда и такой финал был у подобных историй.

Мы не были «личной гвардией» комдива или его «любимчиками», но ощущение собственной незаменимости давало нам право на определенные вольности. Допустим, «прислонят завтра к стенке» товарищи «из органов» за какой-нибудь «фортель» разведчиков Каца и Слепухина.

Но кто «языка» тогда в дивизии возьмет? Политотдел?.. Человек, умеющий взять «языка», грамотно организовать «поиск» и своих разведчиков сберечь, ценился на вес золота. Даже был особый приказ для медслужбы дивизии: разведчиков в случае ранения оставлять на лечение в медсанбате и стараться не отправлять в тыловые госпитали. Конечно, в зависимости от

тяжести ранения. Например, уже воюя в дивизионной разведке, я был ранен в левую руку, а позже контужен — все лечение я получил в медсанбате дивизии.

Есть еще один аспект, характеризующий братство разведчиков и являющийся предметом нашей гордости. Никогда мы не оставляли своих убитых и раненых у немцев. Любой ценой, любыми усилиями своих павших мы уносили к себе и сами хоронили. Не давали немцам надругаться над телами товарищей. Несколько раз были ситуации, что группа обнаружена при отходе и наполовину выбита. Или ты своего тяжелораненого товарища вытащишь, или «языка», который позарез нужен командованию. Для нас дилеммы не было. Немца убивали и тащили своего раненого товарища к нашим. С нами ничего не могли поделать. Ругали нас: «Почему „языка“ кончили?!» Но все начальство понимало, что это наш закон и никакие небесные кары не заставят нас его преступить… Немцы тоже знали, что мы всегда придем за телами убитых товарищей. Ползешь по нейтралке. Осветительная ракета в небе. Видишь, как на колючей проволоке висят тела твоих убитых друзей, знаешь, что там немцы засаду устроили или трупы заминировали, — все равно ползешь вперед. Всех своих убитых мы похоронили сами. Если бы такого не было, то добровольцев, желающих воевать в разведке, было бы намного меньше.

А полной правды, что такое разведка на войне, вам никто из ветеранов не расскажет. Не захотят менять стереотипы «советской истории». Да и вам я сейчас рассказываю, может быть, десятую часть из того, что мог бы поведать… А для иллюстрации того факта, что разведка никому обид и оскорблений не прощала, приведу вам один пример, не из самых приятных…

До того как Глеб Облай стал начальником разведки нашей 283-й СД, командовал разведотделом дивизии один майор, по фамилии Колпаков. В начале июня 1944 года был у нас очень тяжелый, неудачный период, разведрота две недели ходила в «поиски», но взять «языка» не удавалось. Каждый день кто-то погибал. Пьяный майор, наш начальник разведки дивизии, выстроил остатки разведроты и, угрожая пистолетом, гуляя вдоль строя, начал кричать нам в лицо: «Трусы! Подонки!», материл и оскорблял нас по-всякому… Очередная группа снова в вечерних сумерках ушла в «поиск», потеряла еще четверых разведчиков, но немца пленила. Свою передовую разведчики пересекли незаметно на соседнем участке, скрытно в темноте прошли пять километров до расположения штаба дивизии и завалились ночью в блиндаж начальника разведотдела: «Хотел „языка“? Держи, он твой!» — и застрелили немца. Следующей пулей убили этого майора. Из-за

глухих пистолетных выстрелов в ночи в расположении штаба все же поднялась небольшая суматоха, но остатки разведгруппы, не будучи обнаруженными, снова ушли на нейтралку и только на рассвете «вернулись с задания», без «языка», но вынесли с собой все четыре трупа погибших в ночном «поиске» разведчиков. Все было проделано чисто, быстро и грамотно, как это умеют делать только опытные разведчики… Никто не выдал. СМЕРШ «рыл землю», но ничего понять не мог.

— Давайте на время перейдем к вопросам по боевым действиям разведчиков. Например, насколько отличалась тактика немецких разведгрупп от тактики советских разведчиков?

— Кроме обычной тактики ночных разведпоисков немцы очень часто использовали дневной захват «языков» в стиле — «на хапок». По нашему переднему краю начинался артобстрел, да такой, что и головы не поднять. Вплотную за огневым валом двигалась группа немецких разведчиков, которая врывалась в переднюю нашу траншею, хватала какого-нибудь контуженного солдата или офицера и быстро отходила. Это у них получалось довольно ловко. Наши попытки подражать немцам и попытаться таким методом взять пленного несколько раз заканчивались неудачей. Еще одна важная деталь. Немцы ходили в разведку большими группами, иногда до роты разведчиков, включая группу прикрытия.

В декабре 1944-го у нас был редкий случай. Мы пошли в ночной разведпоиск и нарвались на нейтральной полосе на немецкую разведроту, идущую к нам в тыл. Началась рукопашная, очень кровавая и тяжелая. Когда разошлись по своим сторонам, мой маскхалат можно было выжимать, настолько он был залит чужой кровью…

— Вы лично взяли в разведпоисках 20 «языков». Еще десятки немцев вы пленили в боях. Какое у вас сложилось личное мнение о солдатах и офицерах вермахта? Я не имею в виду их боевые качества. Как они вели себя в плену?

— Ответ простой — немцы в плену, как правило, вели себя как последние гниды и трусы. Так и запишите. И на коленях ползали, и рыдали. Выкладывали всю информацию на первом же допросе, тряслись за свою жизнь. За всю войну пришлось всего несколько раз столкнуться с немцами, которые достойно вели себя в плену, оставаясь верными долгу и своей немецкой присяге. Таких «достойных» немцев мы называли «нахалами». Приведу пару примеров.

Мы днем вели наблюдение за немецкой передовой линией, готовили поиск. В воздухе над нами шел воздушный бой. Сбитый

немец выпрыгнул с парашютом и приземлился посередине нейтральной полосы. И мы, и немцы — все кинулись к летчику. Нам повезло больше, успели первыми. Схватили немца и с боем отошли к своим. Доставили его в штаб. Немец летчик держался так дерзко, будто мы у него в плену находимся, а не наоборот, а на его мундир посмотришь, и сразу ясно, что перед тобой воздушный ас, весь крестами обвешан. По-русски говорил чисто. Начали его допрашивать, а он отвечает: «Я вас, русских жуликов, знаю. Пока мне не вернете бумажник с фотографиями и мое кольцо — говорить ничего не буду. Можете расстреливать, но это мое условие…» Мы его в нашей передовой траншее на пару минут под присмотр пехоты оставили, ну и пехота успела «облегчить» летчика… Принесли его бумажник и пригоршню колец, собранных у пехоты. Немец заявляет: «Здесь нет моего кольца. Пока его не получу, разговора с вами не будет. Я летать у вас в Воронеже учился, за мной ваши девки хороводом ходили… Ваша натура мне известна». Нашли его кольцо с большим трудом, «пересчитав зубы» пехоте в передовой траншее… Летчик довольно ухмылялся…

Еще один немец, вызвавший наше восхищение, был морской офицер, но не из плавсостава, а «технарь», помню, он прихрамывал на одну ногу. Он был у нас в плену, но перед началом Одерской операции сбежал. Все силы кинули на его поимку, видно, он много знал лишнего. Наша разведрота нашла моряка. Привели его в штаб дивизии. Через некоторое время получаем приказ: «Немца в „размен“», приговорен к расстрелу. Повели немца в «расход», в его последний путь… Он обратился к нам со словами: «Я морской офицер, дайте мне пистолет с одним патроном, я сам застрелюсь. Не хочу смерть принимать из ваших поганых рук». Просьбу немца не уважили… Я не слышал историй, чтобы кто-то из немцев себя последней гранатой подорвал, дабы в плен не попасть.

— К власовцам какое было отношение?

— С ними приходилось нередко сталкиваться. На Нареве наша полковая разведка попала к ним в плен. Власовцы жестоко пытали наших товарищей, вырезали им звезды на теле, а потом всех убили, изувечив и обезобразив тела разведчиков.

После этого случая такое понятие, как «живой власовец», перестало для нас существовать даже в теории. Власовцев кончали на месте… Определяли их легко. Кроме «наших курносых физиономий», их выдавала одна деталь в одежде. Перед тем как идти в атаку, они спарывали эмблему РОА с рукава. Это место выделялось на фоне выцветшей ткани мундира.

Наши бойцы сразу «проверяли рукава» у пленных, похожих на

власовцев.

Их судьба была предопределена. Изменников не прощали…

Власовцы часто пытались нас «распропагандировать». Один раз, уже в Польше, с противоположного берега реки через громкоговоритель начали вещать: «Русские солдаты, жиды толкают вас на смерть, а сами сидят в Кремле! Среди вас есть жиды?» Расстояние между берегами было метров восемьдесят, наш берег был высоким. Я психанул, встал в полный рост и кричу на власовскую сторону: «Есть! Я еврей!» На той стороне сразу заткнулись.

На следующий день за мной явился незнакомый майор и приказал следовать за ним в штаб корпуса. Привел меня к полковнику, начальнику разведки корпуса, одесскому еврею. Полковник достал бутылку коньяка, налил мне полный стакан и сказал: «Пей, старшина!»

Я выпил и спросил его: «За этим только вызывали, товарищ полковник?» Полковник улыбнулся: «Хотел сказать тебе спасибо, хорошо ты гадам ответил!»

— Приходилось ли получать невыполнимые задания, заранее обреченные на неудачу?

— Такое тоже бывало. Приведу пример. На Нареве немецкий берег был буквально нашпигован минами, стояли четыре ряда колючей проволоки, спираль Бруно. Через каждые двадцать-тридцать метров — пулеметная точка. Переплыть реку незаметно было нереально, а добраться живыми до немецкой траншеи вообще не представлялось возможным. Мы долго наблюдали за передним немецким краем, но вскоре поняли окончательно — у нас шансов нет, только своих убитых назад принесем. А приказ взять «языка» получен, деваться некуда. Коновалов вызвал нас с Пилатом и сказал напрямую: «Я знаю, что шансов нет. Но у вас еврейские мозги. Придумайте что-нибудь». Наследующий день Пилата озарила идея. Его даже отвезли в штаб корпуса, хотели детально обсудить затею. Была у немцев маленькая протока, там они набирали воду. А водичка была ледяной, на дворе стояла поздняя осень.

Пилат предложил обмазаться солидолом или вазелином, ночью переплыть реку, затаиться в воде возле протоки и, когда немцы придут за водой, попытаться без шума взять их в плен. Других вариантов не было. Решили потренироваться. Возле нас было какое-то озеро, пришли к нему. Пилат говорит мне: «Ты командир группы, давай лезь в воду». — «Захар, ты это придумал, так на себе первым и испытывай». Обмазался Пилат вазелином, зашел в воду… и сразу выскочил оттуда как ошпаренный! Холодно! Согрелся Пилат и заявляет: «Идея неудачная, придется

придумать что-нибудь другое». А время нас поджимает. Решили идти в лоб, будь что будет! Только за несколько часов до запланированного разведвыхода нашу дивизию перебросили на другой плацдарм. В разведроте было настроение, будто мы заново на свет родились… Было еще несколько подобных заданий, каждое из которых было для нас смертным приговором на 100 %, но как-то везло, и часть группы живой возвращалась, и даже «языка» умудрялись захватить.

— Как вы лично побеждали страх смерти?

— Все страхи исчезали в то мгновение, когда переваливаешься через бруствер и ползешь в немецкую сторону. Здесь все, тело и разум, работает «на автомате», разведчик превращается в слух и внимание, места для других эмоций и переживаний не остается. До поиска разные мысли были: и страх, и даже иногда жалость к себе. Но никто не питал иллюзий по поводу выживет или нет. Люди шли на задание, зная, что только они способны его выполнить.

А цена жизни на войне — медный грош. К мысли о скорой смерти быстро привыкаешь, а воевать эта мысль мешает только слабым духом. Часто страшно становилось уже после выполнения задания. Прокрутишь все случившееся, как кинопленку, назад, и просто голова кругом идет — как выжить удалось?! Или пример другого рода. В Польше послали нас определить линию фронта и по возможности найти место переправы и взять «языка». Комбинированное задание, трехсложное. Вышли к большому мосту. Семь человек охраны. Обезвредили их без шума. Одного разведчика послал к своим, доложить о захвате моста, а сами заняли оборону. Вскоре к нам пробились танкисты с десантом на броне, подошли саперы. Начали разминировать мост. Когда мы увидели, сколько взрывчатки было заложено под опоры моста, то просто онемели, ноги стали «ватными»! Если бы немцы успели мост подорвать, от нас бы пыли не осталось.

— Когда окончилась война, вам тяжело было поверить в сам факт, что вы уцелели в этой бойне?

— Никто из нас не думал, что все закончилось. В нашей разведроте многие были убеждены, что скоро двинем дальше на запад, на американцев… После войны было очень сложно адаптироваться к мирной жизни. Многие так и продолжали жить войной.

— Отношение к плену у разведчиков. Каким оно было?

— Иногда и дивизионные разведчики попадали в немецкий плен, но это случалось крайне редко. У нас в роте все были готовы на самоподрыв, чтобы в плен не угодить. Каждый держал при себе гранату именно на этот случай. Помню, в Польше стали

давать своеобразные задания. В гражданской одежде, изображая местного поляка, пройти в немецкий тыл и найти определенный партизанский отряд, наладить с ним связь или передать шифровку. Оружие брать запрещалось. Все равно, в самый последний момент мы тайком запихивали за пазуху парочку гранат и «парабеллум». Чтобы, «если что», в плен живыми не попасть.

— Специальные задания поручались дивизионным разведчикам?

— Да… Про обычные «рядовые» «поиски» вам, значит, не интересно?

Ладно, «поехали» о спецзаданиях… Примеры хотите? Пройти в составе группы, в немецкий тыл, найти партизан, забрать секретные документы и вернуться к своим в течение ночи. Видимо, партизаны не могли в тех случаях пользоваться рациями.

Были задания другого рода — встретить диверсионную группу, выходящую из немецкого тыла, или группу из разведки армии и обеспечить беспрепятственное возвращение к своим через немецкие позиции.

Под Белостоком нас отправили в разведку в глубину немецкого тыла, определить возможности скрытого прохода войск. Вышли на северную окраину Белостока. Смотрим, немцы колонну наших пленных к себе в тыл угоняют, но ввязаться в бой мы не имели права… Вернулись, в штабе дивизии рассказали, где и как можно пройти. Коновалов меня заставил несколько раз подряд показать маршрут на карте. Все решили слова Глеба Облапа: «Я ему верю». Дали мне задание провести ночью полк в немецкий тыл. Одно дело, когда ты с группой из четырех человек тихо прошел… А тут за моей спиной идет несколько сотен наших солдат. Командир полка все время спрашивал: «Старшина, ты не заплутал? Мы правильно идем?» А я и сам в этой темноте нервничаю. Но вышли мы точно на запланированное место.

Еще о нескольких «особых» заданиях можно было бы упомянуть, но я думаю, что говорить о них подробно и детально и сейчас не стоит, хоть и шестьдесят лет прошло… Крови на таких заданиях было пролито слишком много…

— Как часто дивизионную разведроту использовали как простое пехотное подразделение?

— Бывало… И один раз в результате подобного использования рота дорого заплатила жизнями многих разведчиков за выполнение задачи. В апреле 1945-го дивизия вышла к заливу Фриш-Хафф под Кенигсбергом. Перед нами была железнодорожная насыпь, превращенная в баррикаду. Стояли вагоны с бетонным дном. Оборону на насыпи держали немецкие

моряки — курсанты. Дивизия к тому времени была полностью обескровлена. Всех поваров, ездовых и писарей послали в атаку, но она захлебнулась в крови. Стрелковые подразделения нашей дивизии фактически перестали существовать, в строю оставались считаные единицы солдат и офицеров. Проводили массированные артобстрелы по этой насыпи, нещадно ее бомбили, но немцы держались насмерть в развалинах вагонов. Ночью Коновалов лично пришел в расположение разведроты и сказал: «Ребята, у меня нет выбора. Утром ваша очередь идти в атаку». Мы между собой посовещались и ответили: «Утра ждать не будем, пойдем сейчас…» Незаметно подобрались к насыпи, на определенном участке вырезали по-тихому немцев, закрепились. И тут немцы нас обнаружили и начали давить со всех сторон. Прямо за насыпью было болото, и вот из этого болота, в кромешной мгле, немцы нас контратаковали. У них было там до черта фаустпатронов. По разбросу пламени из ствола автомата можно сразу определить, что стреляют из ППШ. Так немцы на каждый такой «огонек» моментально били двумя-тремя Фаустами одновременно. Заметил два ящика немецких гранат, кричу Мельникову: «Петька, тащи гранаты». Вот этими гранатами насилу отбились. Рядом со мной лежит лейтенант Елисеев, взводный, и говорит: «Видишь, сигнальная будка? Давай в ней забаррикадируемся». Кричу ему: «Нет, там сразу накроют». Лейтенант не послушал, залез в будку, только успел дать одну очередь из автомата, и сразу в будку влетели два фаустпатрона… Мы продержались до утра…

В книге командарма Горбатова этот эпизод представлен следующим образом: «Лихой ночной атакой части дивизии овладели насыпью, открыв дорогу к заливу». А написать надо было так: «Благодаря героизму и самопожертвованию разведчиков 368-й отдельной разведроты 283-й СД и так далее…» Вышло нас из этого боя всего половина…

— Какой поиск считался неудачным?

— Любой безрезультатный «поиск» или «поиск», в котором мы были обнаружены и отходили с боем, вне зависимости взят «язык» или нет.

Знаменитые в разведке «три О» — «обнаружен, обстрелян, отошел» — для нас означали, что плохо отработали.

— Кто назначался старшим разведгруппы?

— Разведчик, обладавший наибольшим опытом. Когда он погибал, его место занимал следующий опытный «старик» из роты. В моей группе сначала погиб старшина Кадуцкий. Потом погиб Потапов. Уже подползли прямо к немецкой траншее. Немецкий часовой услышал шорох, дал очередь из автомата, «на

звук» пули попали в грудь Потапову, его смерть была мгновенной. Немца я успел сразу застрелить, но нам пришлось отходить, унося тело убитого товарища. Слепухин погиб на Нареве. Поползли в «поиск». Был обстрел из немецких минометов. Пашка приподнялся на какое-то мгновение, и осколок мины попал ему в шею.

Мы не сразу поняли, что он убит. Потом наступила моя очередь быть старшим группы. Меня убить немцы не успели… А если бы меня убили, то дальше бы меняли друг друга Пилат, Тисменецкий, Краснов, Сева Боков, Мельников, Володя Илюшников…

— Я нашел вас благодаря вашему письму в ветеранский журнал, написанному 11 лет тому назад. В нем вы писали не о себе, а о вашем погибшем друге Захаре Пилате, хотели, чтобы кто-то узнал имя погибшего героя. Я знаю, что его гибель для вас тяжелейшая утрата. Если можно, расскажите, как он погиб…

— Захар Пилат воевал в разведке три года. В конце 1944-го Захар получил письмо из освобожденной Одессы. Оказывается, что его мать и сестра выжили во время немецкой оккупации и не погибли в гетто. Все это время их прятали соседи. Захар попросил у командования недельный отпуск на родину. Такой вид поощрения для разведчиков существовал. Но начальство в просьбе отказало. Внутри Захара словно сломалась какая-то пружина… Понимаете, провоевать три года в разведке — тут никакая психика не выдержит. Ползем в «поиск», вдруг за десять метров до немецких окопов Захар встает в полный рост и идет молча на опешивших немцев. Такое повторилось несколько раз. Он не искал смерти, но его нервы сдали. Мы решили его спасти. К начальству пришла делегация разведчиков.

Захар Пилат

Мы попросили сберечь Пилата и не направлять его больше в «поиск». Уже шел апрель 1945 года. Облай поговорил с Пилатом лично, и Захар согласился перейти в разведотдел дивизии. После Кенигсберга нас погрузили в эшелоны и перебросили на берлинское направление. Колонна штаба дивизии добиралась под Берлин на автомашинах. Когда они прибыли, мы стали спрашивать: «Где Пилат?» Все только глаза отводят в сторону и молчат. Выяснилось следующее. Ехали они через Польшу. Где-то под Познанью, в какой-то деревне, попали на польскую свадьбу. Захар никогда не пил спиртного и остался возле машины. С ними был капитан — шифровальщик, ходивший все время вместе с портфелем с секретными документами. Выходит этот пьяный капитан из дома, где шла свадьба, без «секретного» портфеля. Захар стоял возле машины. Капитан с матом набросился на него: «Где мой портфель?» Захар ответил: «У меня своего барахла хватает, а вы за своим сами присматривайте». Пьяный капитан вытащил пистолет и засадил три пули в живот Захару.

Насмерть… Пошли мы этого «секретчика» убивать. Начальство к этому приготовилось. Возле дома с арестованным капитаном разместили в боевой готовности взвод автоматчиков, ждут разведроту. Но даже Облап не стал нас уговаривать остановиться. Он тоже чтил законы разведчиков. Пришли к этому дому. Навстречу мне вышел прокурор дивизии Гуревич. «Гена, — сказал он, — не делайте этого». Говорю прокурору: «У этой гниды отец — генерал, он-то своего сыночка вытащит из этого дела». Прокурор ответил: «Я даю тебе офицерское слово, что эту тварь мы засадим за решетку на всю его жизнь». Короче, много там лишнего народа собралось, и не дали нам отомстить за Захара. Но убийца получил максимальный срок заключения по законам того времени… В 1951 году, после окончания института, я оказался в Москве, на практике. На какой-то подмосковной станции мимо меня прошмыгнул в электричку знакомый силуэт. Двери вагона закрылись. Из окна отдаляющегося вагона на меня смотрел тот капитан, убийца… Выяснил я потом, что устроил папа-генерал амнистию родному сыночку…

— Почему вы не стали выяснять судьбу вашего наградного листа на орден Славы 1-й степени?

— Вам и об этом рассказали… Буду краток. На первой встрече ветеранов дивизии в Гомеле я ехал с Коноваловым и Облапом в одной машине. Генерал Коновалов сидел впереди. Вдруг он обернулся и спросил Облапа: «Глеб, что делать будем? Мы ведь с тобой на старшину наградной на Славу 1-й степени вместе посылали, а он ее не получил». Я вставил фразу: «Фамилия моя не подошла…» Совет ветеранов дивизии все же написал письмо в архив МО и в Верховный Совет. Ответ был простой: «Г. З. Кац в списке полных кавалеров ордена Славы не значится». А искать следы наградного листа я не собирался, не испытывал желания унижаться в инстанциях. Тем более в то время подобное сочетание «Полный кавалер ордена Славы Кац» у решающих эти вопросы и у власть предержащих вызвало бы только приступ ненависти. У нас в роте был только один полный кавалер — Петр Тисменецкий. Еще несколько человек имели помимо прочих наград по два ордена Славы. Среди них Пилат. Чуть не забыл, был у нас во втором взводе еще один парень, фамилию этого разведчика сейчас не могу сразу вспомнить, он был убит в начале 1945 года, и приказ о награждении его третьим орденом Славы пришел уже после его гибели.

Вообще, наградную тему лучше не обсуждать. Скажу одно, что за самые удачные, по моему личному мнению, поиски и рейды разведчики группы никаких наград не получили.

Объективности в этом вопросе не было…

— Как часто удавалось разведчикам взять в «поиске» в плен немецкого офицера?

— Мне лично довелось только три раза взять в «поисках» «языка»-офицера. В передней линии, там, где «работали» полковые и дивизионные разведчики, у немцев в основном рядовой состав находился. Как и у нас, впрочем. Но были разведгруппы армейского и фронтового подчинения, которые «работали» только по офицерам. Им ставилась конкретная задача, какого «языка»-офицера надо взять. Определялись звание, род войск, принадлежность к конкретной армейской службе. «Поиск» был целенаправленный. Только из этих групп до Победы дожили редкие счастливчики. Один раз, уже в конце войны, мы взяли в плен бывшего парикмахера из штаба немецкой армии. Его за день до пленения послали на передовую с маршевым пополнением. Этот парикмахер дал столько ценной информации, что на троих генералов бы хватило. Была еще пара человек, обладавших таким объемом информации, что даже не верилось, что в плен взят простой унтер-офицер, который столько знает.

На фронтах были участки, где по три месяца подряд не удавалось взять контрольного пленного в полосе целой армии. Десятки (!) разведгрупп полегли смертью храбрых на нейтралке, но даже солдатскую книжку не удавалось достать с убитого немца. Сотни разведчиков погибли, а результата не было. Здесь уже не офицера «заказывали», а хоть кого-нибудь. И такое бывало…

— Почему бывшие диверсанты и дивизионные разведчики крайне редко соглашаются на интервью? В чем причина? Вроде уже все подписки о неразглашении устарели за сроком давности, и другие уцелевшие на войне бывшие бойцы-разведчики уже о многом рассказали…

— Этих людей вам уже не изменить. Для тех, кто служил в диверсантах, в их личном восприятии срока давности не существует. Слишком война там была особая. Да и простой армейский разведчик тоже не будет светиться от счастья, рассказывая, как он врагу глотку финкой пластал. Война — штука грязная и вонючая, ничего светлого и романтичного на войне нет.

Войцехович Владимир Викторович

Интервью — Николай Чобану

<…>

— За время службы в штрафной роте что еще запомнилось?

— Пару раз ходили в разведку боем, а это значит, что назад возвращалась только половина людей… А ведь по численности штрафная рота была вдвое больше обычной, во взводах было по 60–80 человек… Тогда погибло несколько наших офицеров, а командир роты Баланда был ранен, ведь командиры ходили в атаку вместе с солдатами. Но вообще эти почти три месяца я вспоминаю хорошо: боев было мало, кормили нас просто

отлично, обмундирование заменили на новое. Вообще многие солдаты, уже искупившие свою вину, не хотели из роты уходить, у меня, например, командирами отделений остались именно такие солдаты.

— Ваше отношение к «разведке боем».

— Не думаю, что это правильный метод. Потери тех, кто ее проводил, почему-то не учитывались, а если их посчитать, то уже вроде как и теряется ее смысл. Мое мнение, что нужно было более тщательно изучать передний край немцев, лучше выявлять их огневые точки, а не бросать людей на убой…

— Расскажите, пожалуйста, как вы ходили в разведку за «языком».

— В разведку мне довелось сходить два раза. В первый раз это было на Миус-фронте, во время подготовки ко второму наступлению. Очень нужно было взять свежего «языка».

Группа разведчиков перед выходом в поиск

Меня вызвал к себе командир роты Баланда и поручил организовать и провести разведку с целью захвата «языка»: «Подбери ребят, нужно взять „языка“. Если удача будет, со всех судимость снимем, и мой тебе совет, возьми лучше моряков». А у нас было человек десять моряков Азовской флотилии, осужденных за то, что в увольнении, пьяные, они подрались и убили трех человек из комендатуры, патруль, кажется… Я знал, как грамотно подготовить и организовать «поиск», поэтому

особого страха тогда у меня не было. Попросил на подготовку три дня, но Баланда мне дал всего два.

Строго соблюдая маскировку, используя трофейную стереотрубу, мы наметили маршруты подхода и отхода, четко распределили обязанности. Отобрали для поиска тринадцать человек: десять моряков, я, мой ординарец Бурлаков и урка по кличке «Лиса». Этот Лиса был очень пронырливый и по-своему талантливый. Он, насколько я понял, был фальшивомонетчик, а уж сделать карты ему тем более ничего не стоило. С картами в штрафной роте был один забавный эпизод. Штрафники часто играли в карты, и Баланда решил с этим бороться. Отобрал

у них колоду карт, но Лиса сделал еще одну. Тогда Баланда с двумя своими заместителями зашли в землянку к этим штрафникам и потребовали отдать карты. Те не отдают, тогда они устроили обыск. Обыскали всех и все, один раз, второй, ничего не нашли. Ни с чем ушли. Потом внезапно устроили еще один обыск, но опять ничего не нашли. Тогда Баланда сдался и сказал им так: «Хорошо, разрешу вам играть, но скажите, куда вы спрятали карты». И оказалось, что когда при обысках он заходил в землянку, они эту колоду незаметно клали в карман самому Баланде, а когда он выходил, они колоду брали обратно…

Еще мне запомнилось, что один из моих ездовых Зарубин, узнав, сколько человек идут в поиск, заметил, что добром это дело не кончится… Время для выхода выбрали, когда немцы ужинали, надеялись, что они отвлекутся на еду и будут не такие внимательные.

Нам повезло, первой немецкой траншеи мы достигли незамеченными и пошли дальше, т. к. знали, что пропажа солдата из первой линии обороны обнаруживается очень быстро. Первые достигшие немецкой траншеи Широков и Самодуров обеспечивали прикрытие с флангов, а потом, когда вся группа проходила дальше, смотрели, чтобы в окопе не осталось много осыпавшейся земли с бруствера. Потом мы долго блуждали в ночи, но никого не находили: ни землянки, ни избы, ни одной повозки, даже сделали палку с крючком, чтобы волочь ее по земле в надежде зацепить какой-нибудь провод и перерезать его. И тут метрах в трехстах от нас мелькнул огонек, на который мы и поползли, как потом оказалось, это открывали дверь в блиндаж КП роты.

Со мной в этот блиндаж пошли Бурлаков и Широков, который знал немецкий язык, т. к. он вырос в немецком поселении в Тарутино, это такая деревня в Молдавии. И ведь у меня мелькнула тогда мысль, что нужно поставить в немецкой траншее человека, т. к. она была очень глубокая, в полный рост, и

оставшиеся нас прикрывать разведчики просто не видели, кто ходит по этой траншее. Но мы были уже у самой двери в блиндаж, нужно было действовать быстрее, и я этого не сделал.

Часового у двери не было, и мы ворвались внутрь, там оказались два солдата, один спал, а у второго к уху была привязана трубка телефона. Широков крикнул «хенде хох», мы их, конечно, подняли, они сильно дрожали, оружие их бросили в угол. Мне еще запомнилось, что в блиндаже было светло, горела газовая лампа и, кажется, лампочка от аккумулятора.

Широков их начал быстро о чем-то спрашивать, а я, вместо того чтобы просто положить телефонную трубку на место, вдруг почему-то начал резать финкой провод к нему, а он же стальной, и у меня ничего не получалось. Прошло, как мне показалось, минуты три-четыре, и тут в блиндаж заходят три немца: офицер, унтер и солдат, они прошли по этой глубокой траншее, и наша группа прикрытия их не заметила, хотя располагалась вокруг него. Пару секунд, застыв, мы смотрели друг на друга…

Бурлаков хотел было дернуться, но немецкий офицер успел выстрелить из пистолета, попал ему в плечо, и тот упал. Я растерялся, к нам подскочили, отобрали у нас с Широковым автоматы, сильно ударили меня по голове. В этот момент у меня вся жизнь перед глазами пролетела, еще успел подумать: «Вот все и закончилось»… Этот обер-лейтенант взял трубку телефона, наверное, чтобы сообщить, что захвачена русская разведка. Однако, видно, почувствовал что-то тревожное и приказал одному солдату выйти из блиндажа. Но когда солдат выходил, то буквально в дверях его ударом по голове уложил Ратников — он был один из тех самых моряков.

Ратников ворвался в блиндаж, немецкий офицер хотел было в него выстрелить, но Широков, который стоял рядом, успел его ударить по руке и тем самым спас нас. Ратников навскидку дал одну очередь, но ни в кого не попал, зато второй положил всех немцев, кроме одного. Причем этот унтер-офицер начал упираться и не хотел идти с нами. Тогда Ратников прострелил ему руку, тут же его перебинтовали, и этот немец уже покорно шел с нами.

Как потом выяснилось, будучи в оцеплении вокруг блиндажа, Ратников услышал шорох в траншее, потом открылась дверь, раздался выстрел и какой-то шум. Почувствовав неладное, он спрыгнул в траншею и столкнулся с немцем, который выходил из блиндажа.

Пошли обратно, а немцы уже все перекрыли… С большим трудом нашли место, где можно было перейти немецкий передний край. Передовая группа перебила пулеметный расчет,

дав нам возможность перейти траншею, но двое наших разведчиков при этом погибли… Мы ринулись на нейтральную территорию. Но «спираль Бруно» оказалась заминированной, и три наших разведчика, которые бежали первыми, погибли от взрыва… Через образовавшийся разрыв, фактически по их костям, мы вырвались оттуда и залегли в большой воронке на нейтральной полосе, метрах в ста пятидесяти от немецких позиций. И целый день до следующей ночи, в грязи, пришлось провести в ней, а ведь с нами был тяжелораненый Бурлаков, причем он просил: «Пристрелите меня и бросьте, все равно вы со мной не выйдете», но разве можно? Для того чтобы он не стонал, пришлось ему, как и немцу, кляпом закрыть рот. А следующей ночью я отправил Ратникова к нашему переднему краю, и хотя его вначале обстреляли, но он, используя всю силу русского языка, сумел объяснить, что это возвращается разведка, и мы успешно вышли на участке соседей. Потом говорили, что этот пленный дал очень ценные показания, но никого из нас не наградили. Всем штрафникам, участвовавшим в разведпоиске, судимости сняли и отправили в другие части.

Допрос пленного немца. За столом сидят (слева направо): Жигалкин (зам. нач. особого отдела) и Васильев (нач. особого отдела дивизии)

Когда я рассказываю, что мне довелось испытать той ночью, мне обычно никто не верит, и я сам как бывший фронтовик, не пережив этого лично, не поверил бы, но так было.

— И вас, офицера, так легко отпустили в разведку?

— Конечно. С командира роты требовали «языка», и точка. А как он его добудет, это его проблема, хоть сам в поиск иди, а «языка» обеспечь.

Вскоре нашу штрафную роту расформировали, потому что пополнять ее было просто некем. После расформирования солдат распределили по разным подразделениям, а всем офицерам дали повышение: мне присвоили звание старшего лейтенанта и назначили командиром минометной роты в 144-й полк 49-й гв. сд, а Баланду назначили заместителем командира 147-го полка и присвоили ему звание майора.

А потом командарм нашей 44-й армии Хоменко, будучи сам за рулем «Виллиса», по ошибке пересек линию фронта, и все, кто был в машине, были расстреляны немцами из пулеметов… После этого управление 44-й армии расформировали, а ее подразделения передали другим армиям.

— Этот случай в разведке самый явный, когда вы могли погибнуть?

— Ну что вы, таких случаев было много, с меня только шапку три раза сбивало пулей, но на такие вещи особого внимания сразу не обращаешь, потом уже только анализируешь и переживаешь.

— А второй раз когда вы ходили в разведку?

— Уже в Венгрии. Прорвав в конце декабря оборонительную линию немцев «Маргарита», удалось окружить в Будапеште большое количество немецких и венгерских войск. Но когда уже велись уличные бои в самом Будапеште, немцы нанесли сильный контрудар. Наши штабы оказались к этому не готовы, они в это время бурно праздновали Новый год. И в районе Комарно немцам удалось прорвать нашу оборону, они стремились разблокировать свои войска и вывести их из окружения. Даже сбрасывали нам такие листовки: «Жуков будет в Берлине, а Толбухина и Малиновского мы в Дунае искупаем»… Нас срочно из Будапешта перебросили навстречу немцам под Бичке, и мы с боями медленно отходили, пока не удалось остановить немцев. В тех тяжелых боях в моей роте погибло девять человек, а шестеро было ранено. В том числе погиб и мой друг, командир взвода Саша Смирнов. 120-мм немецкая мина разорвалась прямо у его ног… В районе Жамбека и Пербала мы окончательно остановили немцев, вырыли глубокие траншеи, хорошо закрепились и пробыли там в обороне до конца февраля. А уже когда стало готовиться наше наступление, то нужно было срочно добыть свежего «языка». Естественно, что поручили это сделать нашим полковым разведчикам.

Пленный немец уснул после допроса, т. к. до этого он пару дней не спал

Командир разведвзвода начал лазить по передовой, выбирать место для вылазки. Причем делал он это не особо таясь, почти открыто. У меня еще тогда появилось какое-то нехорошее предчувствие. Я ему даже сказал примерно так: «Ты что думаешь, немцы — дураки? Они же прекрасно все видят, и ты думаешь, они не понимают, что ты тут готовишь? Такие вещи надо готовить очень незаметно, а ты что делаешь?»

Моей минометной роте поручили поддержать поиск, мы

согласовали их маршрут, даже пристрелялись, наметив коридор для их отхода. Но немцы что сделали? Они пропустили всю разведгруппу и ударили по ней с флангов… Только была слышна беспорядочная стрельба, взрывы гранат и как один из разведчиков кричал: «Братцы, помогите, дайте огня!»… Я связался с начальником артиллерии нашего полка Жагло, и он мне разрешил открыть огонь. У нас там все было пристреляно, и по месту, где примерно должна была находиться наша разведгруппа, мы открыли беглый огонь…

Утром в стереотрубу близ немецких позиций мы увидели семь трупов наших разведчиков, а двое, наверное, попали в плен…

Нас из-под Жамбека сняли, отвели на недельный отдых, а потом перебросили в район Пербала, где мы начали усиленно готовиться к наступлению, и опять понадобился свежий «язык».

А незадолго до этого со мной был интересный случай. Под Жамбеком немецкие атаки шли одна за другой. Пережидая артналет, бойцы спрятались в одном склепе на кладбище и обнаружили, что в одном месте земля просела. Днем раскопали там землю и нашли ящик с драгоценностями, еле вытащили его. И тут нас отвели отдохнуть во второй эшелон. Мы заняли большой хороший дом, помылись, расслабились, и вдруг появились цыгане, и как-то так получилось, что стихийно начался концерт. Веселье, музыка, цыгане пляшут, а я же совсем молодой был, цену деньгам не знал и кидал им драгоценности из этого ящика… Зато как они старались. Мне особенно интересно было посмотреть, как они танцуют «на пузе», говорили, что только цыгане так умеют, а я даже не представлял, как это выглядит, и очень хотел посмотреть. И тут появился командир полка, уже прослышавший о нашем веселье. Он это дело мигом прекратил, драгоценности все собрал и говорит мне: «Сукин ты сын, страна каждую копейку бережет, а ты цыганам драгоценности под ноги бросаешь?»… И посадили меня на пять суток на гауптвахту.

А после ареста вызвали меня в штаб, оказалось, что нужно было послать офицера в формирующееся Войско Вольское. «Войцехович, ты польский язык знаешь?» — «Говорю немного», — отвечаю. Командир полка Лубенченко посмотрел на меня и говорит: «Хоть ты и шебутной, но мне и самому такой боевой офицер нужен», и я понял, что он меня простил.

Но когда на совещании встал вопрос, кому из офицеров доверить организовать и провести разведку, ведь все наши разведчики погибли, в штабе полка воцарилось тягостное молчание, желающих не было… А я был молодой, энергичный, даже горячий, к тому же чувствовал свою вину за ту историю с

драгоценностями, поэтому и вызвался сам пойти в «поиск», хотя меня мой командир взвода Мозинсон, он был старше меня на тринадцать лет, гораздо опытнее, рассудительнее, всячески отговаривал: «Тебе что, жить надоело?» А я еще почему в поиск решил пойти? Просто мы в школе часто играли во что-то типа «Зарницы», и у меня хорошо получалось, а в училище в Гурьеве, когда нас обучали ведению разведки, там были большие заросли камыша, так я аж три раза своих товарищей «пленил». К тому же опыт у меня уже был…

Выбрал из пехотинцев десять солдат-добровольцев, все они были молодые, спортсмены. Разделил всю группу на звенья: прикрытия, захвата, провел с ними обучение, но самое главное, два дня очень тщательно изучали передний край немцев.

Поэтому передний край мы перешли удачно и подошли к длинному венгерскому селу Самбек. Обошли его, убедились, что там стоит какая-то воинская часть. На отшибе стоял дом, возле которого находилась повозка с привязанной лошадью. Возле двери был приставлен часовой, он то ходил по двору, то садился на крыльцо покурить. Какое-то время мы за ним наблюдали, выжидая, не выйдет ли кто из дома, но потом, улучив момент, набросились на него, оглушили и ножом убили.

Группа захвата ворвалась в дом, там спали три немца. Один из них проснулся, но был тут же убит, а двух других заставили одеться и связали.

В этот раз обратный путь получился спокойным. Эти немцы были даже рады, что война для них закончилась, поэтому шли с нами покорно, не сопротивлялись. Мы перешли линию фронта вовремя и в намеченном месте. Захваченными пленными оказались майор и обер-лейтенант интендантской службы, но говорили, что они дали ценные сведения.

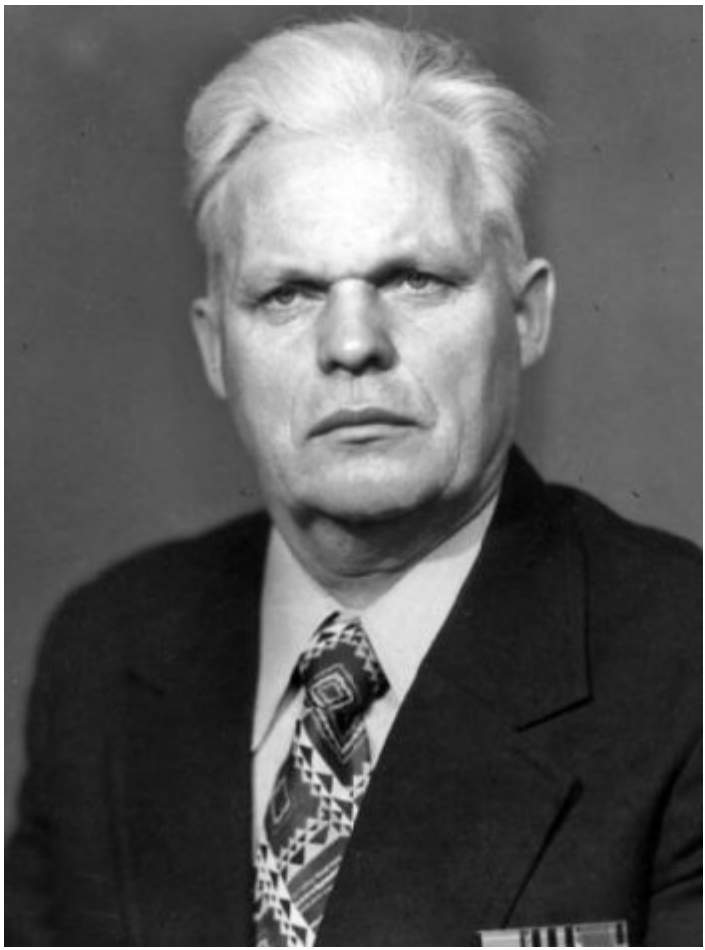
— Что вы можете сказать о разведчиках?

— Это действительно была достаточно независимая, привилегированная солдатская каста. Полковые еще не так, а дивизионным Маргелов делал большие поблажки, и они этим пользовались, наглости у них хватало. Но я бы не сказал, что они были обречены погибнуть, просто все надо было хорошо продумывать и просчитывать. Моей минометной роте всегда поручали обеспечивать прикрытие поиска, поэтому я с ними очень часто общался. И, конечно, надо учитывать, что все они были молодые и шли на такие дела, которые можно совершить только в молодости.

<…>

Соловьев Александр Иванович

Интервью — Николай Чобану



<…>

— Когда вас призвали в армию?

— Кажется, 26 марта нас освободили от оккупации, а уже 28-го меня призвали. Правда, вначале человек пятьдесят пошло в город, и подпольщики нас организовали: раздали оружие и расставили охранять разные объекты, чтобы люди их не растащили: пекарню, какие-то склады. Я как раз стоял на таком посту, когда пришел мой товарищ и говорит: «Иди, собирайся, нас в армию забирают». И все, никакой повестки, ничего такого не было.

Собрали нас в Доме Красной Армии разных возрастов где-то две тысячи человек со всего района и устроили вначале проверку. Этим занимались подпольщики, они же все про всех знали. И вот перед нашим огромным строем выходит капитан и говорит: «Кто служил в полиции — выходи». Вышли четверо, а один не вышел. Его сосед толкает в бок, выходи, ты же служил. Тот ему: «Отстань». Подозвали этого капитана, он посмотрел в свой блокнот и говорит громко: «Не беспокойтесь, товарищи, он служил в полиции по заданию подпольной организации». Его сразу оставили в покое, а тех четверых увели.

И тогда нас начали разбивать по подразделениям. Вначале объявили: «Нужно сто человек в роту автоматчиков». Кинулось человек триста, наверное. «Нет, нет, товарищи, нужно всего сто». Как-то там отобрали. Вторая рота — бронебойщики. Тоже вышли добровольцы, но уже не так бойко. Набрали. Как сейчас помню, была небольшая пауза, и потом говорят: «А сейчас мы набираем для очень опасной, но и очень почетной роты. Кто хочет в разведчики?» И поверьте, сколько нас там оставалось, но никто не вышел, никто! Тогда капитан повторил: «Я считаю до трех, если сто человек не выйдет, то сам начну выбирать». И все равно никто не вышел… Тогда он начал ходить вдоль строя и выбирать. А я же высокий был, среди сверстников выделялся, как корова среди овец, худой, правда. В общем, я стоял третьим в строю по росту, поэтому на меня обратили внимание, выбрали, и так я попал в эти сто человек для разведроты.

Сразу разбили всех на роты, но на пару дней еще распустили по домам и только потом опять собрали. Когда с родителями прощался, думал, что в последний раз видимся, а что поделать?.. И мы пошли колонной через наш городок… Подвели к казарме и дали нам по снаряду для 76-мм орудий, чтобы мы впустую к фронту не шли.

Из Котовска дошли в Красные Окна, там снаряды оставили и оттуда в Дубоссары. Но нам ничего не говорили, куда, чего. И вот так мы попали на Шерпенский плацдарм. Поздно ночью нас привели во второй эшелон, а в окопах смотрим: тут рука торчит, там нога…

Пришли два командира, и старший лейтенант зачитал фамилии. Из всей нашей сотни выбрали всего четырнадцать человек. Причем мы еще подумали, что раз выбрали только молодых, то, значит, нас отправят учиться в училище.

Там же приняли присягу, выдали красноармейские книжки, и вот так я оказался в полковой разведроте 960-го полка 299-й стрелковой дивизии. Коллектив был то, что надо. Встретили хорошо, не подковыривали, чем могли, помогали. Людей не

хватало, поэтому на отсутствие у нас боевого опыта не смотрели. В этой разведроте я провоевал с 9 апреля по 21 июня, пока меня не ранило.

— Расскажите, пожалуйста, о структуре роты. Какие люди там служили?

— Всего там служило человек пятьдесят. Точнее сказать не могу, потому что общего построения роты у нас ни разу не было. Командиром роты был старший лейтенант, но его фамилии уже не помню. Рота делилась на два взвода: Зуева и старшего сержанта Плетникова, к которому я и попал.

Хотя в поиск набирали смешанно, как-то смотрели, кто им подходит, и тех вызывали.

И был в роте еще один офицер-инструктор, который стал нас обучать. Считаю, что за такой короткий период он нас подготовил довольно неплохо. Помню, как он нас спрашивал: «Что самое опасное в разведке?» Кто что отвечал, но он нам сказал: «Запомните, самое опасное — это нарваться на немецкую разведку! В лучшем случае половина погибнет, а в худшем все… Поэтому всегда нужно быть начеку!» Этот инструктор нас еще так учил: «Самое главное — вы должны ползти тише кошки, а не то, что вы там налетели, пошумели, подвигов наделали… Вы должны тихо взять „языка“ и тихо его привести — вот это высшая квалификация для разведчика».

— Как тщательно готовился «поиск»?

— Четыре опытных человека ходили на передовую и подбирали место для перехода. Если не находили, то в следующую ночь шли уже в другое место. Место для вылазки подбирали очень тщательно, причем если немцы их заметили, то все, в это место даже не суемся.

Но к опытным разведчикам всегда добавляли новичков, чтобы те учились. По возрасту у нас была одна молодежь. Самому старшему, Плетникову, было всего двадцать четыре года, но он нам казался взрослым и очень опытным.

Наши офицеры в «поиск» сами никогда не ходили, но авторитет у них был. Как я уже говорил, строгого разделения на группы у нас не было. Старший группы сам подбирал людей и предлагал им пойти, но отказываться было некрасиво, поэтому никто ни разу и не отказывался. Новички начинали с группы прикрытия, опыта же нет еще. Ну и должны были таскать «языка», а если придется, то и раненых или убитых.

Помню, что когда в первый раз пошли, то у меня сердце так стучало, что я его только и слышал. Во второй уже меньше, а в третий я и забыл про сердце, хотя страшно было очень… Когда я слышу, что кто-то бахвалится: «Да я вот так запросто в

разведку…», мне просто смешно, ведь ты же сам идешь в лапы к врагу, и с любой стороны тебя могут в любой момент прихлопнуть…

В нашей роте служили только славяне. Причем если человек был в оккупации, то вначале чувствовалось некоторое недоверие, правда, только до первого «дела». Рота была очень дружная, но с кем-то особо подружиться я просто не успел, ведь все время постоянно были заняты. Но сплоченность была настоящая, как говорится, один за всех, и все за одного.

Как пехоту нас никогда не использовали, у нас была своя задача, а у них своя. Но от пехоты мы себя и не отделяли, хлебали с ними из одного котла. И оказалось, что в разведке ничуть не почетнее, ничуть… Зато гораздо опаснее… Поверьте мне, после разведки везде легко… Но чтобы кто-то просился из разведки уйти, я такого даже не слышал.

Были ли в роте бывшие уголовники, тоже не знаю, у них ведь на лбу не написано, а так никто не рассказывал, у нас вообще народ был молчаливый и неразговорчивый.

Снаряжение? Про маскхалаты, например, я даже и не слышал. Брали в «поиск» три-четыре плащ-палатки. Половина роты ходила в сапогах, да и то в немецких. А остальные, и я тоже, в ботинках.

Группой захвата у нас были четыре силача. Видно, они или бывшие спортсмены, или кто, но я видел, что они вытворяли на тренировках, как они друг друга кидали! Очень сильные и ловкие. Так вот, в «поиск» они ходили зачастую даже без автоматов, им они были не нужны. Вообще ППШ для разведки не совсем удобный, слишком большой, круглый диск при ползании сильно мешал. Мне, например, очень нравился ППС. Это совсем другое дело, он небольшой, легкий, удобный, и рожок вместо диска. Причем в «поиск» брали всего один рожок и всего по одной гранате, мы же не в бой идем. Немецкое оружие никогда не брали, в их форму не переодевались.

— Чему вас учил этот инструктор?

— Перво-наперво нас научили самому главному закону разведки — никогда не бросать своих! Поэтому мы ни разу никого не оставили и не бросили. Но чтобы пришлось выбирать, кого вытаскивать, своего товарища или «языка», у нас таких ситуаций не было, хотя нас настраивали, что и того и другого нужно вытащить.

И учили, конечно, как обращаться с оружием — огнестрельным и холодным. Ножом учили бить снизу, так опаснее. Инструктор говорил так: «Даже если ты будешь падать, то и снизу сможешь его пырнуть». Как ползать, как правильно маскироваться, много чему.

Никакого ритуала принятия в разведчики у нас не было, это же не игра, а очень опасная работа, фактически идешь на смерть… Одно слово — смертники… Всякий раз уходишь — прощаешься… Хотя больших потерь или, тем более, чтобы целая группа не вернулась, у нас такого не было.

— Сколько раз вы ходили в «поиск»?

— За те 73 дня, что я пробыл в разведке, на передовую мы ходили почти каждую ночь, или наблюдаем, или готовим лазейку, или по нейтральной полосе ползаем. Бывало, что часами там лежали и караулили немцев. Думаю, что раз десять я так сходил. В основном мы возвращались без немцев, но раза три с передовой рядовых все-таки притаскивали. И еще два раза мне пришлось сходить за линию фронта, в ближний тыл к немцам. Уходили, правда, недалеко, километра на два максимум.

— Расскажите, пожалуйста, об этом.

— В первый мой выход пошли вдевятером. Легко взяли «языка» и легко вышли, особенно даже ничего и не запомнилось. А вот во второй выход в тыл к немцам меня ранило. Нам тогда поставили задачу: «Нужно срочно взять „языка“, а не возьмете, так вся ваша рота пойдет в разведку боем…» Но Плетников уверенно пообещал — возьмем.

Он сам отобрал восемнадцать человек, и я попал в их число. Начали готовиться. Плетников лично нас тщательно готовил, даже не забыл напомнить: «И не забудьте по кусочку хлеба». Хлеб брали для того, чтобы если вдруг очень захочется кашлять, то съел кусочек, и горло сразу прочистилось.

Пошли в ночь на 21 июня, тогда до Кишинева оставалось уже всего семнадцать километров по прямой. Удачно перешли линию фронта, дошли до какой-то деревни. Смотрим, часовой что-то охраняет. Его убили, но появились еще двое, одного убили, а второго взяли в плен. Надели ему колпак на голову, в рот кляп и потащили. У нас в роте был такой специальный ватный колпак для «языков», как ведро. Причем этот унтер вначале отказывался идти, даже говорил: «Хоть расстреливайте, но не пойду». Но Плетников через нашего переводчика ему сказал: «Поживешь еще». Привязали его за член, и он так побежал… Но смеха это ни у кого не вызвало, тем более у меня, у всех же нервы на пределе…

А на обратном пути меня ранило, зацепило самый кончик кадыка. Там же пули так и свистят, почти беспрерывно. Меня осмотрели, успокоили, мол, ничего страшного, всего лишь царапина. Вышли на нейтральную территорию, а там низинка была, и пули уже свистели довольно высоко над нами.

Сели передохнуть и подготовиться к последнему броску. И тут сигнал: в нашем направлении движутся немецкие

разведчики… И как потом оказалось, они тоже «добычу» несли. А ведь нас инструктор до этого сколько раз предупреждал, самое опасное — встретиться разведка на разведку. Там или часть погибнет, или все до единого…

Помню, что там рос виноградник, мы еле успели разделиться на две группы, присели, и как они подошли, мы на них кинулись… Но бросились только с ножами, без выстрелов, но не чтобы не шуметь, а чтобы своих не перестрелять. На меня бросился один здоровый немец, он, видно, одного нашего убил, развернулся на меня, и я еще подумал, что у него в руке граната. Я успел ногой его в живот толкнуть, он пошатнулся, отступился на шаг, но отмахнулся и рукой меня зацепил в подбородок. Но я нырнул ему в ноги, наверное, он подумал, что я падаю от его удара, и, поднимаясь, я ударил ему ножом снизу, прямо между ног… Он только крякнул, но не упал сразу, а медленно осел прямо на меня…

Я потом посмотрел, а у него в руке был пистолет… Это правильно говорят, что не каждый может убить ножом, но в критической ситуации, когда остается доля секунды и вопрос стоит ребром: или ты, или он, — то думать особо некогда… Но вообще как это у меня все так удачно получилось, я и сам до сих пор не понимаю…

Пока поднялся, помню, что дрожал весь, а все уже закончено, наши стоят. Меня похвалили, подбодрили. Посчитались, немцев оказалось двенадцать. Достреляли их. Шуметь не боялись, потому что на передовой всегда идет постоянная стрельба, и на наши выстрелы никто внимания не обратил. Но вообще, конечно, что и говорить, повезло нам сильно. Нас и больше было, и мы их первыми заметили. Нашего пленного освободили, оказался какой-то старшина. Он нам стал помогать, ведь у нас было трое убитых и шесть раненых, из которых двое очень тяжелых, оба без сознания.

Их в первую очередь положили на плащ-палатки, и вперед. У самых окопов начали перекликаться: «Мы свои!» — «Пароль!» — «Котелок». — «Отзыв!» — «На двоих». Подползли к самым окопам, и тут я совершил ошибку. Когда осветительная ракета только погасла, нужно было немного выждать, а не кидаться сразу, потому что когда ракета тухнет, то пулеметчик сразу дает очередь в темноту. Но я сразу поднялся на бруствер и тут же получил две пули в левую руку… Одна навылет, а другая застряла в кости, чуть повыше кисти. Я упал в окоп, меня перевязали.

Вышли к своим, доложились. Командир роты поблагодарил и отправил нас, четверых раненых, в санроту. Отдали нам

документы. А потом в санроту пришли и ротный, и остальные ребята. «Благодарю за службу! Быстрее выздоравливайте и возвращайтесь к нам». И зачитал нам приказ, что нас всех четверых наградили медалью «За отвагу». Тяжелораненым и убитым дали по Красной Звезде, а здоровых пообещали наградить позже, потому что наград на всех просто не хватило.

Мы пошли своим ходом в тыл, а там как раз стоял санитарный эшелон, в который нас и приняли. Суток трое, наверное, ехали, но я лежал на верхней полке, меня просквозило, и сильно простыл. Приехали в город Крюков на Днепре, всех разобрали по отделениям, а меня в изолятор, потому что боялись, что это не простуда, а какая-нибудь зараза.

В госпитале меня подлечили, но когда сняли гипс, оказалось, что кость срослась неправильно. Перед самой выпиской меня вдруг вызвали на перевязку. Ребята в палате даже засмеялись, потому что мне выписываться пора, а меня опять на перевязку. Но мне опять поломали руку и загипсовали заново.

<…>

— Часто войну вспоминаете?

— Война не забывается — это рана в сердце на всю жизнь… Я когда только вернулся домой, то почти каждую ночь война снилась, спать нормально не мог… Часто бывало, что просыпаешься и не можешь сразу понять, где я, что я здесь делаю, я же должен быть в армии…

Но когда вспоминаю войну, то всегда удивляюсь, как это я живой остался… И хоть я и воевал, но, как другие, себя в грудь никогда не бил. А отец мне даже как-то сказал: «Ну, воевали, так что теперь, молиться на вас?!» А еще недавно был случай. Позвали нас, ветеранов, на очередной юбилей, и одна женщина из нас попросила: «Вы бы нас пораньше собирали, пока еще жары нет». Так ее эти чиновники чуть ли не попрекать начали: «Мы тут для вас стараемся, все делаем». Но я им прямо сказал: «Это не вы делаете, а государство! Мы свой долг честно выполнили, и вы выполняйте. Два раза в год про нас вспоминаете, и то вам тяжело… Но не волнуйтесь, уже скоро мы все уйдем, и тогда вы заживете спокойно…»

Чепик Василий Прокофьевич

Интервью — Юрий Трифонов

<…>

Меня направили в мотострелковый батальон 19-й гв. механизированной бригады. И тут подполковник Андриянко, командир разведки 8-го гв. мехкорпуса, перепутал меня с известным чешским писателем Чапеком, я говорю: «Я не Чапек, а Чепик», подполковник кивнул, но все равно меня командование между собой до конца войны называло Чапеком. Но сам Андриянко Александр Васильевич был отличным офицером, очень грамотным. Вообще, у нас в корпусе все командиры были очень хорошими. Меня привезли в батальон к комбату, который

сразу определил меня в командиры отделения разведки, хотя я все еще был рядовым. Уже в части я научился стрелять из фаустпатрона. Я с собой 2 штуки стремился постоянно таскать, тяжеловато, конечно, но зато из него можно подбить танк со 100 метров.

Наши части вступили в Польшу, нут. Лодзь нас послали в мою первую разведку добыть «языка». В моем отделении было 10 человек. Мы вышли вечером, прошли километров 10, тревоги не подняли. Уже по темноте вышли на шоссе. И засели там, в надежде, что кто-то будет по этой дороге ехать. Вырыли себе небольшие окопчики. Я посредине находился, а тогда и у нас, и у немцев был приказ, что если едешь по дороге, то туши свет, и где-то примерно в 12 или 1 час ночи мы видим, что что-то мигает. Я догадался, что это мотоцикл едет. Я приказал шепотом: «Этих не стрелять, это передовое охранение!» Так что пропустили мотоциклистов, минут через 10–15 смотрим, еще что-то мигает, побольше. Тут мы уже приготовились, снова проскочил легкий мотоцикл, точно кого-то сопровождают. И тут появились 3 автобуса, в каждом человек по 20–25. Оказалось, что это ехали с совещания офицеры, которые получили задание и возвращались к себе в часть, солдат там не было, и мы видели, что офицеры были подвыпившие. Когда автобусы поравнялись с нами, я отдал команду забросать их гранатами. У меня же был с собой фаустпатрон, я нажимаю на курок и попадаю в первый автобус. После накрыли немцев из автоматов, перебили многих, остальные и не думали о сопротивлении, а сразу тикали в лес кто как мог. В итоге мы взяли в плен несколько офицеров, мне достался офицер из штабного автобуса, в который я из фаустпатрона попал. Мы понимали, что скоро вернутся мотоциклисты, которые поймут, что что-то с офицерами случилось, и быстро отступили. Привели к нам в штаб человек 10 «языков». Из нас ни один не пострадал. Моего «языка» сразу допросили. Это был майор связи, с ним ценные документы. Кстати, я поинтересовался у майора, почему они так испугались, тот ответил: «Мы знали, что можем напороться на партизан в лесу, были подвыпившие и потому так сильно перепугались». За эту операцию мне вручили орден Славы 3-й степени, а моим солдатам медали «За отвагу». И как раз тогда мне присвоили звание «мл. сержант». После операции нам дали немного отдохнуть, и дальше в бой. Наступило время прорыва — нас посадили на танки, хотя мое отделение считалось отделением разведки, но нас все равно использовали как танковый десант. Когда танки нашего корпуса готовились идти на прорыв, их в строй становилось штук 100, это было очень внушительное зрелище. На каждом танке должно сидеть по 6–10 человек. Я был

командиром отделения, подчинялся офицеру, который и посадил нас на танки, при этом танкисты были очень довольны, что мы сидели на танках, иначе танки без десанта немцы очень быстро подбивали. Перед наступлением обычно была артподготовка, от 30 минут до 1 часа. Потом передовые части разведывают обстановку, удалось ли выбить противника, только тогда идут вперед танки. Если сильный огонь по танкам, надо спрыгивать и идти пешком. Мы так и делали, но иногда, если немцы не сильно бьют, то оставались на танках. Нашей целью как танкового десанта было в первую очередь бить по позициям и занимать окопы, брать немцев в плен. Надо сказать, что наша артподготовка была очень эффективна, у нас сильно надеялись на артиллерию, это был настоящий «бог войны». Немцы от нашей артиллерии драпали. Мы прорывались к Берлину, но тут нас повернули в Померанию, где мы стали штурмом захватывать немецкие города, в одном из них мы продвигались вперед под сплошным огнем, немцы сильно били. Мы прорывались по улицам, где в обход, где напролом. Один раз там, где я наступал со своим отделением, нужно было взять сильно укрепленный дом. Мы идем на захват, а там немцы сидят, они кое-что изучили по-русски, кричат: «Иван, не стреляй, мы уйдем!» Я знал немецкий, мы договорились, что мы стрелять не будем, а они первый этаж оставят. Мы, отделение, всего 10 человек, туда пробрались, постреливаем, но оказалось, что в доме много немцев было, и не все ушли, часть осталась. Первый этаж наш, там вода, а со второго немецкие позиции начинаются. Повоевали, постреляли, немцы нам кричат: «Рус, дай воды!» Я в ответ: «А вы, фрицы, дайте нам курева!» У них же сигареты были, а не наши самокрутки. Спускают они сверху на веревке свой плоский котелок, заполненный сигаретами. Мы высыпали сигареты, набрали воды, кричим: «Тяните назад». Немцы потянули, поболтали немного, кричим: «Немцы, тикайте, а то стрелять будем!» Те в ответ: «Подождите, нам еще котелок воды нужен!» Снова котелок с сигаретами спустили немцы, мы им водой его заполнили. После немцы из дома ушли, мы вдесятером его полностью заняли, доложили начальству, что объект взят. Это было очень важно, потому что этот дом сильно мешал продвижению наших войск. Наверху такому делу очень обрадовались, за это мне дали орден Славы 2-й степени. Тут нам повезло, а так в других местах немцы обычно очень ожесточенно сопротивлялись. Вообще в городах у нас были большие потери. В моем отделении тоже были потери. Из 10 человек трое куда-то потерялись. Мы ушли вперед, а что с ними, я так и не знаю. Потом нас перебросили под Берлин. Для последней битвы было

приготовлено 7 знамен Победы и выдано командирам передовых батальонов, одно из них передали нашему командиру Нестеренко. Мы подошли к какой-то речке, на ней еще стоял лед, но танки ведь по льду не пойдут. Тогда мы положили на лед доски шириной около 1 м. Пустили легкие танки, они прошли, тогда пустили машины потяжелее, снова прошли, а мы, пехота, несколько дальше по льду, а где и по воде перешли речку за одну ночь. И закрепились на плацдарме. После этого еще где-то также перешли речку, и наши войска окончательно закрепились на том берегу. Все время до начала наступления немцы постоянно пытались выбить нас, было жутко. Причем и разбрасывали листовки, и кричали нам, что они дойдут до Сталинграда, ведь они от города Сталина до Берлина отступили, но теперь у них якобы есть секретное оружие (имелась в виду атомная бомба), и они накроют русских. Но нам, несмотря ни на что, удалось сохранить плацдарм.

Затем пришло время штурма, нас поставили напротив Зееловских высот, где нам пришлось очень тяжело, 8 дней мы их брали. Нас на машинах привезли в лес, приказали окопаться и ждать. Началось все ночью в три часа, мы сильно били из пушек, потом «катюши» как зарядили по немцам. Потом пошли в атаку танки с нами как десантниками. Хотя наша разведка очень хорошо определила, где какие немецкие части расположены, все равно в первый раз мы не смогли прорвать оборону. Опять начался сильный обстрел, потом через полчаса пошли в наступление, но пехота снова залегла, не могут взять, и все. Снова подготовка, и опять до рассвета атакуем, но не можем взять, что бы мы ни делали. Тогда где-то слева немецкую оборону прорвали, и туда нашу часть перебросили, там было немного, 5–7 км, 15–20 минут, для танков ерунда, и только так удалось взять высоты.

Въехали мы прямо на танках в Берлин и продвигались по таким разваленным улицам, что я таких нигде не видел, город был весь в развалинах. Стояли одни кирпичные стены от домов. Наша рота, в ней оставалось человек сто, вошла в пригород Берлина по сосновому лесу. Было утро, только чуть свет, встретиться с немцами не ожидали, но разведку надо было послать вперед, и вот моему отделению был отдан приказ: рассыпаться и идти вперед.

Мы идем, оружие держим на изготовку, немцев вроде нет, но местность оказалась такая — взгорок, и оттуда, оказывается, так же, как мы, шли немцы. И как раз на вершине возвышенности мы встретились с точно таким же передовым охранением. Немцы сразу: «Стой, Иван (они нас всегда называли Иванами, а мы их

фрицами), сдавайся!» Я в ответ: «Нет, вы, фрицы, сдавайтесь!» А наши еще далеко, и я вижу, что с той стороны немцы так же идут, разбившись на небольшие группки. На взгорке начали собираться наши и немецкие солдаты, напряжение растет, но пока не стреляем, тогда немцы кричат: «Ладно, Иван, вы идите направо, куда вам надо, а мы пойдем налево, куда нам надо». Все понимают, что если сейчас начнется бой, то перебьем друг друга. Я быстренько человека послал к нашей основной группе, командиру доложили, и командир сказал: «Правильно сделали, поворачиваем направо!» Разошлись мирно, конец войны, они ведь пошли куда-то из Берлина, а мы в Берлин, зачем нам с ними драться было.

За парком стоял дом, стены кирпичные, очень большой толщины, в них окна были закрыты железом, в окнах прорези, и немцы оттуда по нам открыли огонь. Позже оказалось, что в доме скрывалось около 400 человек немцев, и наша задача заключалась в том, чтобы этот дом взять. Сколько туда наших ни лезло, ну никак не могли взять этот дом, потом подвезли пушки и с близкого расстояния, может, метров с 300, обстреляли хорошенько этот дом, послали людей подкоп сделать, саперы заложили большие мины, которые вырвали огромные куски металла и кладки. Тогда мы сразу ринулись в пролом, внутри началась борьба, в итоге захватили это здание. Дальше пошли в город, каждый бой за дом похож один на другой, непрерывная череда стычек, и дня за три до конца войны мы подбили немецкий танк. Прорвалось мое отделение в подземелье, где шла в это время городская жизнь, мы шли под землей, одно отделение в 10 человек. И я нашел немца, который знал русский язык, сказал ему: «С нами пойдешь, будешь первым идти, посредине пути, если влево или вправо повернешь, то будем стрелять». А мы знали, что где-то впереди располагался немецкий танк «пантера», который не давал нашей пехоте последний рывок к центру Берлина осуществить. Немец согласился помогать, стоял перед нами, вышел, посмотрел, вернулся к нам и подтвердил, что впереди есть танк. Мы засели в подземном проходе, потом слышим: «тык-тык-тык», это значит, что по улице идет танк, подождали, я приготовил 2 фауста, отделение так расположилось, чтобы по прикрывающей танк пехоте огонь дать. Ждем, прошли немцы, появляется танк, он медленно шел, я на мушку его взял, «пантера» до середины улицы дошла, оставалось до нее метров 30, не больше. И я выстрелил, танк сразу взорвался, пехота немецкая кинулась тикать и прямо к нам в подъезд забежала, мы их сразу всех длинными очередями расстреляли. Кто-то доложил начальству о произошедшем, и меня наградили третьим орденом

Славы 1-й степени, но выдали его только через 49 лет. Так что с первого боя до последнего я беспрерывно воевал в течение полугода.

1 мая битва за Берлин закончилась, я расписался на Рейхстаге, когда нас водили к нему на экскурсию, но что там смотреть: обгоревшее здание, кто где мог, там и расписался. И 1 мая, в мой день рождения, мы с командиром батальона случайно встретили командарма-1 Катукова, и, так как у меня был день рождения, он мне в качестве подарка вручил свой танковый шлем, он у меня до сих пор хранится. Так что войну я закончил гвардии мл. сержантом, командиром отделения мотострелкового батальона в составе 19-й гвардейской механизированной Лодзинской ордена Ленина, Краснознаменной ордена Суворова, ордена Богдана Хмельницкого бригаде.

<…>

— Кто входил в ваше отделение?

— Все молодые очень были, особенно мне памятны мой друг по подполью Володя Незгодзинский и Миша Вовк, настоящий хохол, такой высокий. Один раз Мишке пуля по касательной попала в живот, он заорал, схватился за живот, начал кричать, мы его отвели в медчасть, ему там кровь отмыли для перевязки, и оказалось, что пуля по пузу только чуть чиркнула. И не ранило ничего, у него просто болевой шок был. И вот Миша Вовк спас меня в Берлине —

он увидел, как ко мне кто-то сзади подбирался с ножом, и застрелил его.

— Каким было снаряжение разведчиков?

— Строго по уставу каждый солдат имел автомат, 2 диска, побольше патронов и 2 гранаты. У всех нас было такое оружие, я только еще фаустпатроны всегда с собой носил. Если кто носил и другое оружие, то только так, чтобы не видело начальство, а то можно было в штрафники угодить.

<…>

Гершман Матвей Львович

Интервью — Григорий Койфман

<…>

— Как вы попали в разведку?

— В начале сентября 1943 года немцы бомбили район дислокации бригады. Наши пулеметы стояли у штаба. От взрыва на одной из машин пулемет перевернуло. Подбежал к ней, командую бойцам: «Романцов, Чикурашвили, ко мне!»

А штабные руками машут, кричат: «Не стрелять, из-за вас немцы штаб накроют».

Подняли втроем пулемет, поставили на место, и я начал бить по самолетам.

«Юнкере» на меня пикирует, стреляет. Вот, думаю, смерть моя пришла, но я его опередил, видимо, попал в летчика. Самолет «свечку» сделал и рухнул на землю. Кругом раздалось: «Ура!!!» Представили меня за сбитый немецкий самолет к ордену Отечественной войны 2-й степени, согласно статуту ордена. Первый орден в бригаде. Ну а я опять завел свою «шарманку», мол, в разведку обещали отпустить. Махнули они рукой, а я перешел в разведвзвод к другу своему Володе. Евреев в разведку брали охотно, во-первых, знание немецкого языка (поскольку немецкий и идиш весьма схожи), во-вторых, знали, что к немцам еврей не перебежит и в плен не сдастся. Публика у нас подобралась своеобразная. Был солдат по фамилии Байбуш, с довоенной профессией — конокрад. Был уголовник Перфильев, отсидел до войны в общей сложности 10 лет, все нам про Колыму рассказывал. Командовал разведкой лейтенант Владимиров. Ребята в подавляющем большинстве были комсомольцы и патриоты, люди отчаянной смелости. В разведку все шли сознательно, прекрасно понимая, что век разведчика короток и смерть или тяжелое ранение ждет нас всех впереди. Гоняли нас к немцам чуть ли не через каждые три дня. Начинают в штабе обещать, если возьмете немецкого офицера, всех к ордену Боевого Красного Знамени представим. Разок бы сами за линию фронта сходили, посмотрели бы, как германские офицеры толпой стоят и русскую разведку дожидаются, мечтая побыстрей в плен попасть… Разведпоиски готовили основательно, саперы, группа прикрытия и захвата, все, как положено. Успел я сделать 15 выходов, все время в группе захвата. Взяли мы 10 «языков», но все захваченные немцы были рядовые или унтер-офицеры. А вообще, даже после того, как прошло с тех пор 62 года, трудно рассказывать о том, как часовых ножом снимал, или о четырех рукопашных схватках в немецких траншеях за время моей службы в разведке. Это запредельное озверение и жестокость… Не хочу об этом вспоминать.

<…>

Андриевский Сигизмунд Болеславович

Интервью — Юрий Трифонов

<…>

Меня направили в Уральский танковый добровольческий корпус, в 7-й отдельный мотоциклетный разведывательный батальон. Там меня обучили ездить на мотоцикле, мы-то в деревне умели только на конях ездить. Наш батальон получил из

Америки «Харлеи», я попал на одиночку, который всегда первым шел в разведку.

Первый бой на фронте для меня произошел в деревне Кляйнкрихен в Германии, мы двигались по дороге, и тут немцы по нам ударили из засады, но наша группа не растерялась, мы открыли сильный ответный огонь и разбили немцев. Нас как разведчиков вообще очень хорошо вооружали, у меня всегда был с собой автомат, гранаты и бутылка с горючей смесью. Мы же идем в разведку, можем столкнуться с танками, поэтому надо иметь возможность их поджечь. Надо сказать, что с танками я не сталкивался, хотя видеть их приходилось. Вскоре я был награжден орденом Славы 3-й степени за разгром немецкой транспортной колонны. Получилось все довольно просто: мы нарвались на отступающих немцев, у нас были пулеметы, выбрали удобную позицию и из засады разбили всю колонну от и до. В числе немцев оказался один власовец, который нам сразу сдался. Этого изменника, казаха по национальности, мы в часть привели, он всю дорогу одно говорил, будто он только на машине ездил. Мы заезжаем в расположение, и тут командир наш идет, спрашивает о пленном: «Кто такой?» Как узнал, что это власовец, сразу приказал: «Расстрелять!» Рядом находилась воронка от бомбы, у меня уже в автомате патронов не было, тогда ребята другие выстрелили, где его, собаку, жалеть, и кинули прямо в эту воронку. Расстреляли, не дали ему жить.

Из Германии нас направили в Венгрию, где мне довелось поджечь танк. Это произошло в г. Дебрецен, я сначала увидел стальную махину, сразу нашел старую яму, вскочил туда. К счастью, яма вся заросла травой, я там укрылся, немцы ничего не разглядели, а я тем временем подготовил им подарок — бутылку с зажигательной смесью. Танк мимо ямы прошел, оставалось до него метров 12, тогда я кинул бутылку и попал прямо в трансмиссию, когда бутылка разбивается, огонь образуется температурой в 1000 градусов. Естественно, танк сразу воспламенился, внутри все разогрелось, экипажу дышать невозможно, поэтому фрицы начали вылезать из люков, тогда я их из автомата всех расстрелял. За танк мне дали орден Красной Звезды. Дальше мы пошли в глубь страны, на границе именно мы, разведчики, перебили пограничников, и путь стал свободен, наши войска подошли сзади, начали брать город за городом. Бои были тяжелые, особенно за Будапешт, я в городских боях участвовал, основная проблема заключалась в том, что немцы по нам из окон стреляли и откуда хочешь. Причем в городе оборонялись в основном немцы, были и венгры, но мало. Мы там долго дрались. Атаковали дома следующим образом: сразу простреляем

хорошенько, подавим огневые точки, заставим немцев укрыться, а тем временем хлопцы подлезут поближе. И кто как в дом прорывался, особенно удобно было в двухэтажные забираться, потому что в таких домах немцы очень любили на втором этаже сидеть, сверху же им видно все. После того как мы оказались внутри дома, то все, он уже, считай, наш, мы немцев подушили и побили быстро, и новый дом захватывать надо. Почти все дома в городе мы брали в основном штурмом, и где немцы могли тикать через двери или окна, там обязательно стояли два человека с ножами. Самое главное, во время штурма обязательно надо хранить боепитание, стреляешь по 2–3 патрона, там на автомате переводится на короткие очереди или одиночные. Кстати, переключать на наших автоматах режим стрельбы было очень удобно, к примеру, одного немца убили, хорошо, если еще лезут, то быстро перевел на автоматическую стрельбу и по пять человек скосил очередью. Попадались в городе и эсэсовцы в камуфляжных куртках, мы их в одном доме человек восемь уничтожили, вот они что сопротивлялись, то действительно сопротивлялись сильно. Но мы к тому времени были хорошо вооружены и отлично обучены, потому всегда эсэсовцев побеждали. Больше всего в Венгрии мне запомнилось озеро Балатон, там нас кормили рыбой, до сих пор помню, какая она была костлявая.

Дальше мы опять вернулись в Германию, где 11 марта 1945 г. меня ранило. Я пошел в разведку, а немцы тоже разведку выслали, у нас с ними получился встречный бой, во время которого меня ранило в ногу, пуля в колене сидела. Оттуда я очень быстро попал в госпиталь, привезли в Шепетовку, где я начинал войну, сразу операцию сделали, оказалось, что пуля сидела под чашечкой, ее достали и убрали. Я хоть начал ходить, а то ноги не сгибались, там же было инородное тело. Тогда наркоз не делали, кричи хоть как, видишь, как врач твою рану раздвигает. Но зажило все быстро, я оттуда попал назад в свою часть, сразу же снова сел на мотоцикл.

Вскоре после возвращения в Германию наша часть приняла участие в штурме города Берлина. Мы заранее переправились на один из плацдармов. Попасть на другой берег Одера было весьма не просто, немцы постоянно держали переправу под артиллерийским обстрелом, были у нас раненые и убитые, причем немало. Из-за обстрела понтоны раздвигали на день, мы переправлялись только ночью. Хорошо врезалась в память ночь переправы — понтоны подошли к нашему берегу, и сразу все устремились на тот берег, пехотинцы бросались в воду, кто на досках, кто как, лишь бы поскорее до обстрела переправиться, для танков заранее нашли брод, а вот легкие танки под водой

прошли. Представляете, у нас уже были танки, способные преодолевать реки под водой! И все прошло в целом довольно удачно. Нас отправили на Зееловские высоты, дело в том, что там немцы сосредоточили много различных войск, там были аэродромы, большие и хорошо укрытые. На наше счастье, Жуков разоблачил немцев. Поэтому сразу после переправы нас послали в разведку, мотоциклы мы оставили с часовым под деревьями, а сами переправились через реку по веревке, дальше все время ползли. И как раз наша группа была в числе тех, кто разведал всю тайну, я лично наблюдал картину скопления на высотах большого количества немецких войск, в том числе аэродромы. В этой разведке я был ранен, потому что там стояло очень много часовых по периметру, и один из них засек нас, открыл огонь и ранил меня пулями в голову. Кстати сказать, операцию мне сделали только в 1957 г. в институте им. Бурденко в Москве. Атак остался я на фронте, меня хотели отправить в госпиталь, но что-то помешало, и я лечился при части. В то же время 2 мая 1945 г. я вместе со своими однополчанами встретил в Берлине, всем было так хорошо, радостно, мы стреляли в воздух, подбрасывали шапки и пилотки, наконец-то свершилось. Помню, что я в воздух целый автоматный диск выпустил. Наша часть была недалеко от Рейхстага, нам даже показывали какие-то обгоревшие куски, говорили, что это Гитлер.

<…>

— Ваше отношение к замполитам?

— Хорошее, они обязательно нужны были в войсках, ведь среди наших солдат были такие валенки, что они не понимали ничего. А замполит выступит, расскажет, все объяснит, ведь в батальоне людей много, это нужное дело. И вмешательства в нашу работу они никогда не допускали, если плохой разведчик, то командир, который с нами шел, старшина или ст. сержант, он сам докладывал начальству. И на разборе задания обязательно прозвучит, если кто не справляется. Могли и убрать такого человека из разведки.

— Как старались одеваться в разведке?

— Мы надевали маскхалаты только зимой, а в другое время всегда брали с собой плащ-палатки темно-зеленого цвета с капюшоном.

— Как разведчиков вас берегли?

— Очень даже, как пехоту никогда не использовали. Мы сами, если надо, атаку поддержим. Но привилегий у нас никаких не было, там не до привилегий было.

<…>

— Нож обязательно с собой брали?

— Финка всегда с собой. Нам потом с Урала даже прислали «черные» ножи. Они были очень хорошие, заводские, ручка окрашена в черный цвет, стальное лезвие сантиметров 20, вот оно не окрашено было. Вообще, нож очень удобный, когда идешь в атаку, легко его держать было.

— Вас учили рукопашному бою?

— Обязательно. У нас был специальный учитель, майор по фамилии Кодаков. Занятие у нас проходило всегда утром, если только мы не находимся в разведке. Учили по-всякому, и борьбе, и захватам. И через плечи перекидывали, и подножку ставили, и переброску делали, и учили, как надо правильно за морду врага ухватить и свернуть ему шею. Всякие приемы постоянно тренировали, но у меня ссадин и ушибов не было, потому что я был маленький, верткий, всегда выкручивался.

— В чем заключалась задача мотоциклетной разведки?

— Мы идем впереди всех частей как группа разведки, в наш отряд входило два мотоцикла с колясками, на каждом пулемет и три человека, и один мой, одиночный, больше в группу никто не входил. Командовал у нас ст. сержант, его позже отправили на лейтенанта учиться. Хороший парень, и офицеры у нас неплохие были. Моя задача следующая: еду впереди, но в пределах видимости основных сил, как только я вижу врага, то сразу должен просигналить группе, т. е. поднимаю пилотку и с той стороны, откуда вижу немцев, ею размахиваю. Все без звука, ребята уже знают, какой условный знак, они сразу передают информацию дальше по рации. В разведку я всегда с собой брал два диска к автомату и пищу с собой, сухпаек, ведь мы, бывало, шли на неделю, так что с собой консервы, колбаска, сухари. Но все-таки мало у нас было продуктов.

— На какую глубину за передовые линии вы уходили?

— Много, и на 6–8 км в глубь территории врага, бывало, сутки и двое находишься в тылу у немцев.

— Сколько немцев вы убили лично?

— Точно не скажу, но знаю, что за все время войны больше сотни фрицев я положил.

— Как вели себя немцы при захвате?

— Они сразу руки поднимали, и все, только говорили: «Камрад!»

<…>

Байтман Михаил Ильич, дивизионный разведчик, старший сержант

Интервью — Григорий Койфман

Родился в июле 1925 г. в местечке Народили Житомирской области.

В начале тридцатых годов моя семья переехала жить в Киев, отец работал учителем, потом бухгалтером. Жили на улице Котовского, расположенной в районе ЕвБаза, рядом с табачной фабрикой. После окончания семи классов обычной средней школы я пошел учиться в специальную военно-морскую школу — СВМШ № 5. Тогда по стране создали несколько десятков военных спецшкол для подготовки будущих курсантских кадров: артиллерийских, морских, авиационных, и три из них открылись в Киеве. Наша школа располагалась в четырехэтажном здании на улице Красноармейской. Школьники ходили на занятия в морской форме, только на наших бескозырках не было лент. Школьников-артиллеристов дразнили «бананами», учащихся авиаспецшколы — «вентиляторами», а нас, моряков, — «калюжниками». Командовал нашей школой капитан-лейтенант Лисовский.

— Что было с вами сразу после начала войны?

— В июне сорок первого мы находились в летнем учебном лагере, возле села Плюты, ходили по Днепру в походы на шлюпках. 22 июня мы узнали о начале войны, и уже на следующий день всех спецшкольников на катерах вернули в Киев, где нас распустили по домам. Пришел домой, а мать сказала, что отца уже призвали и сегодня его должны отправить в армию вместе с другими мобилизованными. Их призывная команда ожидала отправки в Печерском районе, и я пошел проститься с отцом. И уже когда до Печерского оставалось совсем немного, меня окриком «Стой, руки вверх!» остановил милиционер. Его, видимо, «смутила» моя черная морская форма. Под дулом нагана он повел меня в отделение милиции, и люди, глядя на эту «картину», громко говорили: «Шпиона поймали!» Я предстал перед начальником отделения, который ошарашил меня вопросом: «С какой целью заброшен?!» На мои объяснения, что я живу на ЕвБазе и учусь в киевской военно-морской спецшколе, начальник только зловеще ухмылялся: «Ты только посмотри, как

их готовят! Все знают!» Я просил его просто позвонить в школу, и тогда все прояснится, но получил ответ: «Мне тебя легче шлепнуть!» И пока, наконец, милиционеры «снизошли» до звонка (и выяснив у секретаря, что есть такой ученик, что все учащиеся школы № 5 ходят в форме и что произошла нелепая ошибка), решились меня отпустить, моего отца уже отправили из Киева. Попрощаться с ним мне не довелось. Отец погиб на фронте в том же сорок первом году.

В июле стали снова собирать спецшкольников, и вскоре пароходом нас отправили до Днепропетровска, а оттуда наш путь лежал на Донбасс. Шли пешим ходом. Сидим в одно «прекрасное утро» в каком-то небольшом городке, нас было примерно пятьсот человек из школы ВМФ, а мимо нас по городу проносятся… немецкие танкетки… Капитан-лейтенант Лисовский быстро нас собрал в колонну и погнал строем на вокзал.

С револьвером в руке он носился по железнодорожной станции, пока не нашел машиниста и не заставил его выгнать из депо на пути старый паровоз, к которому прицепили несколько пустых товарных вагонов. И вся наша орава, плотно набившись внутрь и облепив эти вагоны, благодаря решительным действиям Лисовского вырвалась из города и не попала к немцам… А случись такое, даже страшно представить, что бы нас ожидало, больше трети спецшкольников были евреями по национальности… Добрались до узловой станции, здесь нам выделили вагоны, дали другой паровоз и повезли на юг. Мы были без продаттестатов, нас не хотели кормить на пунктах питания МЕІС, а жрать-то хочется, и мы начали громить и грабить ларьки и склады на станциях, так по пути нашего следования, возле продпунктов, выставляли вооруженную охрану, все уже были предупреждены, что к ним движется орда голодных моряков. Привезли в Баку, расположили на территории Каспийского ВМУ. Почти одновременно с нами в Баку прибыли курсанты Ленинградского военно-морского училища им. Фрунзе. Нас, спецшкольников 1924–1925 г.р., зачислили на подготовительное отделение этого училища, но надолго в Баку не оставили, пароходом через Каспий перебросили в Среднюю Азию. Мы были временно размещены в селе Чон-Курган, в 18 км от Джамбула.

В конце осени поступил приказ отправить наш подготовительный курс в Красноярск. Кстати, там же, в Чон-Кургане, остался капитан-лейтенант Лисовский и несколько мичманов из преподавательского состава проводить новый набор в спецшколу.

— Что произошло с вами в Красноярске?

— Поселили в здании городского театра, и начались занятия.

Мы к тому времени уже приняли присягу. Начались обычные курсантские будни, кормили нас хорошо, давали паек по курсантской норме 1А. Но наше настроение было подавленным, мы не могли спокойно учиться, зная, что Киев отдан врагу, а немцы стоят под Москвой. Но как уйти на фронт? Из училища никого в армию не отпускали. Нас подобралась «веселая компания», человек восемь, начали куролесить, специально нарушали дисциплину, вытворяли черт знает что, но никого с курса не отчисляли! Мы только постоянно «залетали на губу», но гауптвахта — это не передовая. Но мы твердо «следовали своим курсом». Ребята, помогавшие штатным писарям в канцелярии курса, заранее «подготовили почву» для нашего ухода на фронт, и в наших личных делах год рождения был переправлен на 1923 год. Решили пойти другим путем и завалить все зимние экзамены. Специально получили по три двойки, последнюю из них я «поимел» на экзамене по французскому языку, хотя это предмет «уважал», еще учась в пятой школе в Киеве. Нас, «двоечников», вызвали к начальнику училища, капитану 1 ранга, грузину. Ротный дал свою аннотацию: «Это преднамеренный саботаж!» Каперанг стал нас материть, орал: «Всех, б…, под трибунал отдам! Будете учиться?!» — «Нет». — «Будете пересдавать?!» — «Нет…» В итоге был отдан приказ по курсу о предании меня, моего друга Валентина Претко и еще одного курсанта-армянина суду военного трибунала с формулировкой «за саботаж». Согласно «принятому ритуалу» при отчислении из училища «по дисциплинарной статье» нас должны были исключить из комсомола на комсомольском собрании. Два раза курсанты это собрание срывали. Политрук в третий раз собрал курсантов роты и снова объявил повестку дня. Возле рубильника специально выставили часового, чтобы курсанты не выключили свет, как в прошлый раз, и не сорвали собрание. Встал наш товарищ Жора Мажный и сказал: «Предлагаю ограничиться обсуждением». Все проголосовали единогласно, мы остались в рядах ВЛКСМ. Мы сидели на «губе» в ожидании трибунала, у нас постоянно отбирали бушлаты, но каждый вечер товарищи приносили нам новые. А потом за нами пришли… и объявили, что мы отправляемся в запасной полк, что суда над нами не будет. Переодели в старое армейское обмундирование, но из элементов морской формы нам оставили тельняшки, сказав при этом, что это «подарок», с разрешения начальника училища, который приказал: «Тельняшки у них не забирать, пусть всегда помнят, что такое морская душа». Привезли в Ачинск, в «запаску». Голод, холод, нары. Баланду в обед давали в шайках, на взвод, так все набрасывались на баланду, как голодные звери… Месяц

мы провели в ЗАПе, разок проползли, пару раз стрельнули. А потом нас снова переодели в форму третьего срока, выдали обмотки, и в ЗАП приехали «покупатели» за маршевым пополнением. Один из них, в звании капитана, заметив наши тельняшки, сразу поинтересовался: «Кто такие? Ко мне пойдете?» И уже через две недели мы были на фронте под Москвой, в бригаде морской пехоты, кажется, в 110-й. Нас, всего 13 человек, отобрали в разведроту бригады, которая в этот момент находилась на переформировке во втором эшелоне. Командир роты, старший лейтенант, и несколько разведчиков из «старожилов роты», сразу занялись нашим «воспитанием»: учили стрельбе, рукопашному бою, показывали нам, как правильно сломать шею часовому, как метать штык, как маскироваться, и прочим вещам, необходимым любому разведчику. Бригада ранее была создана в основном из бывших матросов Балтфлота, бойцы ходили в смешанной форме, многие моряки сохранили бушлаты и бескозырки. Но все наше обучение не продлилось и двух недель. В спешном порядке нас бросили на передовую, и в этих боях разведрота действовала как обычное стрелковое подразделение, по крайней мере, я не помню, чтобы еще до своего первого ранения в то время мне довелось участвовать в настоящем разведывательном поиске.

— Кто-то из товарищей, бывших спешкольников из пятой школы ВМФ, или из курсантов с подготовительного курса ВВМУ позже последовал вашему примеру и тоже вырвался на фронт?

— Таких было не так много, моих товарищей, к тому времени уже облаченных в форму курсанта-моряка, сдерживали рамки армейской (флотской) дисциплины и сила приказа. Но все равно находились отчаянные головы. Например, был у нас один парнишка со шпанскими замашками, Митька Жила, сын одного из руководителей Украины. Его отец был зампредседателя Совнаркома УССР. Митька «слинял на фронт» еще по дороге из Баку. И когда об этом узнал его отец, находившийся вместе с правительством Украины в Куйбышеве, в эвакуации, то Жилу стали, по поручению папочки, разыскивать по всем фронтам. Обнаружили его аж на Ладоге, в военной флотилии. Митьку под конвоем вернули к нам, но, насколько я знаю, он училища так и не закончил, куда-то опять исчез, возможно, что снова сбежал на фронт. Или был у нас в классе Гриша Пирогов. Столкнулись с ним после войны, в Лукьяновской тюрьме, находясь по «разные стороны баррикад». На фронте он был лейтенантом, а после войны Гриша стал профессиональным вором, и когда мы случайно встретились в тюремном коридоре, он «шел по делу»

под фамилией Николаев. Мы обнялись, пожелали удачи каждому на своем «поприще», лишних вопросов друг другу не задавали, хотя он сильно удивился, что я остался на войне живой.

Ему кто-то из общих знакомых рассказал, что меня убило на фронте еще в 1942 г.

— Ваши первые фронтовые впечатления?

— Вот вам маленький эпизод. Идет бой, мы лежим в отдельных ячейках. Рядом разрывается снаряд, и мне осколком перерубает палец на ноге. Из соседнего окопчика мне кричит раненый Валька Претко: «Мишка, куда мы, блин, попали?! Тут же убивают!»

— В госпитале долго лежали?

— Где-то с месяц. Потом из госпиталя мы вместе с Валентином попали в 12-ю гвардейскую стрелковую дивизию, отведенную в прифронтовую полосу на пополнение. Нас сразу направили в дивизионную разведроту.

— Существует «стандартный набор вопросов» к бывшим разведчикам. Примерно 20–25 «дежурных» вопросов. Если какие-то из них вам покажутся банальными, лишними или наивными — не судите строго. Вы три года провоевали в одной разведроте и остались в живых, случай крайне редкий… Давайте начнем. Как вас встретили в разведроте?

— Сначала присматривались, приглядывались. Как себя ведет? Как пьет? Некоторым моя фамилия — Байтман — поначалу показалась «неблагозвучной», но я был товарищ хулиганистый и дерзкий, отпор давал сразу, пил наравне со всеми и быстро «вписался в наш дружный бандитский коллектив». Физически был здоровым, очень крепким, до войны был хорошим гимнастом, и когда начались занятия разведчиков (мы тренировались на ночные вылазки и прочее), то я показал себя на должном уровне, и все «сомнения в мой адрес» исчезли сами собой. Разведрота на тот период состояла из двух взводов, нас с Валькой зачислили в первый взвод.

— Весь сорок второй год 12-я гв. дивизия вела позиционную войну на Московском направлении, и проведение разведпоисков в условиях подготовленной во всех отношениях стационарной эшелонированной обороны противника всегда являлось сложной задачей. Каким для вас был первый разведвыход?

— Сидели на передовой, в первой траншее, долго приглядывались к немецкой обороне. Потом, ночью, мы поползли. Впереди сапер, за ним десять разведчиков, сзади связист и санинструктор. Прямо возле первой немецкой траншеи кто-то из наших кашлянул, немцы нас заметили, в воздух полетели осветительные ракеты, и по нам открыли бешеный

огонь со всей линии немецких позиций. Мы насилу унесли ноги, выбрались из этой передряги, имея в группе одного раненого. Начальство приказало: «Завтра пойдете снова!» На следующую ночь мы пересекли «нейтралку» без происшествий, затаились возле немецкого блиндажа. Смотрим, часовой «маячит», решили его «снять», а потом забросать блиндаж гранатами, но так получилось, что часовой, считайте, сам пришел в наши руки, мы его скрутили, сунули ему кляп в рот и начали отходить. Но не проползли и двадцати метров, как немец выплюнул кляп и заорал на всю округу, его товарищи сразу всполошились, поднялась паника, по нам открыли пулеметный и минометный огонь, и, кстати, «языка» легко ранило, но немца мы доставили в штаб дивизии. Начальству этот «язык» категорически не понравился, наши «штабные боссы» ходили недовольными, с кислами физиономиями…

— Из кого формировалась разведывательная рота 12-й гв. СД?

— Набирали в разведку только добровольцев. Исключений — не помню… В разведку шла в основном бесшабашная азартная отчаянная молодежь, бывшие уголовники и бывшие штрафники, одним словом, те люди, которым нечего было терять и которые заранее, сознательно и по своей воле, подписали себе смертный приговор или «заявку на тяжелое ранение» уже в ближайшем будущем. Иногда приходили опытные бойцы, люди в возрасте, помню, как к нам прибыл один пожилой сибиряк, бывший таежный охотник, так его сразу стали использовать «по прямому назначению», как снайпера. У нас в роте была своя снайперская винтовка. Один раз в роту попал молодой паренек, прирожденный разведчик, ас разведки, как говорят, от бога. Он всегда сам лез в самое пекло и был смертельно ранен. Никогда в роту не зачисляли тех, кто был на «оккупированных территориях». Примечательно, но мне запомнилось следующее: в конце войны к нам стали реже попадать бывшие уголовники, видимо, «кадровики» и разведотдел уже стали «фильтровать при приемке» будущих разведчиков, а может, все просто — поток зэков на передовую иссяк. Одним из «последних урок», попавших в мой взвод, был «щипач»-карманник, по имени Виктор, неплохой парень, но полностью испорченный тюрьмой. Прибыл после штрафной роты и госпиталя и вскоре выбыл из роты по тяжелому ранению. Добровольцы были всегда, но из-за высоких потерь людей постоянно не хватало. Нередко в роту попадали «случайные люди», наивно думавшие, что в разведке «веселая житуха» и «ордена мешками», а потом… как разбирались, что тут у нас творится, то не знали, как от нас выбраться. Насильно в

разведроте никого не держали, но и сразу из роты никого не отпускали, начинали уговаривать… Некоторые оставались «из-за любви к искусству» и постепенно втягивались в наш тяжелый и очень кровавый труд.

— Как готовились разведвыходы? Каким было вооружение и оснащение в разведроте? Кому разрешалось не участвовать в поисках?

— Как правило, полученную задачу мы обсуждали всей разведгруппой, назначенной на поиск, сразу отбирались 5–6 человек в группу захвата и 8–12 человек в группу прикрытия. А что там будет дальше, никто из нас знать не мог. Простое задание могло обернуться в сложное, и наоборот. А нередко нас гнали в поиск с бухты-барахты, без предварительной должной подготовки, с требованиями немедленно достать «языка», любой ценой, умереть, но добыть, кровь из носу, не считаясь с потерями. Характерные примеры приведу позже. Насчет вооружения: автоматы ППШ, гранаты, финки, трофейные пистолеты. Ручных пулеметов в нашей разведроте было несколько, но в поисках их не использовали. Иногда брали в поиск трофейные автоматы. Мне пару-тройку раз пришлось вести в бою огонь из немецкого трофейного пулемета, изумительное, скажу я вам, оружие, легкий и надежный пулемет. В конце войны разведчиков вооружали автоматами ППС. Своего авто-

транспорта в роте не было, только после войны мы «прибарахлились», у меня даже появился свой личный мотоцикл марки «Лендерер», на нем и гонял. По поводу участвовавших в поисках. Саперов и радистов нам придавали из дивизии. В поиске, кроме «штатных разведчиков», участвовал наш санинструктор, прозванный «Санька с трубкой». И даже наш ротный повар мог по своему желанию пойти в разведку. В обороне нас кормили от штаба дивизии, и наш повар в принципе сидел без дела, так иногда сам вызывался на задание. Старшина роты в поисках не участвовал, но это не гарантировало жизнь, и они, старшины, тоже под Богом ходили, у нас за войну погибли трое или четверо человек, служивших на должности старшины роты, кого при бомбежке убьет, кто поедет в тыл за провиантом и на мине подорвется…

По командирам. Долгое время нашей ротой командовал капитан Медведев. В поисках он лично не участвовал. Но я не могу поставить ему это однозначно в упрек, поскольку, как мне помнится, у нас в разведроте говорили, что был с конца сорок третьего года какой-то специальный приказ, запрещавший офицерам, находившимся на должности ПНШ — по разведке или служившим в разведотделе дивизии, и подобным им ходить в тыл

врага, так как они являлись носителями секретной информации. Но был ли такой приказ в действительности — я не знаю. На должности командиров разведвзводов присылали бывших пехотных офицеров, после госпиталей, людей тертых, с фронтовым опытом. «Зеленые лейтенанты», которые сразу ***«с*** корабля на бал» — «вчера из училища», к нам очень редко попадали. Взводные у нас постоянно менялись. Командирам разведвзводов приходилось попотеть, пока их разведчики посчитают своими. Иногда над новыми взводными лейтенантами подшучивали, проверяли реакцию. Могли «подначить», в темноте кинуть к новому лейтенанту в землянку комок земли и крикнуть: «Граната!» — и посмотреть, как он себя поведет в этой ситуации. Одно время у нас был очень хороший взводный, свой парень, смелый разведчик, лейтенант Федорчук.

— Из тех, кто был в роте весной 1942 г., сколько довоевало в ней до конца войны?

— Двое. Я и Федя Уржаткин, сибиряк, 1920 года рождения. Еще было два человека, прибывших в роту под Курском. Но все «ветераны роты» были за время службы в разведке ранены как минимум по 2–3 раза и возвращались, именно как гвардейцы, в свою часть после госпиталей. А остальные разведчики нашей отдельной дивизионной разведроты начинали воевать в разведке на Днепре и позже. И если в начале сорок третьего года в составе разведроты числилось 40–50 человек, то в мае 1945 года списочный состав разведроты дивизии состоял из 19 человек, и это считалось нормальным явлением. А сколько всего сотен человек прошло через нашу разведроту за три года войны, я сказать затрудняюсь.

— Разведчики считали себя кастой?

— Безусловно, мы считали себя отдельной, особой группой бойцов, со своими традициями и правилами. Сплоченная группа со своим «монастырским уставом».

В нашей разведроте был непреложный «обет молчания». В роте боялись лишнего ляпнуть, сразу бы последовала немедленная расправа. Нервы у всех и так были на пределе… Кто нас прилично зацепил — могли его запросто убить…

И все солдаты знали, что, например, лейтенант такой-то погиб не от немецкой пули…

Или если достоверно узнавали, что кто-то стал «стучать особистам», то такого человека быстро «убирали» при первой возможности, «пришивали» в подвернувшейся обстановке.

— Что такое «обет молчания» конкретно в вашей разведроте?

— Пример хотите? Был у нас в сорок втором году на

переформировке один бывший моряк-черноморец, украинец, мой земляк из Киева, старше меня лет на семь. Производил впечатление «тертого калача», прошедшего «огонь и воду», умел так «травить баланду», что мы ему чуть ли не в рот от удивления и восхищения заглядывали. Одним словом, умел этот моряк произвести достойное впечатление и заслужить наше уважение. Но когда дивизия вернулась на фронт, он прямо перед выходом в поиск прострелил себе из автомата мясо под мышкой. Классический самострел, замаскированный под случайный выстрел. И мы его решили спасти от трибунала и не выдали. После санбата он, к нашему удивлению, вернулся в разведроту. Потом меня ранило, и получаю в госпитале письмо от ребят, что моряк снова себя «повредил», стал «голосовать», специально высунул руку из траншеи и получил от немцев пулю в ладонь. И опять его не выдали… Через тридцать лет после войны этот человек стал в республике довольно известным деятелем, писал книги о героических разведчиках и о себе в том числе. Я случайно столкнулся с ним на улице, в Киеве. Он сразу меня узнал, побледнел, как стена, но я ему сказал: «Живи спокойно, я тебе не судья, „геройствуй“ дальше»…

— Как командование дивизии и офицеры штаба относились к разведчикам?

— Отношение к нам было весьма сложным. Насчет первого комдива полковника Эрастова я ничего толком не помню, а вот полковник Мальков, командовавший дивизией два года, не очень разведку жаловал, в своих «любимчиках» нас не держал и, что особенно грустно, разведроту никогда не берег. При любой «возможности и необходимости», надо не надо или чуть что где-то идет не так, использовал разведчиков в бою, как простую пехоту. Приходил к нам в роту всего несколько раз, на вручение наград, и очень хорошо запомнился его визит к разведчикам перед форсированием Днепра, когда он лично ставил нам задачу. Никакой «слабости» комдив к разведке не питал. А отношение к нам штабных офицеров или командования полков было в большей части негативным, они считали, что своим развязным видом и независимым поведением мы подрываем дисциплину в дивизии.

Нас все побаивались, считая отпетыми «отморозками», головорезами…

И полковые разведчики иногда смотрели на нас искоса, они считали, что мы более устроенные, «пригрелись возле штаба дивизии с девками из санбата». Мы могли себе позволить гораздо больше, чем они…

— По вашему мнению, подобное отношение командиров к

дивизионной разведке было обоснованным?

— Возможно. Мы зачастую вели себя как блатные, как прожженные уркаганы, наша речь была пересыпана словами из воровского или морского жаргона. А что поделаешь, если треть роты из бывших зэков. Докладывая начальству о поиске, старший группы мог, без задней мысли, сам того не замечая, использовать слова «шухер, хипиш, фраер, пика» и так далее. Иногда мы просто подыгрывали себе, «работали на репутацию» нашей, так сказать, «свирепой и кровожадной роты разведки». Даже то, как мы были одеты и вооружены, разительно отличалось от обычной пехоты или полковых разведчиков. Когда в Германию зашли, то мы там здорово покуражились.

Иногда стоит перед нами группа цивильных немцев, а ребята на меня пальцем показывают и говорят им: «Это юде! Юде! Ферштейн? Сейчас вас шиссен будет!»

И немцы в ожидании «расстрела» с ужасом смотрели на меня, а мы смеялись… Посмотрел как-то в заброшенном доме на себя в зеркало, а ведь действительно я выглядел как настоящий громила: на голове кубанка, чуб, лицо зверское, из расстегнутого ворота видна тельняшка, хромовые сапоги, на мне автомат, гранаты, пистолет в трофейной кобуре, отдельно штык-нож, да еще висит какой-то кривой ятаган в серебряных ножнах, подобранный в немецком «буржуйском» особняке. «Живописный анархистско-бандитский вид»…

— Политработники и особисты, скажем так, «уделяли внимание» разведроте? Как вы лично к ним относились?

— Иногда из штаба дивизии в расположение роты приходили всякие парторги и комсорги, но все их слова были настолько далеки от нас, и любые призывы агитаторов отскакивали от нас как горох от стенки. Мне лично это было ни к чему, я воевал за Родину и за Сталина, мстил за свою убитую немцами родню. Всю семью мою немцы уничтожили, а наш дом разрушили. Отец, все мои дяди и все восемь двоюродных братьев погибли на фронте. Бабушку убили прямо возле нашего дома, еще до Бабьего Яра, просто вытащили на улицу и застрелили у порога… Так к чему мне была нужна комиссарская пропаганда? На войне я в партию так и не вступал.

Сталина я на фронте считал Богом, верил, что все, что говорили о «врагах народа» и о «вредителях», — это чистая правда, готов был во имя вождя любого убить. Во второй половине пятидесятых годов, когда я работал в прокуратуре, началась волна реабилитаций по делам репрессированных в 1937–1940 гг. Людей в прокуратуре для пересмотра дел не хватало, и нас «бросили на подмогу» группе, официально

занимавшейся этим вопросом. Каждый день, утром, секретарша разносила нам, по столам прокурорских работников, стопки папок с делами расстрелянных, на решение о реабилитации. Я читал эти дела, и волосы вставали дыбом. Дела тонкие, всего 7–9 подшитых бумажек, донос, постановление об аресте, протоколы двух-трех допросов, а в конце бумага с постановлением ОСО, суда или трибунала о расстреле и еще одна, обязательная — о приведении в исполнение. И все… и нет человека… Дела, почти все, за малым исключением, — насквозь липовые, но больше всего поражало обилие доносов, с дикими обвинениями, например, такими: «Читал газету „Правда“ и при этом ехидно улыбался». Дальше — «раскрутка» по 54-й статье УК УССР и «высшая мера социальной защиты».

И когда я понял, за что (а главное — сколько!) безвинных людей погубили по воле и во имя «вождя народов», то я прозрел, мне стало страшно — я не мог до конца понять, почему наше поколение было настолько слепым и одурманенным, ведь мы умирали в бою не только за Родину, но и за этого деспота и тирана тоже…

Но это я немного отклонился от вопроса…

Что еще добавить о комиссарах? Перед серьезными поисками, сложными заданиями они могли пожаловать в разведроту, иногда даже мог заявиться лично сам нач. ПО дивизии полковник Юхов. И в эти «визиты» они иногда помимо обычных «напутствий» нам открыто говорили следующее: «Не дай бог вам попасть в плен! Последнюю гранату, последний патрон — для себя! Вы, разведчики, воюете без права на плен!» Есть еще один аспект деятельности политработников, в котором надо отдать им должное.

Национальная напряженность в стране постоянно витала в воздухе, и только политруки смогли подавить подобные настроения в армейских рядах…

А с особистами разговор был отдельный. С разведкой им было сложно «работать», у нас их «хитрогребанные штучки-дрючки» не прокатывали… Круговая порука…

Один раз «особист» хотел меня «вербануть»: ты, мол, старший группы, заслуженный разведчик, мы на тебя надеемся. Я ответил ему: «Эти номера у вас не пройдут, и вообще, наш разговор пустой и бесполезный. Если мы чего заметим, то без вас с любым разберемся сами». Он ретировался совершенно спокойно, поскольку заранее ожидал подобный ответ… Да и зачем ему с нами связываться? У нас хватало отчаянных голов, которые бы не посмотрели ни на звание, ни на род войск, ни на принадлежность к спецслужбе. Как-то у нас по тылам гонял на машине пьяный

заместитель командира корпуса генерал-майор Густышев, известный самодур. «Порядки наводил». Нарвался на молодого старшину, который ехал в тыл за боеприпасами. Генерал схватился за пистолет и матом: «Я щас тебя! Почему драпаешь в тыл?! Вперед! Застрелю!» Старшина направил автомат на Густышева, передернул затвор и сказал: «Б…! Смерти захотел, морда генеральская?! Получай!» Трезвеющий на глазах Густышев заскочил назад в свою машину и отвалил по-быстрому. И нашему старшине ничего за это не сделали, никто его не тронул, хотя этот случай стал известен многим. Видимо, сам генерал не хотел поднимать шум и выставить себя в самом неприглядном виде. Вот такой эпизод…

Следует заметить, что в разведроте никто не вел разговоры на политические темы, мы не обсуждали действия генералов и всяких там командармов или «преимущества колхозного строя» — нам это было ни к чему… Жили одним днем… Никому не завидовали. Мысами выбрали свою судьбу. Один раз пришлось напрямую контактировать с особистами и выполнять специальное задание за линией фронта по «заявке СМЕРШа», и, кстати, особисты-офицеры пошли вместе с нами в тыл к немцам.

— Какие ощущения вы испытывали перед поиском и по возвращении с задания?

— Перед любым поиском, неважно, пятый он для тебя или двадцатый, я испытывал сильное душевное напряжение. Чувство грядущей смертельной опасности само выдавливало из тебя слова: «Если что, не поминайте лихом…» Завещали «трофеи» своим товарищам… А вернувшись живыми и осознав задним числом всю степень риска и тяжести выполненного задания, мы радовались, как дети, выпивали и даже пели песни под гитару.

— Мелькала иногда у вас мысль, мол, устал воевать?

— Не было у меня таких ощущений и мыслей, что я «устал убивать и воевать». Но иногда мечталось о легком ранении, хотелось немного отдохнуть на госпитальной койке. Постоянное физическое и психическое напряжение настолько выматывает, что волей-неволей организм и психика сдавали и требовали передышки. Постоянное ожидание смерти деформирует психику, а служба в разведке, когда ты постоянно теряешь боевых товарищей или убиваешь кого-то, — это отдельная тема. После войны я сам удивлялся, насколько зачерствело и озлобилось мое сердце и какими стали мои нервы, я «заводился с пол-оборота»… Поймите сами, выдержать все это было непросто. В Пинских болотах зимой немцы закрепились на высотах, а мы лежим в воде на болоте. Холод собачий. Замерзали насмерть, но даже чихнуть толком никто не мог себе позволить, сразу в небе появлялись

осветительные ракеты, а все болото прочесывали из пулеметов. И когда мы вышли из этого болота и прикладами автоматов отбивали лед со своих шинелей, то никому из нас мало не показалось. Но вот ранило меня в очередной раз. Под Брестом, прямо в окопе, осколками мины зацепило по ногам, не задев костей. Пролежал я несколько дней в санбате и сразу затосковал по своим товарищам по взводу, и даже по своей фронтовой службе и доле…

— Вы сказали: «Мы никому не завидовали». Но обычно дивизионная разведывательная рота находится в затишье рядом со штабом дивизии. Возле вас постоянно снуют с деловым видом сотни людей в военной форме, скажем там: штабники, обслуга, писаря, снабженцы, холуи-ординарцы, рота охраны, солдаты различных тыловых служб и специальных подразделений, ППЖ — одним словом, группа военнослужащих, вся война для которых проходила в 5–7 км от передовой. Ведь управление дивизией и ее тылы — это целый аппарат, с многочисленным личным составом и разной челядью и так далее. Сытые, бритые, блестят орденами на кителях. Кому война — кому мать родна… Честно скажите, не было желания поменяться с ними местами? Ведь сколько можно жизнью в разведке рисковать.

— Нет, у меня никогда не возникало желания стать «тыловой крысой». Поймите меня правильно, я был здоровый молодой парень, патриот до мозга костей и по молодости лет даже не представлял, как это можно человеку, имеющему совесть, увильнуть от передовой? Но в отношении этого сонма людей, служивших по праву, по специальности или по возрасту во вспомогательных и штабных подразделениях, или, скажем, к определенной категории красноармейцев, «пристроившихся» в тылу, мы особой ненависти не испытывали. Пренебрежение проскальзывало, но зависть — никогда. Мы же сами — добровольно пришли в разведку и знали, какая судьба нам достанется.

А в отношении тыловиков — что сказать… Все понимали, что «свято место пусто не бывает», и всегда среди массы людей найдется кто-то очередной «хитромудрый», что пригреется адъютантом или денщиком в штабе возле сытого начальника, а вместо него погибать и проливать кровь будет какой-нибудь простой и безответный Ванька-взводный. Понимали, что кто-то другой должен передовые части снабжать, обеспечивать, писать докладные, подвозить боеприпасы, чинить, кормить, охранять склады, и тому подобное… Всех в первую цепь, в атаку, «в активные штыки», все равно на загонишь… Недоумение и

презрение у нас вызывали не пожилые тыловики-обозники, а только молодые здоровые наглые «лбы», сразу «нашедшие свое место на фронте» в писарях, особистах и в многочисленных рядах всякого пошиба «ординарцах»…

— Вы считали себя «смертником»?

— Если честно — да… И даже матери с сорок второго года никаких писем не писал.

Она прислала мне письмо на фронт со словами, что-то вроде: «…Сынок, бей врага без жалости, смелого пуля боится и штык не берет». Я его прочел, меня эти «пожелания» почему-то задели, и я решил больше маме не отвечать. Зачем надеждой мать мучить, пусть думает, что ее сын уже погиб… Написал ей снова только через несколько месяцев после войны, когда немного «отошел сердцем» и сам убедился в том, что, наверное, буду жить дальше. Мать мое письмо получила и все равно тогда не поверила, что я живой. Ей в конце 1944 г. прислали «похоронку», что я убит в бою под Ригой… Сколько раз, вернувшись из боя или с разведзадания, мы не верили, что уцелели, что нас не ранило и не убило, ощупывали себя, шалея от радости…

Это же постоянное балансирование на грани жизни и смерти…

А других «на ровном месте» убивало, кого шальной пулей, а кто и на мине подрывался в своем тылу… Осенью сорок третьего мы освободили какое-то небольшое село. Из одной хаты вышла женщина с сыном, парнишкой лет пятнадцати, вынесла нам, троим разведчикам, кринку молока. Стоим, разговариваем, пьем молоко. И тут внезапный немецкий артналет по селу. У хозяйки за домом была вырыта щель для укрытия, на случай бомбежки. Мы туда. Двое товарищей прыгнули в нее, я пропустил женщину перед собой и тоже бросился в щель. Ее сын упал на меня сверху. Залегли. Взрыв снаряда.

И тут у меня вся спина от чего-то стала мокрая. А это… сыну хозяйки голову начисто, как бритвой, крупным осколком оторвало, и его кровь хлынула на меня… Я до сих пор не могу забыть горе и крик его матери… Не было бессмертных… Долго никому не везло…

В дивизии был один командир батальона, ЕСС, которого все считали заговоренным от пуль. Из любой смертельной схватки, из любой кровавой переделки он выходил живым. Ни разу не был ранен, хотя, как все говорили, ни разу не ложился под немецким огнем. Помню, в Прибалтике, прямо на моих глазах во время боя этот комбат, в до блеска начищенных сапогах, идет вперед в полный рост под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника. Рядом с ним разрывается снаряд и его взрывной

волной швырнуло на землю. Он встал, отряхнулся, сказал: «Вот, гады, попадать начали!» — и снова пошел вперед… Мы просто охреневали. Но в следующем бою несут этого комбата с поля боя на носилках, и все говорят — ранение-то смертельное…

Но не всегда судьба разведчика заранее была обречена. Некоторые из наших ребят-разведчиков после очередного ранения из госпиталей попали в военные училища и вернулись на фронт уже офицерами, после относительно долгого перерыва в «своей войне», и в итоге остались живы. Мой верный товарищ Валя Претко после очередного ранения, в 1944-м, попал в танковое училище, после войны стал подполковником. И наш гитарист, Коля Легкоступ, тоже после ранения был направлен учиться на офицера и дослужился до подполковника.

— У разведчиков роты были предчувствия, что именно сегодня — «последний день»?

— Да… Такие предчувствия были не только у разведчиков.

Многие безошибочно определяли, когда их убьет. У меня был товарищ, еврей, фельдшер одного из стрелковых батальонов нашей дивизии, в звании старшины. Звали его, как и меня, Михаилом, до войны он успел закончить два или три курса медицинского института. Шутник, весельчак, бесстрашный человек. В Латвии он как-то начал с утра прощаться с товарищами, сказал: «Сегодня меня убьют». Батальон шел по дороге, и тут случился внезапный немецкий артналет. Все побежали к ближайшему лесу, а он остался сидеть на повозке. Ему кричали: «Мишка, сюда! Давай к нам!» Но он не побежал, а просто не сдвинулся с места. И через минуту в него прямое попадание… Когда мне сказали о его гибели, я места себе долго не находил…

— Были случаи, что разведгруппы из состава вашей разведроты, и полностью погибали в немецком тылу?

— Чтобы никто из поиска не вернулся — у нас таких случаев не было. Случалось, что погибала большая часть разведгруппы. Помню, как-то в Белоруссии ушла к немцам в тыл группа из 12 человек, а к своим вышли, а вернее сказать — выползли, истекая кровью, только двое раненых разведчиков. Остальные погибли… Таких трагических эпизодов в нашей роте было несколько в 1943–1944 гг.…

— Кто-то из разведчиков роты попал к немцам в плен? Существовал ли у вас в роте закон — убитых товарищей врагу не оставлять?

— Таких достоверных случаев, чтобы кто-то из нашей роты в плен к немцам попал, я не припомню. Понимаете, сам факт, что такое может где-либо случиться, казался нам невероятным,

воспринимался нами как вселенская катастрофа. Мы были уверены, что в любом состоянии даже тяжелораненый разведчик, на последнем дыхании, находясь в сознании, не даст себя пленить и успеет застрелиться или взорвет себя последней гранатой. Но на войне всякое могло произойти. Пафосные лозунги и легендарные символы — это, конечно, прекрасно, но… Ведь попадали в плен и дивизионные разведчики… И за примерами я вас далеко не отправлю. Рядом со мной живет Зильберштейн, воевавший на Калининском фронте в отдельной разведроте 93-й стрелковой дивизии в группе ГСС Головина. В феврале 1943 г. немцы перебили в двадцати метрах от своих позиций группу захвата из шести разведчиков и единственного живого, тяжелораненого Зильберштейна, взяли в плен, почему-то добивать не стали, а даже отправили на перевязку к своим медикам. Он по национальности наполовину армянин, в плену назвался фамилией матери — Саджанян — и поэтому смог уцелеть.

В сорок четвертом году сбежал из плена, под Витебском вышел к своим, но на проверке в СМЕРШе из него стали «ковать» предателя, мол, «как же ты так опозорился, разведчик, и в плен попал?! А может, сам к немцам слинял?», и в трибунале ему дали 10 лет сибирских лагерей, «десятку за плен» как изменнику Родины. Немцам или власовцам он не служил, полицаем не был, но плен ему не простили, и основным лейтмотивом на допросах был именно этот: «Разведчик в плену?! Быть такого не может!» Реабилитировали его только в пятидесятых годах.

И такая судьба иногда была у разведчиков…

Насчет раненых в поиске я могу сказать следующее — своих раненых товарищей-разведчиков мы немцам ни разу не оставили. Пошли на задание, прямо возле первой немецкой траншеи у кого-то хрустнула ветка под ногами, нас заметил часовой, дал длинную очередь и ранил одного из разведчиков в бедро. Мы, не ввязываясь в перестрелку, сразу стали отходить, чтобы вытащить своего раненого. Вынесли его к своим, в госпитале ему ампутировали ногу. И этот эпизод достаточно типичный для полковых или дивизионных разведчиков. Жизнь раненого товарища была для нас самым важным на свете. Ползем к своим под огнем, у нас раненый и немец-«язык», тяжелый, сволочь, попался, да еще крутится все время. Чувствуем, что двоих к себе не дотянем. Старший группы командует: «Кончай его!» Я ударил «языка» финкой под сердце раза три. Потом, в штабе, за это дело мы получили очень серьезный нагоняй, но обошлось без трибунала… Но вот у меня был очень неприятный случай, что мы не смогли вытащить тело убитого товарища. Пошли в поиск, нас

засекли на подходе, и немцы начали преследование. Мы, группа захвата, всего четыре человека, отбивались. Одного из наших тяжело ранило, а второй получил множественные смертельные ранения. И мы оставили тело убитого и, отстреливаясь, потащили своего тяжелораненого. И когда мы вернулись к своим, то разразился неимоверный скандал. На меня орали как на последнего предателя. А что можно было сделать в той ситуации?..

— Допустим, подготовлен поиск, все заранее спланировано, все роли распределены. В каких ситуациях допускались «импровизации»? Я не имею в виду случаи, когда разведгруппа обнаружена противником.

— Приходилось постоянно приспосабливаться к новой ситуации, любой шаблонный подход, тупое следование первоначальному плану, в случае возникновения непредвиденных обстоятельств грозил смертью для всей группы. Например, мы планировали взять «языка» из боевого охранения, но, обходя «свежее» минное поле и заграждения, вышли сразу к сильно укрепленной траншее первой линии обороны.

А «языка» брать необходимо. Рядом большой немецкий блиндаж. Часового зарезали, в трубу тихо опустили две гранаты. После взрывов ворвались в блиндаж, раненых добили, а двоих целых, но сильно контуженных немцев взяли с собой. Вышли к своим без потерь убитыми в группе.

— Например, группа получает задание из разряда «невыполнимых». Могли разведчики сознательно не пойти на такое задание или «схимичить» при его выполнении?

— Невыполнение приказа во фронтовой обстановке — это, знаете ли, не шутка.

Или к стенке поставят, а в лучшем случае — в штрафную зашлют, третьего не дано. Хотя был один исключительный случай, что мы смогли убедить начальников, что шансов нет и на данном участке немецкой обороны нам ничего в поисках не светит. Но к нашим доводам прислушались только после того, как разведчики дважды нарывались на немецкие засады. А такая вещь, как «заранее спланированный сговор в группе», чтобы «сачкануть», даже если полученное задание на все 100 % гибельное, — мне не кажется возможным. Пять-шесть человек в группе захвата, еще с десяток в группе прикрытия — со всеми не договоришься, кто-нибудь обязательно лишнее когда-то ляпнет. Но если мы видели, что «дело пахнет керосином», то сами отходили назад, без «языка» или даже без попытки захвата. Наш командир разведроты шел докладывать наверх об обстоятельствах неудачного поиска, и на следующий день нас

снова гнали на то же задание. Но «крылатая фраза» начальников: «Без „языка“ лучше живыми не возвращайтесь!» — звучала нередко…

— Как часто разведчики роты ходили в немецкий тыл на задания, заранее предусматривающие нахождение во вражеском тылу в течение несколько дней?

— Мне трудно сказать, с какой частотой давались подобные задания, но обычно это происходило, когда мы получали приказ любой ценой взять только «языка»-офицера.

Один раз, в Белоруссии, мы торчали в немецком тылу трое суток, зашли вглубь километров на восемь, но не могли никого взять. Нас пять человек разведчиков и еще приданный группе радист. По рации нам передали приказ: «Без офицера не возвращаться!» А что нам оставалось?.. Расположились в лесу возле дороги, по ней интенсивное движение, между машинами короткие интервалы. Выбрали момент, на дороге подложили «скобы». Шла немецкая «легковушка», скаты пробило. Шофер вылез посмотреть, что произошло, тут мы его «уработали ножичком», а в машине взяли целым офицера, гауптмана. Офицер, кстати, смертельно перепугался и от неожиданности даже описался. Машину закатили в лес, труп водителя спрятали, нас не успели заметить. Его довезли живым, вышли назад без «больших приключений» и, самое главное, без потерь…

— Какой свой разведвыход вы считаете самым удачным?

— Каждый поиск, из которого вся разведгруппа вернулась живой, для меня — самый удачный. Но был один поиск, от результатов которого все наше командование просто «впало в экстаз». Это произошло там же, в Белоруссии, и «сценарий захвата» чем-то похож на предыдущий случай. Взяли ***«с*** дороги» обер-лейтенанта с хорошими штабными документами, офицера, который действительно много знал и оказался весьма разговорчивым и информированным. За него для нас орденов не пожалели. Но взять «языка»-офицера удавалось редко… Офицер — это большая удача…

— Как немцы вели себя в плену?

— Тех, кто держался в плену стойко и достойно, было немного, хотя и попадались крепкие духом. Один интересный момент. У нас в разведотделе штаба дивизии переводчиком служил немец-коммунист, перебежавший к нам еще до войны. Он, помимо работы переводчика, еще занимался контрпропагандой на установке ПТУ.

Так этот переводчик мог зайти на допрос «языка» в немецкой офицерской форме и приказать пленному солдату или унтеру: «Рассказать все!» И немцы, свято чтившие и соблюдавшие

армейскую дисциплину и субординацию, начинали «развязывать языки», получив приказ от «герра лейтенанта». И такое бывало…

— Немецкие разведчики работали так же успешно, как и наши?

— А я не знаю, по каким критериям оценивалась успешная деятельность немецкой разведроты. Но работать они умели, в воинском мастерстве им не откажешь. Как-то в Белоруссии они утащили у нас офицера из штаба дивизии, так об этом ЧП многие не решались говорить даже шепотом. Но немцы аккуратисты, у них все было рассчитано по секундам, без гибкости, и такой подход нередко их губил.

— С немецкой разведкой на «нейтралке» приходилось сталкиваться? Некоторые разведчики упоминают подобные эпизоды в своей боевой биографии.

— На самой нейтральной полосе у меня такого не случалось, но был один выход, что мы уже подползли очень близко к немецкой траншее и приготовились к захвату, как из траншеи вдруг стали выползать в свой разведпоиск довольно большой «компанией» немецкие разведчики. Мы сразу открыли огонь в упор и отошли с боем. Немцев было раза в три больше, чем нас, но они были ошеломлены и, наверное, здорово перепуганы от такой неожиданности, и толкового преследования за нами не смогли организовать. Мы не взяли «языка», но и сами вернулись без потерь в группе.

— Как принимали пополнение в разведроте? Проводились ли с новичками какие-то специальные занятия по подготовке разведчика?

— Все зависело от предыдущего фронтового опыта новичка. Бывшего партизана или человека, уже немного повоевавшего в разведке, многому учить было не надо. Если в разведку попадал совсем «зеленый», то его учили бесшумно ползать, убивать кинжалом, сворачивать шею, объясняли смысл тех или иных жестов, используемых в поиске.

— Умение «убрать» врага ножом не всем дано. Были такие, которые оказались психологически неготовыми действовать холодным оружием?

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Нет, у нас в роте таких «кисейных барышень и слабонервных» не было. Вы же прекрасно знаете, что в разведку не приходили, скажем, массово, «студенты консерватории по классу виолончели», в дивизионные разведроты набирали в основном «отпетую публику», решительных и смелых бойцов. Ножом все могли работать. Борьба за жизнь из слабых делала сильных. Просто у нас не было большого выбора: или жизнь, или смерть. Жить захочешь — начнешь хладнокровно

вражеские глотки резать, без малейшей нервной дрожи в руках и каких-то душевных терзаний. Но бесшумно, без крика, моментально и качественно «убрать» часового — это действительно редкое умение. Но разведчики «тренировались», у нас зарезать по-тихому немца в траншее или в боевом охранении при выходе из немецкого тыла считалось почти обыденным, но приятным делом.

— Статус «ветерана разведроты» неофициально существовал?

— На словах — конечно, но этот статус не давал никаких поблажек, а только способствовал тому, что в любой сложный поиск ты пойдешь одним из первых, или придут новички — и тебя пошлют сразу с ними заниматься, или малейшая неясность в обстановке, и ты должен сам, первым, со всем разобраться. Этот статус больше обязывал, чем давал возможность «в почете почивать на лаврах».

— Вы упомянули о спецзадании, в выполнении которого также участвовали представители контрразведки СМЕРШ. Можно услышать подробности?

— В приграничном районе, между Украиной и Белоруссией, нам поручили переправить в немецкий тыл, в партизанский край, двух офицеров «смершевцев», капитана

и подполковника, и радиста, из той же «конторы». Мы поступили в их распоряжение. Пошли с ними примерно двадцать разведчиков. И когда мы удачно прошли километров 25–30, «смершевцы» нам объявили боевую задачу. Речь шла о проведении карательной «воспитательной акции» в отношении бандитского партизанского отряда. Застали мы этот отряд врасплох. Сорок с лишним «партизан», почти все из «окруженцев». Несколько женщин среди них… Они занимались грабежами, мародерством, с немцами не воевали, подчиняться командованию партизанского края наотрез отказались. В землянках у них висели на крюках свинные туши, а самогона было — хоть залейся… Неплохо устроились «зеленые»… Разоружили этих «партизан». Особисты провели несколько скоротечных допросов. Потом вывели из шеренги командира этого отряда и трех его ближайших подручных. Подполковник зачитал приговор: «Именем советской власти!» — и этих мы расстреляли. По рации офицеры вышли с кем-то на связь, и уже через час-другой к нам подошли представители двух партизанских отрядов и забрали с собой оставленных в живых «партизан»-бандитов. Мы благополучно вернулись вместе с особистами через линию фронта к своим. Нам стало ясно, что все мы участвовали в «показательном мероприятии», целью которого было довести до умов всех

«зеленых» бандгрупп, выдающих себя за настоящих партизан, но не ведущих активной борьбы с врагом, что возмездие неминуемо и что за их головами, если надо, придут и из-за линии фронта.

— Мне один бывший старшина, дивизионный разведчик, человек честный, настоящий боец с большими заслугами перед Советской Родиной, рассказал похожую историю, как силами усиленной разведроты под руководством и с участием офицеров СМЕРШа была проведена в Польше, в немецком фронтовом тылу, в 30 км за передовой, специальная операция по ликвидации отряда АК, в котором, по его мнению, также находились парашютисты, заброшенные «польским „лондонским“ правительством». Но на публикацию этого эпизода в своем интервью он не согласился.

— И правильно поступил. А то бы завтра поляки, по примеру литовцев, стали бы «наживать политический капитал» и забрасывать прокурорскими запросами с требованием «выдать на следствие». Есть многие моменты в деятельности разведгрупп, «запретные темы», о которых даже сейчас не стоит говорить…

Иногда такое творилось, что…

— Но, скажем, «акты мщения» отдельных солдат из наших передовых частей по отношению к немецкому гражданскому населению весной 1945 г. для вас являются «запретной темой»?

— Нет, почему же, я не собираюсь прикидываться ангелочком, как некоторые.

Я не буду говорить, что происходило в этом «аспекте» в стрелковых полках дивизии, могу рассказать только о своей роте. Немцев мы никогда не жалели, и гражданских в том числе… Творили мы, что хотели, и каяться в этом я не собираюсь. Это была справедливая расплата за их преступления, совершенные на нашей земле.

До Германии оставалось три километра, и к нам в разведроту приехал командир корпуса. Один из разведчиков его спросил: «А что с немцами делать можно?» Комкор оглянулся по сторонам и сказал: «Да все, что угодно!»… Первые 50 км мы прошли по немецкой земле, не сталкиваясь с гражданским населением. А потом началось…

Мы озверели от войны, доходило до того, что иногда, просто, со спокойной душой, забрасывали гранатами погреба и подвалы, в которых вместе с солдатами вермахта прятались и гражданские немцы. Было в нашей роте такое несколько раз… И цивильных могли под горячую руку пострелять… И я забрасывал гранатами, и убивал тоже…

Но зверями мы стали на войне только благодаря немцам. Они

были «прекрасными учителями», и, убивая или насилуя, мы брали пример с них! Немцы ведь нас не только здорово воевать научили… Мы за три с лишним года насмотрелись на их дикие, изуверские, жестокие, бесчеловечные злодейства. Мы напрочь забыли такие фразы, как «рабочий класс Германии» или там «простой немецкий трудовой народ ждет избавления от гитлеризма»… Тем более у меня, как у еврея, не было к ним ни малейшей капли жалости. Только ненависть и желание убивать всех до последнего… Сказал, как было. Хотите, напечатайте… вам решать…

— Командование и политработники сразу пытались «обуздать мстительный порыв» передовых частей?

— Да. Вскоре был издан приказ о борьбе с насилием и мародерством, за это стали расстреливать на месте. Только войска заходили в очередной город, еще бой не затих, как сразу появлялись патрули «по борьбе», в каждом офицер и два автоматчика. Какой-нибудь солдатик тащит чемодан с барахлом, нарывается на такой патруль — так иногда могли сразу расстрелять на месте как «мародера». Порядок наводили железной рукой, но до нас, до разведчиков, эта «рука» добралась последней… Но и после этого приказа еще долго происходили дикие случаи. Пятнадцатого мая 1945 г. все бойцы нашей разведроты стали свидетелями одного трагического эпизода. Наша рота расположилась в доме на отшибе, прямо возле трассы. Два пьяных офицера из пехоты, капитан и старший лейтенант, пытались рядом с дорогой, в кювете, изнасиловать молодую немку, но она отбивалась, вырывалась и убегала, а офицеры, «пьяные в стельку», с трудом ее догоняли. Мы не вмешивались, только обсуждали между собой, получится у них или нет. И в это время на дорогу выехала колонна из нескольких легковых штабных машин и два «студера» с охраной. В одной из машин находился очень большой чин. Фамилию его я называть не буду, это был известный в армии человек. Если скажу фамилию, то нас с вами потом на пару сразу заклюют и слюной забрызгают и с воплями обвинят в желании опорочить честное имя одного из героев ВОВ. Лучше обойдемся без лишних уточнений. Колонна остановилась, немка как раз перебегала через дорогу, спасаясь от насильников. Этот начальник вышел, посмотрел, понял, в чем дело, и приказал повязать своей охране этих двух офицеров и подвести к нему. А ребята эти, офицеры, были настолько пьяны, что даже «лыка не вязали», и вряд ли они понимали, перед кем их сейчас поставили… Он лично расстрелял этих двоих из своего пистолета и приказал: «Зарыть, как бешеных собак!» Колонна поехала дальше, только одна машина, с порученцем или

адъютантом (кем он там был?), осталась стоять на месте. Полковник-порученец прошел 15 шагов до расположения нашей роты и приказал нам взять лопаты и зарыть тела возле дороги, запретив даже забрать у убитых документы. Нам позволили только вытащить из кобур личное табельное оружие этих офицеров, которое тут же было передано порученцу. И полковник оставался рядом с нами, пока мы полностью не выполнили его приказ…

— Вы считаете подобные меры оправданными?

— Нет. Это было слишком жестоким наказанием. Но карательные органы в конце войны в Германии «работали на всю катушку». Просто вот пример «борьбы с дезертирами». Пошла в 1945 г. такая «мода»: солдаты дезертировали не в родные края, а самовольно оставались в каком-нибудь маленьком немецком или польском городке или селе, объявляли себя комендантами и «оттягивались по полной программе»: пьянство, женщины, жареное мясо, пуховые перины — до того момента, пока их особисты не хлопнут. Их, дезертиров, периодически вылавливали. У нас из уст в уста передавалась и муссировалась одна цифра, за достоверность которой я ручаться не могу. Говорили, что только по нашей 61-й армии за подобное дезертирство было расстреляно или осуждено трибуналами свыше 900 человек.

— Использование разведчиков роты в качестве простой пехоты как-то обсуждалось?

— Мы никогда чересчур пристрастно не обсуждали решения начальства, были обязаны выполнять приказ, даже если нам не хотелось идти на смерть из-за чьей-то спеси, желания выслужиться или тупости. Были моменты, когда приказ кинуть разведку в пехоту был сразу принят у нас с пониманием. Например, на Курской дуге.

Там просто уже некому было идти в бой. Такие были потери… Три дня наступления, и дивизия была полностью выбита. До сих пор стоит перед глазами картина, как нас отводили на переформировку. Сидим на поляне. Приказ: «32-й полк, по-ротно, становись!» И начинается построение. Поднимается какой-нибудь сержант: «Третья рота, становись!» К нему идут пять человек. Дальше встает лейтенант: «Вторая рота, выходи строиться!» К нему выходят семь бойцов. И когда мы видели такие дела, то злиться на комдива или на разведотдел дивизии, что не уберег нас и кинул в стрелковый бой на погибель, мы даже и думать не смели. Были моменты, что просто бросали в бой все, что было под рукой. В Белоруссии целые сутки пытались прорвать немецкую оборону в одном селе, расположенном на возвышенности, постоянно атаковали, но все бесполезно, немцы

держались стойко. Это был не бой, а настоящее побоище, и разведроте тогда тоже очень сильно досталось. Но приказ был не двусмысленный — взять село любой ценой. Утром мы снова поднялись в атаку, а по нам не ведут огонь. Проясняется следующее. Немцы ночью ушли из села, наверное, выровняли линию фронта. Когда мы смотрели назад, на поле вчерашнего боя, и увидели, сколько народа здесь полегло, то самим жить не хотелось. Страшная картина… А через два часа получаем приказ: «Оставить село!» И зачем столько людей положили?

При форсировании Днепра от разведроты осталось меньше трети, но тут и так было ясно, что разведка первой пойдет захватывать плацдарм через реку. Весной сорок пятого мы, разведчики, как правило, действовали как штурмовая группа, обычных «стандартных разведпоисков» уже было мало. Нередко были случаи, когда пехота не могла выполнить поставленную задачу, и сразу подключали к делу дивизионную разведроту. Например, хорошо запомнился случай, когда с горки нашу пехоту крепко и надолго прижал одиночный немецкий пулемет и стрелки залегли. Мы там рядом находились, «по своим делам». Нас попросили: «Разведка, разберитесь!» Зашли с тыла. Пулеметчик, видимо, нас почувствовал, перевернулся на спину и завопил: «Братцы, не убивайте! Я свой!» Оказался власовец. Командир нам не дал его прикончить, власовца отвели в штаб.

— В обычном бою разведрота в плен брала?

— Твердой установки не было, все по определенным обстоятельствам. Могли просто в зубы дать, а могли, в исключительных случаях, действуя по обстановке, и пострелять всех пленных на месте к такой-то матери. Если речь не шла о нужном «языке» или нам перед боем или после него строго не приказывали не трогать пленных, то разведчики могли и порешить всех взятых в плен, «не отходя от кассы», без особых колебаний… Всякое бывало, что греха таить… Но если такое происходило, то мы хорошо знали, что рискуем своей головой и можем попасть под трибунал… Узнают в штабе или в Политотделе, что это наша работа, или «сдадут» нас «добрые люди» при случае — вряд ли начальники или особисты в очередной раз отреагируют спокойно. Но не мы первые начали убивать пленных. Когда нам пришлось несколько раз своими глазами увидеть трупы наших солдат, попавших в плен и расстрелянных немцами, то тут уж, как говорится, «око за око». Фашисты же нас, русских, советских, за людей не считали. И мы стали платить им той же монетой. Для нас убить кого-нибудь стало как «дважды два».

В последний год войны нам довелось неоднократно

освобождать лагеря военнопленных. Наши военнопленные все изможденные, измученные, «живые скелеты», мы их жалели, сразу давали им все свои консервы, хлеб, табак. А рядом бараки с пленными французами. Все французы здоровые, сытые, загорелые, даже, как выяснилось, в лагере в футбол между собой играли. Зашли к ним, лежат на стеллажах посылки со жратвой из Международного Красного Креста. Какой-то «свой французский аппарат для варки самогона» стоит в углу. Мы удивлялись…

— Сталкиваться в бою с немецкими танками вам приходилось?

— Один раз, на Украине, когда немецкие танки прорвались к штабу дивизии, нам пришлось идти в последний заслон. У каждого разведчика было по две противотанковых гранаты. Но в тот день нам повезло, в самый критический момент, когда казалось, что уже все, «приехали, станция Вылезай», и сейчас наши кишки намотает на траки, нас удачно и метко прикрыла наша ПТА.

— В последний год войны разведчикам стало легче воевать?

— Несомненно. Война стала совершенно другой. Бой за какой-нибудь маленький немецкий городок длился от силы два часа, мы занимали населенные пункты с малыми потерями. Стало легче брать «языков», да и сами мы к тому времени стали настоящими асами разведки. Воевали мы всегда чуть навеселе, в любом городке находили бочку с вином или цистерну со спиртом. Кураж был другим, а настроение в основном боевым, приподнятым. И противник стал иным. Я не говорю о сопливых подростках из фольксштурма, которые бегали с фаустпатронами. Даже эсэсовцы стали нас «разочаровывать». Мы привыкли, что если перед нами части СС, то они будут стоять до последнего человека, как настоящая гвардия. Но помню, как в Прибалтике мы в разведке вышли к морю и с высоты наблюдали, как на берег в этот момент высаживаются наши морские пехотинцы в черных бушлатах и вступают в рукопашный бой с СС, которые держали оборону на берегу. Немцев там было на порядок больше, но когда «братишки» яростно ударили в штыки, то эсэсовцы побежали прямо на нас, с криками: «Майн гот! Шварце тодт!» Да и моральный дух немцев резко упал. Я нередко беседовал с пленными, и к середине сорок четвертого года было ясно видно, что уже «не тот немец пошел».

— Немецкий язык вы хорошо знали?

— Немецким языком я не владел в совершенстве и в основном говорил с немцами на идиш. Они меня понимали с трудом, я их — лучше.

— Вы рассказали, что мать в 1944 г. получила на вас похоронку? При каких обстоятельствах товарищи вас посчитали погибшим?

— Под Ригой, в сорока километрах от города, мы пошли в атаку, рядом взорвался снаряд, и меня засыпало землей. Только сапоги из земли торчали. Сапоги, кстати, знатные были, хромовые. Но когда какой-то пехотинец стал снимать сапоги с «трупа», я издал звук. Меня откопали, вытащили, отправили в госпиталь. Пришел в сознание. Ничего не слышу, онемел, говорить не могу. Контузило здорово. При мне никаких документов. Постепенно дело пошло на поправку. И тут слухи по «солдатскому радио», что нашу армию перебросили в Польшу, под Варшаву. И я решил убежать из госпиталя к своим ребятам. Ушел в форме, но без каких-либо документов. Добирался на «попутных» воинских эшелонах. Войск в Польшу тогда из Латвии много перебрасывали, и найти теплушку, где славяне с радостью возьмут с собой морячка-братишку (возвращающегося на фронт из госпиталя) до очередной станции, огромного труда не составило. Приходилось только прятаться от офицеров и патрулей. Но когда до моей дивизии оставалось всего каких-то тридцать километров, на станции Минск — Мазовецкий меня сцапали, я расслабился и «зевнул» патруль. А я весь заросший, чумазый, в грязной шинели и, главное — без каких-либо документов. Привели в комендатуру на станции. Начали допрашивать, сразу стали «лепить» из меня немецкого агента-диверсанта.

Я прошу, чтобы связались с 12-й гвардейской дивизией, прямо со штабом, попросили бы кого-нибудь из разведотдела и сказали им, что разведчик, гвардии старший сержант Байтман, просит подтвердить его личность. И что даже комдив меня лично знает и, скорее всего, должен помнить мою фамилию. На мою просьбу старший лейтенант из комендатуры только ощерился: «Кто будет звонить? Я?! Я тебе, что, б…, связист?»… Ночь продержали в холодном сарае, а утром под конвоем доставили в СМЕРШ. И тут началось нечто похожее, что произошло со мной в Киеве 23.6.1941-го. Только «декорации» и форма «на начальниках» были другие. Допрос вел майор. Начал он так: «Сознавайся, сволочь, что ты немецкий шпион, или я тебя сейчас на месте расстреляю!» Я железно стою на своем, мол, разведчик, догоняю своих, вы обязаны это проверить. В ответ — все та же «мелодия»: мат и угрозы. Заходит еще один «особняк», в чине капитана. Майор ему говорит: «Смотри, взяли этого вчера на станции, какой матерый! Как держится красиво, собака!» Капитан мне: «Откуда родом?» — «С Киева». — «Да ты шутишь, не может

быть!» — «Никак нет, товарищ капитан, до войны жил на ЕвБазе». — «Да ты только погляди, земляки мы с тобой будем!» И начал меня этот капитан «гонять по киевским улицам», спрашивать, где, что и как. Я отвечал. Потом он говорит майору: «Это наш парнишка, точно свой, хлопчик с ЕвБаза, отпусти ты его, никакой он не шпион». Они еще между собой посовещались и говорят: «Свободен!» Я им: «Хоть документ какой-нибудь выпишите, меня же по дороге в дивизию, неровен час, снова ваши сграбастают!» Но «смершевцы» стали надо мной изгаляться: «Ничего, тут недалеко, из Прибалтики „зайцем“ сюда добрался, так для тебя 30 км — это раз плюнуть. Какой же ты тогда разведчик? С документом каждый дурак до своих доедет!» И когда я вернулся в роту ***«с*** того света», то ребята были потрясены, не в силах поверить, что я «восстал из мертвых».

— Приказ от сорок четвертого года о возвращении моряков из действующей армии на флот вас не коснулся? Или, вообще, когда-либо поднимался вопрос об откомандировании вас с фронта на продолжение учебы в ВВМУ?

— О таком приказе я тогда и не слышал, но я не думаю, что он распространялся на бывших курсантов подготовительных отделений. Отзывали назад на флот имеющих «корабельные специальности», а я был по флотскому определению — «салага». Но на фронте мне несколько раз предлагали поехать на учебу в пехотное училище, где «офицеров-скороспелок» пекли как блины, всего за шесть месяцев, но я отказывался, считая себя исключительно «только моряком» и мечтая после войны, если выживу, вернуться в училище имени Фрунзе и стать морским офицером. Летом 1946 г. в армейском отделе кадров я получил направление на продолжение учебы в ВВМУ. Приехал в Ленинград. У Васильевского острова у стенки стоял корабль, и я вижу на нем весь свой курс. Они как раз выпускались из училища в 1946 г. Моим сокурсникам повезло, по директиве наркома флота Кузнецова и с разрешения Верховного, начиная с осени 1942 г., курсантов-моряков ВВМУ имени Фрунзе и ВВМУ имени Дзержинского целыми курсами на фронт с учебы уже не снимали, и моим товарищам дали возможность окончить в войну полный курс училища. Только два раза, в 1943-м и в 1944 году, курсантов с моего курса отправили на летнюю боевую практику на воюющие флота. Я поднялся по трапу на корабль. Меня сразу узнали, кинулись обнимать. У них ходили слухи, что на Днепре я получил звание ТСС, так сразу начали трогать награды и спрашивать: «А где Звезда Героя?» Тут появляется капитан этого корабля, и когда он увидел человека в зеленой армейской форме на палубе судна, его натуральным образом покоробило, он вальяжно ткнул в меня

пальцем и презрительно воспрошал: «Что это?» Понимаете не — «кто это?», а — «что это?». Извечный антагонизм между армией и флотом… Ему ребята кричат: «Это Мишка Байтман! Наш бывший курсант, он на фронте в разведке воевал!» Капитан со скривленными губами удалился… Прихожу в училище, в канцелярии подняли мое личное дело. Говорят: «Пожалуйста, мы вас примем на учебу, только вы должны снова сдать все вступительные экзамены».

Об автоматическом зачислении на 1-й курс речь даже не шла… Я прекрасно понимал, что за годы войны забыл многое из школьной программы и после всех контузий и ранений быстро подготовиться к вступительным экзаменам я просто физически сейчас не смогу. Развернулся и поехал обратно в часть. Последние месяцы перед демобилизацией я служил в отдельной роте при Киевском училище самоходной артиллерии.

— «Дежурный вопрос» к вам, как к представителю национального меньшинства. Какими были межнациональные отношения в вашей части?

— Я в свой адрес никаких оскорблений по поводу моей национальности на войне не слышал. Если бы мне кто-то сказал слово «жид», убил бы сразу, на месте. Нервы ни к черту были. Уже после войны, дослуживая в Киеве последние армейские дни, произошел со мной один эпизод. Идет солдат мимо меня, несет доску на плече и приговаривает: «Айн, цвай, драй!» И мне показалось, что это он меня дразнит, как еврея. И я жестоко избил его. Прибежал ротный: «В чем дело? За что ты его?» Отвечаю: «Он знает». А солдат-то, оказывается, и не думал меня оскорбить, просто «маршировал» под этот «айн, цвай»… Я на войне, если говорить честно, вообще людей на нации не делил. Приходит в соседний взвод еврей, но «косит в документах под русского», но у меня не было желания подойти к нему и начать выяснять «особенности» его происхождения или причины и нюансы его «мимикрии». В роте в основном служили русские ребята, но, например, был казах Карагулов, которого мы звали Сашей, был парень с Кавказа, разведчик Шура Азаров (Ашуров), и дальше дружеских безобидных подтруниваний разговор об их национальности не заходил. Карагулов все равно сразу «вскипал»: «Вы почему разжигаете рознь между народами?!» Сашку ранило, его отправили в госпиталь, а Шура погиб. Осколок попал ему прямо в шею.

Единственное, в чем я чувствовал всю войну «двойной стандарт» в этом «нац. вопросе», — это когда дело доходило до наград. Перед каждым поиском нам обещали ордена за взятого «языка». Иногда эти обещания претворялись в жизнь. И когда

разведчикам вручали награды, несколько раз меня «забывали отметить». Вся группа получает ордена, а мне — ничего. Ребята смущаются, им неудобно, а я хожу, улыбаюсь… Хотя я был старшим группы в этом поиске и лично брал «языка», но мне — ничего… После очередного такого «момента» я понял, что «ордена не для евреев», кто-то из тех, что наверху, в штабных канцеляриях, решает вопрос о награждениях и утверждает списки, такую фамилию, как Байтман, не в силах вынести своей «штабной душонкой».

Меня несколько раз на фронте товарищи в роте, а также писаря перед выпиской из госпиталей уговаривали: «Слушай, запишись русским, Байковым например!» — я не захотел. Но сказать, что подобный «зажим евреев в наградах» был характерным для всех, без исключения, частей нашей армии, — я не могу. У меня был товарищ в Черкассах, Аркадий Винницкий, воевал в диверсантах, так у него, помимо прочих орденов, было два ордена Боевого Красного Знамени, значит, не везде смотрели на национальность, решая, кого награждать, а кого нет.

— С какими наградами лично вы закончили войну? И вообще, как отмечали отличившихся разведчиков?

— К концу войны я имел орден Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, 1-й и 2-й степени, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». В 1945 г. в разведроте было три человека, имевших, помимо других наград, по два ордена Славы и один с орденом БКЗ. Так что, особенно в последний год войны, награждали разведчиков, не сильно скупясь.

— У меня вот какой вопрос. 12-я гв. СД отличилась при форсировании Днепра и за захват плацдарма на вражеском берегу, в дивизии почти 60 человек получили звания ГСС. По мемуарам комдива Малькова, первой высадилась на правый берег штурмовая группа, в составе которой была ваша разведрота. По воспоминаниям ГСС командира роты Манакина, первой переправилась через Днепр его группа совместно с полковыми разведчиками из 32-го гв. СП. Спрашиваю следующее: «Кто первым форсировал реку?» И почему после столь щедрого награждения Звездами Героев «за Днепр» отличившихся воинов 12-й гв. СД никто изразведроты дивизии не получил звания ГСС?

— Одновременно в первой волне высаживалось несколько штурмовых групп из нашей дивизии на разных участках. Так что и Мальков, и Манакин пишут «про Днепр» свою правду. Перед форсированием нам, разведчикам, комдив Мальков лично заявил: «Запомните мои слова. Если вы захватите и удержите плацдарм, вы все получите звание Героя Советского Союза!» Но я не думаю,

что это обещание как-то особо нас воодушевило или повысило и без того наш крепкий боевой настрой. Тем более мы предвидели, что нам предстоит испытать при захвате плацдарма, и когда ты знаешь, что сегодня тебя, скорее всего, убьют, то тебя никакое звание — «Герой посмертно» — не волнует. Немецкий берег был высокий. Мы поплыли на лодках и плотах. На середине реки нас «зацепили» осветительные ракеты и по нам открыли убийственный, жуткий огонь. Били по нам так… как будто по куропаткам на охоте стреляли. Там, наверное, вся вода в реке стала красной от крови. Течением наши лодки сносило к островку, к отмели, на которой находились немцы с двумя пулеметами. Мы кинулись прямо на них. Был какой-то дикий порыв, нечеловеческий — убивать и победить. С отмели, по мосткам, рванули на берег и с ходу заняли две траншеи. Стали держаться. Радист вместе с рацией уцелел. Передал на наш берег: «Плацдарм захвачен!» Продублировали ракетами. По рации нам передают: «Держаться до последнего!» А утром нас начали атаковать. Беспрерывно по нам била немецкая артиллерия. Днепр в том месте широкий, к нам никто на подмогу переправиться не смог. А раненых своих девать некуда… До вечера продержались из последних сил, а нам опять по рации открытым текстом: «Стоять до последнего человека! Вы все удостоены звания Героя!» В темноте немцы ворвались с флангов в траншею, но мы каким-то чудом снова отбились, уже в рукопашной.

А через ночь к нам через реку пришло подкрепление. В живых от разведроты осталась только треть бойцов. Ходим гордые, ждем из Москвы свои Звезды на грудь, некоторые из выживших разведчиков уже домой родителям или невестам написали, что стали Героями Союза. Ждали до середины января 1944 г., до последнего «днепровского указа», и в итоге — никто из разведроты ничего за Днепр не получил, ни звания ГСС, ни простой медали. Причин этому, как мне представляется сейчас, всего только две.

Когда на дивизию выделили по согласованному лимиту «энное» количество Звезд и в штабе дивизии начали их распределять между полками и подразделениями, то не нашлось человека среди начальства, который бы «замолвил слово за разведку», хотя все прекрасно знали, что мы были на правом берегу первыми и удержали своей кровью захваченный плацдарм. Причина вторая — возможно, что кандидатуры выживших разведчиков не устраивали командование: кто-то из бывших зэков, кто-то бывший штрафник, еще у кого-то фамилия на «-ман» или «-штейн» заканчивается, кто-то просто головорез, одним словом, мы «некошерные товарищи», чтобы стать Героями

Советского Союза, гордостью державы. И что там произошло на самом деле — поди теперь разбери. Да и нужно ли это сейчас? Мне это — точно не надо…

— В воспоминаниях ГСС Мананина описан редкий эпизод. В самом конце войны частями дивизии был захвачен немецкий танковый ремзавод. На нем обнаружили 350 немецких танков, 100 БТРов, и что особенно интересно, рядом, на ж/д станции нашли 4500 пулеметов «максим» и 4800 ПТРов, в свое время взятых немцами в качестве трофеев в первые годы войны. Что-нибудь об этом расскажете?

— Я помню, что где-то после Альтдама (или перед нашим штурмом Эберсвальде) вроде был захвачен огромный секретный немецкий завод, но лично я на его территории не был и что-то добавить к рассказу своего однополчанина не могу.

— Какую специальность вы выбрали себе после войны?

— Я демобилизовался, не имея никакой гражданской профессии. Но «адреналина в крови не хватало», спокойная размеренная жизнь была мне не по нутру, и я решил пойти работать в уголовный розыск или в прокуратуру. Меня взяли в Киевскую прокуратуру, и вскоре я стал работать следователем, окончил заочно Всесоюзный юридический институт. В 1966 г. по постановлению ЦК я, среди многих других, был направлен на укрепление органов МВД и стал начальником следственного отдела УВД города Киева. В 1978 г. вышел на пенсию в звании подполковника милиции. Но продолжал еще много лет работать адвокатом в областной коллегии адвокатов.

— Разведчик 16-й Литовской СД Шалом Скопас мне в своем интервью сказал: «Спросите у бывших разведчиков, какие сны они до сих пор видят по ночам, и вы все поймете, какая была война у бойцов разведрот…»

— Первые десять лет после войны я очень часто по ночам видел «фронтовые» кошмарные сны: орал во сне «Ура!», ходил в атаку, кого-то резал в траншее, стрелял, а потом вскакивал в холодном поту с кровати, не в силах понять, где сон, а где явь… Пережитое на войне постоянно возвращалось ко мне во снах по ночам. Жена настолько к этому привыкла, что перестала обращать внимание. И тогда я решил, что обязан заставить себя постараться забыть все, что пришлось пройти и увидеть на фронте, иначе этот тяжкий груз не даст мне спокойно жить дальше. И вроде получилось… Что не смог забыть сам, годы стерли из памяти… Такой возраст, что просто точно вспомнить чью-то фамилию — уже неразрешимая проблема. Но сейчас все опять вернулось на круги своя, видимо, война слишком прочно засела в голове и не уходит из сознания. До сих пор иногда вижу

сны, где я убиваю, где убивают меня, где на моих руках умирают мои товарищи-разведчики… И от этого страшного прошлого уже не уйти никогда…

Примеры действий разведчиков

(из книги «Развитие войсковой разведки в годы Великой Отечественной войны». М., 1975)

Поиски и засады

Поиски и засады в обороне в годы минувшей войны явились наиболее распространенными и эффективными способами разведки по захвату пленных, документов, образцов вооружения и боевой техники.

Это подтверждается разведывательной деятельностью соединений и частей Советской Армии в период Великой Отечественной войны. Так, на Юго-Западном фронте в период с октября 1942 г. по ноябрь 1943 г. было проведено 5397 различных разведывательных мероприятий, связанных с захватом пленных и документов, в том числе соединения и части провели 3380 поисков, 1336 засад, 316 раз разведку боем и заслали 365 разведывательных групп в тыл противника. При этом поисками было захвачено наибольшее количество пленных и документов, что, соответственно, составляло для поисков — 58, засад — 29, разведки боем — 10 и разведывательными группами в тылу противника — 3 % общего количества захваченных пленных и документов всеми разведывательными органами в этот период.

Послевоенный опыт обучения войск показывает, что, несмотря на развитие разведывательной техники, поиск и засада в обороне при непосредственном соприкосновении с противником продолжают оставаться основными способами захвата пленных и документов. Однако захват пленных и документов не являлся единственной задачей разведывательных групп в тылу противника и разведки боем.

Разведка поисками и засадами в обороне велась таким же порядком, как и при подготовке наступления. Но в обороне для проведения поисков и устройства засад имелись более благоприятные условия, чем в наступлении. Это объяснялось тем, что времени на их организацию можно было отвести больше. Следовательно, при подготовке поиска или засады имелась возможность более детально изучить характер поведения противника, объект нападения (захвата) и местность в районе их действий, лучше подготовить выделенные в разведку подразделения (группы) и организовать их обеспечение необходимыми средствами. Умело применяя эти способы

разведки, штабы соединений и частей захватывали пленных, добывали сведения о боевом составе, принадлежности, стыках и флангах частей и подразделений противника, вскрывали вероятные направления ударов и время перехода его в наступление.

Количество проводимых поисков и засад зависело от характера боевой деятельности как своих войск, так и войск противника, полноты сведений о нем и времени на подготовку обороны. В тех случаях, когда штаб дивизии или полка располагал достаточно полными сведениями о нумерации, группировке и намерениях противника, потребность в поисках и засадах сокращалась. Если были установлены изменения в поведении и характере боевой деятельности врага или имелось основание полагать, что он готовится к наступлению, а сведений о нем было недостаточно, то поиски и засады проводились чаще.

Эти положения полностью подтверждаются опытом прошлой войны. Так, в течение марта 1945 г. 53-я и 417-я стрелковые дивизии, располагающие достаточно полными данными о противнике, провели по 11 поисков каждая, тогда как 270, 160 и 198-я стрелковые дивизии, в полосах обороны которых группировка противника была раскрыта далеко не полно, соответственно, провели 28, 27 и 32 поиска. В предвидении перехода противника в наступление поиски и засады организовывались значительно чаще. Например, 51-я и 52-я гвардейские стрелковые дивизии 23-го стрелкового корпуса в районе г. Белгород с 1 по 5 июля 1943 г. ежесуточно проводили один-три поиска и устраивали одну-две засады каждая.

Поиски и засады в обороне проводились на переднем крае и в глубине расположения противника. На переднем крае они чаще всего проводились в тех случаях, когда ожидалось наступление противника из положения обороны. Если имелись основания предполагать, что противник готовится к наступлению с ходу, значение поисков и засад, проводимых на переднем крае, снижалось. Объяснялось это тем, что пленные, захваченные на переднем крае, как правило, не знали о группировке и намерениях противника, готовящегося к наступлению с ходу. В этом случае пленных старались захватить главным образом из состава частей и подразделений, предназначенных для наступления с ходу в выжидательных районах (районах сосредоточения), а затем уже на переднем крае.

Для проведения поисков и устройства засад привлекался личный состав как разведывательных подразделений, соединений и частей, так и стрелковых, артиллерийских, инженерных, а иногда и химических подразделений.

В настоящее время необходимость привлечения для этих целей мотострелковых и танковых подразделений, а также разведчиков других родов войск, специальных войск и служб не только не уменьшилась, но и возросла.

В период Великой Отечественной войны поиски проводились в различное время суток. При этом характерно, что в первые годы войны поиски проводились, как правило, ночью. В последующем, в связи с переходом противника к системе сплошных траншей, плотно прикрытых значительным количеством инженерных заграждений, а также повышением его бдительности ночью, проведение поисков в ночное время усложнилось. Начиная с 1943 года дневные поиски стали широко практиковаться в частях Советской Армии наряду с ночными и полностью себя оправдали. Чаще всего они проводились через один-три часа после рассвета. Однако, несмотря на широкое применение поисков днем на протяжении всей прошлой войны, ночные поиски занимали ведущее место.

Подтверждением целесообразности дневных поисков, а также широкого их применения является приводимый ниже статистический материал по обобщению опыта разведывательной деятельности частей и соединений 6-й гвардейской армии с июля 1944 г. по май 1945 г. За указанный период было проведено 1838 поисков, из них ночью — 1367, днем — 471. В результате было захвачено пленных ночными поисками — 693, дневными — 378. Из всего количества проведенных поисков было удачных: ночью — 559, что составляло 41 %, днем — 342, что составляло 74 %. Не менее показателен и следующий факт. Потери разведчиков при проведении поисков составляли: ночью — 557, днем — 159 человек. Нетрудно подсчитать, что за одного пленного в указанный период разведчики несли потери в ночных поисках — 0,86, а в дневных — 0,42 человека. Таким образом, потери разведчиков за одного пленного в дневных поисках были более чем в два раза меньше ночных.

Рассмотрим несколько подробнее достоинства и недостатки дневных и ночных поисков. Опыт разведывательной деятельности войск в минувшей войне со всей убедительностью доказал, что целесообразность проведения дневных поисков обусловливается прежде всего тем, что бдительность противника с наступлением светлого времени снижалась, что создавало благоприятные условия для действий наших разведчиков. Наоборот, ночью, опасаясь внезапных действий войск и разведывательных подразделений (групп), противник проявлял повышенную настороженность, периодически освещал местность на переднем крае. В результате ему нередко удавалось обнаруживать

разведчиков еще на исходном пункте, что в последующем часто приводило к невыполнению боевой задачи.

Выгодность проведения дневного поиска заключалась еще и в том, что наряду с выполнением основной задачи по захвату пленных или документов в светлое время попутно представлялась возможность получить более полные сведения о системе огня противника, количестве живой силы и огневых средств в опорных пунктах, об инженерном оборудовании местности и инженерных заграждениях. Кроме того, днем в случае резкого изменения обстановки в районе проведения поиска разведчики имели возможность в ходе своих действий принять новое решение, с тем чтобы успешно решить поставленную им задачу.

Наряду с положительными условиями, сопутствующими проведению дневного поиска, существовали и отрицательные. В дневное время значительно труднее, чем ночью, достичь скрытности и внезапности действий при нападении на объект. Днем повышается эффективность огня стрелкового оружия противника, что, в свою очередь, затрудняет проведение поиска. Знание всех положительных и отрицательных условий обстановки, а также умелый их анализ и учет способствуют правильному определению времени проведения поиска.

Изучение боевого опыта прошлого показывает, что в первые годы войны разведчики слепо придерживались шаблона и подчас, не считаясь с условиями данного участка фронта, проводили, как правило, ночные поиски, которые в ряде случаев успеха не имели. Уместно заметить, что ни в одной области военного дела шаблон не приносит такого вреда, как в разведке.

Лишь после того, как поиски и засады стали проводиться днем и ночью, разведчикам удавалось с меньшей затратой сил и средств и меньшими потерями захватывать пленных. В этом вопросе искусство руководства разведкой заключается в умелом сочетании (согласно обстановке) ночных действий разведчиков по захвату пленных с дневными.

Опыт Великой Отечественной войны свидетельствует, что при решении вопроса о времени проведения поиска нельзя подходить только с точки зрения сложности или простоты осуществления данного мероприятия. Сложившаяся боевая обстановка может потребовать незамедлительного проведения поиска, несмотря ни на какие трудности. Время для нападения подразделения (группы) на объект в каждом отдельном случае следует выбирать в зависимости от поставленной задачи, режима поведения противника, степени его бдительности, характера объекта поиска, условий местности и состояния погоды.

Опыт минувшей войны показал также, что поиск — наиболее

сложный способ разведки, а в условиях непосредственного соприкосновения с противником это незаменимый способ по захвату пленных, документов, образцов вооружения и боевой техники.

Засады в обороне чаще всего устраивались в нейтральной полосе, на вероятных маршрутах движения разведчиков и патрулей противника, на тропах, ведущих к окопам непосредственного и боевого охранения, или наблюдательным постам противника, выдвинутым в нейтральную полосу, а также в ходах сообщения между опорными пунктами и у телефонных проводов, если разведчикам удавалось проникнуть в расположение противника.

В период перегруппировки и смены войск, при подготовке его к наступлению засады являлись особенно эффективным способом разведки. В это время противник усиливал разведку нашего переднего края. Его саперы проделывали проходы в минных полях и проволочных заграждениях, усиливалось движение в его расположении. В тех случаях, когда противник готовился к наступлению после перегруппировки и смены войск из исходного положения, занимаемого в непосредственном соприкосновении с обороняющимся, вновь прибывшие на данный участок фронта военнослужащие наступающего обычно плохо ориентировались на местности, не знали обстановки и часто блуждали, отыскивая нужный им объект.

В годы Великой Отечественной войны поиски и засады в обороне организовывались в самых различных условиях обстановки, и каждый раз их осуществление имело свои характерные особенности. Опыт показывает, что успеху всегда сопутствовали умение, героизм, готовность идти на самопожертвование. Шаблон, поспешность и нерешительность всегда приводили к неудачам. Подтверждением сказанного являются нижеприводимые примеры.

Поиск

Опыт Великой Отечественной войны показывает, что поиск — один из самых распространенных способов разведки, применяемых с целью захвата пленных. Так, согласно отчетам о разведывательной деятельности соединений и частей пяти фронтов за 1943 и 1944 годы, был проведен 6171 поиск из 10 630 различных разведывательных мероприятий по захвату пленных и документов противника, что составляет 60 % общего количества проведенных мероприятий.

При подготовке наступления в условиях непосредственного соприкосновения с противником создаются наиболее благоприятные условия для проведения поиска. Это обусловливается прежде всего тем, что при отсутствии динамичных действий на его организацию времени может быть отведено больше, а следовательно, имеется возможность более детально изучить противника и местность в районе предстоящего поиска, лучше подготовить силы и средства для выполнения задачи, а также организовать обеспечение действий подразделения (группы), проводящего поиск.

Объектами при проведении поисков обычно являлись: огневая точка, часовой, наблюдатель, а также небольшие группы противника, находящиеся в оборонительных сооружениях и расположенные непосредственно на переднем крае или в глубине его боевых порядков. Для проведения поиска назначалось разведывательное или мотострелковое подразделение от отделения до усиленного взвода или группа из специально подобранных солдат и сержантов. Численность такого подразделения (группы) чаще всего колебалась от 6 до 16 человек.

Характерно, что в начале минувшей войны поиски проводились подразделением (группой) сравнительно большого состава, при этом процент успешных поисков был невелик. Начиная с 1943 года для проведения поисков назначалось меньшее количество людей, а результаты были лучше. Поиски проводились на любой местности, в любое время года, суток и в различных метеорологических условиях. В первые годы Великой Отечественной войны они осуществлялись, как правило, ночью. В последующем в связи с переходом противника к системе сплошных траншей, плотно прикрытых значительным количеством инженерных заграждений, а также повышением его бдительности проведение поисков в ночное время усложнилось. Начиная с 1943 года дневные поиски стали широко практиковаться на всех фронтах наряду с ночными и полностью себя оправдали. Проводились они чаще всего через 1–2 часа после рассвета или в ненастную погоду.

Целесообразность проведения дневных поисков обусловливалась прежде всего тем, что бдительность противника с наступлением светлого времени снижалась. Это создавало благоприятные условия для действий наших разведчиков. Наоборот, ночью, опасаясь внезапных действий наших войск и разведывательных групп, противник проявлял повышенную бдительность и настороженность, периодически освещал местность на переднем крае.

Опыт войны также показал, что не следует проводить поиски в одном и том же районе. Это настораживает противника, а положительных результатов обычно не достигается.

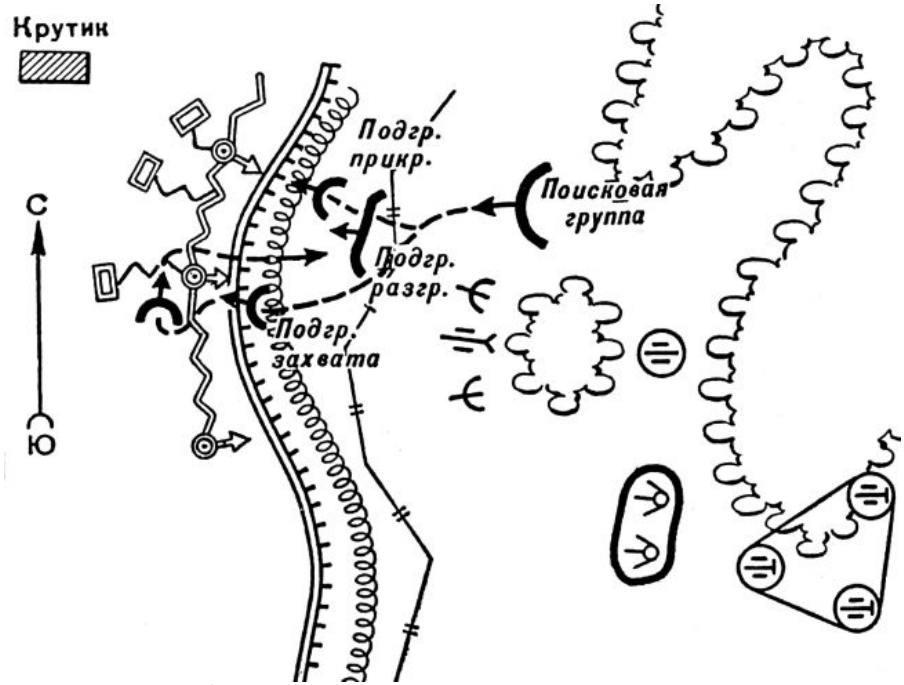
Порядок организации и проведения поиска при подготовке наступления рассмотрим на ряде примеров.

По имеющимся данным, обороняющиеся перед нашей наступающей дивизией части 28-й легкой пехотной дивизии противника вели подготовку к оставлению занимаемых позиций. С целью выявления истинных намерений гитлеровцев командование дивизии поставило одному из полков задачу захватить контрольного пленного в районе юго-восточнее деревни Крутик. Местность в указанном районе, особенно в нейтральной полосе, открытая, поросшая редким кустарником. Передний край обороны противника хорошо просматривался с нашей стороны. Оборона противника состояла из дзотов, расположенных на удалении 200–250 м один от другого, с оборудованными в траншеях открытыми площадками для станковых и ручных пулеметов. Землянки для отдыха были удалены от переднего края на 100–150 м. Перед передним краем противник создал развитую сеть противотанковых и противопехотных препятствий и заграждений. Конкретный район проведения поиска, состав группы и ее задачи по организации и проведению поиска были определены заместителем командира полка майором Ожихиным 2 декабря.

Группа, выделенная для проведения поиска, состояла из 19 человек. Она была разбита на подгруппу захвата — восемь человек (старший подгруппы старший сержант Кафанов), подгруппу прикрытия в составе шести человек (старший лейтенант Комаров, он же командир поисковой группы) и подгруппу разграждения в составе пяти человек (из них двое саперов). В течение четырех суток разведчики вели непрерывное наблюдение за противником и подслушивание.

Наблюдением было установлено, что гарнизон дзотов состоит из четырех солдат, которые завтракают в 6 часов утра, а обедают в час дня. Перед передним краем противника проходит проволочное заграждение в два ряда.

С личным составом группы перед началом поиска были проведены занятия на учебном поле, оборудованном аналогично обороне противника. Отрабатывались действия разведчиков всех подгрупп. Основное внимание обращалось на умение скрытно подойти к объекту атаки, бесшумно и быстро переползти через проходы в препятствиях и на отработку техники захвата и доставки пленного.



Поиск в районе деревни Крутик

6 декабря со всеми участвующими в поиске подгруппами разведчиков было проведено совместное занятие с обозначенным противником. Особое внимание уделялось вскрытию системы огня противника. После занятий и разбора разведчикам был предоставлен отдых до 24 часов 6 декабря. В 24 часа группа вышла на передний край и вела наблюдение за расположением противника в районе предстоящих действий. В ночь на 8 декабря подгруппа разграждения проделала проходы в минном поле противника.

Для огневого обеспечения поиска выделялись: артиллерийский дивизион, батарея полковой артиллерии, два орудия ПТО, которые предназначались для ведения огня прямой наводкой, восемь 82-мм минометов, два станковых пулемета и два противотанковых ружья. Огневой группой командовал начальник артиллерии полка майор Баранов. Артиллерийская пристрелка проводилась на участке действий 4 и 5 декабря методическим огнем по фронту до 1,5 км. Был установлен сигнал для вызова огня — «две зеленые ракеты», по которому артиллерии надлежало сделать одноминутный налет по переднему краю, а потом немедленно перенести огонь на окаймление. Для огневого прикрытия действий группы и ее отхода с пленным артиллерия должна была по сигналу «одна красная и одна зеленая ракета» перенести огонь в глубину

обороны противника.

8 декабря в 7 часов группа получила приказ — захватить в дзоте контрольного пленного. Командиры подгрупп отдали приказы своим подчиненным на выполнение поставленной задачи.

В 7 часов 30 минут подгруппа разграждения ползком преодолела нейтральную полосу и достигла проволочных заграждений обороны противника. К 8 часам саперы закончили проделывание в проволоке проходов и дали сигнал подгруппе захвата. Через 15 минут подгруппа захвата вышла на исходное положение для атаки.

Командир подгруппы захвата немедленно вызвал огонь артиллерии и минометов, который велся в течение одной минуты, разрушая огневые точки противника на его переднем крае. Затем подгруппа прикрытия, броском достигнув завала, приняла боевой порядок, а подгруппа захвата, преодолев завал, вступила в гранатный бой с противником. Старший сержант Кафанов и сержант Зеленков противотанковыми гранатами разрушили дзот и уничтожили находившихся в нем трех гитлеровцев. В это время из двух соседних землянок выскочили солдаты противника; в коротком бою несколько немцев были уничтожены автоматным огнем, а один из них был захвачен в плен. Старший сержант Кафанов и сержант Зеленков быстро потащили пленного, а остальные разведчики из подгруппы захвата, забросав противотанковыми гранатами землянки и уничтожив при этом до 20 солдат противника, начали отходить. Вскоре на помощь немцам подоспели еще 12 солдат, с которыми завязала бой подгруппа прикрытия. Как только подгруппа захвата прошла проволочное заграждение противника, артиллерии был дан сигнал прикрыть отход всей группы.

Поисковая группа без потерь возвратилась в свою часть. Пленный подтвердил нахождение 28-й легкой пехотной дивизии на прежнем рубеже обороны, а также дал ценные показания о месте расположения пунктов управления, артиллерии и других важных объектов. В итоге полученных данных было тщательно спланировано наступление, в результате которого полк уничтожил до двух батальонов обороняющегося противника, захватил несколько танков, 12 орудий, большое количество стрелкового оружия, автомашин и успешно овладел важным рубежом, который обеспечил развертывание войск для дальнейшего развития наступления.

Как видно из примера, успех поиска был достигнут без потерь со стороны наших разведчиков. Вместе с тем следует учитывать, что подразделение (группа) в поиске должно действовать с

расчетом выполнить свою задачу бесшумно. В данном примере в связи с хорошо подготовленной в инженерном отношении обороной противника поисковая группа действовала с предварительным огневым налетом наших артиллерийско-минометных средств. В конкретных условиях обстановки такое решение оправдало себя. Заслуживает внимания и тщательная организация, и умелое проведение огневого обеспечения действий поисковой группы по захвату пленного. Противник, ошеломленный неожиданным сильным огнем и внезапным дерзким налетом разведчиков, не в состоянии был противодействовать успешному проведению поиска. Удачно выбран и момент действия группы — на рассвете, когда бдительность противника значительно снизилась.

Результаты поиска вынудили изменить замысел наступления

Перед фронтом 137-й стрелковой дивизии, действующей в районе Мценска, наблюдением было установлено интенсивное передвижение мелких групп пехоты и обозов, подход колонн автомашин к линии фронта и возвращение их в тыл. Все это указывало на очевидную перегруппировку, производимую противником. Предпринятые нашими подразделениями ночные поиски с целью захвата пленного успеха не имели. Поисковые группы, врывавшиеся в тот или иной окоп врага, забрасывались гранатами или обстреливались из соседних окопов и, понеся потери, возвращались, не выполнив задачи.

После изучения вражеской обороны и характера действий групп решено было провести поиск следующим образом. На основе ранее добытых разведчиками данных о противнике был выбран район поиска. В качестве объекта нападения избрали блиндаж.

В связи с тем что расстояние между ближайшими к объекту нападения целями не превышало 30 м и из любой огневой точки могло быть нанесено действительное огневое поражение, подгруппу захвата из шести человек намечалось прикрыть справа одной и слева двумя подгруппами обеспечения. Кроме того, при командире взвода, возглавлявшем поисковую группу, находились два автоматчика, которые после расчленения поисковой группы должны были двигаться в 20–30 м за подгруппой захвата.

Так как одна из целей могла поразить фланговым огнем разведчиков при отходе, по ней был подготовлен огонь минометной батареи из глубины нашей обороны. Остальные цели в ходе поиска должны были находиться под воздействием огня

подгруппы обеспечения. В случае если с началом отхода они оживут, был подготовлен огонь артиллерийской батареи.

Подготовка группы. Офицер, которому было поручено организовать поиск, вызвал к себе командира поисковой группы, командиров подгрупп захвата и обеспечения, командиров артиллерийской и минометной батарей, ознакомил их со схемой расположения противника и кратко изложил идею поиска. Под покровом ночи все указанные командиры выдвинулись в траншеи, находящиеся на нашем переднем крае: каждый получил задачу путем наблюдения детально изучить объект, против которого он будет действовать, соседние объекты и местность в направлении действий. С рассвета и до полудня (в течение 8 часов) офицеры и сержанты вели наблюдение. Полученные результаты суммировали.

Наблюдение полностью подтвердило имевшиеся у нас данные о расположении немецких окопов. Окопы размером 3–4 м находились на расстоянии 15–40 м один от другого. По оттаявшему снегу на брустверах можно было определить, что ранее из каждого окопа вели огонь не более 2–3 солдат; никаких признаков, указывающих на наличие траншеи, которая соединяла бы окопы между собой, не было. Проволочные заграждения отсутствовали.

Местность на намеченном участке действий ровная, с незначительным подъемом в сторону противника. Снег после оттепели замерз и при движении разведчиков производил шум. Но ветер дул со стороны немцев, что облегчало звукомаскировку.

Оставались невыясненными два вопроса: имеется ли минное поле перед окопами и выставляют ли гитлеровцы ночью боевое охранение в четырех старых, едва заметных ячейках (в центре нейтральной полосы).

Для проверки этого помощник командира взвода, возглавлявший поисковую группу, получил приказание с группой из двух разведчиков и пяти саперов с наступлением темноты проникнуть к «подозрительным» ячейкам, оставить около них в засаде разведчиков, а самому с саперами, расчленившись по фронту, подползти на 30–40 м к окопам противника и установить наличие там мин. Задача была выполнена успешно. Выяснилось, что минного поля перед окопами нет. Ячейки, расположенные в центре нейтральной полосы, оказались незанятыми, никто со стороны противника ночью к ним не подходил.

Организация взаимодействия. Получив данные наблюдения и разведки, офицер, возглавлявший поиск, приступил к организации взаимодействия. Сущность его сводилась к следующему.

Вся поисковая группа с исходного положения до ячеек в нейтральной полосе продвигается в колонне по два, имея впереди в 50 м парный дозор. Первым в колонне идет командир поисковой группы с двумя автоматчиками, далее — подгруппа захвата, а за ней — подгруппы обеспечения (в составе первых двух — по три солдата, в третьей — шесть солдат).

Подойдя к ячейкам, поисковая группа, расчленившись по фронту, равномерно продвигается вперед.

Предусматривалось, что, если удастся незамеченными подойти к противнику на 20–25 м, все останавливаются перед окопами, подгруппы обеспечения изготавливаются к ведению огня из автоматов, имея гранаты наготове. В то же время подгруппа захвата броском преодолевает расстояние до блиндажа, врывается в него и захватывает находящихся там солдат.

Если какая-либо из подгрупп обеспечения или подгруппа захвата будет обнаружена и обстреляна противником, начинает немедленно действовать та подгруппа, которая находится против огневой точки, открывшей огонь.

Учитывая предыдущий опыт, все подгруппы, особенно вторая и третья, должны были подавить противника не только автоматным огнем, но и гранатами.

При захвате пленного подгруппа захвата немедленно начинает отход к своим траншеям, а подгруппы обеспечения во главе с командиром взвода продолжают вести огневой бой до тех пор, пока подгруппа захвата не отойдет на 100 м.

Командир взвода после отхода подгрупп обеспечения на 150 м от переднего края обороны противника подает сигнал артиллерийской батарее, которая открывает огонь по точкам, ранее подавлявшимся подгруппами обеспечения.

Одна из фланговых целей, которая могла своим огнем отсечь отход поисковой группы, подавляется минометной батареей. Командир батареи, выдвинувшись в траншею на переднем крае, наблюдает за указанной огневой точкой.

К вечеру, когда все вопросы взаимодействия с офицерским и сержантским составом были уяснены на местности, командир, организующий поиск, оставил наблюдателей, приказав следить за поведением немцев до следующего вечера, а со всеми остальными вернулся в свое расположение.

Подбор личного состава поисковой группы и ее тренировка к предстоящему действию. На следующий день были подобраны подгруппы захвата и обеспечения. Во главе каждой подгруппы обеспечения были поставлены командиры, участвовавшие в рекогносцировке.

Вооружение подгруппы захвата: автоматы, ножи, гранаты, а также средства для эвакуации пленных. Вооружение подгрупп обеспечения: у каждого бойца автомат, шесть секторных или три дисковых магазина, по четыре-шесть гранат. Обмундирование: ватные шаровары и куртки, шапки-ушанки, сапоги, маскхалаты или масккостюмы.

Для тренировки группы старший командир выбрал в тылу наших войск участок местности, подобный тому, на котором предполагалось провести поиск, обозначил огневые точки противника, наметил исходное положение. Поисковая группа приступила к тренировке, постепенно переходя от дневных условий к ночным. Подгруппы несколько раз проделывали все то, что потребуется от них при выходе на исходное положение в момент расчленения и при взаимном обеспечении действий подгруппы захвата. Разведчики научились бесшумному и равномерному движению, наиболее целесообразным приемам подавления противника, оказывающего сопротивление, усвоили сигналы, обозначающие начало отхода подгруппы захвата, удаление ее с пленным на 50 м от подгрупп обеспечения (сигнал отхода последних), вызов артиллерийского огня по точкам, ранее подавляемым подгруппами обеспечения.

Закончив тренировку, группа перед рассветом выдвинулась к траншее нашего переднего края, откуда должен был начаться поиск. В течение целого дня солдаты и офицеры изучали расположение противника, цели, которые они должны были подавить, пути, по которым намечались выдвижение и отход.

Для каждой подгруппы были даже определены азимуты направлений движения к противнику и обратно, а разведчики подгруппы захвата дополнительно тренировались в конвоировании пленных.

Действие группы. С наступлением темноты группа в колонне по два бесшумно вышла на нейтральную полосу и, расчленившись, начала сближение с противником по-пластунски. Примерно через полчаса подгруппы обеспечения были уже в 20 м от огневых точек, а подгруппа захвата ворвалась в блиндаж. В короткой схватке два солдата, пытавшиеся сопротивляться, были убиты прикладами, третьего немца удалось схватить, но он успел закричать.

Вместе с пленным подгруппа захвата начала отход. В это время одна из огневых точек противника открыла по ней огонь. Предусмотренный заранее огонь автоматов нашей подгруппы обеспечения вывел из строя эту и еще три другие огневые точки гитлеровцев. Однако две гранаты, неожиданно брошенные из окопа противника, ранили трех наших солдат. Один из бойцов

подгруппы захвата, метнув в окоп гранату, уничтожил ее расчет.

Поисковая группа, как и планировалось, вернулась в траншею под прикрытием артиллерийского огня. На допросе пленный показал, что понесшая потери пехотная дивизия немцев заменена вновь прибывшей дивизией СС.

В результате полученных разведывательных данных командованием и штабом дивизии были внесены некоторые уточнения в замысел наступления и значительно изменен порядок огневой подготовки. В результате эти сведения обеспечили своевременное выполнение дивизией задачи наступления с небольшими для наступающих частей потерями.

При рассмотрении результатов этого поиска возникает вопрос: почему же одна из огневых точек оказалась неподавленной? На разборе установили следующее: командир второй подгруппы обеспечения в процессе движения к цели уклонился от подгруппы захвата вправо не на 20, а на 50 м, поэтому вышел не к намеченной цели, а правее, оттеснив соседнюю справа подгруппу обеспечения, которая ориентировалась в движении по второй подгруппе. Таким образом, указанная цель фактически никем не была подавлена.

Этот пример плохого ориентирования одной из подгрупп обеспечения должен послужить уроком при подготовке к действию каждой поисковой группы. При подготовке разведчиков вопросам правильного их ориентирования как в дневное, так и ночное время необходимо уделять самое серьезное внимание.

Вместе с тем в приведенном примере заслуживают внимания тщательность подготовки личного состава разведывательного подразделения, умелая организация взаимодействия как внутри поисковой группы, так и с артиллерийскими подразделениями, обеспечивающими ее отход.

УСПЕХ НОЧНОГО ПОИСКА РЕШИЛА СТРЕМИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ ГРУППЫ

Летом 1943 г. перед фронтом 381-й стрелковой дивизии участок обороны немцев в районе выс. 180, 1 являлся довольно сильным укрепленным опорным пунктом. Местность перед опорным пунктом простреливалась ружейно-пулеметным огнем с трех направлений. Передний край его прикрывался минным полем, проволочным заграждением из двух линий спирали «Бруно», рогатками и управляемыми минами.

Обстановка требовала захвата в этом районе контрольного пленного с целью подтверждения нумерации частей противника. Выполнение этой задачи было возложено на поисковую группу, выделенную из разведроты дивизии.

Для проведения ночного поиска из состава разведроты была отобрана группа, состоящая из 21 человека, которая по характеру задач распределялась: подгруппа разграждения — четыре человека, подгруппа захвата — десять человек, подгруппа прикрытия — семь человек.

Вооружение группы состояло из автоматов, револьверов, двух ручных пулеметов, ручных гранат. Солдаты, входящие в подгруппу захвата, вооружены ножами, а подгруппы разграждения — ножницами для разрезания проволоки. Предусматривалось, что действия поисковой группы будут поддерживать батарея артполка дивизии, минометная рота, станковые пулеметы и две стрелковые роты батальона, на участке которого проводился поиск. Для борьбы с артиллерией и минометами противника подготавливались также дивизион гвардейских минометов и дивизион артполка дивизии. Всеми действиями разведывательной группы и поддерживающих подразделений руководили начальник разведки дивизии и начальник штаба артиллерии дивизии. Управление разведкой и приданными средствами осуществлялось по телефону и радиостанции.

Намеченный для проведения поиска объект изучался круглосуточно в течение пяти суток с переднего края нашей обороны.

Было установлено, что избранная для нападения огневая точка противника представляет блиндаж с открытой пулеметной площадкой, соединенный траншеей с соседними огневыми точками и ходом сообщения, идущим в глубину обороны.

Поиску предшествовала тщательная подготовка разведчиков. В тылу своих войск была подобрана соответствующая местность, на которой созданы оборонительные сооружения и препятствия, аналогичные объекту поиска. На этой местности и проводились в течение двух суток дневная и ночная тренировки личного состава поисковой группы. Главная цель занятий — уяснение каждым исполнителем своей задачи, способа действий и умелое согласование действий всей группы.

В день, намеченный для поиска, в 23 часа 30 минут поисковая группа заняла исходный пункт, в 500 м южнее выс. 180, 1, и затем бесшумно начала выдвижение к намеченному объекту поиска. Достигнув полосы препятствий, группа залегла, а саперы приступили к обезвреживанию минного поля и проделыванию проходов в проволочных заграждениях. По мере готовности прохода подгруппа захвата продвигалась вперед вслед за саперами. Преодолев минное поле и заграждение, подгруппа захвата с двух сторон направилась к объекту поиска. Левая часть

подгруппы, достигнув траншеи, частью своих сил пошла по траншее, а часть бойцов следовала поверху, в сторону пулеметной площадки. Два разведчика, продвигаясь по траншее, встретили часового, стоящего около пулемета, и бесшумно его захватили. В это время правая часть подгруппы подошла к пулеметной площадке и забросала пулеметный расчет гранатами. Уничтожено было и стрелковое отделение немцев, находившееся в соседнем окопе. Гитлеровцы открыли огонь. Ведя бой с подоспевшими солдатами противника, правая часть подгруппы захвата начала отход, отвлекая на себя все внимание врага, чтобы дать возможность левой группе разведчиков с захваченным пленным отойти за линию заграждений. Вскоре под прикрытием огня своих пулеметов за линию заграждений отошла и правая часть подгруппы. Поисковая группа возвратилась в свое расположение без потерь.

Стремительность действий поисковой группы была настолько велика, что немцы не успели при отходе наших разведчиков взорвать свои управляемые мины, которые начали рваться уже после того, как разведчики вышли за линию препятствий и минного поля.

В результате поиска группа уничтожила десять солдат, один станковый пулемет и захватила пленного, не имея потерь со своей стороны ни в людях, ни в оружии. Пленный подтвердил нумерацию частей противника, что было весьма важным для наступающих войск. Перешедшие в последующем в наступление части 381-й СД своими успешными действиями вынудили немецкое командование подтянуть на этот участок свои оперативные резервы и тем самым оказали большую помощь нашим соединениям, наступающим на главном направлении.

Весь поиск продолжался 2 часа 15 минут. Шум в период выдвижения к проволоке и ее преодоления заглушался пулеметным и ружейным огнем с переднего края нашей обороны на соседних с объектом нападения участках обороны противника.

Таким образом, продуманная организация поиска, тщательная подготовка личного состава поисковой группы, смелость и решительность действий разведчиков позволили успешно завершить поиск и выполнить поставленную задачу. При этом нашей артиллерии даже не потребовалось открывать огонь по огневым точкам противника, так как из-за стремительности действий наших разведчиков артиллерия противника не успела открыть по ним огонь.

Неудачные действия поисковой группы как следствие слабой организации поиска

С целью установления нумерации частей противника, обороняющихся против 66-й мотострелковой бригады, командование последней поставило задачу командиру разведроты захватить пленного в районе юго-восточной окраины Елхи в ночь на 10 января 1943 г.

Командир разведроты наблюдением в течение 8 и 9 января выбрал в намеченном районе действий одну землянку с удобными подходами к ней, в которой и решил захватить пленного.

Для выполнения задачи из состава разведывательной роты была выделена группа в количестве десяти человек, состоявшая из подгруппы захвата в пять человек во главе с заместителем командира роты старшим лейтенантом Лавриком и подгруппы прикрытия — пять человек во главе с командиром взвода разведроты лейтенантом Сидоренко.

Поисковая группа была вооружена автоматами и ручными гранатами.

Действия группы поддерживались двумя 82-мм минометами, подготовившими огонь по противнику в районе Елхи.

Для вызова огня минометов на НП бригады находился командир группы с тремя разведчиками-наблюдателями.

В час ночи 10 января группа выступила с исходного положения и к 3 часам бесшумно подошла к траншее, у которой находилась землянка.

Командир подгруппы захвата, оставив для прикрытия двух разведчиков в траншее правее землянки, с двумя бойцами подкрался к землянке и захватил немецкого солдата, вышедшего из нее. Солдат успел издать приглушенный звук. Послышался окрик часового, стоявшего левее землянки у пулемета и не замеченного разведчиками при спуске в траншею.

Часовой, увидев людей в белых халатах, тащивших захваченного немца, открыл огонь из автомата. Первыми же выстрелами были убиты старший лейтенант Лаврик, немецкий солдат и тяжело ранен наш солдат.

Один из разведчиков, прикрывавших землянку справа, бросился на помощь раненому, но противник открыл по нему огонь из пулемета, смертельно ранив. Второй прикрывавший — старшина второй статьи Москвин — бросился на помощь первому. Траншея справа осталась открытой, и подбежавшие по ней три немецких солдата забросали наших бойцов гранатами. Уцелевший старшина второй статьи Москвин, взяв из подгруппы прикрытия двух разведчиков, попытался вытащить раненых солдат и убитого старшего лейтенанта Лаврика.

Противник осветил местность ракетами и открыл огонь из

трех пулеметов, в результате был убит еще один разведчик.

Поисковая группа, не выполнив задачи и потеряв четырех человек ранеными и убитыми, к 6 часам 30 минутам отошла на исходное положение.

Этот неудачный исход действий поисковой группы 66-й мотострелковой бригады явился следствием неправильной организации поиска.

Известно, что успешность поиска зависит от тщательной организации и подготовки поисковой группы к действиям, скрытности этой подготовки, внезапности, смелости и решительности действий, а также от широкого применения в процессе поиска различных уловок и хитрости.

При подготовке поиска и при действиях группы это требование не было выполнено надлежащим образом.

На подготовку группы к поиску было отведено недостаточно времени. Передний край обороны противника был изучен плохо, так как 8 и 9 января командир роты в результате наблюдения только установил наличие землянки, которую решил избрать объектом поиска. В ночь на 10 января группа уже получила задачу захватить пленного.

Поведение противника в районе объекта (землянки) не было изучено, и поэтому командир группы произвел неверный расчет разведчиков для выполнения задачи, и план поиска был составлен неправильно. К тому же действия разведчиков были неверными.

Командир подгруппы захвата, имея всего пять человек, вынужден был для прикрытия траншеи правее землянки выделить из подгруппы двух разведчиков, а сам с остальными двумя бойцами должен был захватить пленного. Приблизившись ночью к объекту разведки, командир группы не организовал предварительного наблюдения за землянкой и прилегающим к ней районом, в результате часовой левее землянки остался незамеченным. Если бы была произведена доразведка землянки, командиру группы было бы известно, что там стоит часовой, следовательно, и действия подгруппы захвата он организовал бы по-иному.

Нарушение правил организации и проведения поиска привело к тому, что поисковая группа понесла существенные потери, не выполнив своей задачи.

Дневные поиски. Опыт Великой Отечественной войны показал, что поиски обычно проводятся в ночное время, ибо темнота благоприятствует скрытности движения группы и внезапности ее нападения. Вместе с тем в период минувшей войны дневные поиски завоевали себе прочное место среди

других приемов и способов разведки по захвату пленных. Особенно большое распространение дневные поиски получили в лесисто-болотистой местности, при ведении боя в крупных населенных пунктах и городах, на среднепересеченной местности с наличием на ней обильной растительности (высокая трава, неубранные полевые культуры и т. п.), в условиях, когда противник поспешно перешел к обороне или когда нейтральная полоса весьма незначительная.

Требования к организации поисков в светлое время остаются в основном такими же, как и в условиях темноты. Важнейшим фактором, способствующим проведению поиска днем, является состояние погоды. Ненастная погода (дождь, снег, туман) всегда была верным спутником разведчиков в деле успешного проведения поиска. Решающим условием успешных действий в поиске являлся правильный выбор и тщательное изучение как самого объекта, так и прилегающего к нему района обороны противника. Немаловажным фактором считался также и выбор времени для проведения поиска. В дневное время, особенно на рассвете и в послеобеденное время, бдительность противника уменьшалась. Это обстоятельство широко использовалось разведчиками для достижения внезапности действий. Поскольку при дневном поиске действия группы должны быть внезапными и весьма короткими по продолжительности, объект поиска выбирался в таком районе, где он не создавал бы невыгодных условий для действий группы и исключал бы длительное нахождение разведчиков в нейтральной полосе и расположении противника. В связи с этим выгодными объектами для нападения считались отдельные огневые точки, выдвинутые вперед окопы, дерево-земляные огневые точки, отдельные наблюдатели.

При небольшой нейтральной полосе исходным пунктом для действий группы в дневное время обычно являлась траншея (окопы) переднего края своих обороняющихся войск. При большой нейтральной полосе исходным пунктом для броска группы выбирались воронки от разрывов снарядов, складки местности в нейтральной полосе, растительность и т. п. Для проведения дневного поиска состав группы по опыту войны чаще всего был небольшим (от 5–6 до 10–12 человек). Однако, когда требовалось создавать добавочные подгруппы (обеспечения, разграждения), численность поисковой группы несколько увеличивалась. В ряде случаев при действии группы днем подгруппы обеспечения и разграждения не создавались, особенно в условиях, когда противник поспешно перешел к обороне.

При организации дневных поисков в период минувшей войны большое внимание уделялось огневому обеспечению действия

поисковой группы как со стороны стрелковых подразделений, так и артиллерии. Во время отхода группы в расположение своих войск в некоторых случаях эффективно применялись маскирующие дымовые завесы.

Ниже приводится ряд характерных примеров проведения дневных поисков в период минувшей войны.

Дневной поиск, проведенный в марте 1945 г. в районе Рузайкас

В начале марта 1945 г. в районе Рузайкас противник, введя в первую линию боевых порядков новые подразделения, сдерживал наступление гвардейского стрелкового полка. В течение восьми суток не удавалось узнать, какие части введены немцами в действие.

Разведывательная группа полка в составе девяти человек под командованием старшины Трухина получила задачу захватить контрольного пленного в районе безымянной высоты западнее Рузайкас. Каждый боец был вооружен автоматом и тремя гранатами. Действия разведчиков должны были поддерживать восемь 82-мм и 120-мм минометов.

Началась усиленная подготовка к проведению поиска. Офицер разведки полка с участниками поиска в течение двух суток изучал район предстоящих действий. Изучение проводилось путем непрерывного наблюдения, ночных вылазок и засечки огневых точек. Одновременно обобщались и анализировались все имеющиеся разведывательные данные о противнике, его обороне, системе огня, инженерных сооружений. Было установлено, что на безымянной высоте западнее Рузайкас находится опорный пункт противника с гарнизоном до 20 солдат, двумя пулеметами и одной 37-мм пушкой. На восточных скатах высоты отрыта траншея полного профиля с двумя открытыми пулеметными площадками и ходами сообщения к жилым блиндажам. Впереди траншеи установлены спираль «Бруно» и противотанковые мины. Удалось также выявить, что на ночь противник уплотняет боевые порядки первой линии, бдительность его повышается. С наступлением рассвета в траншеях остаются только дежурные, а личный состав отдыхает в блиндажах. Смена постов у пулеметов производится в 8 часов утра.

В результате изучения местности, системы огня и обороны противника был выбран объект нападения — открытая пулеметная площадка на юго-восточных скатах высоты.

Нападение решили произвести в 9 часов утра после смены

постов, когда бдительность противника значительно ослабевает.

Нейтральная полоса в этом районе не превышала 80–100 м, и не было необходимости оборудовать исходное положение. Решили использовать для этого две воронки от авиабомб, находившиеся в 40–50 м от траншеи противника. Поисковая группа не разбивалась на подгруппы захвата и обеспечения. После выбора объекта командирам поддерживающих средств были поставлены задачи на пристрелку намеченного объекта нападения, окаймление его огнем во время действий разведчиков и прикрытие отхода. При этом были установлены сигналы открытия и прекращения огня.

В течение последующих двух суток поисковая группа продолжала проводить наблюдение и изучение путей движения к намеченному объекту нападения, проводились тренировочные занятия на сходной с районом разведки местности с целью отработки стремительного броска и смелых, решительных действий. Поддерживающие огневые средства продолжали обстреливать район предстоящих боевых действий, совершая обычные методические налеты.

В ночь на 6 марта саперы проделали проходы в минных полях (своих и противника) и спирали «Бруно» при обеспечении тщательной маскировки.

Перед рассветом разведчики группами по два-три человека бесшумно вышли в исходное положение. Несмотря на то что противник освещал местность ракетами, выдвижение группы не было обнаружено. Скрываясь за пнями и мелким кустарником, разведчики благополучно добрались до воронок от авиабомб и залегли в них, продолжая вести наблюдение за противником. В 8 часов утра в немецких траншеях сменились посты. На короткое время по ходам сообщения и блиндажам заметно усилилось движение фашистских солдат. На пулеметных площадках остались одни дежурные. К 9 часам движение совершенно прекратилось, голоса, доносившиеся до разведчиков, затихли.

В 9 часов стремительным броском разведчики ворвались в траншею противника, в расположение пулеметной площадки. Находившиеся у пулемета два немецких солдата были захвачены в плен. Однако гитлеровцы обнаружили разведчиков. Фашисты выбежали из блиндажей и попытались напасть на наших бойцов. В это время по сигналу офицера разведки полка по высоте был произведен минутный артиллерийский налет. Немцы вынуждены были откатиться к блиндажам, но через несколько минут снова ринулись в атаку. Старшина приказал трем разведчикам эвакуировать пленных в расположение наших войск, а сам с остальными солдатами продолжал бой. Немцы подтянули в район

поиска большую группу солдат. Старшина сигналом вызвал на это место артиллерийский огонь. Под прикрытием огня разведчики начали медленно отходить в расположение своего подразделения. Поставленная задача была успешно выполнена без потерь. Удалось уничтожить до 20 гитлеровцев. Захваченные в плен два немецких солдата дали весьма ценные показания.

Приведенный пример еще раз подтверждает незыблемое положение, что разведка — это область дерзания и неисчерпаемого творчества.

Вначале разведчики, слепо придерживаясь шаблона и не считаясь с условиями данного боевого участка, организовывали ночные поиски, которые, как правило, успеха не имели. Лишь после того, как они перешли к иному способу действий, начав проводить поиски днем, им удалось в течение короткого периода времени захватить ценных контрольных пленных.

Не следует забывать, что и при организации дневных поисков действия по шаблону обречены на неудачу. В подобных случаях, так же как и при ведении разведки любым способом, следует действовать в строгом соответствии с местом, временем, погодой, характером поведения противника, политико-моральным состоянием его войск и действиями наших войск, необходимо учитывать также степень опытности разведчиков.

Инициатива и находчивость командира группы при проведении поиска

Что предпринимает командир подразделения (группы) или командир подгруппы нападения, если обстановка в ходе проведения поиска изменяется настолько, что ни один из подготовленных ранее вариантов не годится? Обратимся к примеру.

Командование 74-й стрелковой дивизии располагало некоторыми разведывательными сведениями о подходе войск противника из глубины и производстве противником каких-то перегруппировок. Однако существо проводимых противником действий установить не удалось. Командир дивизии приказал начальнику разведки майору Горчинскому организовать поиск в районе выс. 262, 2, вблизи Донбасса.

Оборона противника перед фронтом дивизии была прикрыта минными полями с минами натяжного и нажимного действия, проволочными заграждениями и малозаметными препятствиями. Противником были оборудованы оборонительные сооружения, соединенные линией траншей с ходами сообщения.

Майор Горчинский и командир разведывательной роты старший лейтенант Мацарь объектом поиска для захвата «языка» избрали расчет пулемета, находившегося в блиндаже. Старший лейтенант Мацарь к этому времени был уже опытным разведчиком: в разведке он с первых дней войны. Под его руководством был взят в плен не один десяток вражеских солдат.

Уяснение задачи и принятие решения на проведение поиска. Начальник разведки майор Горчинский 2 апреля 1942 г. вызвал к себе командира поисковой группы старшего лейтенанта Мацаря и командиров поддерживающих огневых средств и ознакомил их с характером обороны и системой огня противника в районе предстоящих действий, кратко изложил идею поиска и поставил им задачи.

С получением задачи старший лейтенант Мацарь организовал непрерывное наблюдение за объектом поиска с двух наблюдательных пунктов. Места наблюдения были выбраны с таким расчетом, чтобы обеспечивалось скрытое расположение наблюдателей, хороший обзор объекта поиска, подступов к нему и огневых средств противника, расположенных на флангах объекта нападения и в глубине. Изучение объекта поиска велось поочередно личным составом группы. Ночью к переднему краю в направлении блиндажа выставлялись посты подслушивания.

В то время как изучался район действий и объект поиска, старший лейтенант Мацарь определил боевой состав и задачи подгруппам нападения (захвата), огневого обеспечения и разграждения, их вооружение и снаряжение, исходный пункт, маршрут и порядок движения подгрупп к объекту поиска, места проделывания проходов в заграждениях своих и противника, порядок действий групп при нападении на объект, направление и порядок отхода и вывода пленных, организацию управления и мероприятия по дальнейшей подготовке группы к действиям.

Для проведения поиска из состава разведывательной роты было отобрано 18 разведчиков. Разведывательная группа разделялась на две подгруппы нападения по пять человек каждая (в годы войны чаще выделялась одна такая подгруппа), две подгруппы огневого обеспечения по три человека и подгруппа разграждения — два сапера.

Подгруппы нападения предназначались для захвата контрольного пленного (документов) и доставки его в свое расположение. В их состав включались разведчики, отлично владеющие приемами рукопашного боя, физически развитые, храбрые и ловкие, умеющие бесшумно нападать на противника и захватывать пленных.

Подгруппы огневого обеспечения имели задачей прикрыть и

поддержать своим огнем действия подгрупп нападения, если в этом появится необходимость. В состав этих подгрупп были отобраны разведчики, отлично обученные метанию гранат на дальние расстояния и ведению меткого огня из ручных пулеметов и автоматов. Подгруппа разграждения назначалась для проделывания, обозначения прохода в минном поле и проволочных заграждениях перед передним краем противника и на путях подхода к объекту поиска.

На вооружении группы имелись автоматы, пистолеты «ТТ», два ручных пулемета, гранаты и армейские ножи. В подгруппе разграждения были миноискатель и ножницы для резки проволоки. Обмундирование: ватные шаровары и куртки, сапоги, маскировочные костюмы и шапки-ушанки.

Для огневого обеспечения группы были назначены одна артиллерийская и одна минометная батареи.

В период подготовки разведчиков к действиям начальник разведки дивизии и командир поисковой группы разработали план проведения поиска, который был утвержден командиром дивизии.

В плане проведения поиска нашли отражение следующие вопросы: цель поиска и состав группы; задачи подгрупп нападения; огневого обеспечения и разграждения; задачи командиров артиллерийской и минометной батарей, выделенных для огневой поддержки; пути подхода и порядок выдвижения подгрупп к объекту захвата и порядок нападения на него; организация управления и связи внутри группы; порядок эвакуации пленных; место сбора разведчиков после выполнения задачи.

3 апреля 1942 г. командир поисковой группы провел командирскую рекогносцировку объекта с командирами подгрупп и командирами артиллерийской и минометной батарей, где всесторонне был разработан план организации взаимодействия с поддерживающими средствами и подразделениями по нескольким вариантам действия группы.

Подготовка группы. Поиск тщательно готовился. Вот что рассказывал об этом бывалый разведчик старший лейтенант Мацарь: «Если говорить, чему я больше всего уделяю внимания, то прямо скажу: подготовке поиска. Почему иной раз разведчики терпят неудачу? Чаще всего потому, что как следует не готовятся к поиску.

Как я готовлюсь? Прежде чем приступить к действиям, я с группой выделенных мне разведчиков выдвигаюсь по возможности поближе к противнику. Веду наблюдение и подслушивание. Пока до тонкости не изучу объект поиска, не

узнаю, что и где имеется у противника в районе объекта нападения, не разведаю подступы к объекту и пути отхода, поиска не начинаю».

Действовать не «на авось», а наверняка, после детального изучения района поиска — в этом главное умение разведчика.

4 апреля все участники поиска до мельчайших подробностей изучали на местности пути подхода к объекту. Командиры подгрупп и командиры поддерживающих огневых средств поставили задачи каждому из участников поиска и проверили правильность уяснения ими своих задач. После этого было проведено тренировочное занятие в расположении наших войск на подобном предстоящему поиску участке местности, на котором каждый командир и рядовой разведчик строго исполняли свои функциональные обязанности.

На тренировке тщательно отшлифовывались одиночные действия разведчиков по бесшумному движению на местности, звуковой маскировке, рукопашному бою, захвату и доставке пленного. Затем на ночном занятии отрабатывались действия группы в полном составе. Это занятие проводилось с обозначенным противником и с привлечением командиров поддерживающих огневых средств. Руководил занятием начальник разведки дивизии майор Горчинский.

Тренировка разведгруппы на учебном объекте явилась завершающим этапом подготовки к поиску. Здесь уточнялся план действий, устранялись недостатки, окончательно вырабатывались наиболее целесообразные приемы.

Во время подготовки поиска и тренировок ни на минуту не ослаблялось наблюдение за намеченным объектом поиска. Все изменения, отмеченные в расположении противника, учитывались во время тренировок.

Непосредственно перед выступлением разведывательной группы к переднему краю командир поиска старший лейтенант Мацарь и командиры подгрупп нападения проверили боевую готовность разведчиков: наличие положенного по плану оружия, боеприпасов и их исправность, наличие маскировочных средств и средств, необходимых для эвакуации пленного из тыла врага; подгонку обмундирования, обуви и снаряжения; наличие сигнальных средств, индивидуальных санитарных пакетов и т. п. Наконец, проверено, не взял ли кто из разведчиков лишнего в разведку: ранцы, вещевые мешки, документы.

Проведение поиска. 4 апреля 1942 г. с наступлением темноты группа, назначенная для проведения поиска, сосредоточилась на исходном пункте в 400–500 м от объекта, который был расположен за передним краем обороны противника. Все

подгруппы, в том числе и две подгруппы нападения, две подгруппы огневого обеспечения и подгруппа разграждения, сосредоточились в назначенных местах бесшумно и скрытно. К бою были готовы минометы, орудия и пулеметы, расположенные в районе переднего края. Командиру поисковой группы был дан телефон для связи с командиром батальона, на участке которого проводился поиск, и со средствами огневой поддержки.

Для целеуказания и управления группой были подготовлены ракетницы, ракеты и шнуры. Кроме того, с подгруппами нападения связь поддерживалась пешими посыльными. Ночью саперы проделали проходы в минном поле и проволочных заграждениях.

По сигналу «вперед» подгруппы начали выдвижение. Продвигались ползком, совершенно бесшумно, поддерживая локтевую связь. Порядок выдвижения группы не нарушался.

Подгруппы огневого обеспечения выдвигались на флангах. Подгруппы нападения постепенно обходили блиндаж противника с флангов, с тем чтобы атаковать его с тыла, откуда противник менее всего ждет разведчиков. Вдруг командир левофланговой подгруппы нападения младший лейтенант Яшин увидел направляющегося к блиндажу немецкого солдата. Разведчиков отделяло от него всего 60–70 м. Времени на раздумье не оставалось. Хорош ли созревший замысел? Быть может, он ошибочен? Стоит ли после тщательной подготовки поиска нарушать план его проведения? Тогда вся вина ляжет на него, на Яшина. Доложить старшему лейтенанту Мацарю о своем решении и ждать его согласия было неразумно: такой благоприятный случай не повторится. Добыча может быстро уйти из рук. В блиндаже, как показала подготовка поиска, разведчиков ждала тяжелая и опасная борьба.

Решение захватить немецкого солдата созрело у Яшина молниеносно. Нужно проявить искусство, тогда будет меньше пота и крови. В то же время Яшина беспокоила мысль, как сообщить командиру группы о совершенно непредвиденном решении. Приняв его, Яшин направил посыльного к старшему лейтенанту Мацарю, чтобы уведомить его о непредвиденных действиях.

Все произошло в считаные минуты и секунды. Сблизившись с фашистом на 4–5 м, пятерка разведчиков стремительным броском захватила его. Фашистский солдат громко закричал.

Уместно заметить, что существовал специальный приказ Гитлера о том, что те солдаты, которые, попадая в плен, не оказывают сопротивления, подлежат строжайшим наказаниям, а их семьи — репрессиям.

В дальнейшем события развертываются так. Наши разведчики быстро скрутили пленному руки назад и связали веревкой, в рот засунули кляп.

Однако крик перепуганного солдата вызвал тревогу на переднем крае обороны немецко-фашистских войск. Незамедлительно вступили в действие несколько огневых точек противника. Гитлеровцы открыли огонь в направлении подгруппы нападения офицера-разведчика Яшина.

Главной задачей поисковой группы стала эвакуация пленного в расположение своих войск. Задача непростая: группа обнаружена, внезапность потеряна. Как лучше организовать эвакуацию пленного? Опытный командир поисковой группы Мацарь, долго не размышляя, установленным сигналом вызвал огонь артиллерии, минометов и пулеметов, выделенных для обеспечения отхода разведчиков с «языком».

Небо озарилось вспышками от орудийных выстрелов, разрывов снарядов и мин. С нашего переднего края дружно затрещали пулеметы. Огневое обеспечение отхода разведчиков осуществлялось примерно так, как это было предусмотрено ранее разработанным планом. Несмотря на то что захват пленного производился не так, как намечалось по плану, обеспечение отхода поисковой группы огневыми средствами осуществлялось по ранее разработанному варианту. Подгруппы огневого обеспечения своим огнем успешно прикрыли отход подгрупп нападения.

Вдруг все стихло. Огневые средства противника в районе проведения поиска были подавлены. Вскоре подгруппа нападения Яшина с контрольным пленным была уже в расположении наших войск. За ними отошли саперы, а затем подгруппы обеспечения.

Задача была выполнена, хотя блиндаж противника так и не был атакован нашими разведчиками. Инициатива, находчивость и храбрость помогли разведчикам выполнить задачу без потерь.

Данными допроса захваченного пленного удалось подтвердить предположение командования дивизии. Противник действительно на данном участке фронта производил перегруппировку своих частей, подводил новые силы из глубины и готовился к активным действиям. Добытые в результате поиска разведывательные данные также помогли уточнить характер боевых действий противника, его группировку, нумерацию и систему огня.

Приведенный пример показывает, что проявление разумной инициативы, находчивости и храбрости в сочетании с умелым расчетом — драгоценное качество каждого разведчика. Не всегда все складывается так, как предусматривается, казалось бы, по

самому тщательно разработанному плану. Очень часто обстановка в ходе проведения поиска меняется настолько резко, что офицер, сержант или рядовой разведчик вынуждены быстро принимать новое решение. В таких случаях приходят на помощь богатый опыт, находчивость и смекалка, подкрепленные смелостью.

Вот почему и говорят разведчики: «Не назначай командовать поиском или засадой людей, первый раз идущих на столь важное и опасное задание, не назначай командовать в таких случаях человека, не имеющего боевого опыта, не посылай в разведку одних только новичков, а включай их „прибавкой“ к бывалым разведчикам».

Успеху поиска, кроме того, способствовала тщательная и всесторонняя подготовка. И хотя в ходе проведения поиска был неожиданно избран другой объект, его подготовка с точки зрения выхода группы к объекту, огневого обеспечения и планомерного ее отхода принесла хорошие результаты.

Естественно, что проводить поиск в данной обстановке по ранее разработанному плану и нападать на блиндаж было неразумно. Задача практически была выполнена: пленный немец был в руках разведчиков. Противник старался предпринять все возможное, чтобы не выпустить советских воинов из своего расположения.

Быть может, в данной обстановке не было необходимости назначать для одного объекта (блиндажа противника) две подгруппы захвата. Однако начальник разведки дивизии, организующий поиск, исходил из того, что к объекту выйдут две подгруппы, а атакует его та, которая окажется в более благоприятной обстановке. В этом случае вторая подгруппа захвата должна была выполнять функции подгруппы обеспечения.

Правильная оценка условий обстановки обеспечила успех дневного поиска

Противник на рубеже Готартовиц — Ровни производит инженерные работы по усовершенствованию своей обороны, соединяет опорные пункты ходами сообщения, подготавливает здания в населенных пунктах к обороне.

С 17 марта 1945 г. поведение противника перед фронтом 100-й стрелковой дивизии резко изменилось, возросла его огневая активность. Для того чтобы уточнить группировку и намерения противника, необходимо было захватить пленного.

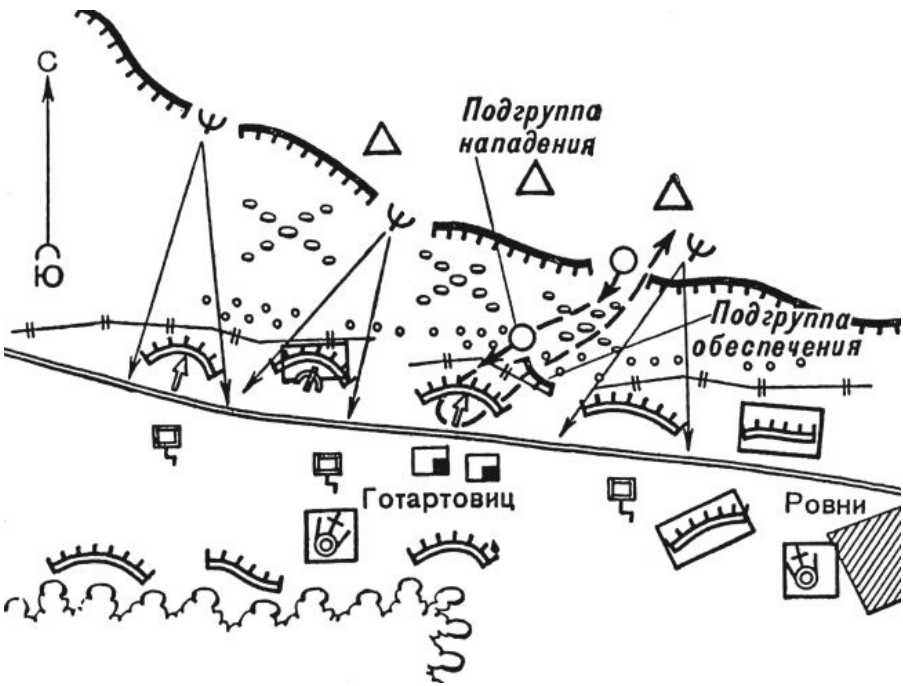
18 марта 1945 г. командир отдельной разведывательной роты

дивизии получил задачу от начальника разведки подготовить и провести поиск 21 марта 1945 г. с целью захвата пленного в районе Готартовиц.

Проведение поиска командиром отдельной разведывательной роты было возложено на группу специально отобранных разведчиков в количестве 12 человек во главе со старшиной Филимоновым.

Подготовка к действиям. После получения задачи командир роты совместно со старшиной Филимоновым приступили к выбору объекта поиска. Для этого за районом Готартовиц было организовано круглосуточное наблюдение и подслушивание с нескольких пунктов. В качестве объекта был избран расчет ручного пулемета в окопе у отдельного дома Готартовиц.

В течение трех суток разведчики изучали систему огня, режим поведения противника, скрытые подступы к избранному объекту поиска, производили ночные вылазки к объекту нападения.



Дневной поиск

В результате этих мероприятий по подготовке поиска было установлено, что в ночное время противник несет службу более бдительно, усиливает охранение и периодически освещает местность ракетами. В дневное время на переднем крае он оставляет лишь отдельные наблюдательные посты на удалении

100 м и более один от другого, а также дежурные подразделения. Остальной же личный состав отводится на отдых в землянки и блиндажи, находящиеся в 200–300 м от переднего края.

Оборона противником, хотя и совершенствовалась, была на этом участке еще недостаточно развита: не было сплошных траншей, не везде перед передним краем имелись проволочные заграждения, а имеющиеся разрывы в них прикрывались минными полями.

Местность в районе избранного объекта была пересеченной, с большим количеством лощин, канав, покрыта мелким кустарником. Все это создавало благоприятные условия для того, чтобы в дневное время разведчики скрытно подползли к окопам противника на удаление 40–50 м и внезапно атаковали объект.

В результате правильной оценки противника и местности было решено провести дневной поиск с применением полной внезапности действий. К тому же ранее проводимые на этом участке фронта ночные поиски успеха не имели. Противник обнаруживал наших разведчиков на подступах к объекту нападения, открывал огонь, и разведчики вынуждены были, не выполнив задачи, возвращаться в свое расположение.

Поисковая группа была разделена на подгруппу захвата (шесть человек во главе со старшиной Филимоновым), подгруппу огневого обеспечения (четыре человека с двумя ручными пулеметами), подгруппу разграждения (два сапера).

По огневым точкам, расположенным на флангах избранного объекта, был подготовлен огонь двух минометных рот и минометной батареи, а также организован ружейно-пулеметный огонь с первой траншеи.

С разведчиками были проведены тренировочные занятия на сходной с районом предстоящего поиска местности с целью отработки стремительного броска подгруппы нападения, смелых и решительных действий всего личного состава.

Тщательно были отработаны и вопросы взаимодействия поисковой группы с обеспечивающими ее огневыми средствами.

Артиллерия и минометы, не нарушая установленного на этом участке режима огня, производили пристрелку по районам, прилегающим к намеченному объекту нападения.

Проведение поиска. В ночь на 21 марта саперы-разведчики проделали проход в минном поле (сняли взрыватели с противопехотных мин, установленных в разрыве между проволочными заграждениями). При подходе к переднему краю подгруппа разграждения неожиданно заметила тонкую, как струнка, проволоку, которая при малейшем прикосновении могла бы предупредить противника. Саперы обнаружили также

развешанные на ветках кустарника ручные гранаты и мины-«сюрпризы», которые взрывались от малейшего прикосновения.

Но как ни ухищрялись гитлеровцы, наши саперы-разведчики выполнили свою задачу. Проход в заграждениях был проделан.

В 5 часов 21 марта подгруппа захвата скрытно выдвинулась на исходный пункт и расположилась на удалении 35–40 м от окопа противника, где находился расчет пулемета.

Наблюдение за противником продолжалось. Было установлено, что с наступлением рассвета противник начал отводить личный состав с переднего края в глубину своего расположения. К 9 часам утра перед разведчиками остался лишь один расчет пулемета противника.

В 9 часов 15 минут шесть разведчиков под командованием старшины Филимонова стремительным броском ворвались в окоп, остальные четыре человека из подгруппы обеспечения остались для прикрытия действий подгруппы захвата.

Действия наших бойцов были настолько внезапными, что пулеметчики противника, растерявшись, не смогли оказать никакого сопротивления. Один из пулеметчиков был убит, второй захвачен в плен. Противник открыл огонь лишь тогда, когда наша группа вместе с пленным и документами убитого была уже в своей первой траншее.

Поставленная задача была выполнена успешно. Захваченный пленный 911-го охранного батальона показал, что их батальон сменил части 68-й пехотной дивизии. Он также дал сведения о характере обороны батальона и назвал соседние с ним части.

Позже старшина Филимонов рассказывал, что успех поиска был прежде всего обеспечен высоким мастерством разведчиков. Особое внимание при их подготовке обращалось на быстроту и внезапность действий, скрытый и бесшумный выход к намеченному объекту, тщательную маскировку. Каждый разведчик из группы Филимонова немало потрудился, пока достиг нужных результатов. Не одну сотню метров пришлось проползти разведчикам по-пластунски и перемещаться другими способами, чтобы приобрести необходимые навыки.

Это вполне понятно. Ведь противник днем и ночью следит за тобой, чутко прислушивается к каждому шороху, к каждому подозрительному звуку. И уж если заметит разведчиков, хорошего не жди.

Из данного примера видно, что внезапность действий, достигнутая благодаря всесторонней оценке фактора времени, характера боевой деятельности противника и условий местности, обеспечила успешное проведение поиска днем.

Успеху поиска способствовало изменение тактики действий разведчиков: противник, привыкший к ночным действиям с нашей стороны, не ожидал дневного нападения, ослабил бдительность и наблюдение. Этим воспользовались наши разведчики. Дневной поиск прошел успешно благодаря хорошей подготовке личного состава, тщательному взаимодействию внутри группы и со средствами огневой поддержки, правильному выбору скрытых путей к объекту и полной маскировке своего движения. Одновременно был использован элемент внезапности, что, в свою очередь, способствовало выполнению задачи.

Дневной поиск может быть успешно проведен в любом районе, если будут тщательно изучены система неприятельского огня, его поведение и найдены пути скрытого подхода к объекту.

Правильно ли, что поиском (засадой) решаются задачи, имеющие только тактическое значение?

Вспомним, что происходило под Курском и Орлом летом 1943 г. Весной 1943 г. немецко-фашистское командование начало подготовку нового наступления в районе Курска и Орла, рассчитывая на благоприятную для него обстановку в связи с тем, что США и Англия затягивали открытие второго фронта в Европе. Планируя летнюю кампанию 1943 г., гитлеровцы намеревались под Курском и Орлом взять реванш за поражение под Сталинградом и поднять свой пошатнувшийся престиж.

В подобной обстановке задача тактической и оперативной разведки состояла в том, чтобы непрерывно следить за ходом подготовки противника к наступлению, не выпускать его из поля зрения ни на одну минуту. На своевременное вскрытие точных сроков вражеского наступления были нацелены силы и средства тактической и оперативной разведки.

Разведывательные органы всех звеньев проделали титаническую работу. Вблизи переднего края противника располагались тысячи наблюдательных пунктов и постов, просматривавшие расположение противника на глубину 6–8 км. То, чего нельзя было увидеть с наземных наблюдательных пунктов, фиксировалось воздушной разведкой.

Каждую ночь наши неутомимые разведчики захватывали пленных, документы, образцы вооружения, отыскивали минные поля, уточняли расположение противника и характер его действий.

В последних числах апреля в разведывательных сводках Центрального и Воронежского фронтов на основе данных,

полученных от разведки, и особенно показаний пленных, был сделан вывод о возможности перехода противника в наступление в первых числах мая. Но в мае наступление немецко-фашистских войск не состоялось. Оно, как выяснилось позже, было отсрочено приказом Гитлера до середины июня. В последующем был изменен и этот срок. Дело в том, что Гитлеру хотелось применить в предстоящей операции большое количество танков «тигр», «пантера» и самоходных орудий «фердинанд», которые незадолго до этого были пущены в серийное производство и на которые военное командование возлагало большие надежды.

С 29 июня по 3 июля 1943 г. включительно воздушное и наземное наблюдение отмечало передвижение немецких бронетанковых, артиллерийских и пехотных частей (подразделений), их выдвижение к переднему краю, особенно на участках 13-й и 48-й армий.

В ночь на 2 июля на нашу сторону перешли два перебежчика-француза. Следует заметить, что этот факт забыт. А жаль. Он стоит того, чтобы о нем рассказать подробнее. Эти французские патриоты были насильственно мобилизованы в немецко-фашистскую армию. В июне в составе охранного подразделения они были переброшены под Курск. Именно здесь им пришлось нести охрану штаба 86-й немецкой пехотной дивизии.

1 июля, узнав, что в дивизии получен приказ о переходе немецко-фашистских войск в наступление, французы решили предупредить советское командование. К сожалению, не зная точного начертания переднего края и расположения минных полей, они оба получили ранения на немецких минах.

Истекая кровью, эти мужественные люди продолжали ползти в сторону расположения советских войск. Рано утром их подобрали наши разведчики в нейтральной полосе и доставили в госпиталь. После оказания им первой медицинской помощи они показали прибывшему к ним офицеру-разведчику, что получен приказ о переходе немецко-фашистских войск в наступление.

Точной даты наступления перебежчики не знали, но предполагали, что это должно случиться в ближайшие два-три дня.

Показания французских патриотов-перебежчиков были своевременно доведены до нашего командования.

В разведывательной сводке штаба Центрального фронта за 29 июня был сделан вывод, что противник начал занимать исходное положение для наступления на Курск. В ежедневных сводках за 30 июня, 1, 2 и 3 июля говорилось, что противник продолжает выдвижение своих войск и боевой техники для занятия исходного положения с целью наступления на орловско-курском

направлении. Начало этого наступления следует ожидать в ближайшие дни. И вдруг 4 июля обстановка на фронте резко изменилась.

На стороне противника, там, где предполагалось его наступление, неожиданно все затихло. Перед войсками Центрального фронта не наблюдалось какого бы то ни было движения. Поле боя помертвело. Активность огня противника снизилась. Перед соседним слева Воронежским фронтом отмечалось то же самое. Больше того, оперативной разведкой было установлено, что в 150–200 км южнее Харькова по дорогам Донбасса на запад и восток тянутся танки, автомашины и тягачи. Казалось, от Курской дуги все отхлынуло и устремилось в Донбасс. Однако эти и подобные проводимые противником мероприятия не только не ввели нашу разведку в заблуждение, но насторожили ее еще больше. Все силы и средства разведки частей, соединений и объединений пристально следили за действиями немецко-фашистских войск.

Проходил час за часом, а в стане врага по-прежнему царила тишина. Что это значит? Почему противник ведет себя так необычно? Эти вопросы крайне интересовали и офицеров-разведчиков, и командиров всех степеней.

Выдвигались, конечно, различные гипотезы, предположения в поисках истины.

Наконец, решили. Да ведь это все закономерно. В течение последних пяти дней противник выдвигал к переднему краю свои войска и боевую технику, производил перегруппировку, готовясь к наступлению.

В ночь на 4 июля противник занял исходное положение для наступления. Именно поэтому днем 4 июля не отмечается никаких перегруппировок и подхода его войск из глубины. Ведь нужен же по крайней мере один день для того, чтобы личный состав подразделений и частей противника отдохнул, осмотрелся и подготовился к атаке.

Такой вывод был записан и в разведывательной сводке штаба Центрального фронта за 4 июля. В ней, в частности, говорилось, что противник закончил сосредоточение войск и подготовился к переходу в наступление, которое следует ожидать в ближайшие одни-двое суток.

Однако такой вывод не мог в полной мере удовлетворить наше командование как с точки зрения временных факторов, так и с точки зрения знания направлений главных ударов немецко-фашистских войск.

Известно, что командующими объединениями и соединениями на Орловско-Курской дуге была подготовлена

артиллерийская и авиационная контрподготовка. Для наиболее эффективного ее проведения далеко еще недостаточно знать, когда противник перейдет в наступление. Нужно с точностью до часа, а лучше минуты рассчитать, в какое время противник покинет укрытия и изготовится к переходу в атаку. Именно в этот период его группировка наиболее уязвима и ей можно нанести большие потери.

Соответствующими командующими (командирами) и начальниками были отданы указания усилить разведку всех видов с целью установить точное время начала вражеского наступления. Среди различных способов достижения этой цели важная роль возлагалась на дивизии первого эшелона. Они должны были проведением поисков и засад захватить контрольных пленных и уточнить группировку, нумерацию и намерения противника.

В числе многих поисковых групп, действующих в эту теплую ночь на 5 июля 1943 г., была группа 15-й Сивашской дивизии под командованием опытного и отважного разведчика лейтенанта Ивана Мелешникова.

Поздно вечером группа разведчиков, перейдя передний край своей обороны, двигалась к объекту поиска, находящемуся на выс. 256. Огромная шапка высоты черным силуэтом вырисовывалась на поблескивающем звездами небе.

Прислушиваясь и осторожно раздвигая высокую траву, впереди шли дозорные — сержант Андрей Иванов и ефрейтор Александр Гусынин. Вслед за ними на расстоянии зрительной связи двигались один за другим остальные 13 разведчиков, возглавляемые лейтенантом Мелешниковым. Не успели они преодолеть свое минное поле, как до тонкого слуха сержанта Иванова донеслась нерусская речь. Дозорные залегли в траве. Остальные сделали то же самое. Лейтенант бесшумно подполз к Иванову.

— В чем дело? — спросил он у сержанта.

— Впереди фрицы, — еле слышно прошептал тот в ответ.

В самом деле, недалеко от дозорных четко вырисовывались силуэты людей. Обстановка для группы лейтенанта Мелешникова неожиданно и резко изменилась. Необходимость в проведении поиска в районе выс. 256 отпала. Враг сам шел в руки наших разведчиков. Нужно новое решение. «Только бы не ошибиться, не сорвать выполнение боевой задачи», — размышлял лейтенант.

— Засаду! — приказал Мелешников и взглянул на часы. Было ровно 22 часа. После отдачи коротких распоряжений командиром разведчики быстро заняли указанные им посты и по сигналу лейтенанта дружно ударили по вражеским солдатам.

В скоротечном бою 14 вражеских солдат было убито, двое, пользуясь ночной темнотой и местными предметами, бежали и один взят в плен. Пленным оказался сапер 6-й немецкой пехотной дивизии. Во время стрельбы он спрятался в канаву. Как только стрельба прекратилась, он был захвачен в плен.

Вскоре разведчики с «добычей» возвратились в расположение наших войск. На допросе пленный показал, что немецко-фашистские войска приведены в полную боевую готовность и 5 июля в 2 часа по европейскому времени перейдут в наступление на орловско-курском направлении. Одновременно с этим, по показаниям пленного, начнется наступление на Курск с юга, со стороны Белгорода.

Лейтенант Мелешников, понимая всю важность полученных сведений, принял решение как можно скорее вернуться в свое расположение и доложить их командиру дивизии.

Звонили телефоны… Приблизительно в 1 час ночи по московскому времени показания пленного стали известны Военному совету и командующему Центральным фронтом генералу армии Рокоссовскому К. К.

Перед Военным советом фронта встал вопрос: верить показаниям пленного или нет? От ответа на этот исключительно важный вопрос зависело решение о времени начала артиллерийской и авиационной контрподготовки наших войск.

Командующий Центральным фронтом отдал приказ обрушить на противника всю мощь запланированных для этой цели огневых средств. Это решение дальновидного полководца, принятое на основе данных, добытых войсковой разведкой, сыграло важную роль не только в деле отражения первого удара немецко-фашистских войск, но и в последующем разгроме вражеских войск на Орловско-Курской дуге.

Противник начал атаку в 5 часов 30 минут 5 июля 1943 г. Курская битва началась, и вместе с ней открылась новая страница бессмертных подвигов воинов Советской Армии, среди которых наши разведчики всегда занимали достойное место.

Нетрудно заметить, что пленный сапер 6-й немецкой пехотной дивизии, его показания на допросе и выводы, сделанные нашим командованием, имели не только тактическое или оперативное, но и стратегическое значение.

Данные, добытые войсковой разведкой 15-й Сивашской дивизии, трудно переоценить. Неудивительно поэтому, что они сразу приковали к себе внимание всех командиров и командующих.

К чему приводит шаблон в организации поиска?

Донесение о ночном поиске выглядело примерно так: «Убито до пятнадцати солдат и офицеров, подавлены две огневые точки противника, захвачен один телефонный аппарат». Командир разведывательного взвода был доволен результатом. Он еще раз перечитал донесение и подписался: лейтенант Кучеренко. Это было зимой 1943 года.

Иначе встретили это донесение в штабе части. Лейтенанта вызвали к командиру, который сделал ему серьезное внушение. Разведка должна была добыть «языка» и выяснить, какими силами располагает противник на этом участке, каковы система его огня и намерения.

Никакая удаль, никакие успехи не оправдают поиск, если в результате его проведения не захвачены пленные или документы, то есть не решена основная задача поиска.

Лейтенант оправдывался, что слишком рано был замечен противником и поэтому его взвод не мог захватить пленного. В заключение он сказал, что понял свою ошибку и завтра обязательно приведет «языка». Однако и на следующий день повторилось то же самое: взвод при повторном проведении поиска был снова обнаружен противником, встречен ружейно-пулеметным огнем. Вспыхнули ракеты противника, освещая местность и приближающихся к расположению разведчиков. Поиск опять не дал результата. Вновь Кучеренко был вызван в штаб. Снова его поругали и отложили дело на завтра.

Почему же лейтенант не добился успеха? Только ли он виноват в этом?

Вся беда в том, что поиски проводились здесь на узком участке фронта, никто не отвлекал противника в других местах. Они начинались в обычное, уже установившееся время — в 2–3 часа ночи. Все это было слишком понятно для противника. Кроме того, разведчики ничего не знали о привычках врага, находящегося перед ними, о режиме его поведения, быте и обо всем том, что способствовало бы выполнению задачи. Ведущееся днем наблюдение было поверхностным, подслушивание ночью не велось.

Разведкой удалось лишь установить незаминированные пути подхода к переднему краю вражеской обороны, но ведь этого слишком мало. Командир части, организующий поиск, понадеялся, что лейтенант Кучеренко со своими разведчиками сумеет добыть необходимые данные о противнике и объекте. В данной обстановке командиру части должно быть совершенно очевидно, что нельзя проводить поиск на одном и том же участке, да еще в одно и то же время. А почему бы не предпринять активные действия разведчиков на других участках фронта и в

другое время, не видоизменить способы действий подразделений в поиске?

Некоторые командиры, к сожалению, считают провал поиска незначительной неудачей. Это, мол, не проигранный бой: нет «языка» сегодня — будет завтра или послезавтра.

Таким суждениям не может быть места в современном общевойсковом бою. Противник может безнаказанно перегруппироваться, организовать наступление на том или другом направлении, вывести или подвести новые подразделения.

Можно, конечно, сказать, что разведка не ограничивается проведением поиска и захватом контрольного пленного. Имеется много других способов и средств разведки, применяя которые можно определить, что делает противник и к чему он готовится. Однако не следует забывать и опыт войны, когда говорили: «День без „языка“ — это неприятное происшествие». И если так случается, то на следующий день должны быть предприняты чрезвычайные меры: изменены способы действий разведывательных органов, время и направления их действий, привлекаемые силы и средства, наконец, что имеет немаловажное значение, проявлена находчивость, военная хитрость и решительность в действиях.

Как уже говорилось, успех поиска зависит от внезапности действий разведчиков. Это, пожалуй, самое главное и вместе с тем самое трудное в организации и проведении поиска. Действительно, можно добиться внезапности действий раз или два. Но как этого достигать ежедневно? Скептики считают такую задачу трудно разрешимой. Между тем если достаточно скрупулезно изучить противника, присмотреться к его привычкам и повадкам, не пропускать ни одного его шага, то можно каждый раз находить новые способы действий и добиваться успеха в разведывательной деятельности наших войск. Об этом всегда помнили разведчики в Великую Отечественную войну, не должно забывать эти принципы молодое поколение советских воинов и теперь.

Засада

Засада как способ разведки заключается в заблаговременном и скрытном расположении подразделения (группы) на ожидаемом или вероятном пути движения одиночных военнослужащих или небольших групп противника для внезапного нападения на них с целью захвата пленных, документов, образцов вооружения, боевой техники или снаряжения.

По опыту минувшей войны засады устраивались как при подготовке наступления, так и в ходе боевых действий в любое время суток и любую погоду. Места для засад выбирались вблизи троп, дорог, преднамеренно поврежденных линий проводной связи, у источников воды, переправ, мостов, в проходах заграждений, ходах сообщения и других местах, где наиболее вероятно появление одиночных солдат, офицеров или небольших групп противника.

В зависимости от обстановки засады устраивались на переднем крае противника, перед передним краем наших передовых (охраняющих) подразделений, в расположении своих войск, а также в глубине расположения противника.

Объектом нападения при действиях в засаде обычно являлись: одиночные солдаты (связной, офицер связи, подносчик боеприпасов), небольшие группы солдат и офицеров, следующие в пешем порядке или на наземных средствах передвижения, подразделения разведки и охранения и т. п.

Засада по сравнению с другими способами разведки имеет ряд преимуществ. Подразделение (группа), находящееся в засаде, всегда располагает большими возможностями для внезапного нападения, так как противник, не подозревая об опасности, неожиданно попадает в руки разведчиков и не в состоянии оказать организованного сопротивления. Действуя из укрытия с близкого расстояния, разведчики могут небольшими силами и в короткое время успешно выполнить задачу и нанести противнику потери. В годы Великой Отечественной войны внезапное нападение из засады в большинстве случаев завершалось захватом пленных, документов, образцов вооружения или боевой техники противника. Вот несколько примеров.

Допросом пленных, принадлежащих 28-й легкой пехотной дивизии, было установлено, что на участке южнее Котовицы одна из частей их дивизии сменилась прибывшими из глубины подразделениями.

Командование поставило начальнику разведки дивизии

задачу — захватив пленных и документы, установить в районе Котовицы группировку частей противника и его намерения.

Перед передним краем обороны противника р. Волхов, покрытая льдом, ширина которой в этом районе от 100 до 150 м. От западного берега р. Волхов до переднего края обороны немцев местность открытая, с болотными порослями и подъемом в сторону противника, оборона которого состояла из дзотов (расположенных один от другого на расстоянии 200–250 м) и открытых пулеметных площадок. В глубине обороны, в 100–125 м от огневых точек, находились жилые землянки на четыре-восемь человек каждая. Перед передним краем обороны противника имелось проволочное заграждение в два кола и минное поле в два ряда.

Порядок подготовки и проведения засады. Начальник разведки дивизии майор Ковалев наметил район действий в 200 м северо-восточнее Котовицы и решил захватить пленного методом засады. Местность впереди объекта простреливалась двумя пулеметами противника.

Разведывательная группа, состоящая из 16 человек, была разбита на три подгруппы: разграждения — три человека, прикрытия — шесть человек и захвата — шесть человек. Старший подгруппы захвата — старший сержант Кунявский.

В течение трех суток разведчики вели непрерывное подслушивание и наблюдение за противником. Были засечены огневые точки противника, определен режим его огня и намечены пути подхода к переднему краю. Кроме того, установили, что противник пользуется для связи между дзотами траншеей, причем днем посыльные ходят

по траншеям очень редко, а с наступлением темноты движение увеличивается. Решили организовать засаду ночью непосредственно в траншее противника.

К огневому обеспечению действий разведывательной группы привлекались артиллерийский дивизион и три станковых пулемета. Ночью, накануне выступления разведчиков, орудия были выдвинуты на заранее подготовленные позиции.

15 декабря в 18 часов разведчики переправились по льду на западный берег р. Волхов. Командир разведывательной группы лейтенант Мулин выслал подгруппу разграждения для проделывания прохода в заграждениях противника. Через 45 минут от подгруппы разграждения прибыл связной, доложивший о готовности прохода.

Бойцы подгруппы захвата, пройдя проход в проволочном заграждении, подползли к намеченному объекту. Вслед за ними двигалась подгруппа прикрытия, которая расположилась левее

подгруппы захвата. Подгруппа разграждения охраняла проход в проволочном заграждении.

Через 10–15 минут в траншее показались три немецких солдата, громко разговаривавшие. Когда гитлеровцы поравнялись с разведчиками подгруппы захвата, старший сержант Кунявский скомандовал: «Руки вверх!» Немцы подняли крик и стали стрелять из винтовок. Разведчикам пришлось открыть огонь из автоматов. Двое немцев были убиты, а третьего — раненого — разведчики взяли в плен и начали отходить в свое расположение. Вдруг из расположенной справа землянки выбежало еще несколько гитлеровцев. Солдаты подгруппы прикрытия уничтожили их гранатами и огнем из автоматов. Когда подгруппа захвата отошла к проволочному заграждению, командир разведывательной группы дал сигнал «три красные ракеты». Артиллерия и пулеметы открыли огонь.

Разведывательная группа под прикрытием огня артиллерии отошла на восточный берег р. Волхов, захватив в плен раненого немецкого солдата 2-й роты 561-го штрафного батальона. На допросе пленный показал, что 49-й пехотный полк 28-й легкой пехотной дивизии, действительно переброшенный на другой участок фронта, заменен штрафным батальоном. Кроме пленного, были захвачены трофеи — две винтовки и один ручной пулемет.

Задача, поставленная перед разведывательной группой, была выполнена. Однако нельзя не заметить, что действия группы были не из лучших. Видимо, командиру подгруппы захвата не следовало преждевременно подавать немцам команду, целесообразнее было напасть на них бесшумно, тогда подкрепления немцев могло и не быть.

Действия разведывательной группы в засаде 13 декабря 1943 г.

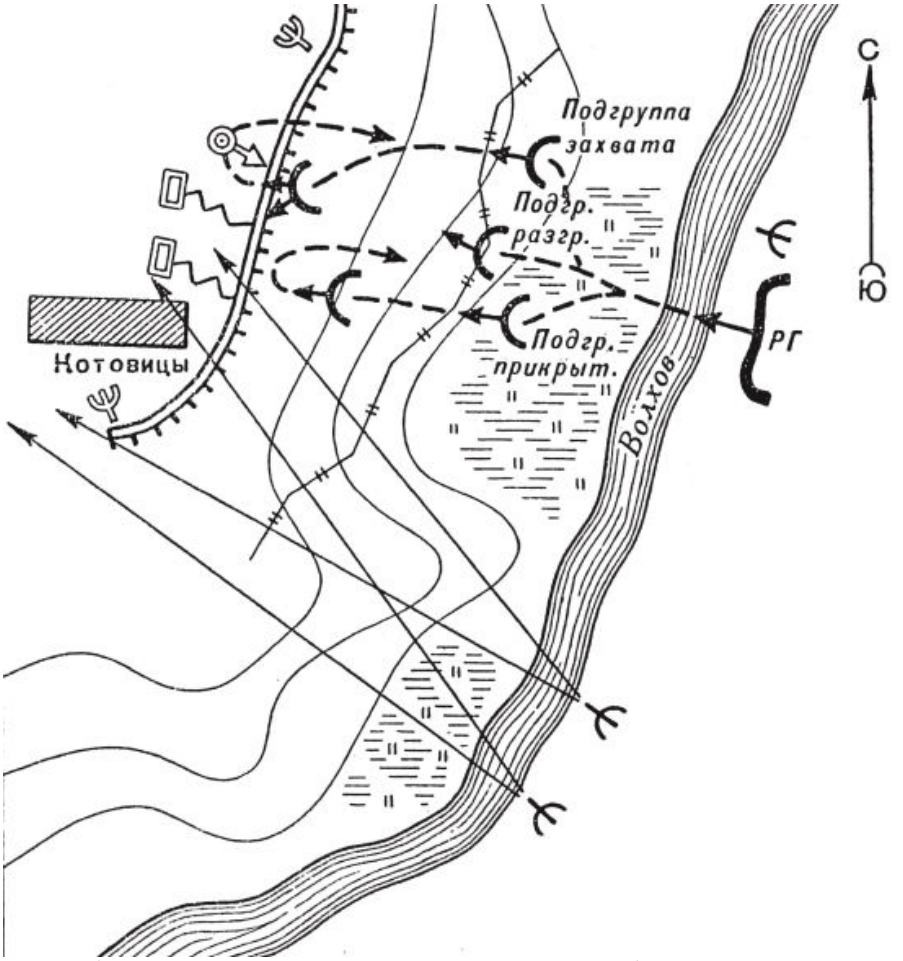
Части 173-й стрелковой дивизии готовились к наступлению в районе г. Орша. Между передним краем обороны противника и нашими передовыми траншеями проходила нейтральная полоса шириной до 1 км, которая представляла собой балку, являвшуюся естественным препятствием как с нашей стороны, так и со стороны противника. В балке, ближе к проволочному заграждению противника, находился пруд.

Наблюдением с наших передовых траншей удалось установить, что гитлеровцы часто ходят к пруду за водой. Замечено было также, что немецкие солдаты, как правило, выходили за свой передний край группами в пять-десять человек.

Офицер разведки полка решил организовать засаду у пруда с целью захвата пленного.

Для выполнения этой задачи была отобрана разведывательная группа в составе восьми человек во главе с гвардии сержантом Котовым. 13 декабря, с наступлением темноты, наши разведчики ползком преодолели нейтральную полосу и приблизились к проволочному заграждению противника. Они обнаружили, что в одном месте проволочного заграждения, к которому протоптана тропа, разорваны нижние нити. Напрашивался вывод: фашисты именно здесь проходят к пруду.

Построение группы было следующим: четверо разведчиков расположились по сторонам прохода в проволочном заграждении. Их задача — после того как немецкие солдаты выйдут за проволочное заграждение и направятся к пруду, закрыть проход и не дать им возможности повернуть назад. Четверо разведчиков расположились у пруда с задачей — стремительным броском напасть на приближающихся к пруду немецких солдат и захватить их в плен.



Засада в траншее противника, организованная 15 декабря 1943 г. в районе Котовицы

Разведчики тщательно замаскировались. Через несколько минут до них донесся шум шагов. Лежавшие у проволоки бойцы первыми заметили немецких солдат, которых было человек восемь. Вот они подошли к проволоке, огляделись по сторонам, пошептались и по одному стали подлезать под проволоку. Затем трое из них направились к пруду, а остальные залегли у проволоки. Те, что ушли за водой, были без оружия, а у оставшихся были винтовки.

Едва три немца поравнялись с подгруппой нападения, она стремительно набросилась на них. Двоих разведчики прикончили, а одного захватили в плен. Немецкие солдаты, оставшиеся у проволоки, бросились бежать в свое расположение, но несколькими очередями из автоматов были уничтожены. Таким образом, семь гитлеровцев были убиты и один захвачен в плен. Разведчики забрали личные документы убитых, трофейное

оружие и, конвоируя пленного, возвратились в свое расположение.

Как видно из примера, действия наших разведчиков были правильными: нападение организовано внезапно и бесшумно, в результате чего пленный взят без потерь со стороны наших разведчиков.

Показания захваченного связиста оказались весьма ценными. Он сообщил не только о расположении пехотных, артиллерийских и других подразделений, но и об их укомплектованности, расположении командных пунктов, узлов связи, что сыграло решающую роль в успехе наступления полка. Задача наступления была выполнена при минимальных потерях со стороны наших войск. В свою очередь, на поле боя осталось уничтоженным свыше 20 орудий и 10 танков противника. Взято в плен более 40 человек, из них три офицера.

Засада на вероятном пути действия разведки противника

В течение 20 и 21 января 1944 г. противник вел усиленное наблюдение за передним краем нашей обороны в районе 2 км юго-восточнее Заслонино, а в 12 часов 21 января произвел пристрелку наших огневых средств на переднем крае обороны в районе безымянной высоты.

Действия противника указывали, что он намерен для изучения нашей обороны провести разведку с целью захвата пленных. Наиболее вероятно было, что разведчики противника станут выдвигаться к расположению наших обороняющихся подразделений через кустарник, находящийся в нейтральной полосе. Это обеспечило бы ему скрытное выдвижение к переднему краю.

В целях противодействия разведке противника командиру стрелкового взвода младшему лейтенанту Глухову командиром полка была поставлена задача: не допустить разведку противника к переднему краю нашей обороны, организовать засаду и захватить пленных.

Для выполнения задачи командир взвода назначил 14 человек, вооруженных ручным пулеметом, автоматами и гранатами. Шесть из них были назначены в подгруппу нападения, остальные — в подгруппу огневого обеспечения. План действий в засаде сводился к следующему: с наступлением темноты разведчики выдвигаются в кустарник и занимают позиции фронтом на северо-запад. Подгруппа обеспечения располагается севернее, а подгруппа захвата — южнее. Когда противник

подойдет к месту засады, подгруппа обеспечения пропустит впереди идущих солдат противника, а остальных фашистов уничтожит огнем в упор из пулемета, автоматов и забросает гранатами. Подгруппа захвата после выполнения задачи с пленными и документами убитых отходит под прикрытием подгруппы обеспечения, а подгруппа обеспечения отходит под прикрытием огневых средств стрелковых подразделений, занимающих оборону на переднем крае.

Засада на пути движения разведки противника

21 января, как только сгустились сумерки, группа разведчиков вышла в район засады. Командир взвода проверил экипировку личного состава, знание каждым разведчиком своих обязанностей, установил тщательное наблюдение за передним краем обороны противника и предполагаемым направлением выдвижения фашистских разведчиков.

С наступлением темноты и до 3 часов 22 января противник периодически освещал местность ракетами. Потом все поглотила ночь. Наши разведчики насторожились. Не маскирует ли противник выдвижение своих разведывательных подразделений? Действительно, через 30 минут младший лейтенант Глухов обнаружил группу противника, двигающуюся к переднему краю нашей обороны. Он предупредил личный состав о подходе противника. Все были готовы встретить ожидаемого врага во

всеоружии.

Вскоре разведчики обнаружили, что впереди идут четыре немецких солдата, а за ними, на удалении 10 м, следовала другая группа в составе 16–20 человек. Когда они приблизились к засаде на расстояние 30 м, младший лейтенант Глухов подал команду «огонь».

Подгруппа огневого обеспечения открыла огонь и начала забрасывать противника гранатами. В это же время подгруппа нападения атаковала шедших впереди четырех солдат противника. Два солдата были убиты очередью из автомата, а двое захвачены в плен.

Выполнив задачу, разведчики без потерь возвратились в свое расположение.

Пленные, как удалось установить на допросе, принадлежали к 5-й роте 274-го ПП 96-й ПД. Противник направлял свою группу для захвата пленных из состава наших обороняющихся подразделений. Однако гитлеровские вояки сами оказались под огнем советских разведчиков. Лишь двум солдатам противника «повезло»: они были пленены, все остальные — уничтожены.

Этот пример еще раз подтверждает, что в минувшую войну для устройства засад, как и для проведения поисков, привлекался личный состав не только разведывательных, но и стрелковых подразделений.

При тщательной подготовке действия личного состава тех и других подразделений обычно приносили успех.

В современных условиях для устройства засад и проведения поисков, особенно перед передним краем обороны противника и в его ближайшей глубине, требуется широко привлекать личный состав мотострелковых и танковых подразделений. Опыт послевоенных учений показывает, что, имея непосредственное соприкосновение с противником, эти подразделения могут в ряде случаев в более короткий срок наиболее удачно выбрать удобный объект для проведения поиска или место для устройства засады, подготовить и провести их. Кроме того, когда поиски и засады проводятся стрелковыми (танковыми) подразделениями, можно более легко организовать их огневое обеспечение средствами полков и батальонов первого эшелона.

Засада в расположении противника вблизи его переднего края

В середине декабря 1944 г. старшему сержанту Дудке была поставлена командиром полка задача захватить пленного в районе фл. Бахув с целью проверки данных о группировке,

нумерации и системе огня противника на данном участке фронта. В течение двух суток старший сержант Дудка с двумя разведчиками изучал оборону противника и местность в районе предстоящих действий, намечал пути движения к его расположению и готовил личный состав к выполнению задачи.

Наблюдением и ночными вылазками к переднему краю обороны противника разведчики установили, что промежуток между опорными пунктами фл. Бахув и Дольне подразделениями противника не занимается. Это давало возможность скрытно проникнуть за передний край, где по дороге фл. Бахув — Зулча отмечалось двустороннее движение одиночных солдат и небольших групп противника.

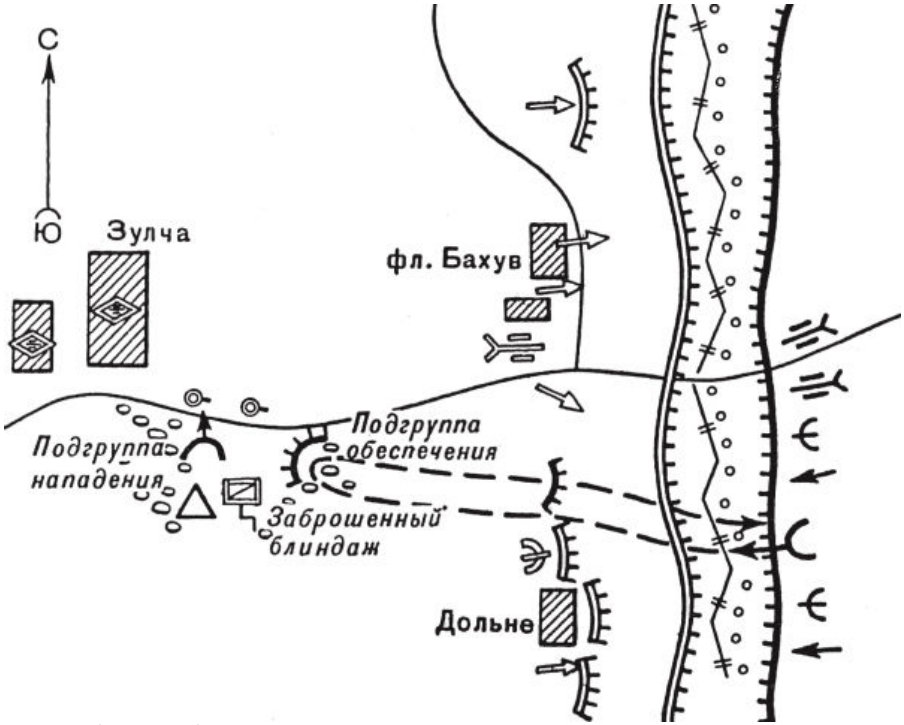
Свое решение захватить пленных в расположении противника путем устройства засады старший сержант основывал на том, что уже несколько раз разведывательными и стрелковыми подразделениями проводились поиски на переднем крае. Это привело к повышению бдительности противника. Большинство проведенных поисков заканчивалось неудачно: разведчики возвращались в свое расположение, не выполнив задачи и понеся потери.

Решение старшего сержанта Дудки одобрил начальник разведки и утвердил командир полка. Старший сержант приступил к тренировке личного состава.

Он отобрал лишь пять разведчиков и двух саперов. Все разведчики группы в совершенстве владели способами скрытного передвижения на местности и приемами рукопашного боя.

15 декабря 1944 г. старший сержант Дудка вывел группу в расположение первой траншеи своих войск и отдал боевой приказ.

Артиллерия и минометы, назначенные для обеспечения действий разведчиков, подготовили огонь по опорным пунктам противника в районах фл. Бахув и Дольне.



Засада за передним краем обороны противника

С наступлением темноты разведчики по заранее изученному маршруту уверенно приблизились к переднему краю обороны противника. Когда до проволочного заграждения оставалось 50 м, старший сержант подал сигнал. Все залегли. В течение 10 минут они внимательно прислушивались. На переднем крае противника было тихо. Лишь изредка вдали местность освещалась ракетами.

Командир группы приказал саперам подползти к проволочному заграждению и проделать в нем проход. Два сапера, умело работая ножницами, бесшумно проделали проход в проволочном заграждении. Разведчики один за другим быстро переползли за проволоку. Саперы вновь заделали проход, чтобы противник не смог установить проникновение в его расположение нашей разведки.

Убедившись, что их не обнаружили, разведчики переползли через полуразрушенную траншею противника, а затем, поднявшись в полный рост, пошли к месту засады.

Планом действий предусматривалось, что, если во время выдвижения к месту засады группа встретится с одиночными солдатами противника, разведчики продолжают движение и, приблизившись к немцам, по команде старшего сержанта Дудки нападают на них и захватывают в плен. При встрече с превосходящим по силе противником разведчики огнем в упор

наносят ему потери, стремительно атакуют и при возможности захватывают в плен оставшихся в живых солдат и офицеров, а затем отходят в расположение своих войск.

При выдвижении к месту засады разведчики не встретили противника и не замеченные им приблизились к дороге фл. Бахув — Зулча. Внимательно осмотревшись, они увидели недалеко от места своего расположения блиндаж. Двое по приказанию старшего сержанта осмотрели его и доложили, что блиндаж полуразрушен и противником не занят.

Приближался рассвет, и на отход группы оставалось мало времени. Старший сержант Дудка решил укрыть разведчиков в блиндаже, просидеть в нем весь день, а вечером захватить пленного и вернуться в свое расположение.

Весь день 16 декабря 1944 г. разведчики находились в блиндаже и с помощью перископа вели наблюдение за противником. Им удалось обнаружить два самоходных орудия, замаскированных на южной окраине Зулча, и наблюдательный пункт на безымянной высоте в 700 м северо-восточнее населенного пункта.

С наступлением темноты разведчики вышли из блиндажа, расположились цепью в 15 м от него и тщательно замаскировались в кустах.

В 19 часов они увидели двух солдат противника, идущих по дороге из Зулча к фл. Бахув. Как только гитлеровцы поравнялись с местом засады, четыре разведчика во главе с командиром группы набросились на них и захватили в плен.

Разведывательная группа вместе с пленными начала отходить. Перед разведчиками стояла задача незамеченными перейти передний край обороны противника.

Внимательно прислушиваясь, они уверенно шли по намеченному ранее маршруту. При подходе к переднему краю противника разведчики залегли. Дудка выслал двух саперов для проделывания прохода в проволочном заграждении.

В это время по траншее Дольне в направлении фл. Бахув шли два солдата противника. Они обнаружили саперов, находящихся у проволоки. Один из них, что-то сказав своему напарнику, выхватил гранату, но меткая очередь из автомата скосила обоих гитлеровцев.

Саперы быстро разрезали проволоку, и через несколько секунд проход был готов.

Старший сержант Дудка оставил особой двух разведчиков, а остальным приказал отходить и конвоировать пленных. Спустя несколько минут начал отходить и командир группы с двумя разведчиками.

Когда группа разведчиков находилась на своем переднем крае, противник открыл пулеметный огонь, но было уже поздно.

Разведчики, захватив двух пленных 6-й роты 574-го пехотного полка 304-й пехотной дивизии, без потерь возвратились в свое расположение.

Правильный выбор места засады, выдержка, умелые действия командира группы и всех разведчиков, решительность действий, взаимная выручка явились залогом успеха засады.

В результате допроса пленных были уточнены нумерация и группировка противника на участке фл. Бахув, Дольне.

Засада на фланге обороны дивизии

10 декабря 1943 г. наши наступающие соединения и части встретили сильное сопротивление противника на рубеже Аджамка, Червоный Яр, Веселый, южная окраина Ингуло-Каменка, Ново-Савицкое, южная окраина Батызман, Котенкове. Дальнейшее продвижение наших частей было остановлено на заранее подготовленном рубеже.

Вероятно, противник готовился к активным действиям, но привлекаемые для этого силы и средства, а также его намерения были еще не ясны.

На левом фланге наших соединений, перед образовавшимся выступом, разведка установила прибытие 17-й танковой дивизии противника из глубины в район Васильевка, Никифоровка. О сосредоточении противника на правом фланге выступа в районе Покровское, Козыревка, Клинцы ничего не было известно. Требовалось немедленно установить район сосредоточения противника на направлении Новгородка, Клинцы.

Из-за неблагоприятных метеорологических условий воздушная разведка существенных данных о подходе и сосредоточении сил противника в район Покровское, Козыревка, Клинцы дать не смогла. Вся тяжесть разведки тактической глубины расположения противника ложилась на плечи соединений и частей первого эшелона.

Необходимо было прежде всего установить, нет ли подхода и сосредоточения войск противника в районах юго-восточнее Кировограда.

По данным разведки было известно, что противник на рубеже Червоный Яр, Веселый имел наиболее выгодный рубеж, где заранее подготовил организованную оборону. Юго-западнее и южнее Веселый противник не имел сплошной обороны. Местность в том районе холмистая, изрезанная множеством балок. Она

плохо просматривалась с наземных наблюдательных пунктов.

Разведка на фланге дивизии

Для ведения разведки резервов противника в тактической глубине на кировоградском направлении было организовано несколько групп разведчиков в составе пяти-шести человек. Каждая группа получила конкретную задачу, определенный район, время начала и окончания действий.

10 декабря во второй половине дня несколько групп разведчиков заняли исходные пункты в готовности к ведению

разведки.

До наступления темноты они наблюдали за действиями противника, изучали местность и выбирали скрытые места для проникновения через боевые порядки противника, и особенно в промежутки между ними.

Группа старшего сержанта Костина имела задачу установить, нет ли подхода и сосредоточения свежих сил противника, особенно моторизованных, в районах Покровское, Козыревка, Клинцы, и наличие гарнизонов противника в этих населенных пунктах. При возвращении в свое расположение надлежало захватить пленного.

В ночь на 11 декабря группа старшего сержанта Костина, используя промежутки в боевых порядках противника, благополучно проникла через линию фронта противника и к утру вышла на северные скаты высоты с курганом южнее Червоный Яр. Разведчики замаскировались и в течение дня вели наблюдение за населенным пунктом и движением противника по прилегающим дорогам. Было установлено, что в этом районе имеется двустороннее движение автомобилей по дороге Приволье, Аджамка и наличие противника в Червоный Яр, Аджамка и Приволье.

С наступлением темноты 12 декабря группа обошла Приволье с севера и двинулась в направлении Клинцы. Разведчики шли от укрытия к укрытию осторожно, прислушиваясь к шуму моторов и различным звукам. Когда достигли южных скатов безымянной высоты северо-восточнее Клинцы, наступил рассвет. Здесь группа замаскировалась и начала вести наблюдение за движением противника по дороге Кировоград — Клинцы.

В результате наблюдения днем 13 декабря разведчики установили в юго-восточной части Клинцы скопление пехоты и танков. На восточной окраине Клинцы и южнее производились окопные работы.

Ночью трое разведчиков проникли в деревню Клинцы и с помощью местных жителей установили численность гарнизона и наличие в нем танков. Оставалось захватить пленного. Командиром группы было принято решение устроить засаду в районе южнее Покровское.

При подходе к Покровское разведчики обнаружили на юго-восточной окраине населенного пункта свежие, только что вырытые ячейки. Продолжая наблюдение, они заметили двустороннее движение противника по дороге Покровское — Николаевка. Здесь и было выбрано место для засады.

Старший сержант Костин разбил группу на две подгруппы и расположил их в кюветах по обеим сторонам дороги.

В 20 часов 13 декабря было замечено, что по дороге к засаде с северо-запада в направлении Николаевка движется свыше взвода пехоты противника. Через 10 минут взвод вошел в расположение засады, не замечая ее. Командир группы не решился на атаку из-за большого численного превосходства противника, а предпочел пропустить взвод и ждать появления меньшей группы. Такое решение, учитывая, что группа разведчиков была всего лишь в составе шести человек и действовала в расположении противника, было благоразумным.

Вскоре на дороге показался бегущий немецкий солдат, видимо, отставший от взвода. Когда он поравнялся с засадой, разведчики с двух сторон дороги набросились на него, выбив из его рук автомат. Захват пленного произошел без единого выстрела.

В эту же ночь разведчики достигли линии фронта, незаметно прошли через боевые порядки противника и без потерь возвратились в свое расположение.

Доставленный пленный принадлежал 2-й роте 111-го мотострелкового полка 11-й танковой дивизии. О ее сосредоточении в данном районе наше командование не располагало ранее достоверными данными.

В ночь на 14 декабря для разведки района Козыревка, Калиновка была выслана группа разведчиков под командованием старшего лейтенанта Зубарева, которая подтвердила имеющиеся данные о скоплении автомобилей, бронетранспортеров и пехоты в деревне Козыревка, обнаружила свежие следы танков от Козыревка на Покровское и усиленное движение транспорта по дорогам к линии фронта. Затем группа проникла в деревню Калиновка, где противника не оказалось.

Кроме высланных групп разведчиков, было организовано усиленное наблюдение с наблюдательных пунктов и постов соединений, частей и подразделений, которые установили усиленное движение автомобильного транспорта к линии фронта и обратно на участке Андреевка, Тарасовка, в то время как несколько дней назад в этом районе отмечалось лишь слабое движение гужевого транспорта.

В результате данных, полученных из различных источников, было установлено, что из района юго-западнее Знаменка в район Покровское, Козыревка, Клинцы подходит 11-я ТД противника, имея задачу совместным ударом с 17-й ТД окружить и уничтожить наши войска в районе Новгородка.

Таким образом, замысел противника был своевременно раскрыт разведкой. Благодаря принятым контрмерам маневр противника на окружение и уничтожение наших соединений

потерпел неудачу.

Этот пример показывает, как небольшие по своему составу подразделения (группы) разведчиков успешно вели разведку на флангах соединений и частей. Особое значение их действия приобретали в неблагоприятных метеорологических условиях для ведения воздушной разведки.

В настоящее время быстроменяющаяся обстановка, скоротечные боевые действия войск по разобщенным направлениям, наличие больших, чем прежде, промежутков в боевых порядках соединений и частей (подразделений) еще более повышают ответственность разведки за фланги и требуют привлекать для этого все виды разведки, в том числе и войсковой.

Разведка боем

В период Великой Отечественной войны разведка боем в обороне находила широкое применение. Этим способом разведки добывались наиболее достоверные и точные сведения о группировке войск противника, его подготовке к наступлению и системе огня. В ходе разведки боем, как правило, захватывались пленные, документы, образцы вооружения и боевой техники.

Разведку боем в обороне предусматривалось проводить в различных условиях обстановки. Наиболее характерными из них являлись следующие.

Во-первых, когда ожидалось наступление противника, а его группировка, способ и время перехода в наступление, а также направление главного удара были неизвестны или требовали уточнения и установить это другими средствами и способами разведки не удавалось. В этих условиях разведка велась с целью добывания данных, позволяющих определить нумерацию, силы, состав, группировку, способ перехода противника в наступление, направление главного удара и исключить возможность внезапного перехода его в наступление.

Во-вторых, перед началом нашей контрподготовки, когда разведывательных данных о составе главной группировки противника и объектах поражения было недостаточно, а добыть их другими способами разведки не представлялось возможности. В этом случае перед разведкой боем ставилась цель исключить нанесение ударов нашими огневыми средствами по второстепенным объектам противника. В результате такой разведки можно было уточнить (установить) группировку войск противника, которая находится в непосредственном соприкосновении с обороняющимися и подлежит огневому

поражению (подавлению).

В-третьих, в период нашей контрподготовки или после ее проведения. Целью разведки в такой обстановке являлось уточнение боеспособности и группировки противника, а также внесение замешательства в его войска, изготовившиеся или развертывающиеся для наступления.

В подобных условиях обстановки может оказаться целесообразным проводить разведку боем и в будущей войне.

Разведка боем во всех случаях вынуждала противника раскрывать имеющиеся в его распоряжении огневые средства и группировку войск, которые до этого он тщательно скрывал. Кроме того, подразделения, ведущие разведку боем, ворвавшись в расположение противника, добывали наиболее достоверные сведения о системе огня, группировке, характере занимаемых позиций, нумерации войск, захватывали пленных и документы убитых.

Так, в апреле 1944 г. группировка противника и его намерения перед фронтом обороны 1-го стрелкового корпуса были неясны. Наблюдением и подслушиванием отмечались двустороннее движение подразделений и мелких групп противника, изменение режима огня и частое появление на его переднем крае рекогносцировочных групп. На протяжении двух недель ни поисками, ни засадами, ни действиями разведывательных групп в тылу противника не удавалось вскрыть сущности проводимых противником мероприятий.

В оценке противника имелись различные мнения. То ли противник производит перегруппировку и смену частей 95-й и 6-й пехотных дивизий, а может, скрытно готовится к ведению наступательных действий на данном направлении.

Было принято решение провести разведку боем на трех направлениях. Для этой цели от 306, 204 и 179-й стрелковых дивизий командиром корпуса было приказано выделить по одной стрелковой роте. Для оказания огневой поддержки каждой стрелковой роте назначалось: два-три артиллерийских дивизиона 76-мм орудий, одна-две батареи 120-мм минометов, одна-две роты 82-мм минометов, 5–14 орудий для стрельбы прямой наводкой.

На подготовку к разведке боем было отведено трое суток.

В результате проведения разведки боем удалось не только установить перегруппировку войск немцев, но и с достаточной полнотой изучить вновь созданную группировку противника, вскрыть систему его огня и намерения.

При проведении разведки боем было захвачено семь пленных и уничтожено до 100 солдат и офицеров противника.

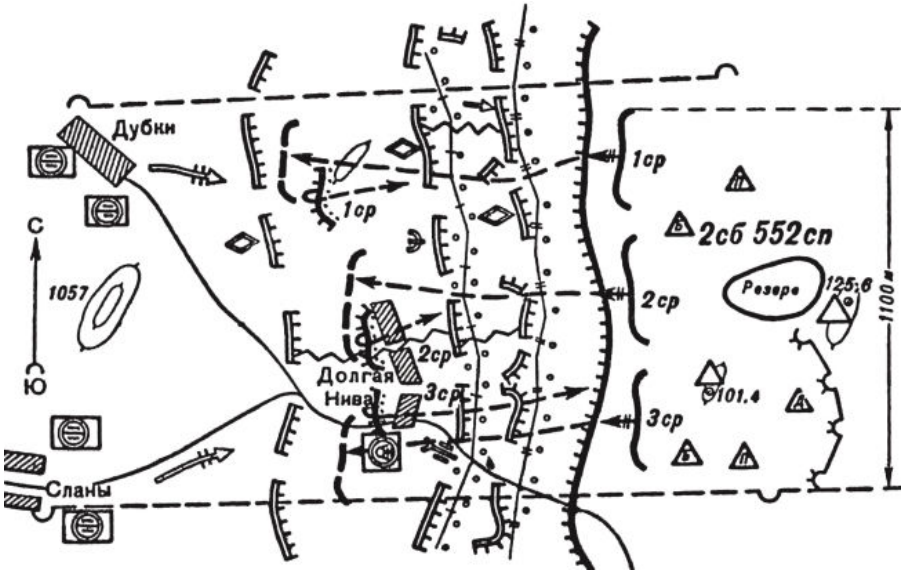
Разведка боем в обороне представляла собой не первичное, а как бы итоговое разведывательное мероприятие. Опыт, приобретенный в годы прошлой войны, показал, что наиболее полно противостоящего противника на переднем крае и в его ближайшей глубине можно изучить прежде всего в результате проведения разведки этим способом.

Разведка боем стрелковым батальоном

Перед фронтом 191-й стрелковой дивизии в течение длительного времени поисками и засадами не удавалось захватить пленного и проверить группировку противника.

Гитлеровцы совершенствовали и свою оборону. Опорные пункты были соединены траншеями и ходами сообщения. Перед передним краем и в глубине расположения противника имелись проволочные заграждения, противотанковые и противопехотные минные поля. В расположении немцев наблюдением было установлено наличие нескольких дзотов. Средствами артиллерийской разведки были засечены две 105-мм вражеские артиллерийские батареи, расположенные в районе Дубки, на южной окраине Долгая Нива — батарея 120-мм минометов.

Штаб дивизии располагал весьма ограниченными данными о группировке, нумерации, системе огня противника, составе и расположении его тактических резервов. Не удалось точно засечь огневые позиции артиллерии немецко-фашистских войск в районе выс. 105, 7, которая не раз вела огонь по боевым порядкам 552-го стрелкового полка. Наше командование беспокоили также производимые противником передвижения в его расположении.



Разведка боем стрелковым батальоном

2 июня 1944 г. командир дивизии, не удовлетворившись такими неполными данными, принял решение провести разведку боем силами стрелкового батальона в районе Долгая Нива. Задача была возложена на командира 552-го стрелкового полка и начальников, обеспечивающих разведку боем.

Подготовка разведки боем. Командир дивизии для ведения разведки назначил 2-й батальон, находящийся во втором эшелоне 552-го стрелкового полка, и приказал командиру этого полка доукомплектовать батальон личным составом, вооружением и вывести его в тыл для подготовки и проведения тренировок. Начальнику штаба и начальнику разведки дивизии комдив дал указания организовать разведку противника наблюдением, техническими средствами и действиями небольших групп разведчиков в боевых порядках подразделений, проводящих разведку боем. Эти группы разведчиков предназначались для захвата пленных. Одновременно начальнику артиллерии дивизии было приказано произвести расчет необходимого количества огневых средств и снарядов для обеспечения действий батальона при проведении разведки боем.

На период проведения разведки боем командир дивизии приказал создать сеть офицерских наблюдательных пунктов и постов с тем, чтобы просматривать расположение противника и местность перед фронтом 2-го батальона и на флангах до рубежа Дубки, выс. 105, 7, Сланы. Для ведения наблюдения за противником привлекались офицеры штаба и офицеры левофлангового полка. Обобщенные данные командир дивизии

приказал доложить ему к 8 часам в день проведения разведки боем.

Работа командира и штаба дивизии по подготовке разведки боем включала осуществление следующих основных мероприятий: принятие решения на ее проведение; постановку боевой задачи командиру батальона и поддерживающим огневым средствам; организацию взаимодействия батальона с поддерживающей артиллерией, минометами, противотанковыми средствами, пулеметами, а также огневыми средствами 552-го стрелкового полка; разработку плана проведения разведки боем; организацию управления и связи; организацию разведки различными силами и средствами в период проведения разведки боем; организацию боевого и политического обеспечения; организацию боевой подготовки батальона и поддерживающих огневых средств; инженерное обеспечение разведки боем (проделывание проходов в своих заграждениях и заграждениях противника, подготовка средств для преодоления и постановки заграждений в глубине обороны противника); организацию выхода батальона в исходное положение и проверку его готовности к выполнению задачи.

Принимая решение на проведение разведки боем, командир дивизии определил задачу батальона, какими опорными пунктами противника необходимо овладеть, ширину фронта наступления, направление главного удара батальона и наиболее целесообразное построение его боевого порядка, задачи огневых средств по поддержке разведки боем и другие вопросы.

Важное значение командир дивизии придавал захвату населенного пункта Долгая Нива и безымянной высоты в 300 м севернее него.

Выход батальона на этот рубеж давал возможность получить ответы на многие вопросы, так как, во-первых, с западных скатов безымянной высоты и западной окраины Долгая Нива можно было просматривать и простреливать глубину расположения противника до рубежа Дубки, Сланы; во-вторых, если противник, потеряв населенный пункт Долгая Нива, не попытается восстановить положение, это означало бы, что оборона его главных сил проходит западнее этого рубежа; в-третьих, если противник будет защищать Долгая Нива, то, естественно, он введет в действие значительную часть своих резервов и огневых средств, которые будут засечены нашей разведкой, и, наконец, захватом пленных и документов можно уточнить группировку, нумерацию и намерения противника перед фронтом дивизии.

Командир дивизии определил следующий состав подразделений для проведения разведки боем: 2-й батальон 552-

го стрелкового полка, усиленный пулеметной ротой, ротой 82-мм минометов, двумя взводами противотанковых орудий, взводом полевой артиллерии, взводом саперов и отделением противотанковых ружей. Кроме того, для огневого обеспечения действий батальона выделялись четыре артиллерийских дивизиона, батарея 120-мм минометов и 12 орудий для стрельбы прямой наводкой.

Личный состав батальона был вооружен ручными пулеметами, автоматами, винтовками и гранатами.

Количество огневых средств, необходимых для разведки боем, определялось в зависимости от характера действий противника, наличия его выявленных и вероятных целей (объектов), подлежащих уничтожению или подавлению, плотности инженерных сооружений, которые должны быть разрушены огнем артиллерии и минометов в период подготовки атаки, и огневых задач, связанных с обеспечением боя батальона. Определяя потребность усиления батальона подразделениями других родов войск и специальных войск, командир дивизии исходил из условий обстановки и задач, которые стояли перед ними или могли возникнуть в ходе боя.

Производя анализ средств усиления и поддержки, выделяемых для обеспечения разведки боем в годы Великой Отечественной войны, следует заметить, что они были в несколько раз большими, чем при наступлении эквивалентных стрелковых и танковых подразделений. Это вполне понятно, так как подразделения, участвующие в разведке боем, действовали на отдельных разобщенных направлениях при наличии открытых флангов.

В данном примере разведка боем проводилась стрелковым батальоном лишь в полосе одной дивизии. В подобной обстановке возникала необходимость подавлять огневые средства противника на фронте, значительно превышающем фронт наступления батальона, так как противник в целях противодействия батальону имел возможность привлечь свои средства поражения, находящиеся на значительном удалении от подразделений, которые вели разведку боем.

Задачу на разведку боем командир дивизии поставил на местности в присутствии командира 552-го стрелкового полка на выс. 101, 4. Командиру батальона он указал передний край, опорные пункты, силы и состав противника, возможные районы расположения ближайших резервов и вероятные направления их контратак, а также место нахождения его огневых средств, заграждений и оборонительных сооружений. Затем он разъяснил, какие части и подразделения придаются батальону и

поддерживают его.

Задачей батальона явилось: стремительной атакой под прикрытием артиллерийского и минометного огня овладеть рубежом Долгая Нива и безымянной высотой 268 севернее его. После чего удерживать захваченный рубеж до особого распоряжения. В ходе проведения разведки боем предполагалось уточнить характер обороны противника, систему его огня, захватить пленных и документы.

При организации взаимодействия командир дивизии определил командирам приданных и поддерживающих средств цели и задачи разведки боем и последовательность их решения; исходные позиции подразделений батальона, огневые позиции артиллерии, минометов и орудий, выделенных для стрельбы прямой наводкой. Он указал также время готовности огневых средств; порядок артиллерийской подготовки атаки и объекты, подавляемые огнем артиллерии и минометов в этот период; до какого рубежа и каким методом осуществить огневую поддержку; как обеспечить фланги и закрепление подразделениями захваченных рубежей.

В период подготовки к разведке боем батальон был доукомплектован.

При организации взаимодействия были решены и вопросы согласования усилий с батальонами первого эшелона, на участках которых предстояло провести разведку боем.

План проведения разведки боем разрабатывался оперативным отделением штаба дивизии с привлечением начальника разведки, начальника артиллерии и дивизионного инженера.

Получив от командира дивизии задачу, командир батальона уяснил ее и определил, какие мероприятия необходимо провести для подготовки боя, произвел расчет времени и отдал необходимые распоряжения. После этого он организовал изучение района предстоящих действий, провел рекогносцировку и принял решение.

На рекогносцировке командир батальона прежде всего ориентировал командиров подчиненных и поддерживающих подразделений на местности, назначил ориентиры и ознакомил офицеров с боевой задачей.

По окончании рекогносцировки командир батальона принял решение и отдал устный боевой приказ. В приказе он объявил свое решение и определил задачи стрелковых рот, приданных и поддерживающих огневых средств, исходные позиции и порядок их занятия. Боевой порядок батальона строился в один эшелон с выделением резерва в составе стрелкового, пулеметного и

противотанкового взводов. Резерв предназначался для развития успеха наступления, обеспечения флангов или прикрытия отхода батальона в случае контратак превосходящих сил противника.

Тренировки батальона с командирами приданных и поддерживающих его средств проводились в тылу наших войск. На тренировках особое внимание обращалось на внезапность действий, стремительность атаки, отработку вопросов взаимодействия батальона и огневых средств.

Личный состав батальона обучался ведению боя в траншеях, блокированию дзотов и отдельно расположенных огневых средств. Саперы тренировались в проделывании проходов в минных полях и проволочных заграждениях, а также установке заграждений.

В составе подразделений батальона проходили тренировку две группы разведчиков разведывательной роты дивизии по три разведчика и одному саперу в каждой. Задачей этих групп являлись захват пленных и изъятие документов убитых во время проведения разведки боем. Одна группа разведчиков предназначалась для действий в боевых порядках 1-й, а другая — 2-й стрелковых рот.

Непосредственной подготовкой батальона занимался командир полка, а вопросами организации и ведения разведки на период действия батальона — начальник разведки дивизии. Заключительные тренировочные занятия провел командир дивизии лично.

К 5 часам 11 июня 1944 г. артиллерия и минометы заняли огневые позиции. Пристрелка целей производилась пристрелочными орудиями без нарушения ранее установленного режима огня.

В ночь на 12 июня батальон скрытно от противника занял исходное положение для наступления. Стрелковые роты заняли позиции в первой траншее своих войск. Подразделения батальона первого эшелона, на участке которого проводилась разведка боем, уплотнили свои боевые порядки, освободив участки траншей для рот 2-го стрелкового батальона. В это же время заняли огневые позиции орудия, выделенные для стрельбы прямой наводкой.

Ведение разведки боем. После десятиминутного артиллерийского налета подразделения батальона начали атаку в 18 часов 5 минут 12 июня 1944 г. (поданным наблюдения, в это время у противника начинался ужин). Орудия, выделенные для стрельбы прямой наводкой в период огневого налета и после него, уничтожили наблюдательные цели, расположенные на переднем крае обороны противника.

Командир дивизии управлял разведкой боем с

наблюдательного пункта, находящегося на высоте 125,6.

С переходом подразделений 2-го батальона в атаку артиллерия и минометы поддерживали его действия методом последовательного сосредоточения огня.

1-я рота и правофланговый взвод 2-й роты быстро продвигались вперед. Наступление 3-й роты задерживалось артиллерийским огнем из района Сланы, огнем минометной батареи с южной окраины Долгая Нива и ружейно-пулеметным огнем противника с первой и второй траншей. И лишь после того, как огнем наших поддерживающих средств система огня противника на направлении действий 3-й роты была подавлена, она стала продвигаться вперед.

Через 30 минут после начала атаки 2-я и 3-я роты овладели населенным пунктом Долгая Нива, а 1-я рота — безымянной высотой севернее его. На этом рубеже дальнейшее продвижение подразделений батальона было приостановлено огнем и подошедшими подразделениями противника с направлений Дубки и Сланы.

В 22 часа 12 июня после массированного огня артиллерии и контратак ближайших тактических резервов противника батальон, не успев закрепиться на достигнутом рубеже, вынужден был под прикрытием огневых средств отойти в исходное положение.

В результате разведки боем было захвачено 12 пленных, принадлежащих 11-й танковой дивизии СС «Норланд». Боем и допросом захваченных пленных удалось уточнить группировку, нумерацию и систему огня противника. По показаниям пленных, противник намеревался расширить участок нарвского предмостного укрепления.

Командир 191-й стрелковой дивизии, учитывая сведения, добытые разведкой, принял меры по усилению обороны на данном направлении.

В ходе разведки боем было вскрыто десять артиллерийских и восемь минометных батарей, несколько орудий пто, один шестиствольный миномет. Уничтожено две артиллерийские и три минометные батареи, шестиствольный миномет, 12 ручных пулеметов, убито около 200 фашистских солдат и офицеров. Противником было израсходовано до 7000 снарядов и мин.

Поставленная перед разведкой боем задача была выполнена. В качестве недостатка следует отметить плохую организацию командиром батальона удержания выгодного захваченного рубежа.

При проведении разведки боем в обороне часто проводились демонстративные действия наших подразделений на других

соседних участках, с тем чтобы отвлечь противника от района наступления наших подразделений и вынудить его применить свои огневые средства на более широком фронте. В приведенном примере подобного рода демонстративные действия не предусматривались.

Разведка боем стрелковой ротой

В середине июня 1944 г. перед фронтом дивизии в районе Ковель в течение нескольких суток наблюдением в светлое время отмечалось движение мелких групп пехоты от 15 до 30 человек, по 7–8 автомобилей и отдельных орудий от фронта в тыл. Подслушиванием по ночам в расположении противника были установлены оживленные разговоры и производство инженерных работ. Режим поведения противника изменился. Имелись основания предполагать, что немцы производят перегруппировку и смену войск перед полосой обороны дивизии.

Требовалось уточнить группировку, нумерацию и намерения противника. Поиски и засады ответа на интересующие командование вопросы не давали. Подразделения (группы разведчиков) при их проведении наносили потери противнику, часто убивали фашистских солдат, но с пленными или документами убитых не возвращались.

С целью уточнения нумерации, группировки, системы огня противника и захвата пленных решено было провести разведку боем.

Местность в расположении противника возвышалась над нашей и обеспечивала ему хороший обзор и обстрел нейтральной полосы, а также расположения подразделений 498-го стрелкового полка.

Оборона противника на этом участке была оборудована опорными пунктами, соединенными траншеями и ходами сообщения. Впереди переднего края имелись минные поля, проволочные заграждения в два ряда кольев и малозаметные препятствия. Тактическая плотность пехотных подразделений составляла 0,6–0,7 батальона на 1 км фронта. На переднем крае каждого батальона у противника имелось по 5–8 пулеметов.

Подготовка разведки боем. Объектом атаки для роты был избран опорный пункт в районе выс. 113, 4.

Тщательным изучением объекта нападения и прилегающих к нему районов удалось определить местонахождение огневых средств противника, его боевого охранения, наблюдательных пунктов, а также порядок несения им службы на подступах к

переднему краю и характер инженерных заграждений.

В намеченном опорном пункте были выявлены: два дзота, два станковых пулемета, ручные пулеметы и хорошо развитая система окопов полного профиля и ходов сообщений; на обратных скатах высоты — до трех блиндажей.

Подступы к расположению противника были прикрыты инженерными заграждениями. Перед передним краем имелось проволочное заграждение в два ряда кольев, усиленное спиралью «Бруно», и противопехотное минное поле в три ряда мин. Все подступы хорошо просматривались противником не только из опорного пункта, но и с соседних участков его переднего края.

Для проведения разведки боем командир дивизии приказал привлечь стрелковую роту 1-го батальона 498-го стрелкового полка (рота находилась в составе второго эшелона батальона). Для огневого обеспечения роты по приказу командира дивизии выделялись: артиллерийский дивизион 76-мм пушек, батарея 120-мм минометов, две роты 82-мм минометов, взвод противотанковых орудий и взвод саперов.

Личный состав роты имел на вооружении ручные пулеметы, автоматы, винтовки и гранаты (по две на каждого солдата).

18 июня 1944 г. командир дивизии на местности поставил задачу командиру роты и поддерживающим огневым средствам, а также организовал взаимодействие.

Задачей разведки боем являлось уточнить группировку, нумерацию, систему огня, места расположения ближайших тактических резервов, характер инженерных заграждений, а при разгроме опорного пункта захватить пленных и документы убитых.

Для захвата пленных из состава разведывательной роты дивизии предусматривалось выделить две группы разведчиков: одна в составе пяти, другая — трех человек. Эти группы должны были действовать в цепи наступающих подразделений.

На двух фланговых участках, прилегающих к району проведения разведки боем, по указанию командира дивизии готовились демонстративные атаки стрелковых подразделений силой от отделения до взвода при поддержке огневых средств. Демонстративные действия планировалось проводить под прикрытием дымовых завес. Целью таких действий являлось отвлечь внимание противника от района проведения разведки боем, а также уточнить его систему огня на этих направлениях.

Начиная с 18 июня ежедневно огнем прямой наводки разрушались дзоты и другие сооружения огневых средств противника, обнаруженные на участках проведения разведки боем и намеченных направлениях демонстративных атак. При

этом часть дзотов была разрушена.

Ответственным за подготовку разведки боем и руководство ею командир дивизии назначил командира 498-го стрелкового полка. На подготовку к боевым действиям отводилось трое суток.

За избранным объектом атаки было организовано усиленное наблюдение, для чего привлекались офицеры штаба полка и дивизии.

Дополнительное изучение опорного пункта на выс. 113, 4 позволило уточнить истинное начертание переднего края, расположение огневых средств противника, выгодные направления для атак.

Наблюдением и подслушиванием удалось установить, что противник на ночь усиливает первую траншею живой силой, а с рассветом большую часть личного состава отводит в глубину обороны, оставляя на день в первой траншее

главным образом огневые средства на удалении 200–300 м одно от другого. Учитывая это обстоятельство, было решено разведку боем начать утром, после ухода из первой траншеи большей части личного состава противника в глубину.

В период подготовки к разведке боем был разработан план ее проведения. В нем нашли отражение следующие основные вопросы: цель и задачи разведки боем; привлекаемые силы и средства; мероприятия по подготовке разведки (дополнительное изучение противника в районе предстоящего боя, создание дополнительной сети наблюдательных пунктов и постов; организация разведки техническими средствами); время занятия исходного положения ротой и огневых позиций артиллерией и минометами; порядок и сигналы взаимодействия; организация связи; последовательность выполнения подразделениями, привлекаемыми для разведки боем, боевых задач, порядок доставки пленных и документов; мероприятия по дезинформации; время начала разведки боем (готовность).

План проведения разведки боем разрабатывался под непосредственным руководством командира 498-го стрелкового полка и был утвержден командиром дивизии.

При подготовке разведки боем с личным составом были проведены два тренировочных занятия на местности с отработкой основных вопросов предстоящих действий.

Вечером 20 июня рота заняла исходное положение для наступления, поддерживающие огневые средства заняли позиции.

В ночь на 21 июня саперы бесшумно подложили под заграждения противника удлиненные заряды с таким расчетом, чтобы перед атакой взорвать их.

Ведение разведки боем. 21 июня в 5 часов был произведен

пятиминутный огневой налет по первой траншее и намеченным огневым средствам противника.

Орудия, выделенные для стрельбы прямой наводкой, уничтожили дзоты и пулеметы противника в опорном пункте на соседних участках. В то же время саперы подорвали удлиненные заряды. Проходы для наших наступающих подразделений были готовы.

После этого в течение 15 минут велся огонь по окаймлению объекта атаки. Внезапным и согласованным артиллерийским и минометным огнем по заранее подготовленным целям (объектам) были уничтожены большая часть дзотов и пулеметов в районе опорного пункта противника и на его флангах, значительное количество живой силы, нарушена связь. Противостоящий противник пришел в замешательство. Не имея связи, он в течение 15 минут не мог вызвать огня своей артиллерии.

С переносом огня артиллерии и минометов в глубину вражеской обороны стрелковая рота перешла в атаку. Подразделения, роты, наступая за разрывами снарядов и мин, ворвались в первую траншею противника. Когда наши подразделения овладели выс. 113, 4, противник открыл артиллерийский и минометный огонь и вслед за этим дважды бросал в контратаки по 30–40 человек, пытаясь выбить вклинившиеся подразделения и вернуть утраченный рубеж, но напрасно. Наши бойцы, заняв оборону, при поддержке огня артиллерии и минометов дважды отразили контратаки противника и продолжали удерживать рубеж до получения приказа на отход.

Бой стрелковых подразделений продолжался 35 минут. Задача была выполнена. По приказу командира дивизии рота под прикрытием огневых средств отошла в свое расположение.

В ходе проведения разведки боем было убито до 40 человек противника, разрушено 13 землянок и блиндажей, уничтожено несколько дзотов. Группы разведчиков, действующие в боевых порядках стрелковых подразделений, захватили двоих пленных, которые принадлежали 1-му пехотному батальону 697-го пехотного полка 342-й пехотной дивизии.

В результате разведки боем было установлено, что противник произвел смену ранее действующих здесь частей и перебросил новые силы. Кроме того, удалось вскрыть группировку и нумерацию противника перед фронтом 498-го стрелкового полка, характер его обороны и систему огня.

Таким образом, скрытность и тщательность подготовки к действиям, внезапность и стремительность атаки, надежное подавление противника огнем дали возможность успешно

выполнить поставленную перед разведкой боем задачу. Она добыла важные сведения о противнике, которые требовались командиру дивизии по условиям обстановки.

Успешным действиям разведки в дневное время (ранним утром) способствовали знание поведения противника и смелые решительные действия всего личного состава. Демонстративные действия подразделений на соседних фланговых участках также сыграли положительную роль.

Опыт разведывательной деятельности войск в период Великой Отечественной войны и послевоенных учений показывает, что разведка боем в обороне, так же как поиски и засады, может дать наиболее ценные разведывательные данные, когда противник готовится к переходу в наступление из положения непосредственного соприкосновения с нашими войсками. В таком случае разведка боем дает возможность вскрыть группировку противника, предназначенную для наступления, и его намерения.

Если противник готовится к наступлению с ходу, то разведкой боем невозможно вскрыть главную группировку наступающих войск, так как она находится в глубине его расположения. Поэтому ценность добываемых разведывательных данных резко снижается. В результате проведения разведки боем в этом случае можно добыть лишь некоторые разведывательные признаки, свидетельствующие о подготовке противника к наступлению. Такими признаками могут быть: проделывание проходов в минновзрывных заграждениях, установка световых ориентиров и указателей для наступающих подразделений. Эти разведывательные признаки могут быть выявлены как в результате боя подразделений, ведущих разведку, таки допросом пленных, захваченных при ее проведении.

Для проведения разведки боем в обороне в годы минувшей войны и на учениях в послевоенный период выделялись стрелковые (мотострелковые) и танковые подразделения в составе от роты до усиленного батальона.

Батальонам, ротам, как правило, придавались необходимые средства усиления и поддержки. Действия подразделений поддерживались артиллерией, минометами и ружейно-пулеметным огнем. В настоящее время для их поддержки представляется возможность привлекать и другие современные огневые средства и поддерживать действия общевойсковых подразделений ударами авиации.

В годы войны для захвата пленных, документов, образцов вооружения и боевой техники в состав батальонов (рот) включались группы разведчиков из состава разведывательных

подразделений соединений и частей, разведчики-артиллеристы и саперы. Этот опыт успешно используется в боевой подготовке и сейчас.

Раньше для проведения разведки боем чаще выделялись батальоны и реже роты. В современных условиях разведку боем способна успешно вести усиленная рота. Выделение для этой цели батальона может оказаться нецелесообразным. Это объясняется тем, что противостоящий противник обычно располагается в опорных пунктах по-ротно или повзводно. Промежутки между взводными опорными пунктами могут составлять 200–300 м, а между ротными — 500–800 м и более. В этих условиях объектом атаки мотострелковой роты может быть ротный или взводный опорный пункт. Кроме того, возросшая сила огня мотострелковых подразделений и неизмеримо увеличившиеся в настоящее время возможности обеспечить огневой поддержкой действия роты, выделенной для проведения разведки боем, позволяют ей успешно выполнять такие задачи, какие в прошлом мог решить лишь батальон.

Как показано в приведенных выше примерах, во время разведки боем все командиры подразделений, на участках которых она проводилась, находились на своих наблюдательных пунктах и лично изучали его расположение и систему огня. Для наблюдения также привлекались офицеры штабов, разведывательных органов, поддерживающих и приданных средств, использовались различные силы и средства разведки.

Разведка боем усиленной стрелковой роты

Для установления действительного начертания переднего края обороны противника в районе южнее Б. Мостищи командир Н-ской стрелковой дивизии решил провести разведку боем. Осуществление этого решения было возложено на одну из стрелковых рот, усиленную двумя отделениями саперов и отделением автоматчиков. Задача роты состояла в следующем: преодолев проволочные заграждения, овладеть выс. 226, 6 и в дальнейшем наступать на выс. 214, 6.

По замыслу командира дивизии во время трехминутного артиллерийского налета на широком фронте (с целью ввести противника в заблуждение о действительном направлении атаки) рота повзводно устремляется в заранее проделанные проходы в проволочном заграждении немцев, выбивает их с выс. 226, 6, занимает траншею и, не задерживаясь, продолжает движение на юго-запад в направлении выс. 214, 6.

Действия роты должны были поддерживать артиллерийский дивизион, полковая артиллерия и минометный батальон. Кроме того, один залп должен был сделать дивизион гвардейских минометов. Этот залп являлся сигналом начала атаки.

На случай перехода противника в контратаку соседние роты получили приказ находиться в готовности к активным действиям. Для этой же цели был приведен в готовность резерв командира — батальон.

За несколько дней до проведения разведки боем за противником было установлено непрерывное наблюдение, а личный состав роты тренировался в быстром преодолении проволочного заграждения через узкие проходы и в метании гранат. Провели ряд занятий по рукопашному бою в траншеях и ходах сообщения.

Ночью, за несколько часов до начала действий роты, саперам удалось бесшумно проделать в проволоке противника проходы (по числу взводов) шириной 4–6 м каждый. Они же охраняли эти проходы до момента атаки.

С приближением рассвета стрелки и автоматчики скрытно заняли исходное положение для атаки в 20–30 м от проволочного заграждения. Взводы располагались перед своими проходами в своих заграждениях.

Вскоре открыли огонь наша артиллерия и минометы. Стрельба, как это намечалось, велась на широком фронте. Прямыми попаданиями снарядов было разрушено несколько блиндажей и дзот на переднем крае обороны противника, повреждены траншеи и ходы сообщения.

В последнюю минуту артиллерийского налета дали залп гвардейские минометы. Это сигнал атаки. Взводы поднялись и стремительным броском ворвались в первую траншею. Она оказалась пустой. Противник располагался во второй траншее, проходившей на расстоянии 50–70 м от первой (ложного переднего края обороны). Перед действительным передним краем (второй траншеей) в 20–30 м было установлено проволочное заграждение в три кола.

Как только бойцы ворвались в первую траншею, немцы открыли сильный огонь из второй траншеи и расположенных непосредственно за ней пулеметных дзотов. Кроме того, из-за выс. 214, 6 и рощи, что восточнее Б. Мостищи, начали действовать три батареи 81-мм минометов, а из хутора Покровка и совхоза обстреливали траншеи и подступы к действительному переднему краю несколько артиллерийских орудий.

Под воздействием огня взводы вынуждены были прекратить наступление и, укрывшись в занятой траншее, начать огневой

бой.

Пользуясь тем, что все внимание противника было направлено на солдат, находившихся в траншее ложного переднего края обороны, группа автоматчиков и стрелков, заранее выделенная для захвата контрольных пленных, бросилась к дзоту и блиндажу, расположенным между первой траншеей и действительной линией обороны. Как только атакующие приблизились к намеченным объектам на дистанцию 10–15 м, раздался взрыв, и оба объекта взлетели на воздух. Оказалось, что все блиндажи и дзоты ложного переднего края обороны противник заминировал управляемыми фугасами.

Следует отметить, что за неприятелем непрерывно велось командирское наблюдение с основных и дополнительных наблюдательных пунктов. Это дало возможность определить местоположение основных огневых точек противника на действительном переднем крае обороны, а также ОП минометов и артиллерии.

Ввиду того что основная цель разведки была достигнута, а дальнейшее продвижение роты могло вызвать большие потери в личном составе, командир дивизии отдал приказ об отходе, который совершался под прикрытием огня пулеметов, а также минометов и артиллерии из глубины своей обороны. Однако из-за того, что противник заранее пристрелял местность, рота понесла некоторые потери.

Что дала разведка, проведенная боем усиленной стрелковой роты? Прежде всего удалось определить начертание переднего края обороны противника, состоявшей из сплошной траншеи с ходами сообщения в глубину, ряда стрелковых окопов, пулеметных дзотов и блиндажей, расположенных непосредственно за ней, и проволочного заграждения в три кола. Удалось также выяснить, что блиндажи и дзоты, находившиеся за второй траншеей, едва возвышаются над землей и хорошо замаскированы. Дзот и блиндажи, расположенные между первой и второй траншеями, проектируются на фоне местности и плохо замаскированы. Живой силой они совершенно не занимались. Имелось лишь некоторое количество автоматчиков и пулеметчиков в первой траншее, которые вели огонь с разных ОП, передвигаясь по ней.

Плотность насыщения живой силой действительной линии обороны также невелика. Большинство солдат вооружены автоматическим оружием.

Разведывательная группа в тылу противника

В минувшую войну в наступлении в тех условиях, когда фронт не был сплошным, соединения и части вели разведку в тылу противника силами разведывательных групп. Если между опорными пунктами противника имелись значительные промежутки, опытные разведчики незаметно проникали в ближайший тыл врага и успешно решали возложенные на них задачи. Опыт Великой Отечественной войны может принести большую пользу и в будущем, так как войсковые разведчики, как и в прошлом, смогут проникать в ближайший тыл противника с целью выполнения задач по вскрытию его важнейших объектов и докладывать об этом своему командиру.

Опыт минувшей войны показывает, что в тылу солдаты врага более беспечны по сравнению с военнослужащими, находящимися на переднем крае. В тылу чаще можно захватить одиночного солдата или офицера, в то время как на переднем крае каждому солдату или парному дозору, находящемуся в боевом охранении, свои подразделения в любое время могут оказать поддержку огневыми средствами и живой силой.

В то же время следует помнить, что действовать в тылу противника весьма сложно: всегда существует опасность внезапной встречи с противником. Если не предусмотреть во всех деталях действия разведчиков в расположении противника (способ перехода линии фронта, маршрут выхода к объекту, обратное возвращение разведчиков или скрытое их расположение до момента соединения с нашими войсками), группа разведчиков может быть преждевременно обнаружена, что приведет к тяжелой, неравной схватке с врагом или даже гибели всей группы.

Действуя в тылу противника, разведывательные группы обычно вели разведку наблюдением, налетами, засадами, подслушиванием телефонных переговоров противника, фотографированием, а при благоприятных условиях совершали диверсии.

Задачи группам обычно ставились: выявление районов сосредоточения войск противника, контроль за дорогами путем скрытого наблюдения, захват документов у связных (пеших, конных, мотоциклистов) и т. д. Высланные в тыл врага разведчики стремились выполнить поставленные задачи, не ввязываясь в бой с противником. Стараясь остаться незамеченными, они обычно передвигались ночью, соблюдая при этом тщательную маскировку, обходя населенные пункты и большие дороги.

Важнейшие принципы действий разведывательной группы в

тылу противника — скрытность и внезапность

При подготовке наступления штаб одной из стрелковых дивизий в районе Чаплинка получил от воздушной разведки данные о движении и сосредоточении в тылу противника свежих частей. Для уточнения их силы, выявления состава, нумерации и целей прибытия в данный район было решено выслать в тыл противника разведывательную группу.

Разведывательная группа в составе семи человек во главе с опытным разведчиком Задубровским получила задачу — ночью, бесшумно пройдя через передовые позиции противника, выдвинуться в район Чаплинка и захватить пленного или штабные документы. Командир группы принял решение выполнить эту задачу посредством захвата офицера противника в указанном районе.

Прежде чем приступить к выполнению задачи, командир группы Задубровский организовал в расположении наших войск занятия с личным составом. Особое внимание он уделял правильному выбору участка и времени перехода линии фронта, скрытности передвижения и ориентированию в ночное время, а также умелому проведению засады.

Завершив подготовку, группа начала выдвижение к линии фронта. Ночью она проникла через передний край, двигалась осторожно, обходя предметы, которые могли создать шум (кусты, сухие сучья, камни и т. п.). Разведчики скрытно пробрались в тыл противника и вышли на дорогу южнее Чаплинка. Командир группы организовал засаду на дороге, рассчитав, что по ней должны проходить штабные автомашины. Вскоре на дороге показались две легковые автомашины. Задубровский подал сигнал «Внимание». Когда автомашины подошли к засаде вплотную, разведчик вышел на дорогу и скомандовал: «Хальт». Машины остановились. Оказавшись в кольце разведчиков, немцы даже не успели оказать сопротивление. Находившиеся в машинах офицеры были захвачены в плен и доставлены в штаб соединения. Среди пленных оказались заместитель командира 4-й горнострелковой дивизии, начальник штаба дивизии, дивизионный врач и его денщик.

При действии группы командир проявил храбрость, решительность и инициативу. Разведчики действовали внезапно и быстро.

Из приведенного примера действия разведывательной группы в тылу противника можно сделать следующие выводы.

Добывая сведения о противнике, следует широко использовать все приемы и способы разведки, при этом постоянно

проявляя изобретательность, инициативу и настойчивость. Разведчики должны поступать в соответствии с создавшейся обстановкой, каждый раз выбирая наиболее выгодный и целесообразный для данного случая способ действий, не допуская шаблона. Непременное условие успеха — опытность командира-разведчика в организации и проведении разведывательных действий. Такой командир в любой обстановке не растеряется и найдет правильное решение, проявив при этом изобретательность и хитрость.

Принятие правильного решения в большой степени предрешает успешный ход действий, а смелые, внезапные и согласованные действия разведчиков гарантируют выполнение задачи.

Мы знаем, как велика роль внезапности в бою вообще. В разведке в тылу противника она имеет решающее значение, ибо разведчики, действуя малыми силами, всегда нападают на более сильного противника. Нападение, предпринятое внезапно, на некоторое время парализует волю противника к сопротивлению. В момент внезапного нападения он не может уничтожить документы, а когда приходит в себя и оказывается в состоянии предпринять контрмеры, в большинстве случаев бывает уже поздно.

Обмундирование разведчиков должно быть облегченным, тщательно подогнанным, не стесняющим движений и соответствовать времени года и условиям местности. Вооружение группы определяется характером выполняемой задачи, боевым составом группы и условиями, в которых ей предстоит действовать.

Частям и соединениям надо иметь отлично организованную разведку и нацеливать ее на тот участок, где в данный момент развиваются события. Необходимо вести разведку как непосредственно перед передним краем обороны, так и в глубине расположения противника. Умелое ведение разведки в наступлении на всю глубину боевой задачи дает возможность тщательно изучить врага и нанести ему удар там, где он его не ожидает.

Сурин С. И. Войсковая разведка в немецкой армии. Воениздат, 1944

В германской армии каждая пехотная дивизия для ведения войсковой разведки имеет по штату разведывательный отряд в составе следующих подразделений: рота тяжелого оружия, самокатная рота и кавалерийский эскадрон. Боевой состав такого отряда: 310 человек, 216 строевых лошадей, 13 ручных пулеметов, 4 станковых пулемета, 50-мм минометов, 3 37-мм орудия, 2 75-мм пехотных орудия, 9 автомашин и 4 бронемашины. В каждом пехотном полку функции войсковой разведки в подвижных формах боя обычно выполняет самокатный взвод (45 человек, 4 пулемета, 45 велосипедов).

В пехотном батальоне нет специальных разведывательных подразделений, так же как нет специальных лиц, занимающихся разведкой. Разведку организует командир батальона; техническими же исполнителями являются подразделения.

В начале войны с Советским Союзом еще не все немецкие пехотные дивизии имели разведывательные отряды, предусмотренные штатом.

В немецких танковых дивизиях имеется штатный разведывательный орган — разведывательный отряд, который состоит из роты тяжелого оружия, одной или двух мотоциклетно-стрелковых рот и роты бронемашин или бронетранспортеров (всего до 400 человек, 60 автоматов, 29 ручных пулеметов, 2 станковых пулемета, 11 противотанковых ружей, 2–4 88-мм миномета, 3 50-мм орудия, 2 75-мм пехотных орудия, 24 бронеавтомобиля, 100–120 мотоциклов и 70–80 автомашин). Кроме того, в состав танкового полка входит взвод легких танков (5 машин), а в

состав танкового батальона — также взвод легких танков (5 машин) и взвод мотоциклов.

Практика войны 1939–1940 гг., когда немецкая армия почти беспрепятственно оккупировала Польшу, Норвегию, Бельгию, Голландию, Францию, Грецию и Югославию, подтверждала в то время немецкому командованию правильность организационных форм разведывательных подразделений.

При успешном наступлении немецких войск, действовавших в условиях ничтожного сопротивления армий оккупированных стран, наличие сильных подвижных разведывательных отрядов в пехотных и танковых дивизиях полностью обеспечивало германскому командованию выполнение разведывательных задач

и не вызывало необходимости обучать всю пехоту ведению войсковой разведки в сложных условиях боя.

Иное увидела и почувствовала на своей шкуре немецкая армия в войне с Советским Союзом. Гитлеровские планы «молниеносной войны» на Востоке потерпели крах. Формы боя, «присущие» доселе немецкой армии, сменились для нее на советско-германском фронте новыми, к которым войсковые разведывательные органы дивизии не были подготовлены: позиционная оборона, отступление, бои в окружении.

Войска также оказались не подготовленными к ведению войсковой разведки. Ясно, что, столкнувшись с этими «новыми» формами боя, немецкая армия вынуждена была изыскивать и новые методы войсковой разведки. Вот почему с начала 1942 г. мы явились свидетелями выпуска многими немецкими командирами соединений и командующими армиями инструкций, приказов, памяток и учебных брошюр по вопросам войсковой разведки.

Ввиду больших потерь в людях, технике и вооружении, понесенных немецкой армией, немецкое командование вынуждено было пойти на сокращение разведывательных отрядов некоторых дивизий. На основании секретного указания 1-го отделения организационного отдела германского Генерального штаба сухопутной армии от 9 августа 1942 г. разведывательные отряды и дивизионы ПТО некоторых дивизий объединялись и переименовывались в «подвижные дивизионы».

Такое объединение было произведено в 376-й, 82-й и других дивизиях.

Боевой состав подвижного дивизиона следующий: две велороты, две роты ПТО. Вооружение: пулеметов легких — 12, орудий — 24, тяжелых пулеметов — 4.

Задачи подвижного дивизиона, по указаниям пленных, сводятся к следующему:

— в наступлении — действие в авангарде, высылка разведдозоров, охранение предмостных позиций;

— в обороне он является дивизионным резервом для отражения пехотных и танковых атак противника. Эскадроны используются как пехотные подразделения;

— при отступлении выполняет роль охранения арьергардов.

Практически получилось так, что противотанковые роты подвижного дивизиона были всегда оторваны от самого дивизиона и раздавались пехотным полкам дивизий. Таким образом, в обороне объединение РО и ПТД фактически не имело значения.

Противотанковые роты дивизиона должны получить более

крупные калибры орудий, так как в настоящее время 37-мм или 45-мм орудия ПТО в бою оказались неэффективными.

Подвижной дивизион в отношении тактической разведки подчинен непосредственно командиру дивизии и получает задачу от начальника штаба дивизии.

Части немецкой армии пополнили и усовершенствовали методы действий своей разведки, почерпнув многое из примеров боевых действий доблестных разведчиков Красной Армии; поэтому при организации разведки мы обязаны, соблюдая основные ее принципы, никогда не действовать по шаблону, а неустанно изыскивать новые приемы. С другой стороны, наши передовые части всегда должны быть исключительно бдительными, с тем чтобы любую разведывательную затею противника вскрывать своевременно и своей выдержкой и неожиданными для врага дерзкими контрмерами пресекать ее в самом зародыше, уничтожая разведывательные группы противника, захватывая пленных и документы убитых.

Вопросы организации немецкой авиационной разведки, разведки средствами связи, артиллерийской и агентурной мы затрагиваем только в общих чертах.

Значение войсковой разведки

Войсковая разведка в немецкой армии является одним из основных видов разведки. Она ведется всеми командирами независимо от того, поставлена им задача на разведку или нет.

Задача на разведку ставится командиру линейной роты командиром батальона или командиром полка. Объект разведки выбирается лично командиром роты. Приказание на разведку отдается за несколько дней до ее проведения, на каждую операцию в отдельности.

Командиры немецких частей и соединений уделяют большое внимание организации и ведению войсковой разведки.

Так, например, командование 47-го немецкого танкового корпуса в директиве от 3 января 1943 г. указывает:

«Ввиду трудности ведения авиаразведки зимой, для нас и для высшего командования почти единственным способом что-либо узнать о противнике является войсковая разведка.

Мы сможем сберечь силы и в то же время быть гарантированными от неожиданностей только при наличии первоклассной наземной разведки». Войсковая разведка у немцев выполняет следующие задачи:

— захват пленных и документов;

— определение начертания переднего края обороны противника, а также определение группировки его войск, мест флангов и стыков;

— наблюдение за сменой частей и появлением новых войск противника, особенно танков и кавалерии;

— уточнение огневой системы;

— наблюдение за всеми передвижениями и действиями войск противника во время боя;

— вскрытие и установление инженерных препятствий.

Генерал-фельдмаршал Кюхлер в своей директиве от 2 января 1943 г. пишет:

«Сведения, получаемые от пленных, являются крайне важными не только для выявления намерений противника; они часто дают также важные цели для артиллерии и тяжелого пехотного оружия — для ведения беспокоящего и уничтожающего огня в течение дня и ночи. Поэтому все действующие дивизии должны все время стремиться к захвату пленных». И далее там же: «Постоянное наблюдение за привычками неприятельских солдат, находящихся на позиции, точное установление месторасположения их постов, изучение местности, применение разных хитростей, введение в заблуждение противника, устройство ловушек и, что еще важнее, хорошо подготовленные и энергично проведенные ударные разведывательные операции должны облегчить успех наших войск в захвате пленных». В условиях стабильного фронта немцы ставят перед своими разведывательными органами задачу: разведать фронт противника до мельчайших подробностей: его группировку сил, размещение тяжелого оружия, дислокацию штабов, резервов и т. д. Только таким образом, считают немцы, «…можно будет обнаружить любые изменения у противника и извлечь из этого необходимые выводы для боевого руководства».

При стабилизации фронта основным средством войсковой разведки в немецкой армии являются линейные пехотные части. В и. 9 приказа по 15-му мотополку от 19 октября 1942 г. за № 454/42 указывается:

«Перед наступлением всегда выяснять путем наблюдения и активной разведки следующие вопросы:

а) начертание переднего края обороны противника, расположение и состояние гнезд сопротивления;

б) разницу в группировке противника днем и ночью;

в) препятствия, минные поля;

г) возможности удобного подхода к противнику».

Ослабление ведения войсковой разведки рассматривается германским командованием как тяжкое преступление.

Германское командование стремится к тому, чтобы солдаты считали службу в разведке выгодным делом. С этой целью в немецкой армии для состава разведывательных подразделений установлен ряд льгот.

Пленный командир взвода 24-го авиадесантного пехотного полка показал:

«За доставку командованию новых данных о противнике командира РГ награждают Железным крестом 2-го класса. Право награждать этим орденом имеет командир батальона, но обычно в этих случаях сам командир дивизии, которому командир батальона без промедления докладывает об успешных действиях РГ, через 1–2 дня награждает разведчиков. С марта по июль во втором батальоне было награждено 5 человек».

Командир 82-й пехотной немецкой дивизии Бенш, стремясь заинтересовать солдат выгодами службы в разведке, в своем приказе пишет:

«Я приказал за хорошие успехи в службе подслушивания, наблюдения и разведки немедленно выдавать ордена, объявлять благодарность в приказе по дивизии, давать особые отпуска вне очереди или же выдавать особенно хорошие товары из военного магазина. Таким же образом награждать за отличные успехи в караульной службе…»

Методы войсковой разведки

Основными методами войсковой разведки в немецкой армии являются:

— разведка боем (силовая разведка), проводимая подразделениями силою от взвода до батальона при поддержке артиллерийско-минометного огня;

— действия разведывательной группы (дозора) силою до взвода — методом поиска, налета;

— устройство засад на путях движения наших разведывательных групп (проводится группой в составе 10–30 человек);

— выброска в наш ближайший тыл агентурно-диверсионных групп с задачей установить расположение и направление движения наших войск, а также захватить в плен офицеров;

— наблюдение и подслушивание.

По показаниям пленных, разведывательная операция проводится тогда, когда наблюдением установлены изменения в группировке противника и в его огневой системе. Выбор способа действий зависит от поставленной задачи и расположения

противника. Разбирая разведывательную операцию 216-го пехотного полка 86-й пехотной дивизии, проведенную на рассвете 6 ноября 1942 г. и не давшую результатов (кроме потери немцами 8 человек убитыми и 23 ранеными), командование 86-й пехотной дивизии отмечает:

«Если же, помимо всего прочего, создается необходимость разведывательных действий, то представляются две возможности:

а) действие мелкими разведывательными группами (одно-два отделения) ночью с целью снятия часового;

б) проведение крупных разведывательных операций (силою до батальона) днем после тщательной подготовки при соответствующей поддержке всех видов оружия».

Немецкое командование требует организовывать разведку продуманно, с учетом всех особенностей нашей обороны, ее сильных и слабых сторон, а также боевой выучки наших войск.

Подготовка к операции ведется скрытно; немцы стремятся замаскировать свои действия так, чтобы ни малейший признак не мог выдать подготовительных мероприятий к проведению ночного поиска или разведки боем.

Немцы, так же как и мы, считают, что маскировка увеличивает шансы на успех действий, способствует уменьшению собственных потерь и тем самым повышает боевую силу группы; что пренебрежение маскировкой влечет за собой неоправданные потери в личном составе и срыв внезапности действий; что действия разведки должны быть решительными с использованием элемента внезапности, чем и достигается ее успех. При разведке немцы обращают особое внимание на обеспечение флангов. Для этой цели назначаются группы охранения флангов, которые занимают свои позиции непосредственно перед началом действий разведывательных групп.

При проведении разведывательных операций действия разведывательных групп и отрядов прикрываются сильным артиллерийским и минометным огнем.

РГ и отряды немцев атакуют объект после того, как артиллерия и минометы, совершив короткий и сильный огневой налет на объект, переносят огонь на окаймление последнего и в достаточной степени парализуют огнем организованное противодействие со стороны противника.

Разведывательные действия немцев, возникая внезапно, протекают быстро и решительно; иногда вся операция заканчивается в течение 15–20 минут.

Подготовка разведчиков проводится немцами в основном на местности с задачей: «тренировать в уменье по-кошачьи подползать к любой цели, внезапно открывать огонь из укрытия,

быстро исчезать при встрече с сильным противником» (указания штаба 2-й танковой армии).

Если группа состоит из старых солдат, хорошо знающих боевую службу, то заблаговременной тренировки в действиях не проводится.

Наблюдение

Немцы считают, что хорошо организованное наблюдение является важнейшим методом войсковой разведки. Наблюдение ведется ими непрерывно во всех видах боя. Сеть наблюдательных пунктов располагается немцами на господствующих высотах, деревьях, колокольнях, башнях и специальных вышках с большим сектором наблюдения. Наблюдательные пункты хорошо оборудованы, имеют оптические приборы (стереотрубы, бинокли) и обеспечены телефонной связью; артиллерийские НП обеспечены радиосвязью. Все НП имеют ракеты для ночного освещения местности.

В качестве командирского НП противник использует и танки. Так, например, 12 апреля 1943 г. в районе ручья Корделевский (ю.-з. Красный Бор) немцы с целью разведки нашего переднего края наблюдением и корректировке огня применили танк как передовой наблюдательный пункт. Когда танк был нами подожжен, а экипаж его при отходе уничтожен, то при осмотре в танке были обнаружены радиостанция и карта с нанесенными на ней районами подавления артиллерийским огнем.

Наблюдением при широкоразвитой системе НП немцы дополняют данные разведки, полученные из других источников.

Директива командира 384-й немецкой пехотной дивизии за № 978/42 от 15 сентября 1942 г., отмечая небрежное несение службы наблюдения, гласит:

«Кто вблизи от врага спит на посту, тот наказывается смертной казнью. На этот счет не должно быть никаких сомнений».

Показаниями пленных установлено, что во взводах и ротах специальных наблюдательных пунктов не имеется. Вести наблюдение вменяется в обязанность всем часовым и патрулям.

Командир роты также не имеет специально оборудованного НП. Заходя в отдельные ДЗОТ, он ведет наблюдение за теми объектами, которые его интересуют.

Все данные о поведении противника заносятся немцами в журнал наблюдения. В записи указываются время и результат наблюдения. Часовые в установленное время письменно доносят

командиру взвода о результатах наблюдения. Последний делает выборки из этих донесений и включает их в боевые донесения, направляемые в роту. Командир роты доносит важнейшие данные в батальон, где вопросами разведки занимаются командир батальона и батальонный адъютант.

Помимо этого, наблюдение ведет дежурный по окопу офицер или унтер-офицер (приказ 126-й пехотной дивизии от 11 апреля 1942 г.).

Командиры батальонов, полков и дивизий имеют специальные НП или используют НП приданной артиллерии.

На НП полка и дивизии обычно находятся: командир НП (лейтенант или фельдфебель), чертежник и радист (они же связные).

Командир НП должен обладать хорошим зрением, хорошо разбираться в тактике; он наблюдает в стереотрубу.

Ночью немцы продолжают разведку путем подслушивания, которое осуществляется высылкой к нашему переднему краю, а также в направлениях возможного прохождения наших секретов ночных слухачей. В задачу групп подслушивания входит своевременное предупреждение своего командования об изменениях в расположении наших частей, а также информация его о прохождении наших разведчиков.

Так, например, в ночь на 26 ноября 1942 г., перед наступлением войск N армии, противник через своих слухачей своевременно установил подход и сосредоточение наших войск на исходном положении.

В ночное время часовые противника в целях лучшего наблюдения систематически освещают местность ракетами.

При отходе немцы организуют наблюдение так же тщательно.

По показаниям пленного обер-лейтенанта, в июле 1943 г. на орловском направлении немецкое командование требовало от командиров рот четкой организации наблюдения, причем НП организовывались на флангах и впереди. Результаты наблюдения докладывались командиру роты, а последним — командиру батальона; далее эти сведения передавались до командира дивизии.

Действия разведывательных групп (дозоров)

Боевой состав разведывательной группы обычно бывает силою от отделения до взвода, редко до роты. Количественный состав колеблется в зависимости от обстановки и от характера объекта разведки.

Группу возглавляет офицер, фельдфебель или унтер-офицер, занимающий должность не ниже командира взвода.

По показанию пленного, командир 268-й немецкой пехотной дивизии запретил ведение разведки большими разведывательными группами, так как они несут значительные потери.

В одном из оперативных документов командир 86-й пехотной дивизии сообщал командованию 23-го немецкого армейского корпуса:

«С 1.11.42 г. дивизией предпринято 11 разведок. Потери: 2 убитых, 7 раненых. Пленные не взяты.

Проведенная на рассвете 6.11.42 г., согласно приказу, разведка одной из рот 216-го полка стоила 8 убитых, 23 раненых. Пленные не взяты. Причины потерь:

а) хорошо организованная система обороны противника как на переднем крае, так и в глубине;

б) высокая бдительность противника в результате деятельности собственной разведки;

в) хорошо пристрелянный заградительный огонь вражеской артиллерии;

г) очень ограниченное время для подготовки.

Опыт этих и предыдущих разведок показывает, что подобные разведывательные предприятия при сплошной, сильно укрепленной линии обороны заранее обречены на неудачу.

Противник может даже при удавшемся местном прорыве сосредоточить огонь всех видов оружия на разведывательной группе, при этом неизбежны большие потери. Для того чтобы подавить огонь артиллерии противника собственной артиллерией и тяжелым оружием, требуется затрата такого количества боеприпасов, которое выходит за рамки подобных операций». Командование дивизии СС «Великая Германия» следующим образом характеризует действия своей разведки:

«Ввиду сильно укрепленного фронта обороны и сплошного массированного прицельного огня русских, ведение разведки большими группами не дает результата. Необходимо перейти к ведению разведки одним-двумя отделениями, при поддержке сильного артминогня. Действиям разведывательных групп должна предшествовать тщательная подготовка. Каждый пехотный полк должен представлять к 18 часам в штаб дивизии сведения о результатах работы разведывательных групп».

Этот документ свидетельствует о том, что в условиях стабильного фронта противник вынужден, наряду с проведением разведки боем, широко практиковать ведение разведки мелкими группами в составе одного-двух отделений. Для обеспечения

выполнения задач разведывательным группам отпускается большое количество артиллерийских снарядов и мин.

В германской армии разведку ведут все линейные подразделения. Для ведения разведки немцы отбирают самых отъявленных головорезов. Принцип отбора — добровольный. Если число желающих пойти в разведку недостаточно, командир роты сам отбирает и назначает в состав РГ лучших солдат. Обычно подбираются солдаты, не имеющие семей. При объявлении записи желающих идти в разведку первыми подписываются офицеры и унтер-офицеры с целью поднятия своего боевого авторитета.

По приказу командира 511-го пехотного полка 293-й немецкой пехотной дивизии каждая рота должна была в течение месяца провести на своем участке не менее одной разведки с целью захвата пленного или же изучения переднего края и огневой системы нашей обороны.

Разведке боем часто предшествуют действия мелких разведывательных групп с целью уточнения режима обороны на нашем переднем крае.

При высылке разведывательной группы в составе свыше взвода ей придаются саперы и действия ее поддерживаются огневыми средствами. Если разведка высылается мелкими группами, саперы ей не придаются. Еруппа проделывает проходы в проволочных заграждениях и минных полях самостоятельно, и действия ее обычно поддерживаются только огнем выславшей ее роты.

Время для ведения разведки выбирается различное; группы действуют и днем, но в большинстве случаев — ночью, в промежутке от 2 до 4 часов (при этом учитывается время наименьшей, по мнению немцев, бдительности наших войск).

Вооружение

Немецкие солдаты, идущие в разведку, вооружаются преимущественно автоматами, пистолетами, ручными гранатами, кинжалами (штыком), снабжаются взрывчатым веществом и противотанковыми гранатами (для подрывания ДЗОТ и жилых землянок), минами, ножницами. Иногда группы имеют ранцевые огнеметы.

Обмундирование

Обмундирование солдат, идущих в разведку, — легкое, не связывающее действий. Зимой — комбинированный костюм с капюшоном (одна сторона костюма белая, другая — стального цвета); на ноги разведчики обувают бурки или валенки, на голову

надевают пилотку.

Снаряжение

Снаряжение солдата максимально облегчено. Перед выходом на разведку солдат, как правило, получает вино.

Связь

Связь для управления разведгруппой осуществляется посредством радиостанции легкого типа, при помощи электрофонарей и пр. К проводной связи немцы прибегают редко, так как опасаются, что наши части могут использовать линии связи для организации засады.

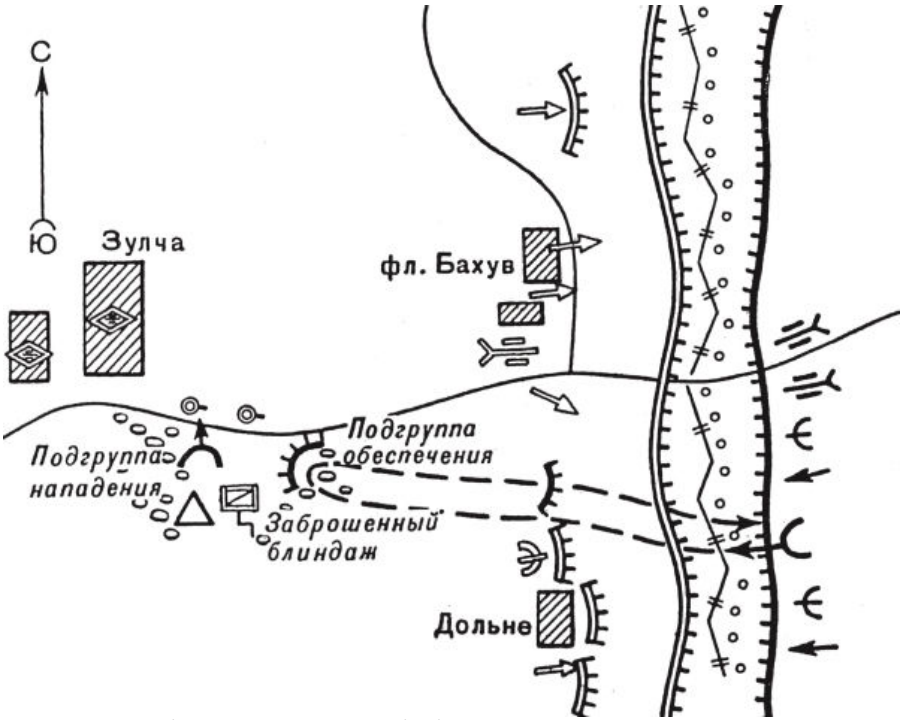
Порядок действий

Порядок действий небольшой разведывательной группы обычно следующий: впереди движутся дозорные и саперы. На расстоянии 100–150 м от главного дозора движется непосредственное охранение ядра в количестве 4–5 человек (группа обеспечения). Далее в 150–200 м следует ядро (ударная группа), усиленное 1–2 ручными пулеметами, имея боковые дозоры на удалении 100–150 м. Сзади движутся санитары. Командир роты, руководящий разведкой, обычно не выдвигается за передний край расположения своих войск. Такая разведывательная группа при встрече с нашими разведывательными органами или охраняющими частями в бой не вступает, а, прикрываясь огнем ручных пулеметов, поспешно отходит в свое расположение; однако были случаи, когда разведывательная группа при обнаружении ее вызывала артиллерийский и минометный огонь и под его прикрытием производила короткий налет на объект с целью захвата пленного.

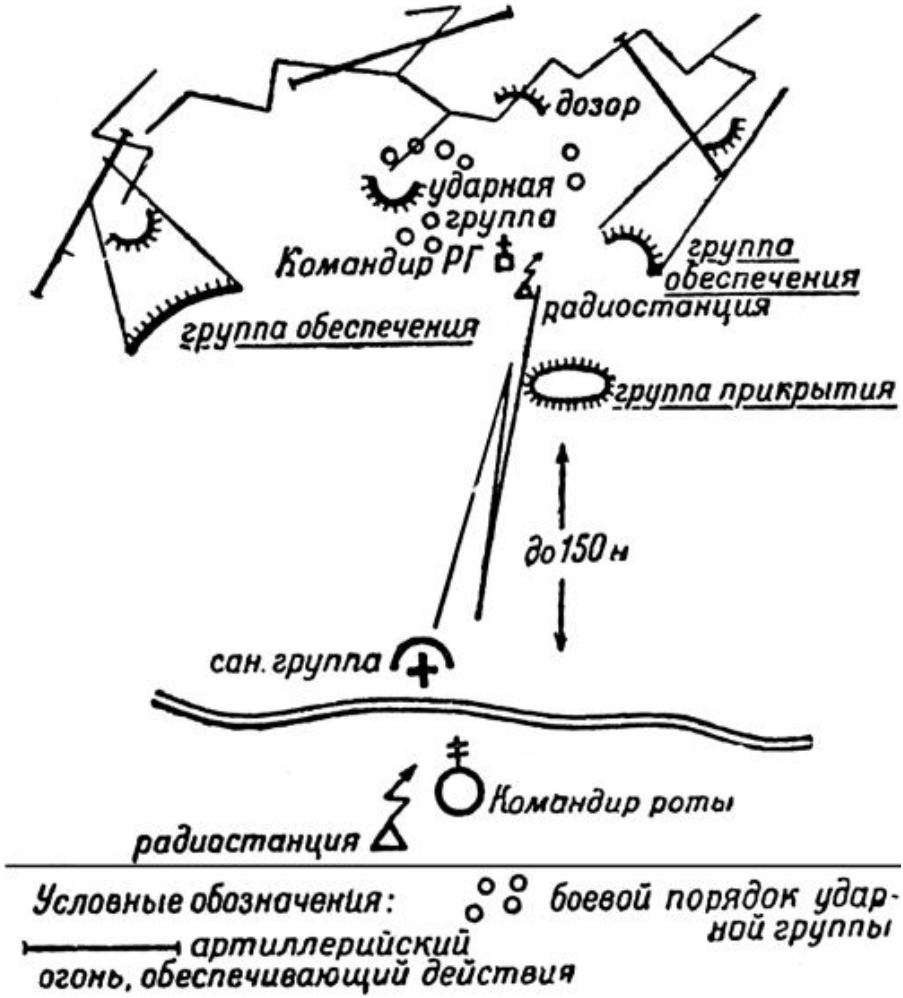
Разведывательная группа противника в большом боевом составе (в 30–40 человек) при подходе к объекту принимает боевой порядок.

При блокировке нашей огневой точки РГ противника старается принять (в принципе) порядок, показанный на с. 385. Так, например, на участке одной нашей части противник выбрал для захвата пленного окоп нашего боевого охранения, заранее произведя пристрелку артиллерии по соседним огневым точкам и в глубину. После пристрелки на этом участке артиллерия больше огня не вела. Наше наблюдение отмечало только движение отдельных солдат и небольших групп. На третьи сутки после пристрелки, во второй половине ночи, группа немецких разведчиков начала ползти к нашему окопу. Она была замечена нашим боевым охранением, которое встретило ее пулеметным

огнем. Тогда разведывательная группа противника вызвала артиллерийский и минометный огонь, которым был окаймлен окоп в нашем боевом охранении. Под прикрытием огня разведывательная группа противника коротким налетом ворвалась в наш окоп.



Боевой порядок немецкой РГ при подходе к объекту



Боевой порядок немецкой РГ при блокировке объекта

При ведении разведки с форсированием реки немцы применяли следующий метод: к намеченному объекту под прикрытием обычного пристрелочного артиллерийского и минометного огня параллельно высылались две группы: одна в 2–3 человека (отвлекающая) и другая в 9–10 человек (захватывающая). Отвлекающая группа, действуя открыто, привлекала к себе внимание, а захватывающая группа в это время скрытно нападала на объект с целью захвата пленного.

На болотистых участках и в плавнях немцы ведут разведку действиями отдельных групп (в 10–15 человек) на плотах или лодках, организуя на основных направлениях засады.

С целью сохранения элемента внезапности немецкое командование при ведении разведки применяло следующий метод: под покровом темноты группа подходила к объекту на

самое близкое расстояние, а затем днем, выждав момент, когда бдительность наших подразделений ослабевала, внезапно атаковывала нашу ОТ и под прикрытием заградительного огня отходила на свой оборонительный рубеж.

Разведывательные поиски с целью захвата «языка» немцы подготавливают в течение длительного времени, иногда до 14 суток. Поиски осуществляют главным образом разведывательные группы от рот и батальонов, возглавляемые унтер-офицерами.

В подготовительный период унтер-офицер, выделенный для ведения поиска, совместно с группой наблюдателей в 2–3 человека ведет тщательное наблюдение за объектом. Накануне дня, намеченного для поиска, унтер-офицер подробно знакомит с данными своего наблюдения весь состав разведывательной группы.

На местности, под руководством одного из офицеров-разведчиков, увязываются все вопросы взаимодействия. Весь личный состав подробно знакомится с местностью, на которой предстоит действовать; назначаются азимуты движения по компасу к намеченному объекту и обратно. Всему составу разведывательных групп вменяется в обязанность запоминать в процессе движения ярко выраженные ориентиры. Движение совершается скачками от одного рубежа к другому.

С продвижением группы нападения охранение, движущееся на флангах, меняет свои огневые позиции и переходит на новый рубеж с таким расчетом, чтобы не нарушалась огневая и зрительная связь с группой.

По показаниям пленного, командир взвода обязан установить число и их вооружение. Если наша артиллерия в течение длительного времени стреляет с одного и того же направления, то немцы определяют это направление с помощью компаса, после чего ОП засекаются. У немцев при смене подразделений командир взвода получает от своего предшественника следующие данные о противнике: расстояние до переднего края противника, наличие боевого охранения и места его расположения, примерный численный состав противостоящих подразделений противника.

С марта до середины мая 1943 г. 8-я рота 24-го немецкого авиадесантного пехотного полка вела разведку 6 раз. Разведгруппам ставилась задача: определить конфигурацию переднего края противника, вооружение ОТ и число часовых.

Численный состав РГ не превышал одного отделения (10–11 человек). Немцы вели разведку, как правило, ночью, в самые темные часы. Группа в таком составе ни в коем случае не должна была искать сближения с противником.

Пленный обер-ефрейтор 6-й роты 204-го горнострелкового полка 9-й горнострелковой дивизии показал об организации и действии немецкой охранительной разведки следующее: «Каждая рота ведет разведку переднего края противника перед своим участком через каждые 2–3 дня, высылая разведывательные группы в составе 6–8 человек. Разведка ведется на незначительную глубину и высылается ночью до полного рассвета или вечером до полной темноты. Обычно разведывательная группа возвращается через 2–3 часа, выполнив или не выполнив задание. Разведывательная группа, как правило, избегает боевого столкновения с противником. Основные задачи, которые ставятся разведывательным группам, — разведка переднего края противника, его огневых точек и системы огня и главным образом захват (внезапно, без огня) контрольных пленных. Вооружение разведывательной группы: 1–3 автомата, 4–5 винтовок, а также по 2 ручных гранаты на каждого солдата».

Примеры действий немецких разведывательных групп

Там, где наши офицеры и бойцы бдительны и всегда готовы к инициативным, находчивым и решительным действиям, немецкая разведка не имеет успеха.

Так, разведывательная группа немцев численностью в 19 солдат (из них 4 сапера) под командой унтер-офицера имела задачу ворваться в наши траншеи, захватить пленного и подорвать несколько землянок и ДЗОТ.

В течение нескольких дней эта разведывательная группа тщательно и непрерывно изучала методом наблюдения пути подхода к нашему переднему краю.

Вооружение группы состояло из автоматов и гранат; кроме того, группа имела ножницы для резки проволоки и 10 противотанковых мин для подрыва наших землянок и ДЗОТ. При подходе к нашему переднему краю группа расчленилась на две фланговые подгруппы, по 6 человек в каждой, с задачей проникнуть в наши траншеи и своими действиями обеспечить действия третьей, центральной подгруппы в составе 6–7 человек (из них 4 сапера для подрыва ДЗОТ и землянок). Центральная подгруппа противника с тыла охранения не имела. Наша разведка, обнаружив разведку противника, пропустила ее, а затем внезапно атаковала с тыла. В результате противник потерял до 10 человек ранеными и убитыми и, бросив оружие и снаряжение, отошел на исходное положение. При этом нашими бойцами были захвачены в плен два солдата и взято 13 автоматов, ножницы, 10 противотанковых мин и документы.

3 января 1943 г., около 9 часов, группа противника в количестве 10 человек пыталась вести разведку нашей обороны. Немецкие разведчики были обнаружены нашим часовым, который доложил об этом командиру, не открывая огня. Последний предупредил о приближении противника соседнюю ОТ. Подпустив группу противника на 70–100 м, наша ОТ открыла по ней сильный огонь. Противник, понеся потери, стал в беспорядке отходить; одновременно в обход отходящему противнику командир взвода выслал группу с задачей захватить пленного. Преследуя противника и ведя с ним бой, группа захватила двух пленных, старших ефрейторов, и без потерь вернулась на исходное положение.

Утром 18 декабря 1942 г. взвод 5-й роты 6-й авиадесантной пехотной немецкой дивизии, только что прибывшей на

великолукское направление, получил задачу: установить, занята ли деревня Литвиновка нашими частями. В 9 часов утра взвод выступил из Савина и стал продвигаться на Литвиновку. Впереди взвода, на удалении одного километра, двигался дозор из 7 человек во главе со старшим ефрейтором. Командир взвода, унтер-офицер, двигался со взводом и не выслал в стороны охранения, ограничившись назначением наблюдателей, которые продвигались в общем строю взвода. Дозор имел два 50-мм миномета, 5 автоматов, 2 пистолета и по 2 гранаты на каждого солдата. Связь дозора с ядром осуществлялась связными. Наши разведчики своевременно обнаружили движение противника, устроили засаду и захватили в плен весь состав головного дозора, а ядро ружейно-пулеметным огнем вынудили отойти.

Следующие примеры показывают, что противник, несмотря на требования командования, не всегда хорошо готовится к действию в разведке.

1 февраля 1943 г. в районе южнее Старый Белоостров разведывательная группа противника (в составе 18–20 человек) заняла исходное положение в 150–200 м от нашего проволочного заграждения и выслала к проволоке дозор из 3 человек, по-видимому, для проделывания прохода.

Оставшиеся приняли следующий боевой порядок: центральная группа (8 человек) продвигалась непосредственно за дозором и представляла, по-видимому, группу захвата. Вражеские солдаты двигались, имея интервал в 40–50 м. Справа и слева от центральной группы расположилось на месте по одной группе обеспечения (в 4–5 человек каждая), которые начали окапываться. За дозором был протянут телефонный провод.

При подходе к нашему проволочному заграждению дозор противника наскочил на минное поле, а наше боевое охранение открыло огонь по разведывательной группе противника, которая, бросив четыре катушки кабеля, поспешно отошла в свое расположение.

В районе Стар. Рынок перед ведением разведки противник с вечера разрушил артиллерийским и минометным огнем две наших ДЗОТ; в 6 часов он начал вести разведку в этом районе группой в составе 10 человек, действуя методом блокировки ДЗОТ с тыла двумя обеспечивающими группами (по 3 человека) и одной захватывающей (4 человека). В ДЗОТ, которую противник блокировал, никого не было. При встрече с нашим часовым разведка противника не предприняла никакого действия по захвату «языка» и залегла в траншее у ДЗОТ; только тогда, когда часовой стал забрасывать противника гранатами, немцы, забрав раненых, отошли на исходный рубеж, оставив на месте два фугаса

весом по 5 кг каждый.

Если противник перед выступлением в разведку произвел тщательную подготовку и если наши подразделения несут боевую службу недостаточно бдительно, то противнику удается успешно выполнить свою задачу.

Так, например, 17 февраля 1943 г. в районе Залозье противник перед действиями своей разведывательной группы совершенно прекратил ведение огня. В 7 часов утра группа противника (15 человек) скрытно подошла к маскировочному забору на участке нашей обороны. При помощи лестниц противник преодолел забор и, разбившись на три группы, проник в глубь нашей обороны, где блокировал ДЗОТ и землянку.

9 июня 1943 г. в районе Аннина разведывательная группа противника (18 человек) под прикрытием темноты подошла к нашему проволочному заграждению и замаскировалась. В 9 час. 30 мин. утра, когда наши бойцы, за исключением 3–4 наблюдателей в роте, легли отдыхать, разведывательная группа противника, быстро преодолев проволочное заграждение при помощи соломенных матов и плащ-палаток, ворвалась в наши траншеи. Младший командир и два наших бойца при этом были убиты; немцы, захватив их личные документы, через 15 минут без потерь отошли в расположение своих частей.

Когда противник ставит перед своей разведкой активные задачи, то он увеличивает боевой состав подразделения, назначенного в разведку, до роты пехоты.

Первый пример. В ночь на 1 мая 1943 г. рота немцев, частично переодетых в красноармейскую форму, с русским оружием, имела задачу — двумя группами обойти с флангов наш батальон, занимавший оборону на правом берегу р. Северный Донец (сев. Яшиково), и захватить пленных, при благоприятной же обстановке — отбросить батальон на левый берег реки. Одна группа противника в составе 70 человек имела задачу — обойти батальон с севера и нанести удар с тыла, вторая — в 50 человек — должна была обойти батальон со стороны Яшиково и ударить во фланг.

В это время на том же участке действовала и наша разведывательная партия (17 человек) под командой гвардии сержанта Пучкова, которая просочилась через передний край противника и организовала засаду на дороге Славяносербск, Свх. (балка Суходол).

В 500 м северо-восточнее Славяносербска в 1 час 40 мин. головной дозор группы гвардии сержанта Пучкова был окликнут на русском языке: «Стой! Пропуск!» Старший дозора смело направился к окликнувшим, будучи уверен, что это наши саперы,

минирующие участок. Второй дозорный, следовавший за первым, был в упор обстрелян. Разведывательная партия, бросившись на выручку к дозору, открыла огонь из автоматов и забросала противника гранатами. Противник потерял убитыми 3 человек, ранеными 10 человек и, оставив один 50-мм миномет с 45 минами, отошел в исходное положение.

В результате смелых действий группы т. Пучкова план немецкой разведки был сорван.

Второй пример. Наш район обороны хорошо просматривался со стороны противника. Непосредственно перед передним краем нашей обороны протекала река, восточный берег которой был занят противником. Ночь на 12 февраля 1943 г. была темная. Разведывательная группа противника была одета в чистые белые халаты, все имущество и оружие ее было окрашено в белый цвет или обвернуто бинтами.

За 15 дней до проведения разведки противник ежедневно вел методический артиллерийский и минометный огонь с целью уничтожения нашего проволочного заграждения. В результате оно было порвано во многих местах, и для преодоления его уже не требовалось больших усилий.

12 февраля 1943 г., около 6 часов, группа противника (30–40 человек) перешла реку и преодолела проволочное заграждение. Наш часовой у пулемета заметил в 15 м сзади себя подползавших 4 немцев; он дал сигнал голосом и бросил в них две гранаты; противник огнем не ответил и продолжал лежать на месте. В это время основные силы РГ противника, разделившись на две части, углубились на 70–100 м в нашу оборону, причем одна группа (4–5 человек) была выделена для прикрытия в случае подхода нашего подкрепления из глубины обороны; эта группа выдвинулась на 150 м от восточного берега р. Нижний Берман и расположилась в 10 м от нашей траншеи. Основные две группы зашли с тыла: первая — к землянке отделения автоматчиков, вторая — к окопу автоматчиков.

Около 6 час. 05 мин. противник подал свистком сигнал, по которому все группы противника с криками «Русс, сдавайся!» начали бросать гранаты и вести по траншее огонь из автоматов.

После 15 минут боя противник сумел занять землянки пулеметного расчета и отделения автоматчиков. Наши окопы и СОТ не были подготовлены к ведению огня в тыл и поэтому попали в невыгодное положение.

После тридцатиминутной перестрелки противник дал сигнал красной и зеленой ракетами, по которому был открыт сильный артиллерийский огонь из двух артиллерийских и трех минометных батарей с целью окаймления действий своей

разведывательной группы. Под прикрытием огня артиллерии и минометов противник отошел. Для прикрытия отхода разведывательной группы противник израсходовал до 200 снарядов и мин.

Вывод. Успешное действие группы противника объясняется:

— хорошим изучением объекта нападения;

— правильным распределением сил для блокировки наших землянок, уничтожения живой силы и обеспечения действий РГ;

— скрытностью действий;

— заблаговременным разграждением наших заграждений;

— хорошей маскировкой РГ.

На некоторых участках фронта немцы стремятся незаметно вклиниться в глубину обороны наших подразделений с целью нарушить связь, добыть документы и захватить пленного.

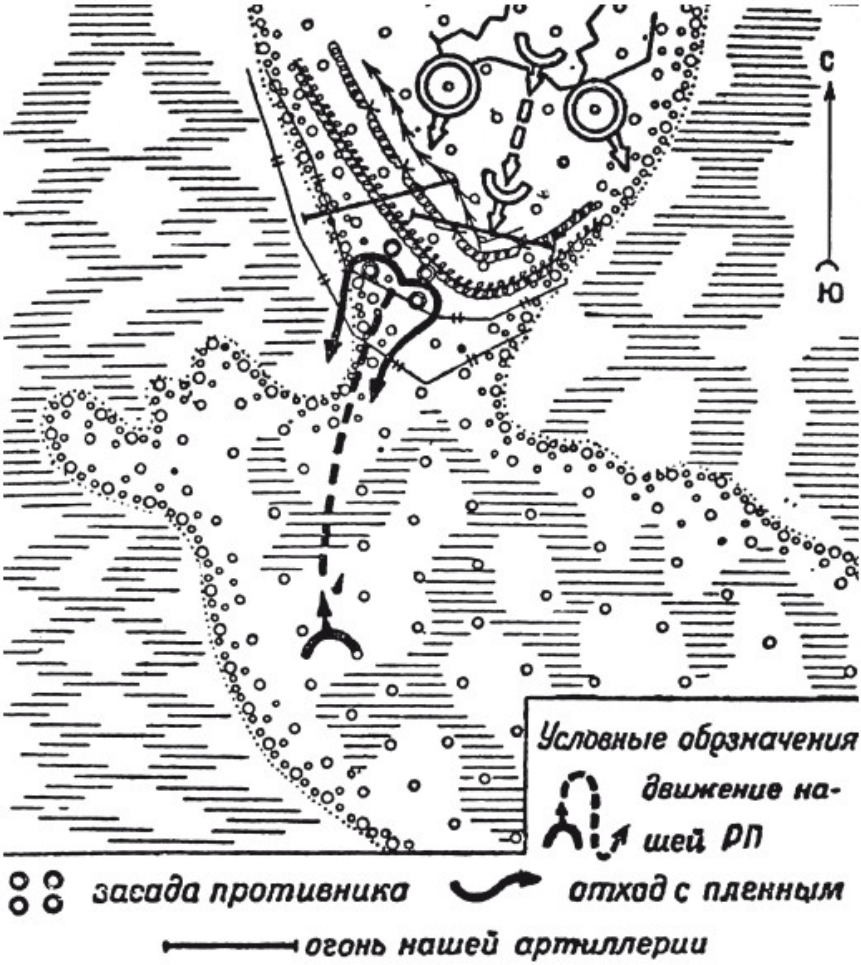
Например, 14 января 1943 г. до 20 немецких автоматчиков скрытно прошли огневые точки на нашем переднем крае обороны в районе северо-восточнее Сорокино и углубились на 2–3 км в нашу сторону, где установили место расположения КП 3-й роты одного из наших полков. Зайдя с тыла и флангов, противник атаковал жилые землянки 3-й роты и забросал их гранатами. В результате боя гарнизон КП роты понес потери.

24 июня 1943 г. в районе Задушное командир взвода лейтенант Иванов отошел на 50 м от землянки без оружия. В это время на него напали немцы в количестве трех человек. Лейтенант Иванов ударом кулака сбил одного немца и поднял крик. Немцы, увидев, что их затея не удалась, скрылись в лесу.

Засада

Засады устраиваются немцами преимущественно в ночное время на путях вероятного движения наших разведывательных групп с задачей воспрепятствовать их действиям и захватить пленных.

Отмечены случаи, когда мелкие группы противника в целях организации засад для захвата пленных стремятся проникнуть в глубь обороны наших частей. Часто противник для обеспечения прохода в наш тыл разведывательных групп открывает сильный артиллерийский и минометный огонь по переднему краю расположения наших войск в том направлении, где намечен проход группы.



Ночной поиск роты разведчиков в ночь на 13 июля 1943 г. в районе Зубец

Ночью, при удобном случае, противник, находясь в засаде, нередко пристраивался на фланге наших действовавших разведывательных групп и, выбрав удобный момент, захватывал в плен зазевавшегося.

На одном из участков фронта наша разведывательная партия после тщательного изучения объекта решила захватить в плен немецкого часового в траншее.

12 июля 1943 г., в 22 часа, разведывательная партия в составе 18 человек вышла с исходного положения и к 23 часам достигла заграждений противника. Группа разграждения, проделав проход в минном поле и проволочном заграждении, пропустила группу захвата. Когда последняя дошла до третьего ряда проволочного заграждения, то оказалась полуокруженной засадой противника численностью до взвода. Имея численное превосходство,

противник отрезал нашей РП путь отхода, намереваясь захватить ее в плен; с криками «Русс, сдавайся!» немцы в полный рост бросились на наших разведчиков, но они, в свою очередь, обрушились на противника огнем ручных гранат и автоматов и после короткой схватки отошли, захватив в плен двух раненых немецких солдат, взяв два автомата и потеряв при этом убитым одного человека.

Засады особенно широко применяются немцами при отходе. В этот период боя засады организуются мотопехотой и группами танков, которые, хорошо замаскировавшись, внезапно и в упор открывают огонь по нашим передовым траншеям или группам пехоты с задачей захватить пленного или нанести поражение, а затем быстро отрываются в сторону флангов.

Разведка боем

В немецкой армии наиболее распространенным методом ведения войсковой разведки является разведка боем. Разведка боем проводится немцами для выполнения следующих задач:

— захвата пленных, документов, трофеев;

— захвата отдельных тактически выгодных участков местности;

— уточнения системы огня, а также боеспособности наших войск;

— демонстрации действий на вспомогательных участках фронта при наступлении на главном направлении;

— захвата новых образцов оружия.

Разведка боем способствует заброске в наш тыл шпионов и диверсионных групп.

Учебная брошюра № 5 немецкой 16-й армии так определяет цель разведки боем:

«1. Поддержание наступательного духа в обороне.

2. Усиление чувства превосходства над противником у каждого отдельного солдата. Воспитание качеств

одиночного бойца. Подготовка и воспитание растущих командирских кадров.

3. Ослабление и оковывание противника. Уничтожение его боевых сооружений; инсценировка наступления своих частей.

4. Установление захватом пленных, документов, оружия и другого имущества:

а) намерений противника в боевой деятельности;

б) усиления или смены его частей;

в) перегруппировок;

г) применения новых образцов оружия;

д) состава, боеспособности, морального состояния и питания частей противника.

5. Маскировка своих наступательных замыслов на других участках фронта (дезориентация противника в вопросе о численности своих войск).

6. Подготовка к предстоящему наступлению: занятие важных ориентиров непосредственно перед началом наступления, устранение мин и т. д.».

Разведка боем (или, как ее называют немцы, силовая разведка) проводится ударными отрядами силою от взвода до батальона при огневом обеспечении артиллерии и минометов, а иногда при поддержке мелких групп танков с орудиями самоходной артиллерии. Окончательное определение численного состава отряда зависит от задачи, характера местности и силы противника в районе действий. В зависимости от задачи и условий, в которых отряду придется действовать, состав отряда разбивается на ряд команд: штурмовую, обеспечения, подрывников, по разминированию, связи, санитарного обеспечения.

Штурмовых команд и команд обеспечения может быть несколько; количество их в каждом отдельном случае определяется командиром, возглавляющим разведку боем.

Вооружение

Вооружение разведывательного отряда обычное: до 40 % автоматов, винтовки, по 6–8 ручных гранат на солдата. Количество ручных и станковых пулеметов определяется местностью; так, на открытой местности приходится

до одного легкого пулемета на отделение и до взвода станковых пулеметов на роту.

Кроме того, каждое отделение берет с собой 3–4 ручные дымовые гранаты, несколько гранат с привязанной к ним бутылкой с горючей смесью, а иногда и ранцевые огнеметы. При действиях ночью большую часть боеприпасов составляют трассирующие патроны.

Команды подрывников-саперов имеют, помимо ручного оружия, связки ручных гранат, ножницы для резки проволоки, противопехотные мины и переносные препятствия.

Снаряжение и обмундирование

Снаряжение и обмундирование солдат, идущих в разведку, максимально облегчены; погоны и документы остаются в канцеляриях рот.

Время разведки

Время разведки определяется требованием сохранения внезапности действий; обычно разведка производится ночью и на рассвете.

Подготовка к действиям

Подготовке к действиям немцы уделяют большое внимание, стремясь обеспечить успех операции, так как неудачные действия и потери снижают боевой дух немецких солдат и подрывают их доверие к офицерам. Подготовительные работы проводятся втайне, с соблюдением всех мер маскировки. Подготовка отряда слагается из доразведки объекта действий, подготовки огневого прикрытия, организации связи, обеспечения внезапности действий и боевой подготовки к действиям.

От командира отряда требуется полное изучение им всех данных о противнике: боевого расположения живой силы, мест всех огневых точек, мест и характера инженерных препятствий и сооружений, поведения противника в районе предстоящих действий.

Добывание этих сведений ведется через наблюдательные пункты и путем высылки мелких разведывательных

групп. Действия таких групп обычно бывают скрытными и пассивными (без боя).

Вопросу огневого воздействия при разведке боем немцы также уделяют большое внимание, считая, что от эффективности его зависит успех действия отряда. При увязке взаимодействия артиллерии и минометов командир отряда совместно с командирами поддерживающих его подразделений разрешает на местности следующие вопросы:

— подавление в первую очередь тех ДЗОТ или НП артиллерии, которые будут препятствовать вторжению отряда в район расположения противника;

— определение направления контратак противника; по каким районам подготовить отсечные огни.

При распределении артиллерии артиллерийский начальник выделяет по одному орудию на каждые одну-две цели. Орудия и минометы более тяжелых калибров выделяются для выполнения задач по отражению контратак. Для предотвращения случайностей, а также для поражения неожиданно появившихся целей артиллерийский начальник выделяет резерв артиллерийских средств в составе нескольких пехотных орудий. Управление артиллерийским огнем осуществляется через командира отряда при помощи телефона, радио и световыми

сигналами.

Подготовка всех данных для стрельбы артиллерии и минометов проводится заранее (иногда с привлечением топографической батареи); пристрелка маскируется проведением огневых налетов на некоторые объекты противника.

При разработке отрядом вопросов управления большое внимание уделяется организации связи. Как правило, командир действующего отряда всегда имеет проводную связь с командирами подразделений и поддерживающими средствами. Помимо этого, управление дублируется по радио (через артиллерийскую сеть связи), сигналами и посыльными.

В ряде немецких инструкций и учебных брошюр рекомендуется всему составу отряда перед выходом для боевых действий пройти соответствующую подготовку. С этой целью в тылу подбирается местность, сходная с районом предстоящих действий, на которой до автоматизма отрабатываются действия команд. Если такой подготовки провести нельзя, то немцы ограничиваются занятиями на ящике с песком. При подготовке руководитель занятий широко практикует введение дополнительных, усложняющих обстановку, условий. Такой метод проведения занятий направлен на воспитание у солдат и унтер-офицеров сообразительности и инициативы.

Каждой разведке боем предшествует приказ командира, организующего разведку. Немецкое командование требует, чтобы приказ был «ясным, строгим и исключающим всякое сомнение» и чтобы в нем были освещены следующие вопросы: «противник, задача, силы, организация, вооружение, снаряжение, поддержка тяжелого оружия, средства связи, приданный медперсонал, оборудование главного перевязочного пункта, транспорт для раненых, охрана и транспортировка пленных и трофеев, отражение контрударов, отрыв после выполнения задачи, намеченный ход действий».

На случай выхода командира из строя предварительно устанавливается, кто возьмет на себя руководство группой. Намеченный ход действий детально обсуждается с заместителем.

Порядок проведения операции

Отряд, подготовленный для действий, выдвигается в исходное положение скрытно. Выступление к расположению противника (на рубеж атаки) также совершается скрытно и бесшумно. Немецкое командование требует от всего состава отряда соблюдения в этот период всех мер маскировки, правильного использования местности, грамотного и быстрого занятия огневого рубежа, вступления (в случае необходимости) в

бой, избежания в боевых порядках ненужной беготни специалистов (саперов, связных, артиллеристов).

Район или рубеж исходных позиций для атаки выбирается как можно ближе к расположению объекта, однако не в ущерб сохранению скрытности, во избежание преждевременного обнаружения отряда. Немцы говорят:

«Лучше находиться в 50 м от объекта и потом внезапно единым броском прорваться, чем подползанием вплотную к объекту выдать свое приближение».

Все огневые поддерживающие средства приводятся в готовность к действию до выхода отряда в исходное положение. Вслед за этим на флангах предстоящего действия отряда занимают рубежи команды прикрытия; затем выдвигаются вперед саперы для разминирования и устройства проходов в заграждениях, и уже за ними выдвигаются штурмовые команды.

Огонь из пехотных средств и тяжелого оружия открывается только с того момента, как противник обнаружил действия отряда, или при необходимости. С вклинением отряда в расположение противника немцы обращают внимание на прикрытие флангов отряда от возможных контратак и на обеспечение за собою места прорыва; с этой целью в данный период усиливается обеспечение флангов командами прикрытия, а артиллерия и тяжелые минометы подавляют артиллерийско-минометные батареи и огневые точки противника, ведущие огонь по захваченному району. Необходимо отметить, что немцы при организации разведки боем всегда обеспечивают ее сильным огнем артиллерии и минометов.

В период активных действий командир отряда находится там, где он считает это необходимым (обычно на главном направлении действий). На время своего отсутствия командир отряда оставляет на КП у телефона развитого унтер-офицера, через которого и передает все распоряжения огневым средствам поддержки.

Захваченные пленные и все трофеи эвакуируются немцами с поля боя немедленно; своих раненых и убитых выносят санитары, пленные и солдаты тех отделений, которые по плану первыми уходят с поля боя.

Немецкий устав Вождение войск § 102 различает следующие методы атаки:

а) внезапное нападение ударных команд и саперов без огневой подготовки;

б) нападение ударных команд при поддержке артиллерийского и минометного огня, но без предварительной огневой подготовки (атака с первым выстрелом);

в) нападение ударных команд при атаке более крупных подразделений после артиллерийской подготовки.

Выход из боя

Выход из боя отряд совершает только по приказу своего командира. Отрыв обычно производится пехотой под прикрытием огневого окаймления, с целью воспрепятствовать организации противником преследования. Команды прикрытия в этот период обеспечивают фланги до выхода всех отделений из боя. Отделения совершают выход из боя перекатами, поддерживая своим огнем друг друга. Если погода и обстановка благоприятствуют, немцы прикрывают отход дымовой завесой.

Одновременно с основной операцией разведки боем немцы практикуют проведение по соседству ложных операций для отвлечения внимания наших частей и огневых средств от главного направления таких действий. Обычно подобные операции осуществляются посредством стрельбы артиллерии и минометов по соседним участкам нашего расположения, но только после вторжения отряда в боевые порядки наших частей.

Показаниями пленного командира разведывательного отряда, проводившего 16 июня 1943 г. разведку боем, установлен следующий порядок подготовки к проведению данной разведывательной операции: была подобрана группа добровольцев численностью до 30 человек из одной роты с задачей захватить пленных в двух наших ДЗОТ боевого охранения и, если позволит обстановка, взорвать эти ДЗОТ. Из 30 человек были созданы две штурмовые группы: основная — в составе 11 человек во главе с командиром 2-го взвода фельдфебелем Галпаап и запасная — в составе 10 человек во главе с фельдфебелем Клингнер. Группа обеспечения состояла из 9 человек и имела на вооружении станковый пулемет и 3 ручных пулемета.

Задача на разведку была поставлена за двое суток до проведения разведки. Для подготовки к разведке была выслана группа разведки наблюдением под командованием фельдфебеля Клингнер. За сутки наблюдения было установлено: число наших ОТ и их расположение, вооружение, приблизительный состав гарнизонов и характер работ по укреплению оборонительных сооружений.

Данные наблюдения были доложены командованию батальона и полка. На основе изучения этих данных был издан приказ по полку на проведение 16 июня 1943 г. разведки боем. Командиры обеих групп захвата вместе составляли план действия. Предварительно командир роты лично давал обоим

фельдфебелям указания относительно обеспечения разведывательной группы огнем; для этой цели были выделены ручные пулеметы, 8 минометов 81-мм калибра, 2 50-мм миномета и 2 орудия калибра 20 мм. На занятиях присутствовал командир батальона, который продемонстрировал перспективный аэрофотоснимок соответствующего участка обороны и разъяснил его командиру роты, командирам РГ и минометных расчетов.

Ни командир батальона, ни командир роты не проводили занятий или бесед с остальным составом разведывательной группы. Практических занятий на местности также не проводилось.

Поддерживающей артиллерии была поставлена задача: вести в назначенное время сильный огонь.

Время наступления разведывательной группы было назначено на 10.30. Артиллерия и минометы, согласно приказу, должны были открыть огонь в 10.28. Вызова огня не требовалось. Сигналом для переноса огня являлись две белые ракеты (сигнал был установлен командиром батальона).

Задача по выносу раненых была возложена на группу обеспечения. Непосредственно за маскировочным забором у переднего края обороны находились: врач, санитарный унтер-офицер и 4 санитара-носильщика; средством дальнейшей транспортировки раненых в тыл служила крестьянская телега.

В результате этой подготовки разведгруппа к моменту открытия артиллерийского и минометного огня сосредоточилась на исходной позиции, на расстоянии 100–120 м от переднего края наших частей.

Примеры проведения противником разведки боем

Когда нельзя занять исходное положение скрытно, противник обычно практикует огневой налет артиллерии и минометов по району намеченного объекта действий. Это дает возможность нашим подразделениям, находящимся на передовой линии обороны, своевременно раскрыть намерения противника и принять меры противодействия.

1. 13 марта 1943 г. в районе южных скатов высоты Сахарная Голова разведывательная группа противника в составе 20–25 человек в 5 часов утра произвела налет на отдельный блиндаж у переднего края нашей обороны. Действию разведывательной группы предшествовал интенсивный огневой налет на блиндаж, предпринятый в расчете на то, что вследствие сильного воздействия артиллерийского и минометного огня наблюдение с

нашей стороны ослабнет и огневые точки будут подавлены. Однако противник, приблизившись к блиндажу, был встречен ожесточенным огнем и, понеся большие потери, отошел в исходное положение.

Днем, после часовой артиллерийской подготовки, противник усиленным батальоном (одна стрелковая, две пулеметные и одна саперная роты) повел разведку боем, имея задачу вскрыть систему нашей обороны на Урицком участке фронта, и, ворвавшись в наши передовые траншеи, в течение некоторого времени удерживал захваченный рубеж. Однако в результате контратак наших подразделений и сильного артиллерийского и минометного огня противник был разгромлен и остатки его разведывательного отряда отброшены в исходное положение. В траншеях было обнаружено до 100 трупов, а перед траншеями — несколько свежих ям с закопанными трупами.

2. В ночь на 9 мая 1943 г. на участке N стрелковой дивизии противник силою до 60 человек вел разведку в направлении выс. 253, 0. Подойдя к переднему краю нашей обороны, противник окопался, а саперы под шум артиллерийского налета по переднему краю нашей обороны удлиненными зарядами проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях. С переносом артиллерийского огня в глубину нашей обороны противник сделал бросок к нашему переднему краю, но, встреченный сильным ружейно-пулеметным огнем, с потерями был отброшен в исходное положение.

3. 14 июня 1943 г., в 8 часов утра, противник произвел сильный огневой налет на наше боевое охранение двумя 75-мм артиллерийскими батареями и батареями 155, 120 и 81-мм минометов. После этого он переносом огня в глубину обороны окаймил боевое охранение, чтобы не дать возможности нашим частям оказать ему помощь. В это время разведка противника двумя группами (по 10–12 человек каждая) атаковала наше боевое охранение с двух направлений. Забрасывая траншеи гранатами и ведя автоматный огонь, немцы сумели захватить нашего тяжело раненного сержанта и отошли в свое расположение. Противник вел артиллерийский огонь в течение всего действия разведки, обеспечивая одновременно и отход своей разведки.

19 января 1943 г., в 17 час. 30 мин., противник после артиллерийской подготовки по району р. Славянка пытался вести разведку силою до взвода, однако наш сильный пулеметный огонь привел немцев в замешательство; не осмелившись атаковать наше боевое охранение и неся потери, они стали поспешно отходить на свой передний край. Захваченный в плен

немец показал, что его взвод потерял до 20 человек убитыми и ранеными. Был убит капитан, руководивший разведкой. Взвод действовал порядком обычного наступления. Личный состав был вооружен автоматами, винтовками, четырьмя ручными пулеметами. В своем составе взвод имел саперов с головыми шашками для подрыва наших оборонительных сооружений.

4. В ночь на 10 мая 1943 г. в районе свх. Долгое три группы немцев (одна группа в 50 человек и две группы по 20 человек) незаметно подошли к нашему проволочному заграждению и, проделав проходы, сосредоточились за ним. В это время артиллерия и минометы противника внезапно открыли огонь по переднему краю нашей обороны и через некоторое время перенесли огонь в глубину. С переносом огня группа в 50 человек с криком «ура» атаковала наш окоп, а группа в 20 человек имитировала атаку на соседний окоп. Обе группы были встречены организованным огнем нашей пехоты и, не добившись успеха, отошли назад под прикрытием дымовой завесы. В этой операции немцы потеряли убитыми и ранеными 15 человек. Захваченный на поле боя пленный принадлежал к 3-й роте 335-го саперного батальона 335-й пехотной дивизии.

5. 7 мая 1943 г., в 3 часа утра, противник произвел сильный огневой налет по району Самохин Луг. Всего было выпущено до 900 артиллерийских снарядов и мин. В 3 час. 30 мин. противник группой пехоты численностью до 90–100 человек перешел в атаку. При этом пехота противника, кроме автоматов, винтовок и гранат, была вооружена ранцевыми огнеметами (3–4 из них были применены ею в наших траншеях). Однако действия вражеской разведки успеха не имели. Понеся потери от нашего артиллерийского, минометного и пулеметного огня (до 25–30 человек убитыми), группа противника отошла.

6. Противник организовал разведку боем в районе свх. Молочный. Объектом атаки было избрано наше боевое охранение. 6 апреля 1943 г., в 8 часов утра, противник, с целью отвлечь внимание наших передовых подразделений, произвел тридцатиминутный огневой налет по участку, расположенному в стороне от объекта на расстоянии 500 м. После этого он перенес огонь, направив его по нашим минным полям и фугасам перед боевым охранением (по-видимому, с целью проделывания в них проходов), и резко повысил его интенсивность.

В 8 час. 45 мин., окаймив артиллерийским и минометным огнем район нашего боевого охранения и открыв огонь по КП роты и путям подхода к нашим передовым траншеям, противник тремя группами, по 15–17 человек каждая (две на флангах и одна с фронта), перешел в атаку.

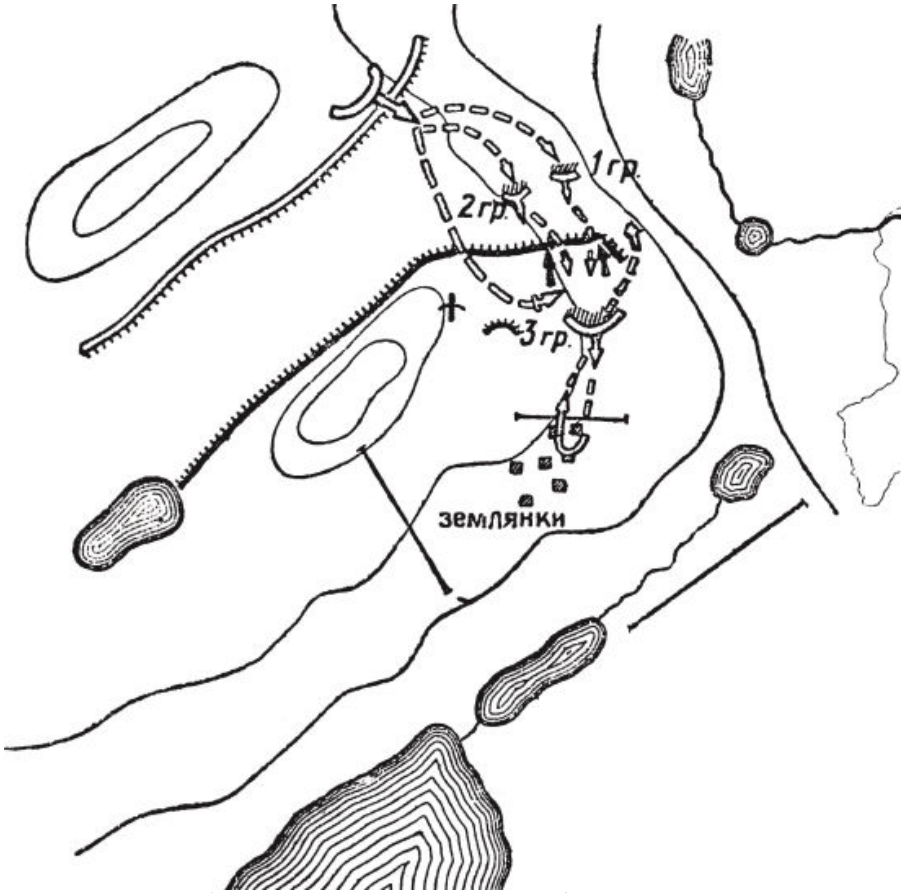
Несмотря на огневое сопротивление наших подразделений, средняя группа противника ворвалась в траншеи боевого охранения (фланговые группы были остановлены до подхода к траншеям), затем, при сильной поддержке своего артиллерийского огня и под воздействием огня наших подразделений, противник отошел в исходное положение. Обеспечивая действие своего разведотряда, противник выпустил до 2000 мин и снарядов.

При необходимости захвата пленного на определенном участке немецкое командование не жалеет для этого ни сил, ни средств.

7. Перед фронтом N стрелковой дивизии нашим наблюдением была замечена группа немецких офицеров, производившая рекогносцировку на переднем крае. В этот же день противником был произведен короткий артиллерийский налет по переднему краю нашей обороны. В течение последующих двух дней противник не проявлял никакой активности. Через двое суток, во второй половине ночи, противник вновь открыл сильный артиллерийский и минометный огонь по тому же району. Под прикрытием огня разведотряд немцев силою до 50–60 человек тремя группами начал ползком приближаться к нашему боевому охранению. По сигналу ракеты огонь противника был перенесен на наши соседние огневые точки. Две группы произвели бросок к траншеям, а третья группа вела огонь. Мощным артиллерийским огнем и огнем пулеметов противник был отброшен в исходное положение, понеся при этом потери.

Через три дня противник возобновил разведывательную операцию на этом участке, на этот раз более сильным разведотрядом — в составе 80 человек при поддержке до дивизионов артиллерии. Метод ведения разведки был прежним. На этот раз операция немцам удалась, после чего они в течение продолжительного времени на этом участке разведки не вели.

8. В ночь на 15 февраля 1943 г. противник открыл по району нашей обороны сильный огонь из 3 артиллерийских и 4 минометных батарей, выпустив 350 снарядов и мин. Под прикрытием этого огня три группы противника (численностью до 20 человек каждая) подошли к расположению одного из наших взводов. При этом две группы демонстрацией перед фронтом привлекли к себе внимание двух наших НП. Третья же группа противника, воспользовавшись этим, проникла в промежуток между ОТ и атаковала взвод с тыла.



Действия разведки противника боем в ночь на 15 февраля 1943 г.

Перед началом атаки противник поставил НЗО между позициями взвода и землянками, одновременно ведя огонь по скатам отдельной высоты. Выполнив первую часть задачи и перегруппировавшись, противник перешел в атаку на землянки. Огонь артиллерии был перенесен в глубину. Забросав землянки гранатами, противник под прикрытием артиллерийского огня отошел в свое расположение, унося раненых и убитых.

Выводы:

1. Расчет действий противника был построен на подготовленном, массированном огне артиллерии, минометов.

2. Точная пристрелка артиллерии и минометов противника давала возможность группам прижиматься вплотную к огневому валу, заграждать наши препятствия.

3. Плотное окаймление огнем объекта атаки исключало активное противодействие контратаками.

Организация разведки при отходе

Во время наступления наших войск немцы ведут усиленную разведку широкой сетью НИ, мелкими группами (в основном ночью, без артиллерийской поддержки) и боем (при поддержке сильного артиллерийского и минометного огня). Состав немецкой разведывательной группы в последнем случае часто бывает силою до роты пехоты.

Вооружение: винтовки, автоматы и легкие пулеметы. Метод действия: в момент артиллерийского и минометного обстрела переднего края наших частей разведывательная группа сосредоточивается для броска в атаку на намеченный объект. В момент переноса огня в глубину боевых порядков наших частей разведывательная группа атакует отдельные огневые точки. Во всех случаях отход разведывательной группы прикрывается сильным артиллерийским и минометным огнем.

Войсковая разведка противника в условиях открытых флангов проводится сильными подвижными группами с одновременным ударом во фланг и тыл наших подразделений и частей с целью захвата пленных.

Фланговую охранительную разведку противник ведет отдельными танками и бронемашинами, ставя им задачи войти в соприкосновение с нашими наступающими войсками.

В боевых порядках батальонов противник имеет группы по 8–15 человек, которые в процессе контратак стремятся захватить пленных.

При отходе танковые части противника ведут разведку наших войск наблюдением с подвижных НП и сильными разведывательными отрядами в составе 6–10 танков и до роты пехоты. Такой разведывательный отряд демонстрацией наступления на широком фронте стремится вызвать огонь наших огневых средств.

Для захвата пленных противник применяет быстроподвижные разведывательные группы в составе 2–3 легких танков или 3–4 бронемашин, которые, наметив отдельную группу наших войск или неосторожно действующую разведывательную группу, быстро окружают ее и обстреливают; затем 1–2 танка подходят к окопам, и экипажи танков под прикрытием огня стремятся захватить в плен наших бойцов.

После отхода противник ведет разведку более сильными отрядами — от 12 до 20 танков (легких и средних), от 8 до 12 бронемашин, до 20 мотоциклистов и от 20 до 50 автомашин с мотопехотой, усиленных одной 75-мм батареей или 2–3 самоходными орудиями. Такой разведывательный отряд выходит

на фланги наших частей и в тыл.

Используя свою высокую маневренность и подвижность, немецкие разведывательные группы неожиданно нападают на наши мелкие подразделения или транспорты, идущие по дороге, с целью захвата пленных и уточнения группировки наших частей, после чего быстро отходят к линии своих войск или в сторону, с тем чтобы повторить вылазку в другом месте.

Таким разведывательным группам, как правило, придаются самолеты.

На основе приказа по 404-му пехотному полку 256-й пехотной дивизии, захваченного вместе с другими документами штаба полка, а также показаний пленных можно представить следующую схему организации разведки и охранения отходящих частей противника: в хвосте отходящих частей немцы оставляют офицерские дозоры в составе офицера или фельдфебеля и до отделения солдат с задачами обеспечить отход своих арьергардов, наблюдением установить боевой состав наших преследующих войск и ввести их в заблуждение относительно истинного начертания, промежуточной полевой позиции. Саперы производят шинирование подступов, дорог, селений и по окончании минирования отходят через промежуточные полевые позиции к новому объекту работы.

На промежуточной полевой позиции немцы оставляют тыльные заставы с радиостанциями, с задачей сдерживать наступление наших частей и обеспечить отход арьергардных отрядов на промежуточные рубежи обороны. Немецкие арьергардные подразделения обеспечиваются достаточным количеством боеприпасов и обычно поддерживаются 3–5 танками и артиллерией силою до дивизиона.

Хитрость противника

Немцы принимают всевозможные меры для противодействия нашим разведчикам. Так, 7 апреля 1943 г. на одном из участков фронта противник применил следующий метод военной хитрости. В направлении одного населенного пункта, расположенного в ½ км от линии фронта, действовала наша разведка. Не доходя до этого населенного пункта метров 150–200, дозор заметил несколько солдат противника, которые лежали на земле и стонали. Неподалеку от этих «раненых» солдат была замечена организованная противником засада, которая готовилась совершить нападение в тот момент, когда наша разведка подойдет к «раненым» для осмотра.

Наши разведчики, разгадав хитрость противника, залегли в укрытии и огнем из автоматов уничтожили симулянтов; остальные немецкие солдаты из состава засады в панике бежали в район своего расположения.

Иногда немцы, в целях разведки минных полей, выгоняют на нашу сторону в интересующих их направлениях лошадей.

Разведывательные группы противника, действующие ночью, при просачивании в глубину нашей обороны часто используют собак, которые помогают им обнаруживать наши засады и секреты.

Для охраны своего переднего края противник также практикует выставление сторожевых собак.

Помимо этого, немцы применяют минирование брустверов окопов, ходов сообщения (которыми сами не пользуются); на деревьях (на уровне груди человека) они подвешивают мины, минируют трупы, оружие, снаряжение.

РГ немцев иногда имеют в своем составе лиц, знающих русский язык, которые при разведке ночью идут впереди и ведут разговор на русском языке. Наши бойцы иногда принимают такие группы за своих возвращающихся разведчиков.

Например, 16 июля 1943 г., в 3 часа ночи, разведывательная группа противника в количестве до 20 человек переправилась через р. Миус и подошла к одной из наших огневых точек. Часовой спросил: «Пропуск!» Из состава группы на русском языке ответили: «Свой! Пойду и скажу пропуск». Немец, отделившись от группы, подошел к часовому вплотную и несколькими ударами по голове оглушил его. Случайно оказавшийся вблизи командир взвода выстрелами из автомата убил немца; группа немцев сразу открыла сильный огонь и, забрав труп своего солдата, отошла.

При преодолении наших противотанковых валов противник применяет штурмовые деревянные лестницы высотой до 2 м (имеется до 3 шт. в РГ).

В целях введения наших подразделений в заблуждение и отвлечения их внимания немцы часто применяют перед разведкой демонстративные действия на второстепенных участках. Следует сказать, что противник широко применяет и другие разнообразные хитрости, сообразуя их с обстановкой.